

Хроника Страны Мецты

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЬМЫ

Эдуард
ВЕРКИН

ЭКСМО

Часть 1

Странные вопросы, если честно. То есть никогда не думал, что в этом есть что-то общее. Есть? Прямо-таки Кэрролл? Возможно, ему виднее. Хорошо, я отвечу. Верю ли я в параллельные миры? Конечно же, нет. Мое любимое блюдо? Брусничный пирог с апельсинами и сахаром. Да-да, именно с апельсинами.

Из интервью с Эдуардом Веркиным

РАССКАЗ

Мальчик, это у тебя настоящий автомат?

— Ну что вы, какой настоящий... ММГ. Макет масс-габаритный. Настоящие только на стрельбище выдают, а этот для того, чтобы скауты не расслаблялись, чувствовали тяжесть солдатской жизни.

— Так ты, значит, скаут? — сощурился старик.

— Ага. У нас тут лагерь недалеко. Километра... Четыре, наверное.

Скаут указал пальцем за окно, в сторону леса.

— Лагерь... это имени Владимира Гастелло, что ли? — поинтересовался старик.

— Николая, — поправил скаут. — Гастелло был Николай. Если вы про того Гастелло, про героя.

— Про героя, — подтвердил старик.

— Николай Гастелло, — подтвердил скаут. — Но наш лагерь по-другому называется — «Зарница».

— Ну да, — кивнул старик, — конечно, «Зарница».

Старик отряхнул руки. Затем еще раз отряхнул, покосился на автомат.

— Модель, точно, — повторил скаут. — То есть он сделан из настоящего автомата, но сейчас испорчен и не стреляет, и Старик почесал бороду и сказал:

— Ты что, мальчик, меня за дурака считаешь? Я таких штук 5:1 в жизни видел — тебе и не снилось, уж как-нибудь могу различить — боевой или модель... Впрочем, может, ты и прав.

Старик вдруг расслабился и уселся в кресло.

— Может, ты, молодой человек с автоматом, и прав, — сказал старик. — Видеть я стал плохо, вполне, может быть, и чувствовать тоже. К тому же оказия-с со мной сегодня приключилась — очки подвели. Одни разбились, другие потерялись, третьи... Третьи, впрочем, тоже потерялись. Садись, чего стоять, мы не лошади.

Скаут снял с плеча автомат, сел в кресло напротив и оглядел дом. Быстро, но пристально.

Старинный, с толстыми стенами и небольшими окнами — купеческий особняк, пропахший воском, толокном, медом. На стенах какие-то специальные крюки, наверное, вешали на них что-то. Или кого-то. Наверное, подвалы есть хорошие, в таких можно ядерную бомбардировку пересидеть. Комната, опять же, большая, и полно в этой комнате разных старых вещей, собственно, все старое, даже телевизор — древний и черно-белый, с выпуклым экраном. Мебель тоже тяжелая, настоящая, в такой можно жить. И старик под стать всему этому — бородатый, сутулый, в ношеном пальто, похожем на длинный клетчатый сюртук.

Хотя, если приглядеться, не очень-то и старик. Лет шестьдесят, может, но вид имеет усталый, на семьдесят с половиной, подержанный жизнью, скаут увидел это за несколько секунд, побарабанил пальцами по автомату.

— И зачем ты ко мне пожаловал, мальчик с автоматом? — ухмыльнулся старик.

— Да вот, расследую... — скаут вздохнул и приставил автомат к креслу. — То есть исследование пишу, работу научную вроде как.

— Про что? — осторожно поинтересовался старик

Он дотянулся до стакана с холодным чаем, отхлебнул.

— А так, про всякие эксперименты. Про проект «Двина». Вы же в нем участвовали, кажется?

Скаут зевнул, поглядел на крюк на стене, поежился. Поправил куртку, серую, из толстой коричневой кожи, с высоким воротом и крупными медными пуговицами.

— Хорошая у тебя куртка, — сказал старик. — Никогда таких не видел.

— Буйволова кожа, — пояснил скаут. — В таких ходили грабители дилижансов на Диком Западе, классический дизайн.

— То-то, я смотрю, знакомое что-то... Проект «Двина» говоришь?

Старик стал пить чай, побрякивая зубами и дергая горлом, допил, облизал ложку.

— Вы ведь, кажется, поучаствовали?

— Ну, допустим, поучаствовал, — сказал старик. — И что дальше?

— Ну, может быть, вы мне расскажете? Как оно там все происходило? Мне для реферата...

— С какой это радости? — старик вернул стакан на стол и неприветливо закутался в пальто. — А потом, я все рассказал уже. Я рассказал, они записали, потом вышло в газете. «Вестник эзотерики», «Светлая...» Забыл. Корреспонденты, короче, приходили, важные ребята, «Светлая...» Нет, не вспомню.

Старик счастливо улыбнулся, посмотрел на стену.

— Забыл название, — повторил он. — Забывчивость — одна из немногочисленных привилегий моего возраста. Впрочем, тебе еще предстоит это узнать. Ты тоже про «Двину» прочитал в газете?

— Не, я не читал, — ответил скаут. — Это наш... руководитель... Скаут-мастер, короче. Он все эти газеты читает, интересное в блокнот выписывает. Потом нам рассказывает с познавательными целями.

— А зачем тебе-то это нужно? Тоже в газету хочешь написать?

— Нет, я же говорю — научная работа, реферат, сугубо 2 в этнографических целях, — заверил скаут. — У нас скаутское 1 задание — каждый должен провести исследование, раскопать какую-нибудь тайну, загадку решить. А скаут-мастер как узнал, что вы неподалеку живете, так сразу меня и отправил.

Старик с печалью посмотрел на стакан и на ложку. Скаут сделал неловкое движение, автомат с лязгом грохнулся на пол.

— Извините, — скаут поднял оружие. — Все никак не привыкну к этому...

— Ничего, — махнул рукой старик. — Бывает. Я тоже по первой все время скальпель ронял... Только я ведь ничего не могу добавить к тому, что написали в той газете... Хотя нет, могу. Там написано, что я магистр биомеханики — это неправда все, тогда я был уже доктором.

Скаут вздохнул, расстегнул ворот куртки и достал из-за пазухи сверток, что-то запакованное в газетную бумагу, перетянутую разноцветными резинками. Стянул резинки и стал аккуратно расправлять бумагу.

Старик напрягся и поглядел в сторону подоконника, на котором стопкой лежали пожелтевшие книги.

— Презент, — сказал скаут.
Из газеты показался длинный трехгранный штык, с железным бряком упал на стол.
— Ого! — удивился старик. — Где взял?
— Есть еще места.
— И не пропиленный... Отличная вещь. Начало девятнадцатого века, кажется... — старик потрогал клинок пальцем. — И что ты хочешь?
— Проект «Двина», — повторил скаут. — «Двина», «Двина», в подробностях.
— Подробности...
Старик попробовал багинет на остроту, постучал ногтем по металлу.
— Отличная вещь, — сказал он. — Двести лет ей, а как новая. Но боевая, в царапинах, в срезах...
Старик понюхал железо.
— Он пробил не одну грудную клетку, я такое чувствую... Заслуженная железка... Так что ты хочешь?
— Проект «Двина», я же говорил.
— Проект «Двина»... — старик взвесил штык на ладони. — Проект «Двина» изменил мою жизнь... Чаю, что ли, вскипятить? Чайку не хочешь?
— Хочу, но у меня мало времени. Может, вы расскажете?
— Может. А ты сам что знаешь про «Двину»?
— Ну как, что все. Эксперимент по созданию суперсолдат...
Старик рассмеялся. Он хохотал искренне, размахивал руками и заодно штыком, опасно так размахивал, как саблей.
— А что? — насутился скаут. — Раньше же все время проводили эти эксперименты, суперсолдаты и все такое. Создавали так, что только треск стоял...
Старик смеялся, наверное, минуту, пока слезы не выступили, он вытер их рукавом, достал из кармана капли и впрыснул их себе в глаза, потом еще раз.
— Ну, может, и суперсолдаты, — согласился он. — Наверное, суперсолдаты. Суперсолдаты — это, конечно да... Хотя я, если честно, так до конца и не понял, чем занимался проект «Двина».
— То есть?
— Я проработал в проекте почти семь лет и до конца не понял. Там, кажется, все было, всем понемногу — занимались — и пространство, и неоморфы, и этот чертов клонген. Энергетическое оружие опять же... Короче, каждой твари по паре. Комплекс «Двина» был просто огромный, и почти весь под землей. А наверху тайга и озеро. Ты когда-нибудь видел тайгу летом? Это прекрасное зрелище...
— Я видел тайгу летом. Пару раз. Вы не отвлекайтесь, рассказывайте.
— Да, конечно, не отвлекусь, — согласился старик. — Знаешь, мне в моем возрасте уже очень хочется отвлекаться... Ладно, не буду, штык все-таки очень хорош...
Он почесал штыком за ухом.
— Хорошо, рассказываю по порядку. Я, как ты сам понимаешь, родился гением, окончил университет к восемнадцати годам, к двадцати двум получил свою группу...
Скаут кашлянул.
— Одним словом, меня пригласили в проект после того, как моя лаборатория успешно реплицировала шимпанзе.
— Клонировала? — уточнил скаут.
— Реплицировала, — в свою очередь уточнил старик. — Совсем другая технология, более тонкая. Это как искусство, как вдохновение, если клонирование — это тупая пила корабельного кока, то репликация — это лазерный скальпель нейрохирурга.
Любой клонмейкер идет вульгарным путем подобию...

Скаут покашлял.

— Я же говорил, мне не очень интересны эти подробности, — сказал он. — У меня автобус скоро.

— Понимаю. Понимаю! Впрочем, клонгеном на проекте «Двина» тоже занимались, дурное поветрие, знаешь ли. Лепили разных зверюг смешных, монстров — тогда это было весьма популярно, о последствиях никто и не думал. Как сейчас помню всех этих клыкастых тварей, сон разума, безусловно... Впрочем, как быстро выяснилось, практического боевого значения они не имеют никакого, совместить мозг с мышцами на самом деле весьма и весьма непросто. Знаешь, самым удачным военным объектом оказался заяц-вонючка, как ни странно.

— Заяц-вонючка? — скаут удивился.

— Ага. Это была шутка, собственно, мы взяли обыкновенного зайца и подсадили к нему гены саранчи. Никто и не предполагал, что гибрид выживет... А он выжил. И вобрал в себя качества как одного, так и другого вида. От саранчи возможность питаться практически чем угодно — деревом, покрывками, бумагой, любой зеленью, плюс возможность к взрывному росту популяции. От зайца... Собственно, это и были зайцы — только они весьма быстро бегали, весьма быстро размножались и жрали все подряд. Кроме того, мощный иммунитет, позволявший подсаживать на объект практически любое бактериологическое оружие.

Старик улыбнулся, видимо, вспоминая былое. И вдруг скаут увидел, что старик не совсем старик, а вполне себе дядька еще, лет пятидесяти, а то и меньше. Просто морщинистый и больной.

— Зайца, помню, испытали на одном из островов моря Лаптевых. Это было что-то. Полярные медведи бежали с острова, рыдая горячими слезами...

Старик хихикнул и закашлялся.

— Остров пришлось санировать ядерной бомбой, — сказал он. — Славный фейерверк, остров потом был гладкий, как стекло.

— А почему заяц-вонючка? — спросил скаут.

— Потому и вонючка, что вонял. Примерно как скунс. Кроме того, перемудрили с иммунитетом — хотели добиться неуязвимости, в результате этот самый мощный иммунитет отторгал эпидермис, а иногда и кожу... Получалось, что заяц как бы все время гнил, а сгнить не мог. И шерсть у него постоянно осыпалась, и струпья, и чумные блохи поверху. Короче, не заяц, а поэма. Ладно-ладно, понимаю, тебя интересуют отнюдь не зайцы. Значит так, репликация...

Старик прикрыл глаза, стараясь вызвать очередную порцию воспоминаний.

— Репликация позволяла... сочетать, — старик произвел в воздухе замысловатые движения. — В определенной степени можно было произвести синтез органики и неорганики. Вот помню, один сотрудник смонтировал варана с чешуей из четвертьдолларовых монет... Впрочем, понимаю, тебе не это интересно. Ты, наверное, хочешь узнать про другое?

Скаут кивнул.

— Хорошо, я расскажу про другое. Хотя, если честно, история не из приятных... А ты уверен? Еще один искатель дна у кроличьей норы, мальчик с автоматом?

— Меня не интересует дно, — ответил скаут. — Мне гораздо интереснее падение.

— Расскажу.

Старик достал из кармана штанов замызганную упаковку жевательной резинки, вытянул зубами пластинку, отломил половину, стал жевать.

Скаут ждал.

— Ты слышал про меч Святослава? — негромко спросил старик через минуту.

— А как же. Недавно вроде как нашли. Рыбак выловил на Днепре...

— Ерунда, — отмахнулся старик. — Ты что, всерьез поверил, что эта железяка,

выловленная на днепровских порогах, настоящий меч?

Скаут пожал плечами.

— Это реклама, не более того. Настоящий меч нашли раньше. Я точно не знаю, но говорят, что перед самой войной... Кстати, история обретения во многом сходна, рыбаки выгребли сетями ржавую палку, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что это не совсем палка. Знаешь, я видел этот меч. Сам клинок серьезно пострадал от коррозии, однако рукоять... не знаю, как это правильно называлось, она сохранилась просто великолепно, поскольку была выполнена из какой-то редкой разновидности золота. Очень необычный меч для своего времени, во всяком случае, специалисты говорили, что это уникальная работа скифских оружейников... Рукоять выполнена в виде морского змея, вероятно, как отголосок шумерских мифов о сотворении Вселенной... Во всяком случае, наши историки серьезно спорили.

Старик по-мальчишечьи надул пузырь, пузырь лопнул и прилип к носу, старик собрал жвачку, скатал в шарик.

— Впрочем, это не очень важно, гораздо важнее то, что внутри рукояти обнаружился небольшой ковчежец в виде короткой полый трубки. Ковчежец был запаян серебром, и его, конечно, вскрыли. Внутри находились некие мощи. Ты знаешь, что такое мощи?

— В общих чертах.

— Прекрасно... Ты, кстати, не куришь?

— Нет.

— Жаль, покурить бы в мою сторону. Впрочем, ладно, ладно. Мощи. Фрагменты костей, волос, кожи. Зуб. Конечно, до войны не было соответствующих технологий, но определенную направленность мысли эта находка задала. Во всяком случае, была создана особая команда, занимавшаяся розыском неких артефактов...

Скаут хихикнул.

— Что? — не понял старик.

— Артефакты — пошляцкое слово, я так думаю.

— Какая разница? Дело ведь не в слове, дело в деле. Мы называли эту команду гробокопателями...

Старик поморщился.

— Хотя, надо признать, гробокопатели работали здорово. За полвека они проделали неплохую работу, к тому моменту как моя группа развернула оборудование, нам предоставили около восьми образцов.

— Образцов чего? — осторожно поинтересовался скаут.

Старик не ответил, продолжил рассказ:

— Собственно, никаких трудностей у нас не возникло, после настройки оборудования все восемь объектов были активированы, а дальше был вопрос техники. Семь мальчишек и одна девчонка...

Он вдруг замолчал и стал кусать губы, смотреть в сторону и в потолок. Подбородок у него задергался, а зубы застучали, и вдруг у старика выпала челюсть, и старик неловко ее поймал. Скаут улыбнулся, старик вставил челюсть обратно.

— Они совсем не отличались от остальных, обычные совершенно, обычные дети. Потом... Я не знаю толком, что было потом...

Старик стал смотреть в окно.

— То есть? — спросил скаут. — Вы совсем, значит, не помните...

— Смутно. Знаешь, после того как они появились на свет, нас от них фактически отлучили. Наша миссия была выполнена, дети здоровы, они жили в отдельном блоке... Некоторое время мы еще занимались исследованиями... Синтез, прикладная евгеника, так

примерно. Мы пытались сдвинуть химический состав костей и увеличить толщину сухожилий, впрочем, с переменным успехом, суперсолдаты получались не очень, если честно признаться...

— Вы опять отклоняетесь, — терпеливо сказал скаут. — Суперсолдаты, это, конечно, интересно, но...

— Плохо получались суперсолдаты! — провозгласил старик. — То есть совсем плохо, понимаешь? Сделать варана с кевларовой чешуей — сколько угодно, а добавить в костную ткань человека немного развернутого углерода — нет! Извольте-с! Ни черта-с! Плоть, отягощенная разумом, наотрез отказывается принимать любое серьезное вмешательство в изначальный замысел... А вот с этими ребятами...

Старик вдруг перешел на шепот:

— С ними все было по-другому...

Он замолчал и стал изучать устойчивость своей челюсти, тыкая в нее пальцем.

— Потом прилетели они! — сказал он. — Мозгокруты, лучшие специалисты... Там было два лауреата Нобелевской премии и еще целая свора гениев в области психиатрии. Нас, конечно, не ставили в известность, но кое-какие слухи доходили... Говорят, они применяли мощные средства.

Старик выразительно пошевелил бровями.

— Очень мощные. Галлюциногены, в основном, модификаторы восприятия, ретрогипноз, еще какие-то практики, вроде как даже оккультные. А эти нобелевские лауреаты прилетали чуть ли не каждую неделю, вертолеты жужжали над головами... А потом началось странное.

— То есть? — спросил скаут.

Он оживился и стал слушать гораздо внимательнее.

— То есть странное, — старик взял штык и стал им крошить резинку. — Некоторые вещи я не мог объяснить никак. И сейчас, по прошествии лет, тоже не могу. Вот так, мастер скаут...

Старик смотрел через стену.

— Однажды зимой нас подняли по тревоге. Это было удивительно, на базе всегда находилось полно военных, но в тот день побеспокоили всех. И ученых, и рабочих, и уборщиков, поваров и тех побеспокоили. Нас посадили в вертолеты. Знаешь, небо буквально почернело от вертолетов — и мы отправились к северу, к тундре. Она оказалась рядом, буквально в двадцати километрах, я не поверил, когда долетели. Мы почти целый день болтались по тундре... то есть над тундрой... Знаешь, в наших вертолетах нет совершенно никакого отопления, я себе пальцы на ногах отморозил... Ослеп почти — целый день смотреть на снег. И только в полете выяснилось — мы ищем одного из восьмерых. В это утро он исчез, и всех подняли по тревоге.

Старик замолчал.

Скаут потрогал автомат пальцем.

— Нам повезло, — сказал старик. — Или нет, не знаю уж... Одним словом, мы его нашли. Наша группа. Примерно в сорока километрах к северу, почти на берегу залива. Он просто сидел в снегу...

Старик поежился и вдруг резко воткнул штык в стол.

— Он не замерз. Увидел вертолет и помахал нам рукой. Я подумал — как он мог прошлепать в тридцатиградусный мороз по тундре почти сорок километров? А потом вдруг понял... То есть увидел, конечно. Мы опускались вниз, я смотрел в иллюминатор — и видел.

Старик хихикнул.

— Снег был белый-белый. Но не свежий, а уже слежавшийся, наст. И никаких следов вокруг. Мальчишка был, а следов вокруг никаких! Он вдруг точно появился в этом снегу. То есть он не шел, не бежал, не полз, а будто бы вывалился в это место откуда-то сверху.

Мы подобрали его, напоили чаем. У нас было мало горючего, и мы стали ждать вертолет с дозаправкой. Мальчишка чуть поспал, совсем немного, может, полчаса, а затем он уставился на меня...

— И что? — спросил скаут.

С интересом.

— Это были не лучшие часы в моей жизни. Он ничего не делал, просто смотрел на меня и смотрел, а у меня мурашки по спине! И рукой пошевелить не мог, и ногой. Я до сих пор помню его глаза...

Старик замолчал.

— Мне кажется, тогда-то я и начал слепнуть, сейчас я вижу не дальше обшвенных рук.

Он вытянул перед собой пальцы, они тряслись.

— А очки все время теряются и теряются, хотя мне кажется, что сегодня я потерял их больше, чем обычно... Сначала теряешь зрение, потом рассудок. Начинаешь видеть вещи, которых не может быть в принципе. Я видел волка...

Старик пошевелил пальцами.

— Другой из восьми мог превращаться в волка. Честное слово! Я сам видел! У него на шее была цепочка, обычная совершенно цепочка, из черного металла, он ее никогда не снимал... Я отправился на рыбалку, там были отличные хариусы и лосось, никогда больше не встречал такой рыбалки... Я ловил хариусов, и к ручью вышел волк. Настоящий полярный волчара, матерый и рослый. И знаешь, что болталось у этого волка на шее?

— Догадываюсь.

— Правильно, цепь из железа. Он подошел ко мне и сел рядом. Сидел, глядя на воду. Я посидел наполовину! А на следующий день он мне подмигнул в столовой, улыбнулся так и пошевелил ушами. А уши у него треугольные были и вросшие, ну вот как у тебя.

Скаут потрогал себя за уши.

— У меня уши в отца, — сказал он. — Вы намекаете, что он был оборотень? А как его звали?

— Не помню. А что касается оборотня... Видишь ли, это невозможно. Мир есть мир, и даже если в нем действует магия, закона Ломоносова — Лавуазье никто не отменял. Для того чтобы человек стал волком, нужна энергия. Когда я рассказал про волка ребятам, они не стали смеяться, они мне поверили. Мы просчитали возможные энергетические затраты полиморфа, просто для интереса.

Старик снова потрогал себя за челюсть.

— Получилось около восьмисот Хиросим на грамм живого веса, — сказал он. — То бишь в несколько секунд должен быть осуществлен термоядерный распад, а потом термоядерный же синтез, и все это при комнатной температуре. Что, как понимаешь, невозможно. А оборотень был. Был!

Скаут кивнул.

— Интересно, — сказал он. — А еще что-нибудь? Знаете, меня как раз интересуют подобные случаи...

— Таких случаев было много, — тупо ответил старик. — Мне неприятно вспоминать... Понимаешь, я все эти годы хотел забыть, а ты меня заставляешь вспоминать. У меня приятель работал в логистической службе, он много рассказывал. Про грузы, которые приходили на базу. Странные грузы, знаешь ли. Например, двадцать бочек йода. Сейфы, замки, цепи. Или ледобуры. Или анаконды.

— Анаконды?

Старик пожал плечами.

— Мы тоже об этом думали. Знаешь, ледобуры я мог понять, пилы, и все такое

прочее, даже насчет йода у нас имелись идеи... Анаконды? Как можно использовать анаконд?

— Я могу примерно сказать... — начал было скаут.

— Вот и я не знаю, — закончил старик. — Я там сесть начал... Да, я уже поговорил.

Старик потрепал себя за волосы.

— Сесть начал, и руки стали трястись. До сих пор трясутся, во, гляди.

Он снова вытянул руки перед собой, пальцы дрожали еще сильнее.

— И кошмары, знаешь ли, — продолжал он рассказывать. — Мне кошмары стали чуть ли не каждый день сниться, я повеситься хотел каждый день. Каждый день! Потому что я видел...

Старик замолчал. Он вдруг покраснел и начал задыхаться, выпучил глаза и стал шарить по карманам, достал пузырек и стал пшикать в рот.

— Астма, — пояснил он. — Совсем загибаюсь. Это все на нервной почве, я тогда ночью вышел, а они там сидят, все восемь, все страшные, вот меня и сорвало... Но я рад. Я просто счастлив, что так оно получилось. Потому что это было гиблое место. Меня отправили на Большую землю, а буквально через неделю там произошел бунт. Ну, или что-то подобное. Я не знаю подробностей, опять одни слухи. Вроде бы восьмерка взбунтовалась и попыталась вырваться... Хотя точно не знаю, возможно, это на самом деле только слухи. Кажется, они попытались захватить вертолет. Что касается самой базы...

Старик замолчал.

Скаут видел — ему очень хочется закурить. Закурить вот прямо сейчас. Старик не вытерпел и достал из кармана зажигалку, чиркнул, задул.

— Вот, собственно, и все. Чем это закончилось, не знаю... Но я с тех пор никого из своих не видел.

— То есть?

— Мне все это, собственно, неинтересно. Знаешь, не хочется встречаться с теми... Им, наверное, тоже. Тут недалеко пруды, в них караси. Отлично клюют на жмых.

— А кто руководил? — спросил скаут. — У проекта было руководство?

Старик пожал плечами. Он достал еще жвачки и стал жевать, нервно чавкая.

— Кто руководил — неизвестно, — ответил он через минуту. — Я думаю, военные. А кому еще это под силу? Знаешь, там настоящий маленький город был построен... Нас курировал некто Радецкий, впрочем, скорее всего это была не его фамилия. Мы называли его Седым. Больше я никого не знаю. К тому же у меня дрянная память на лица, я специалист по генной инженерии...

— А вы не боитесь? — перебил скаут.

— Чего? — старик усмехнулся беззубым ртом.

— Ну, вот так прямо рассказываете про все это.

Старик рассмеялся. Он смеялся долго, перебирал стаканы, заглядывал в них, вытряхивал дохлых мух.

— Это опасная информация, — заметил скаут.

— Это ерунда, — отмахнулся старик. — Про это каждый день по телевизору показывают с утра до вечера. «Несси похитил пенсионерку», «Гитлер живет на Венере», «Нами правят динозавры». Если я скажу: «Я видел оборотня», никого это не удивит. Оборотни сегодня — персонажи детских книжек. Если я скажу: «Есть люди, способные проходить сквозь стены», надо мной и смеяться не станут.

— Логично, — кивнул скаут. — В этом есть определенный смысл...

— Знаешь, как проще всего замаскировать истину? — неожиданно серьезно спросил старик. — Ее надо укрыть среди откровенной лжи. И тогда никто не поймет, никто не поверит. Поэтому я не боюсь. А потом — я сумасшедший. У меня и справка имеется, хочешь,

покажу?

— Спасибо, я верю. А как звали того? — Скаут положил на колени автомат. — Ну, который в снегу сидел?

— Я же говорю — не помню, — старик отмахнулся штыком. — Не помню совсем, в голове дыря. Какая разница? Базу залили жидким бетоном, объекты...

— Что?!

— Жидким бетоном. Но это я, конечно, предполагаю, я сам не видел. Там везде под потолком были шлюзы, для чего они нужны?

Он улыбнулся и поглядел на скаута с прищуром, потер глаза.

— Так что мне кажется...

Старик пожал плечами.

— Ничем хорошим это не закончилось. Хотя бы потому, что в нашем мире ничего хорошо не заканчивается. Это такой жестокий закон бытия... Впрочем, в твоём возрасте ещё не понять...

— А если им... то есть объектам, все-таки удалось сбежать? — спросил скаут.

Старик не ответил. Он начал перебирать пузырьки с лекарствами, располагавшиеся на столе.

— Я просто это к тому, что... — скаут покачал головой. — Ну, а вдруг у них получилось? Вдруг они угнали вертолёт... или ещё как? Они же работали с пространством?

— И что? — не оборачиваясь, спросил старик.

— Как «что»? Если они сбежали, то это означает, что сейчас среди нас ходят...

— Даниил Галицкий, княгиня Ольга и Пересвет с Ослябей? — хохотнул старик. — Так? Ерунда! Полная беспросветная ерунда! Да, это был эксперимент. Только не над какими-то реплицированными сопляками, а над нами. Они нам подмешивали в компот эйджент Си, а потом смотрели, как мы сходим с ума! Я видел людей, превращавшихся в волков!

— Вы говорили...

— Да, говорил, конечно. Потому что не могу забыть! Мне кажется, что я это до сих пор вижу...

Старик стукнул кулаком по столу, и тут же откуда-то сверху, с полки, скорее всего, упал пластмассовый чехол.

— Нашел! — воскликнул он. — Нашел! Представляешь, очки нашел запасные!

Старик потряс неожиданно найденным футляром, достал из него очки и бархотку, стал протирать стекла, по-стариковски тщательно.

— Это невозможно, — приговаривал он. — Все это бред... Титаны среди нас? Увы, титаны вымерли ещё во время Персея. А гении... Видишь ли, мальчик с автоматом, гений — это всегда сочетание. Симфония. Способностей, воспитания и, главное, времени. Время — это самое важное! Это как катализатор, как соль — оно пробуждает в человеке все, что в нём заложено. Гений, родившийся не в своё время, навсегда остаётся садовником в монастыре, мастером гороха и пастернака. Гений, родившийся вовремя, переворачивает мир. Это аксиомы. Читайте Ницше, господи. Мне кажется...

— Тсс! — Скаут вдруг поднялся из-за стола и подошёл к окну.

— Это мне пенсию принесли, — отмахнулся старик. — Я инвалид умственного труда, пострадал в бесчеловечных опытах, мне доплачивают за безумие...

Старик постучал штыком по голове.

— Ваш почтальон ездит на внедорожнике? — спросил скаут.

— Ага. На велосипеде.

— Как интересно, — скаут смотрел в окно. — Хотя, если честно, они не очень расторопны, ожидал побыстрее...

— Кто они?! — спросил старик.

Скаут кивнул на окно.

Старик подошел.

По дороге катил «Ровер», большой, как вагон, черный джип с мигалками на крыше. Мигалки не работали, но джип торопился — как можно было торопиться под уклон. А за ним медленно, опасаясь опрокинуться, спускались еще три джипа, все как один серьезного черного цвета.

— Ох ты... — Старик хлюпнул носом, поправил очки.

— Скорее всего, за вами следили, — заключил скаут. — Уже давно, постоянный пост. Ждали, когда кто-нибудь придет.

— Кто придет? — растерянно спросил старик.

— Да мало ли кто к кому может прийти в наше время, — по-взрослому ответил скаут. — Поганое время, самое что ни на есть. У вас дом, кстати, застрахован?

— Нет, не знаю... А что?

— Да мало ли. Пожары, стихийные бедствия, всякая ерунда. Наверное, нам лучше выйти на воздух.

Скаут поднял автомат, закинул его за плечо и направился к выходу.

— Вам лучше со мной выйти, — посоветовал он старику. — А то мало ли? Может и крыша обвалиться.

— Почему?

Но скаут не ответил, направился к выходу. Старик растерянно поспешил за ним.

Они вышли во двор.

Машины приближались, старик растерянно поглядел на скаута.

— Это... Это кто?

Скаут пожал плечами.

— Сейчас выясним, — сказал он. — Вряд ли, конечно, это почтальоны. Или пенсионный фонд. Это другие граждане...

Скаут повел плечами, старик вздрогнул. Ему показалось, что он узнал это движение. Что когда-то давно... Он снова принялся протирать очки.

Скаут стоял у стены, расслабленно и при этом удивительно опасно, и одну за одной расстегивал пуговицы, от подбородка до пояса, и старику показалось, что он это уже видел...

— Жарко, — сказал скаут. — А говорят, зима скоро.

Хотя на самом деле было отнюдь не жарко, наоборот, старик мерз и ежился. И понимал. Понимание расцветало в нем, как расцветает уголек на ветру, и старик чувствовал, как ужас заставляет трястись его колени.

— Мне бежать? — спросил старик негромко.

— Зачем? — удивился скаут. — Все равно далеко не убежите... Да не переживайте вы, они вас не тронут. В крайнем случае, скажете, что я вас пытал, обещал уши отрезать... Ну, или загипнотизировал. Короче, заставил. Подержите-ка.

Скаут сунул старику автомат.

— Все-таки настоящий, — сказал старик. — Я так и знал...

— Ага, настоящий. Вы его в колодец бросьте, потом достанете, вдруг пригодится. Старик повертел автомат в руках, положил на скамейку.

— А ты что... Не бежишь?

— А, успею, — отмахнулся скаут. — Сейчас немного их пошугаю, а то достали уже, лезут и лезут... Ап!

В его руке откуда-то, старику показалось, что буквально из воздуха, возник большой

тяжелый револьвер, блестящий, и даже с виду редкостно смертоносный, и скаут тут же выстрелил.

Не целясь.

То есть скаут, конечно, прицелился, но это получилось так быстро и незаметно, что старику показалось, что скаут стрелял просто так, наугад.

«Ровер», казалось, споткнулся. Он резко затормозил, затем перевернулся, затем покатился вниз по склону, ломая деревья, подпрыгивая и размахивая открытыми дверями.

Старик потерял очки. Как он попал? Тут ведь метров четыреста, а он из револьвера... Хотя револьверы, кажется, необычные, стволы толстые, и длинные, и калибр чуть ли не как у подствольного гранатомета...

— А я их предупреждал, — сказал скаут. — Неоднократно. А они меня не слушали. Сами виноваты, ведь правда?

— Наверное... — растерянно ответил старик.

— Точно. Сами виноваты, я их не просил. Ладно, чего уж...

И он стал стрелять еще. И опять он стрелял так быстро, что старик не различал отдельных выстрелов, они слились в один непродолжительный грохот, потом стало тихо, только порохом пахло.

Старик открыл глаза. Скаута не было. На холме горели машины. Все три штуки. Вокруг разбежались люди. Кто-то кричал, кто-то пробовал гасить пожар огнетушителем. Станный день, дурацкий день.

Старик взял автомат, подошел к колодцу, снял крышку и опустил оружие вниз. Автомат булькнул.

С запада из-за реки приближались вертолеты. Много, штук пять, наверное.

В огороде, над грядками с переросшей редиской, покачивалось в воздухе странное, похожее на прозрачную шаровую молнию пятно.

ОБОИ

Они объединились. Англичане, испанцы и французы. Даже пара голландцев откуда-то всплыла. Двадцать четыре судна. Половина, конечно, дребедень, грузовые тихоходные лохани, не способные на неожиданный маневр. Зато способные нести абордажные команды. Команды снайперов с убийственными штуцерами, способными попасть в орех с трех сотен ярдов. Боевых пловцов с липучими минами. Метателей огненных снарядов.

Другая половина была значительно опасней. Линейные корабли, вооруженные по последнему слову военной техники, с вымущированной командой, с грамотными командирами. Противостоять этому было сложно. Да что там, невозможно. Форт не успел закончить перевооружение, с батареей успели снять старые оружия и не успели поставить дальнобойные новые. Фактически прикрытием с моря служили восемь пиратских бригадин, с командами насколько безрассудно отважными, настолько и бестолковыми. Противостоять регулярным морским силам, к тому же превосходящим по числу, они не могли.

Лорд пребывал в удивлении. Разведка не сообщала ни о каких перемещениях неприятеля, занятого обыденным трудом: торговлей невольниками, выжиманием соков из заокеанских плантаций, вялой войной друг с другом и с племенами свирепых дикарей. Голуби, прилетающие со стороны океана, приносили донесения о том, что на дальних рубежах все спокойно.

И вдруг враги объединились. И вдруг они появились, все, разом. Вечером опустился туман, он продержался до утра и в этом тумане недруги подошли практически вплотную. Они явились с севера, и с востока, и с запада, и блокировали форт с моря. Два брига попытались вырваться и пройти сквозь строй, и это им почти удалось. Почти. На выходе они наткнулись на голландский фрегат, и он сжег оба судна греческим огнем. Сжег жестко, в несколько минут, а уцелевших расстрелял из мушкетов.

Лорд был растерян. Греческий огонь — это было серьезно. То есть очень-очень серьезно.

Он пытался достать греческий огонь последние пятнадцать лет. Разными способами. Ловил карибских ведьм и испанских алхимиков, устраивал в заброшенных индейских пирамидах тайные лаборатории, заливал золотом оккультистов, выписывал факиров из Индии и мудрецов из Китая. Бесполезно. Результат был, но это был не тот результат.

Ведьмы разработали способ дистанционной порчи. На противника внезапно нападала неудержимая диарея, и он начисто лишался боеспособности. К сожалению, порчу удавалось транслировать всего на сотню ярдов, что во многом лишало ее смысла.

Факиры расплодили боевых ядовитых ящериц. Ящерицы содержались в бочках, которые катапультировались в приближающегося противника. Деревянные снаряды разбивались, и ящерицы кидались на врагов, вонзая в них ядовитые зубы. И все бы хорошо, только эффект от ядовитого укуса получался совсем не таким смертоносным, какого ожидал Лорд. После укуса у неприятеля развивался мощный отек лица, превращавший физиономию в зверское произведение искусства, смотреть на которое без смеха было практически невозможно. В результате страдали непосредственно нападающие, которых при виде морд обороняющихся пробивал неудержимый хохот.

Оккультисты вывели в хрустальных ретортах зловещих гомункулюсов, которые, впрочем, мгновенно разлагались при дневном свете и при громком свисте.

Подойти к греческому огню даже близко не получилось ни у кого. Супероружие оставалось недоступно и недосыгаемо, хотя то и дело появлялись очевидцы, лицезревшие его использование. Якобы испанцы применили его у побережья Ямайки для отражения атаки каперского корвета, и вполне успешно. И вроде бы его секрет разгадал неуловимый мастер Кид, разгадал, но велел вырезать всех, кто оказался причастен к тайне. И был некий пленный

британский офицер, утверждавший, что адмиралтейство послало экспедицию в Стамбул и в Малую Азию в поисках секрета горючей смеси, и вроде небезуспешно. То и дело всплывали тайные свитки с обрывками формул и Лорд платил за них серьезные деньги. Но формулы не вели никуда, в лучшем случае получался клей, в худшем...

Лорд отчаялся добыть греческий огонь, и вдруг он увидел его применение в бою.

Сам бой начался неожиданно, Лорд не успел собрать силы. А ведь были еще резервы, которые, подтяни он их, позволили бы выступить достойно. Если бы, если бы у него было хотя бы три дня, он успел бы. Пришли бы с севера отряды наемников, посланные искать волшебный Элдорадо. С юга на своих остромордых лодках явились бы люди моря, малые ростом, но несокрушимые в ночном бою. Из глубины сельвы поднялись бы дружественные племена пожирателей змей и охотников на ягуаров, которых Лорд защитил как от европейских завоевателей, так и от воинственных индейцев, — и небо потемнело бы от отравленных дротиков, обрушивающихся на врага. И даже драккар кровожадных викингов, с тремя настоящими берсерками, каждый из которых стоил половины всего гарнизона, он бы приплыл.

Да и других буканеров он предупредить тоже не успел, а их помощь не помешала бы.

Не успел.

Предательство. Лорд в этом не сомневался, слишком уж удобный момент был выбран для нападения. Шпионы. Как он ни выстраивал контрразведку, как ни травил лазутчиков возле штаба, сколько ни платил своим шпионам, а предатель прокрался.

И нанес удар в спину.

Бой начался. Англичане выстроились в бухте подковой и вывели свои корабли на продольный выстрел. На форт обрушился огненный ураган, чугунные ядра, гранаты, гранаты со шрапнелью практически с третьего залпа смели батарею и перебили канониров.

Кораблям досталось еще больше, уже пятый залп оказался решающим. Пиратские посудины не были приспособлены к реальному морскому сражению, они горели, взрывались, натывались друг на друга и шли ко дну. Лорд попытался взять командование эскадрой на себя, но было уже поздно, деморализованные экипажи спасали свои шкуры и сопротивления никакого не оказывали. Флот был разбит и сожжен за несколько минут боя. И только «Багровая скала», как всегда, не подвела; прорвавшись сквозь строй линкоров, она попала между боевыми судами и торговыми и ввязалась в ближний бой, паля с обоих бортов.

Лорд знал, что она обречена, что силы слишком неравны, что, будь врагов хотя бы в три раза меньше, у «Скалы» был бы хоть маленький, но шанс... Но все равно, он завороченно следил за тем, как капитан Рино Альмодовар ведет свой последний и решительный бой. Единственное, чем мог Лорд ему помочь, — это сосредоточить огонь уцелевших орудий на английском флагмане.

Неожиданно ему повезло, как везло, пожалуй, всегда, и очередной залп по флагману попал в скрыт-камеру англичанина. Фрегат охнул и разломился пополам. Из нутра вылился огонь вперемежку с кричащими моряками, а затем грохнул взрыв. Корабль разлетелся в щепки, палуба поднялась в воздух и развалилась на куски, мачты раскололись и уже через несколько секунд на месте корабля красовался огненный шар.

Пламя перекинулось на соседние два корабля, и они занялись яростно и зло. Остальные корабли стали разбегаться, строй нарушился, два судна столкнулись, сцепились оснасткой и превратились в мишень. Лорд велел перевести огонь на них.

Он почувствовал азарт боя. Батарея, в которой осталось всего семь орудий, пристрелялась и теперь планомерно крушила вражеские суда. Бухта затянулась пороховым дымом, смешанным с гарью, поднимавшейся от кораблей.

Вдруг из дыма вырвалась «Багровая скала». Она оказалась почти целой, сломана была лишь одна мачта, на оставшихся парусах «Багровая скала» неслась к голландскому фрегату. Тот выпустил струю греческого огня, море между фрегатом и «Скалой» вспыхнуло, и теперь

«Скала» шла по огню.

Лорд понял, что собирается сделать капитан Альмодовар. Капитан Альмодовар шел на таран. Голландец выпустил еще огня и на этот раз попал точнее, паруса на «Багровой скале» вспыхнули, и весь корабль оказался охвачен пламенем. Лорд навел на него подзорную трубу и наблюдал. Экипаж «Скалы» состоял целиком из благородных испанских донов, бежавших в корсары из-за происков инквизиции. Ни один из них не покинул свое место по расписанию, как и сам капитан. Исполненный пламени, он продолжал управлять своим кораблем.

Голландец успел выпустить еще одну порцию жидкого пламени, после чего «Багровая скала» ударила его в борт.

Лорд ожидал взрыва, но его не последовало. Из пробитого борта голландского судна потек огонь. Он был быстр и по цвету похож на малиновое варенье, он распространялся по воде, и она загоралась, как будто сама становилась текучим греческим безумием, и вот спустя несколько мгновений вся бухта оказалась охвачена пламенем. Огонь вдохнул, набрал силы и сожрал все, что еще уцелело. Англичан, испанцев, голландцев, французов, смелых матросов и веселых буканеров, все они горели одинаково хорошо. А тот, кто не сгорел, тот сварился. А кто не сварился, тот утонул, на берег мало кто выбрался.

Исход битвы повис на волоске, маятник был готов качнуться в сторону буканеров, однако из джунглей вышли индейцы. Сразу несколько племен, ранее разрозненных, а теперь неожиданно объединившихся, они прихлынули к форту организованной волной. И буканеры оказались блокированы с моря огненной стеной, а с суши разъяренными толпами дикарей. Руководимые английскими офицерами, индейцы начали штурм. Форт был выстроен надежно, но индейцев было слишком много. Кроме того, они были неплохо вооружены, а уж в меткости могли посоревноваться с кем угодно. Впрочем, Лорд знал, что форт неплохо укреплен, что запасы воды и провизии значительны и осада может продолжаться долго... Если бы не мортиры.

Индейцы выкатили мортиры.

Лорд понял, что теперь форт обречен. Мортиры сломают стены уже к вечеру, а вылазка не принесет успеха, потому что численное превосходство слишком велико.

Так оно и случилось. Мортиры были установлены по всему периметру форта, и они немедленно открыли огонь. Фугасными снарядами, зажигательными, картечью. И тогда Лорд велел отступать. То есть бежать, если выражаться точно. Все, кто еще был способен держать оружие, собрались в отряд, открыли двери и вышли к разъяренным ордам индейцев. Они вышли небольшой сплоченной группой и, стреляя по сторонам, двинулись к Солт-Ривер.

Форт горел.

Жалкие остатки пиратов, которым посчастливилось пробиться через ряды индейцев, вплавь перебирались через Солт-Ривер.

Битва была проиграна. Возможно, проиграна даже война, кажется, за него взялись серьезно. Конечно, осталось еще три форта, но вся пиратская рать вряд ли могла противостоять объединенной флотилии. А еще греческий огонь.

Боевой дух был серьезно подорван, его шкала сползла ниже пятидесяти процентов, и, чтобы его поднять, придется потрошить клады на дальних островах. И, возможно, пытаться выдвинуться в сторону Индии, что крайне рискованно.

Смертельно рискованно.

И, судя по всему, нападения продолжатся. Два оставшихся форта гораздо слабей защищены, кроме того, их не прикрывает флот. Собственно, флота вообще практически не осталось. Да, в одном из притоков ждал своего часа прекрасный клипер, быстроходный и легкий. Да, оставались клады на островах и вклады в банках, но с империей однозначно было покончено.

Бежать, только бежать.

И начинать все сначала. Выходить на рейды, собирать команду и...

— И как вам вот эти? С цветочками? С зелененькими?

Зимин очнулся.

— Что?

— С цветочками? Вам с цветочками нравятся?

Девушка улыбнулась, потянула за рулон.

— Ничего. То есть дурацкие они, конечно, лучше с самолетиками.

Зимин выдернул модем, захлопнул компьютер. Настроение ухудшилось. Он давно не проигрывал битв, кроме того... Он вообще не проигрывал. Поэтому был весьма и весьма удивлен. И неприятно удивлен.

— Это для детской. Хотя многие клеят и в комнатах.

— Да?

Девушка кивнула.

— Знаете, сейчас в моде винтаж, фьюжн, сочетание несочетаемого. Вот смотрите, есть в виде старых американских газет, есть в виде денег, вот довоенные советские плакаты...

«Непьющие школьники учатся гораздо лучше пьющих», — прочитал Зимин. Оригинально. Так оригинально, что хочется...

Зимин вдруг подумал, что на самом деле ему не хочется ничего. Хотя нет, хочется, вот пирожков с капустой хочется, это да. Горку пирожков, миску вареников, плошку со сметаной. И книжек почитать, в доме два стеллажа непрочитанных книг, нет на них душевного расположения. И отцу надо позвонить, уже сколько собирался...

Но пирожков тут совсем не было, были обои — девушка расправляла рулоны, растягивала перед Зиминим разноцветные полосы. На дороги похоже, подумал Зимин. Вот с цветочками, вот из оранжевых кирпичей, вот загогулины какие-то. А можно купить просто белые, а потом их раскрасить. Художника пригласить и нарисовать... Дракона, что ли?

Зимин улыбнулся.

Кладбище драконов. Или драконов, играющих в карты. Или... Какая разница? Морского дракона. Сделать в стиле Айвазовского, девятый вал, зеленая бездна, молнии, прожигающие багровое небо, люди, спасающиеся в шлюпке, по виду гишпанцы. И огромный морской змей, всплывший из глубин и терзающий обреченный галеон. Интересно, сколько это будет стоить? Интересно...

— ...И каждому, кто купит от пяти рулонов — подарок, — радостно громко известила девушка. — Две пачки розового клея!

Две пачки клея Зимина не сильно обрадовали.

— Две пачки клея! — повторила девушка.

Так, будто она предлагала не клей в нагрузку, а плазменную панель, по крайней мере.

— Всенепременно, — сказал Зимин. — Без клея как жить? Ни весло склеить, ни камеру от велика...

— Что? — не поняла продавщица.

— С детства мечтал, — сказал Зимин. — С детства...

За окном шел дождь, капли звенели по железному подоконнику, небо было серым и беспросветным, и на другой стороне улицы сквозь дождь и ненастье просвечивала красная надпись «Фурнитура». Зимин зевнул.

— Вы что-нибудь выбрали? — спросила девушка.

Ей тоже стало скучно, Зимин это увидел. «Наверное, она думает, что я не куплю обои. Сегодня дрянная погода, и никто не купил у нее обои, и у нее не будет премии, уже второй месяц подряд, и это тоска, и безнадега, и вообще...»

И вообще. Какого черта он тут? Выбирает обои для кухни. А вчера выбирал линолеум, а позавчера мойку. И кран. Производства Словакии.

— Выбрали? — с надеждой спросила девушка.

— Не знаю...

Зимин снял очки и принялся изучать обои тщательнее. Во всяком случае, тщательнее делать вид. Вообще-то он на самом деле хотел поклеить обои, но не с самолетиками, а с космическими кораблями. Но она сказала, что это инфантильно. В крайней степени инфантильно, ты что, пидросток, ты еще «КиШ» на стену прицепи... И с какой стати на кухне обои с самолетиками?

Зимин подумал и решил, что это правильно. Все-таки возраст, пора оставить былые привычки. Хотя с космическими кораблями смотрелись бы отлично, он хотел такие в детстве. А еще он хотел «Айбо», роботическую собаку, хотел мопед, ладно мопед — обычный велосипед хотел...

— Давайте лучше однотонные, — сказал Зимин. — Или в полоску, вот в эту, в серенькую. Или вот эти лучше.

— С камеями? Или с греческим узором? С греческим узором сейчас очень популярны. Можно оформить всю квартиру по-средиземноморски...

У Зимина заболела голова. Сильно, так что в зубы отдало. И в уши. В глаза еще. В голове зашевелилось тяжелое чугунное ядро.

— В полоску... — пробормотал он.

— В полоску есть очень хорошие итальянские, — девушка улыбнулась. — Недавно привезли, последняя коллекция. Знаете, если вы клеите обои в полоску, это расширяет визуально объем помещения...

— Давайте итальянские. А мексиканских нет? С желтыми кетцкоатлями?

Девушка покачала головой.

— Хотя нет, я еще, пожалуй, подумаю, — сказал Зимин. — Знаете, хочется чего-нибудь... А клея две пачки точно?

— Точно.

Девушка утратила к нему интерес и отошла в сторону.

А Зимин отправился бродить между рядами. Среда, три часа, а темно, как в шесть, из-за дождя, наверное. Народу никого, тихо, обойный магазин похож на лабиринт, наверное, можно заблудиться. Зимин отыскал скамеечку возле мрачных коричневых обоев, сел, вытянул ноги.

Обои. Он выбирает обои и хочет спать, потому что бессонница. И эта история... Никак из головы не выходит, так и вертится, вертится, и непонятно — что там в конце концов произошло...

Зимин потерял виски. Теперь еще и голова болит. Это, наверное, из-за погоды. И из-за ароматических ламп. Он уже двадцать раз просил не жечь эту эвкалиптовую дрянь, а она все равно жжет, и этот запах пропитывает все...

Зимин понюхал куртку. Так и есть, воняет эвкалиптом. Затошнило. Интересно, а если его на самом деле стошнит, это подействует?

В кармане закашляло, Зимин сунул руку, достал телефон. Евсеев. Евсеев приступил сразу к делу. Выразил сожаление по поводу Солт-Ривер и сказал, что можно все исправить, он уже все продумал, вот послушай...

Евсеев прокашлялся, затем стал излагать стратегию пиратского набега на соседей, у них как раз сейчас началась эпидемия, грех этим не воспользоваться. Если проапгрейдить оружие, установить на корабли железные тараны и прокачаться хотя бы до девяностого уровня, то у соседей будет мало шансов, и можно неплохо приподняться, главное — отжать у них побольше земель и рабов. Кроме того, он лично прокачал пять голов до семидесятого уровня и теперь хочет их продать, и есть покупатели на трех, и если он, Зимин, найдет еще двух покупателей, то Зимин может взять себе половину, ну, если он хочет...

— Слушай, Евсеев, отвали, — сказал Зимин. — У меня сегодня много дел. Солт-Ривер потом отыграем.

— Но если совершить набег прямо сейчас, то мы сможем все возместить и даже набрать больше...

Думать про «Пиратский берег» сегодня не хотелось. К тому же Евсеев был чрезвычайно утомителен. Просто до зубной боли. Зимин подозревал, что в миру Евсеев служил учителем русского в каком-нибудь лицее, умел нудить и воспитывать, и доводить до белого каления, и вызывать родителей. В «Пиратском берегу» Евсеев являлся предводителем клана «Локсли», кровожадным буканером Алеханро Блейком, шкипером шхуны «Алебарда» и лучшим фехтовальщиком к северу от Ямайки. Впрочем, Зимин подозревал, что Евсеев хочет продать своего Блейка и купить какую-нибудь подержанную «Шкоду».

— Отвали, — повторил Зимин. — О, Евсеев, отвали-отвали.

Но Евсеев не думал отваливать, он продолжал бубнить в телефон, сообщать, что он уже все подготовил и завтра в шесть утра они выходят в рейд...

Зимин подумал, что неплохо бы сейчас вызвать молнию. Чтобы она ударила в Евсеева и расплавила бы ему телефон. А заодно и мозги. Хотя они у него, похоже, и так расплавлены в хлам, нет, он не в лицее работает, он наверняка бухгалтер. Или системный администратор.

— Тут у нас гроза, — неожиданно нашелся Зимин. — Боюсь, что в трубку ударит.

Зимин отключился. И тут же на улице сверкнуло, и гром грохотнул, и обои колыхнулись, как живые. И как живые же зашуршали. Неприятно так, булькнул про грозу — и вот гроза.

— Можно вас?

К нему подбежала другая продавщица, драпировка-гёрл, взволнованная и румяная. Зимин испугался, что она его узнала. На прошлой неделе он взял и сгоряча дал интервью на местном канале, после чего его два раза узнавали, один раз в магазине, другой на автомойке.

— Там у нас проблемы, — сообщила девушка.

Зимин сощурился на подбежавшей работнице и обнаружил, что это «Королёва Елена, ст. менеджер».

— Ну, и чего там? — осторожно и недовольно спросил он.

Вообще Зимин побаивался менеджеров. Особенно ст. При виде бейджа «ст. менеджер» он почему-то всегда вспоминал инквизицию. У них, наверное, тоже все было весьма разумно устроено. Инквизитор, ст. инквизитор, младший пом. расчленителя, засл. истязатель, обер-потрошитель, четкая иерархия, каждый мерчендайзер знает свой маневр, регулярно перечитывает «Молот Введьм», и вообще, всегда готов немного по-терзать перед сном. Чтобы не утрачивать мастерства.

Королёва Елена была явно из инквизиторской породы, и автограф она взять явно не планировала.

— Что вам угодно? — спросил Зимин уже с некоторым пренебрежением, чтобы нагляднее обозначить статусы.

— Там девушка в куртке... — Королёва кивнула в сторону кассы. — Она недовольна...

Она всегда недовольна, хотел сказать Зимин, но удержался. Не стоит умножать напряжение.

— И чем же она недовольна?

Королёва немного подумала и ответила:

— Всем.

— Я так почему-то и думал. Знаете, Королёва, эта девушка не склонна к компромиссам. Непокколебимость, помноженная на перфекционизм, — и вот результат. Я мечтал о такой с детства. Куда?

— Сюда, пожалуйста.

Зимин вздохнул и поплелся за ст. менеджером Королёвой. Снова шкандаль. Очередной. Он уже привык к скандалам и не очень расстроился, ну, еще один скандал, ну и что? Правда, что-то пошли косяком...

Но и погода ведь тоже скверная.

Вопли. Услышал издалека. Крики. Стук. Стук ему не очень понравился. Сразу представилось почему-то, что стучат по голове. Чем-то твердо-мягким. Например, рулоном обоев. Рулоном по менеджеру. Кстати, если усердствовать, то можно, наверное, оставить синяков.

Душно. Зимин почувствовал, как здесь душно, в обоях. В обойной могиле нет мочи дышать...

Так, кстати, оно и оказалось, она стучала обоями. Продавцы терпеливо ждали вокруг, а возле прилавка действительно разворачивался скандал. Настоящий, хороший такой скандал, со вкусом, с чувством, это как-то даже порадовало. Вчера, например, скандал получился вялый, без огонька, без вдохновенья. А сегодня наоборот, даже вон колотят чем-то.

Работники магазина, впрочем, охрану звать не спешили, стояли, по-японски улыбались. Терпеливые тоже.

Это из-за куртки, подумал Зимин. Она начала скандалить, позвали ст. инквизитора Королёву, и та увидела куртку. Кожа питона, серебряные пуговицы, ручная работа, стоит примерно столько, сколько Королёва зарабатывает в год. А еще серьги, серьги тоже хороши, с настоящими бриллиантами.

И Королёва все поняла, кого попало в ст. инквизиторы не берут.

— Ваша спутница... — указала ст. инквизитор, — ваша спутница... Она...

— Буянит-с, — закончил Зимин.

— И буяню!

Все понятно, она в плохом настроении. Как всегда в последнее время.

— Оборзели! Не, Зима, ты видел, как оборзели! Я беру торшер, восемнадцать тысяч за торшер — и он у меня не светит! Я его еще чинить должна, да? А это? Я покупаю обои, мне нужно восемь рулонов, я плачу деньги, а потом оказывается, что таких обоев всего шесть! И они предлагают мне вместо них китайские!

— Брось, — попытался успокоить Зимин. — Давай возьмем китайские.

Так, на всякий случай сказал, знал, что все равно не успокоится. И на китайские не согласится ни за что.

— Я не хочу китайские! Не хочу!

Она топнула ногой. Пуговицы из потемневшего серебра брякнули.

— Мне эти понравились! Вот эти!

Она ткнула пальцем в образец и продырявила его и сразу же сказала задумчиво:

— Ну вот, и обуратинились, однако...

Зимин усмехнулся. Хорошо сказано, как всегда. Зимину всегда это в ней нравилось, язык — как бритва, из-за этого и познакомились.

— Буратина в сердце моем, — сказала она, положила обои, после чего успокоилась. — Вот так всегда, захочешь поклеить обои, так сразу какая-то мистика прет... А?

— Конечно, — сказал Зимин и направился к выходу. — Я там подожду, на стоянке.

Он вышел из обойного салона и стал спускаться на стоянку. В лифте не поехал, попер по лестнице. В последнее время он никогда вниз на лифте не ездил, любил пройтись. Шагал по ступеням, пребывая в печали, раздумывая — заставят ли теперь покупать проткнутый рулон обоев или предпочтут не связываться?

На третьем уровне на стене было написано «Царяпкина, я тебя люблю». Зимин остановился. Царяпкина ему понравилась, и он записал фамилию в смартфон, в коллекцию.

Царяпкина, конечно, была хороша, есть в ней что-то поэтическое, наверняка эта Царяпкина сочиняет белые стихи про муми-троллей, жили-были муммитролли, а потом сгорели в поле. А еще Царяпкина аквариумистка. Разводит черепашек и бойцовых тайваньских рыбок-петушков.

Тихо. Почему здесь так тихо? Среда, день, дождь, Царяпкина.

Зимин поглядел вниз, в пролет. Царяпкина в пролете. Как все. Все в пролете. А кто не в пролете, те в трубе. Тихо, то есть никого совсем, только вентиляторы жужжат. Зимин пошагал дальше. Между третьим и вторым этажом опять позвонил Евсеев, стал рассказывать про то, что в детстве он обожал Вашингтона Ирвинга, особенно там, где про капитана Кида...

Зимин отключил телефон совсем, сказал себе, что позвонит Евсееву завтра. Или послезавтра.

На втором уровне имелся выход на стоянку. Зимин пнул дверь и оказался в просторном полутемном помещении, заставленном машинами. Здесь пахло бензином и бетоном. Зимин медленно шагал по полосатой линии между автомобилями и думал, что надо, наверное, на самом деле отдохнуть. Осенью всегда хочется отдохнуть, желательно где-нибудь... Где-нибудь в теплоте. В море.

На стоянке тоже было тихо, настолько, что Зимину стало казаться, что за ним кто-то шлепает. Топ-топ, топ, он, конечно, понимал, что это всего-навсего эхо его собственных шагов, но мысль о том, что его преследуют, уже поселилась в голове и не отпускала. Начал бояться собственных шагов...

А все нервы. Нервы надо лечить пиявками. Хотя никакие пиявки не помогут, надо уже электрошоком.

За спиной вздохнули.

Зимин остановился. Почувствовал, как неприятно зачесалась шея, точно кто-то дунул холодом в основание черепа.

— Кто тут? — спросил Зимин и сразу же подумал, что вопрос глупый.

В принципе, тут мог быть кто угодно, это же автостоянка. Тут наверняка много народа шастает, борсеточники какие-нибудь.

Нервы расстроились, и температура, кажется... Зимин приложил ладонь ко лбу и убедился, что температуры нет. А он, между прочим, надеялся, специально шлем не взял, собирался простудиться и три дня лежать дома. И никуда не ходить, ни за линолеумом, ни за обоями — две пачки клея в подарок, лежать под пледом, про Винни-Пуха читать, глава «Наводнение».

И чай с малиной.

— Откупори бутылочку «Байкала» и снова «Вини-Пуха» перечти! — продекламировал Зимин. — Эй, человеки, проявитесь!

Теперь, кажется, шмыгнули носом.

— Сейчас собаку с цепи спущу, — пообещал Зимин.

У меня тут бойцовский тойтерьер за пазухой, выходи, пока не поздно.

Но никто не вышел.

— Ну и идиоты, — сказал Зимин и направился к мотоциклу.

Мотоцикл стоял возле стены. Зимин подошел ближе и попробовал испытать радость. Он всегда испытывал ее при виде своего моца, прошел уже год, а его до сих пор восхищал блеск хрома на колесах, мощь, читающаяся в линиях двигателя, матовая глубина черного пластика.

Мотоцикл был могуч. И сейчас он тоже не подвел, Зимин запрыгнул в сиденье и положил голову на бак.

Мотоцикл был велик. Куда бы Зимин ни приезжал, где бы ни останавливался, на мотоцикл обращали внимание. Зимину это нравилось. Рядом с мотоциклом он был небрежен и

спокоен, силен и уверен в себе, он чувствовал себя человеком. Настоящим, тем, про кого сочиняют книги. А может быть, даже и песни.

Она показалась минут через двадцать, когда Зимин уже немного замерз и намеревался включить подогрев рукояток руля. Тащила обои, две связки, в каждой по четыре рулона. Хватит.

Для того, чтобы оклеить кухню. В цвет линолеума. Да.

Да, на таком мотоцикле можно легко отправиться в кругосветное путешествие. От Атлантики до Тихого и дальше. Многие так и делают.

Зимин представил — вот она подходит, а он врубает первую и, не заезжая домой, отправляется в сторону восхода. В настоящее путешествие. В путь. В путь, воин дальних дорог...

— Обои, может, привяжешь? — сварливо осведомилась она.

— Привяжу, привяжу.

Зимин взял рулоны и стал их привязывать к багажнику. Получалось плохо, обои были скользкие и то и дело выскакивали и падали, выскакивали и падали. А в задний кофр вообще не влезали.

— Зимин, ну что ты такой придурок, а? — спросила она. — Ну, я же тебя просила тогда, а?

Зимин привязывал обои и думал про то, что она, наверное, права. Как всегда. Глупый был поступок. Зато сейчас есть с кем поговорить.

— Зимин, ну зачем тебе такой «БМВ»? — Она пнула мотоцикл в переднее колесо. — Ну, я же тебя уговаривала — давай купим нормальную вещь, а? Машину, с колесами, с четырьмя, а? С крышей, с печкой. Так ты же меня послушал разве, пошел — и купил, плевал на всех! Плевал на мое мнение, у тебя, видишь ли, мечта.

Зимин промолчал.

— Зима, ты бы хоть иногда меня слушал, а?

— С чего бы это?

— С того, что я тебя на четыре месяца старше! И умнее! И вообще...

— Как обои? — спросил Зимин.

— Обои гадкие, сортир оклею.

— Неоригинально, — сказал Зимин.

— Иногда хочется попошлить, — она пнула заднее колесо. — Вот ты вместо машины купил мотоцикл, купил — и теперь мы под дождем болтаемся. А я сортир обоями оклею. Если они, конечно, сейчас не размокнут, когда мы поедем.

— Я тебе предлагал машину, — Зимин наконец привязал обои и стал натягивать перчатки. — Ты же сама на права не сдала, я тебя предупреждал, что надо заниматься...

Она постучала по голове, получился деревянный звук. А потом постучала Зимина, звук получился примерно такой же.

— Буратинизируюсь, — пояснила она. — Беру с тебя пример. Вот, хотела обои человеческие, и то не получилось. Все как-то так, брат Кукушкин.

— Да ладно, — зевнул Зимин. — Делов-то. Подумаешь, обои не те...

— Зимин, я от тебя устала, — сказала Пара и стала застегивать куртку.

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Туча зацепилась за скалу и ползла, ползла, растягивая пузо, потом, конечно, лопнула, и на землю посыпался снег. Не снег какой-то, а мелкий град, похожий на пенопластовый порошок, только если бы его накрошили из бетона, он сыпал и сыпал, и кусты роз на фоне белого атели как будто ярче. Красное на белом.

Перец зевнул и посмотрел на небо.

— Давай скорей, — сказал он. — Погода портится, снег пойдет, уши отмерзнут, потом не приконопатишь. Давай уже, или передумал?

— Не передумал.

Безымянный взял палицу, перекинул из руки в руку, Перец поморщился, высморкался в кулак.

— Да брось ты эту дубину, — сказал он. — Дубина какая-то, топоры, алебарды, меня сейчас стошнит помидорами. Ты еще пистолеты свои достань.

— Это револьверы, — поправил Безымянный.

— Револьверы, пистолеты, мне все равно. Пришло время разобраться, а ты тянешь.

Перец вытащил меч из ножен, он блеснул ослепительно, солнечные зайчики прыгнули по сторонам, хотя и снег, хотя и розы.

— *Винтовки, морозы, и розы*
Завяли, прекрасны,
Но все же
Я больше люблю паровозы! —

Продекламировал Перец и продолжил: — Говорят, что если быстро над головой вертеть, то не промокнешь. Я с дождем проверял — ничего не получилось, теперь вот со снегом попробую.

Он принялся быстро-быстро вертеть мечом над головой, меч свистел, разрубал снежную материю, но все равно на голову Перцу понападало, да и в волосах позастревало снежного пшена.

— Вранье, — заключил Перец и приставил клинок к горлу Безымянного. — Так я и знал. И снег тоже ненастоящий... А как тебя зовут-то вообще?

— Какая тебе разница?

— Большая. — Перец перестал вертеть мечом. — Столько лет знакомы, а все имени не знаю — неприлично, понимаешь ли. И потом, я с кем попало не дерусь. Я все-таки благородный рыцарь, защитник страждущих и прочая-прочая, мне не пристало.

Безымянный пожал плечами равнодушно.

— Так как зовут-то? Ахиллес? Роланд? Как там у классика: «как ныне сбирается пеший Роланд отмстить бестолковым гусарам...» Да, сейчас так не умеют... Роланд? А нет, извини, конечно, ты у нас Вайатт Эрп, мегастрелок, как же, помню. Но я с тобой на пистолетах не собираюсь, ты меня пристрелишь, ты же мастер. Это нечестно. К тому же это ты меня вызвал, а не наоборот.

Перец почесал лезвием подбородок, щелкнул себя пальцем по уху.

— А значит, я, как оскорбленный, могу выбирать оружие. И я выбираю...

Перец задумался.

— Хочется соргинальничать, конечно, сказать, что будем биться на коромыслах...

— Хватит кривляться, — попросил Безымянный. — Время.

— Время — это отрывка материи, не нам им укоряться. Но напоминаю — мне, как

человеку благородному, не пристало биться со всякой безымянной сволочью...

— Повторяешься, давай к делу.

— Ладно, давай. Давай обойдемся без чинов, сделаю для тебя исключение. Я выбираю томагавки. Это нейтральное оружие, им мы пользуемся одинаково плохо, шансы уравниваются. Как?

— Согласен, — кивнул Безымянный.

— Тогда начинаем. Я пойду вон в тот конец, а ты жди тут, пока я тебя убью. Хотя нет, видишь то дерево? Возле него и сойдемся. Итак, ты готов?

— Да...

Безымянный упал в мох. Метров с трех высоты. Вот только что он стоял под снегом и беседовал среди камней, и вот вдруг упал в мох, безо всякого перехода, с трех метров. Оказался в лесу, недалеко от толстого узловатого дерева, на ветвях которого покачивались на ветру красные ленты, отчего дерево выглядело совсем как живое.

Он тут же вскочил и выхватил томагавки.

Он стоял в лесу, в роще с редкими ровными деревьями, ронявшими красные и желтые листья. Лес.

Безымянный закрыл глаза и стал слушать, и резко уклонился в сторону, и через миг в том месте, где только что была его голова, просвистел украшенный бисером индейский топорик. Безымянный остался стоять. Топорик воткнулся в дерево, вошел глубоко, почти всем лезвием. Так.

Безымянный не торопился. Потому что он знал — Перец хитер, и, скорее всего, этот топор всего лишь приманка.

— Молодец, — сказал Перец и выступил из-за недалекого дерева. — Впрочем, я и не думал, что все будет легко. Ап!

Он шагнул к Безымянному.

— Поединок, — сказал он. — Поединок, что может быть лучше? Вся мировая культура построена на схватке, дерутся все...

Он неожиданно возник в метре от Безымянного и сразу нанес удар, хитрый и практически неотразимый — снизу. Но Безымянный остановил его с легкостью, перехватив топориком в левой руке, и тут же ответил своим ударом в голову, справа. Перец уклонился, отскочил метра на два.

— Неплохо, — сказал он. — Неплохо, однако, понеслась?

— Понеслась.

Они сошлись снова, и это было быстро, топоры, ножи, руки мелькали, бойцы смещались, отпрыгивали, уклонялись, лязгала сталь, зубы скрипели. Не останавливались и не делали перерывов, быстро и беспощадно, и вдруг замерли, оба, в метре друг напротив друга.

У Безымянного остался уже один томагавк, в правой руке.

А по щеке у Перца широкой полосой текла кровь.

— Однако, — сказал он и потрогал себя за щеку. — Ты, дружок, отрубил мне ухо. Во всяком случае, половину точно.

— Бывает, — улыбнулся Безымянный. — Ну, у тебя же осталось еще одно.

— Куда-то сюда упало, — Перец поглядел под ноги. — Ладно, потом найду. Вряд ли кто-нибудь его сожрет, как думаешь?

— Вряд ли, — согласился Безымянный. — Тебя еще жрать, подавишься.

— Может, какие-нибудь лоси... Или бобры. Или они не жрут... Ладно, продолжим.

Они продолжили. Сталь, лязг, скрежет. Выпады, уклонения, выпады, уклонения. И через несколько минут стало ясно, что Безымянный сдает.

Он стал двигаться медленнее, и тяжелее дышал, и отражал атаки уже не так уверенно. Это придавало Перцу сил, он нападал все яростнее, удары стали мощнее, и с каждым из них

Безымянный отступал и чуть приседал.

Перец успевал не только нападать, он успевал еще разговаривать, так что казалось, будто строгий учитель читает нотации нерадивому ученику. Причем трындел Перец, как всегда, в излюбленной высокопарной казенной манере, сопровождая каждую фразу соответствующим выражением лица.

— И нарушилась связь, и пали запреты. И восстали холопы супротив своих властелинов...

Удар.

— И возмечтали стоять гордо и самим всем володети...

Удар.

— Невзирая на честь и на тех, кто поставлен над ними, говорили дерзко и взор не отворачивали! И сказал тогда я, укрепившись в правде, — да падут возомнившие!

Удар.

— Воздаяние им совершу!

Четвертый удар оказался особенно сокрушительным, Безымянный споткнулся о камень и упал, и Перец тут же оказался рядом, занес над ним томагавк. Безымянный же свой выронил, потянулся к нему, оглядываясь, и...

Дракон распахнул пасть, зарычал и плюнул огнем.

Зимин подпрыгнул в кресле, вцепился пальцами в подлокотник.

В этом моменте он всегда подпрыгивал. Все шесть раз. Знал и подпрыгивал. Знал, что вот сейчас сменится кадр, и возникнет он, страшный и великий.

И в этот раз он подпрыгнул тоже.

Фильм шел в 30, и огонь ворвался прямо в зал. Зимин в очередной раз почувствовал на лице жар и услышал, как трещат его волосы. По залу поплыл запах керосина и дегтя. Зимин знал, что это всего лишь его фантазия, фильм не снабжен генератором ароматов, но тем не менее он слышал запах керосина каждый раз, и ему нравилось.

Огонь безумствовал всего лишь мгновение, а когда он погас, в кадре никого уже не было. И снова между деревьями стояли двое, готовые друг-друга убить.

— Я вижу, ты решил призвать подмогу? — усмехнулся Безымянный. — Боишься, что один не справишься?

Перец сделал выпад, Безымянный отразил.

— Боишься?

— Боюсь. Боюсь. Я с детства боюсь, знаешь ли. Именно поэтому он со мной. Самый великий, самый страшный! Тьма, проявись!

Воздух задрожал, он начал как будто плавиться и стекать вниз, он сделался видимым, из прозрачного стал цвета ключевого кипятка. Мир за этим кипятком закачался в неразличимой зыбкости, горы и деревья расплылись и стали похожи на акварель, земля задрожала. И что-то огромное, состоящее из острых углов и кусков полированного черного металла, шевельнулось, с лязгом и каменным грохотом, и тут же скрежетнул металл, и возник дракон. Тяжелая мрачная морда, черная с узкими красными глазами, в которых плясало глубокое пламя.

— Вас познакомить?! — крикнул Перец. — Ты, смерд, знаешь ли, кто пред тобой?!

— Я... — Безымянный отползал, пытался то есть отползти, не получалось.

Дракон возвышался над ним, как скала, ожившая и снова замерзшая, и Перец тоже возвышался, перемазанный кровью, страшный и в то же время величественный.

— Да будет Тьма!

Эта сцена нравилась Зимину больше всего. В этом месте сценарий забуксовал, и чтобы его растолкать, потребовалась почти неделя. Зимин смотрел боевики, играл в боевики, пробовал боевики читать. Все для вдохновения. Не получалось, но Зимин был упрям. В конце

концов, он отправился в клуб исторической реконструкции и увидел там то, что хотел увидеть. Битву викингов на топорах. Конечно, это было не так красиво и не так гладко, но в общих чертах ему понравилось. Конечно, то, что происходило на экране, не очень напоминало свирепую скандинавскую рубку, но в целом дух дикости в фильм перенести удалось. Поэтому эту часть Зимин пересматривал несколько раз.

— Да будет Тьма!

Дракон заревел и снова исчез, растаял, слился с окружающим лесом.

И этот момент Зимин тоже весьма и весьма уважал, звукооператоры поработали на славу, стены и пол, и кресла, и сам воздух задрожали от мощи и величия.

Безымянный закрыл голову и уши. Он выглядел потерянно, он понимал свое поражение, он не сдавался.

— Вставай, дружище, час пробил, — усмехнулся Перец. — Не хочу, чтобы какой-то там кирпич украл у меня заслуженную победу.

Он рассмеялся, громко и счастливо, и ловко перекинул топор из одной руки в другую, топор описал дугу у него над головой.

— Нет, мой безымянный друг, не тягаться тебе со мной. Щенок еще, сопля, не может быть завета меж кроликом и львом, давай поднимайся. Нет, решительно в нашей жизни все пропитано древними греками! Вставай, поднимайся, посмотри в глаза своей судьбе! Бери топор, не нужно мне подачек.

Безымянный поднялся, дотянулся до томагавка.

— Ап!

Топоры скрестились и тут же сломались, рукоятки расщепились и разлетелись в разные стороны. Перец крикнул и ударил противника локтем в нос, Безымянный упал.

Кровь брызнула у него изо рта, из носа и, кажется, даже из глаз, казалось, что в голове у него лопнул налитый кровью пузырь.

— Лейтесь, слезы, лейся, кровь, вот и вся тебе любовь, — продекламировал Перец. — Люблю пошлые стишата, ничего не могу с собой поделать.

Перец подошел к ближайшему дереву и ударил по стволу кулаком. В воздухе закрутились красные листья.

— Гармония, однако! — сказал Перец. — Красное на красном, классика, только классика!

Безымянный поднялся на ноги. Он покачивался и выглядел страшно, весь перемазанный кровью.

— Повержен будешь ты, — сообщил Перец. — Осмелившийся путь мне преградить, глупец.

Он огляделся, увидел топор, направился к нему.

— Итог был предречен, — разглагольствовал Перец, разминая руки. — Готов ли ты узреть...

Перец сбился, заметил грязь на сапоге, попробовал стряхнуть, не получилось.

— Готов ли ты предстать... Короче, сдохнуть ты готов?

— Пошел ты, — ответил Безымянный.

— Зря, — сказал Перец. — Очень зря. Я мог бы тебя простить. Я милосерден и, в сущности, добр. Признай мою власть, не быкуй. И будешь счастлив.

Перец остановился, расправил плечи, приосанился.

— Короче, запишись в мои вассалы, и я дам тебе седло, слугу для чистки сапог, и рису двадцать мер, и ворвань, и сундук...

— Я же говорю — пошел, — перебил Безымянный.

Он тоже выпрямился. Лицо у него было разбито, нос смотрел в сторону, губы распухли. Безымянный улыбнулся, и оказалось, что у него нет трех зубов.

— Ты сошел с ума, — сказал Безымянный. — Остановись... Нельзя было его будить. Он — зло.

Безымянный указал на дракона, равнодушно наблюдающего за схваткой.

— Его надо убрать... Иначе... Отправь его. Иначе нам всем грозит беда! Всему миру!

— Это ты Вицлипуцли расскажешь, — сказал Перец.

И метнул топор. Не замахиываясь, коротким движением предплечья.

Дальше произошло странное. Топор посвистел в сторону Безымянного. Медленно, лениво рассекая холодный воздух, поблескивая на солнце, обещая скорую смерть. Безымянный неожиданно сместился чуть в сторону, наклонился и тут же взял летящий томагавк из воздуха. Инерция отвела его руку для ответного удара, и Безымянный этим воспользовался и тут же отправил топор обратно.

Только гораздо быстрее.

На лице Перца промелькнуло удивление. Вернее, даже не удивление, а его слабая тень. Потому что удивиться он не успел, топор со скрежетом врубился в правый наплечник, пробил его и застрял.

Перец с удивлением поглядел на томагавк и начал падать. Он заваливался медленно, но неотвратно на спину, раскинув руки и пытаясь поймать равновесие. Но равновесие не нашлось, и он, в конце концов, упал.

Безымянный подошел к нему легкой походкой, улыбнулся.

— Ты... — прошептал Перец. — Ты меня...

— Тише! — Безымянный приложил палец к губам. — Тебе нельзя много говорить, надо беречь силы. Иначе не проживешь те семь минут, которые ты должен прожить. Должен.

Безымянный подмигнул.

— Ты уж постарайся, иначе не увидишь... Знаешь, что я собираюсь сделать? Я его убью. Да-да, прикончу, поверь, у меня получится. Он уже почуял, что хозяин повержен, и вот-вот он спустится посмотреть на это поближе. И я его тоже удивлю. Совсем как тебя.

Перец хотел что-то сказать, но слов не получилось, только кровавое бульканье.

— Знаешь, что меня в тебе всегда раздражало? — спросил Безымянный. — Твои стишки. Твой казенный пафос. Твои жалкие попытки быть оригинальным. «Извините, что нарушаю куртуазность момента...» Тьфу!

Он плюнул.

— Но я, знаешь, приготовил тебе сюрприз. Маленькую приятность, знаю, тебе понравится. Я тоже сочинил. Не обессудь, юноша. Вот примерно так.

Безымянный принял позу декламатора, чуть откинувшись назад и поправив слипшиеся от крови волосы. Он прокашлялся, сделал плавный жест рукой и произнес, громко и с выражением:

*Думал Перец будет крут,
А теперь он просто труп.*

Где-то в вышине заревел дракон.

Безымянный поглядел в небо.

Пошли титры, и зажегся свет.

Зимин оглядел зал.

Народу было не очень много, хорошо, если пятая часть зала. Но его было больше, чем вчера, это Зимин отметил с удовольствием. И сегодня пришли не школьники, а люди

постарше. Да, почти весь сеанс они поедали попкорн и ржали, но все равно пришли же. Заметил Зимин и несколько любителей фантастики среднего возраста, очкастых и длинноволосых, они смотрели с пристрастием и почти не смеялись. Ну и дети.

Зимин был доволен.

Впрочем, на выходе настроение у него несколько ухудшилось, поскольку молодые люди выражались в том смысле, что кино, собственно, ничего, но второй раз они лучше на «Человека-Паука» сходят. Любители фантастики выходили молча, и по их виду было трудно понять — понравилось или нет. Самое обидное было, однако, другое — один из мальчишек, проходя мимо постера, заявил, что фильм на самом деле ничего, левым глазом вчера смотреть можно, а если его сравнивать с книжкой, то кино и вообще шедевр настоящий.

— А книжка так себе, — мальчишка поморщился. — Не осилил.

Они засмеялись и направились к ларьку с попкорном, Зимин же направился к выходу. Энтузиазм его серьезно угас, и он всюду подумывал о том, чтобы в следующий раз взять с собой наушники — сеанс закончится, и он сразу изолирует себя от окружающих какой-нибудь эльфийской мелодией. Чтобы не слушать вокруг себя всяких идиотов.

Зимин с тоской заглянул в буфет кинотеатра, заказал кофе. Из кофе он знал только капучино и эспрессо, но, если честно, он их даже не различал. Но хотелось чего-то горячего, он заказал себе сразу три порции и быстро выпил, почувствовав только раздражение оттого, что кофе оказалось мало.

Выходить из кинотеатра не хотелось. Зимин подумал — не стоит ли ему заглянуть на следующий сеанс, но вовремя одумался, решив, что это, пожалуй, будет патологично. А всякие патологии Зимин не жаловал. Поэтому он застегнул поплотнее куртку и вышел из кинотеатра.

Опять дождь. Туч не видно, но небо равномерно серое, моросило непонятно откуда, казалось, что отовсюду. Но не сильно, кстати, капли как пыль, скорее неприятно, чем мокро, не дождь даже, а какой-то воздушный пар, висящий в воздухе. Иногда этот пар собирался в большие капли, и они падали за шиворот и на голову. Зимин такого не любил. Дождь, мир, бесконечно печальный, мир, в котором давным-давно умерли все драконы.

Умерли, стали скелетами, и теперь их выставляют в музеях под видом унылых динозавров.

На скамеечке возле кинотеатра сидела Лара и ела мороженое, невзирая на дождь. В жару горячий чай, в дождь мороженое, принцип существования. Кошки ходят поперек.

— Мороженое будешь? — спросила Лара.

— Давай.

Зимин сел рядом. Мороженое было обычное, то самое, которое любила Лара, шоколадное с шоколадной же крошкой и с кусочками печенья. В мороженом она, Лара, была неудержима и могла съесть килограмм, а под настроение и больше. Правда, частенько мороженое безумие заканчивалось ангиной, температурой и ломотой в костях, но Лару это не смущало, поскольку в ангине Лара тоже находила удовольствие — обматывалась длинным красным шарфом, надевала красную шапку с помпоном и пингвинчиками, читала хриплым голосом лорда Байрона и пила горячий шоколад.

— Как горло? — побеспокоился Зимин.

— Побаливает, — улыбнулась Лара. — Но, думаю, в этот раз до ангины дело не дойдет. Как фильм?

— Понравилось, — ответил Зимин.

— В седьмой раз и понравилось?

— В шестой, — поправил Зимин. — А что? Тебе же мороженое нравится? Вот и мне нравится. Хороший фильм.

— Фильм поганый, — ухмыльнулась Лара. — Он позорит книжку.

Зимин промолчал.

Если честно, кино ему действительно нравилось. Оно не могло ему не нравиться, просто не могло. Конечно, он видел, что актеры переигрывают, что декорации так себе — в Голливуде такие делали в семидесятых, что компьютерная графика едва ли не самодельная... Хотя драконы получились неплохие. Да, он понимал, что фильм в лучшем случае на твердую троечку с плюсом в виде драконов. Но он не мог его не любить.

Потому что это был ЕГО фильм. Да, при доработке сценария киношники сильно отступили от книги и от его идей, и финал подразумевался не такой. Да, актеров выбрали не сильно похожих, но это ничуть не помешало Зимину полюбить фильм целиком, с первого кадра и до титров.

Потому что это был ЕГО мир. Он пусть и несколько неуклюже, но жил, дышал и был преисполнен и шума, и ярости, и боли; режиссеру, раньше снимавшему видеоклипы, каким-то образом это удалось показать. С премьеры прошло уже почти две недели, Зимин посмотрел фильм шесть раз, с сегодняшним семь. Он ежедневно читал отзывы в Интернете, следил за кассовыми сборами и втягивался в споры, если кто-то позволял себе неаккуратно сравнить фильм с «Властелином Колец». Ругался, нервничал и бегал по комнате и проклинал Голливуд с его фантастическими бюджетами.

Лару это смешило. И иногда злило, фильм ей совсем не нравился. Более того, на премьере она ушла с середины.

— Он позорит твою книгу, — повторила Лара серьезным голосом. — Извращает. У тебя печальная сказка, а тут туповатый боевичок. Кино надо было по «Беовульф» снимать, там любой дурак справился бы. На «Зиму» нужен был нормальный режиссер, там материал сложный, многоплановый, игристый, а они взялись со своим вечным слома... В результате родился кадавр. «В гостях у сказки» получилось, только с кровью. Жаль. Очень жаль.

Лара поглядела на мороженое, от стаканчика осталась половина. Лара чуть-чуть подумала, а потом сжевала оставшееся мороженое сразу.

Зимин с ознобом потрогал горло.

— Жаль, — сказала Лара. — Знаешь, в наши дни фильм можно снять только один раз. Второго шанса не будет, Зима. То есть вот это... кино, так скажем. Так вот, это кино останется навсегда, ты понимаешь?! Народ будет смотреть фильм «Зима в небывалой стране» и ржать, ты понимаешь?

— Нормальное кино, — Зимин пожал плечами. — Никто ржать не будет. Никто же не ржет сейчас.

— Конечно, не будут, — Лара стряхнула с волос дождь. — Потому что это забудут через месяц. Раньше забудут. Это все, финал. То есть не финал, это финиш. Финиш.

Лара брезгливо поморщилась.

— Короче, бездарность, — сказала она. — Даже хуже, бездарность бывает яркой, это не бездарность — это посредственность. Шлак.

Зимин промолчал, а Лара продолжала развивать критику.

— Там все бездарны, — заявила она. — Команда слепоглухонемых, кроме того, еще и умственно отсталых. Режиссер, художник-постановщик, композитор... Композитор — это отдельная песня! Там ведь не музыка, там грохот! Там от этого грохота со стен тараканы осыпаются, это ведь пошлятина ужасная — работать грохотом! У меня потом голова три дня раскалывалась, а я ведь до конца не досмотрела.

— Музыка как музыка...

— А ты можешь ее вспомнить? Ну, хотя бы одну мелодию? Нет. Потому что шум только. Грохот. Бум-бум-бум. Это же не композитор работал, а молотобоец!

Зимин попробовал возразить, но Лара его остановила.

— Девка, которая Лару играет, кряжистая и с глупым лицом, — сказала она. — Она вообще не подходит, ну, разве что рыжая. Да и то не рыжая, а крашеная. Она хной покрашена,

Зимин. Она что, дочка режиссера? У нее всегда одно и то же выражение лица — от этого повеситься можно. Если бы в кадре стояло полено, мы бы не заметили разницы.

Лара вытянула ноги. Зимин понял, что ей хочется поругаться как следует, и сел рядом на мокрую скамейку. Потому что предусмотрительно надел с утра кожаные мотоциклетные штаны.

— Так вот, эта девчонка все время смотрит в камеру, — продолжала Лара. — И вообще... Я же говорю, она не похожа.

— На кого? — спросил Зимин.

— На Лару. У Лары... У нее душа, у нее судьба. А у этой девки айфон — вот ее судьба. Он же тупая, это видно.

Зимин молчал, Лара продолжала:

— А Парцифаль? Ну, что это за Парцифаль?

Лара указала большим пальцем за спину, на огромный, вполстены кинотеатра, плакат.

— Это, по-твоему, Парцифаль?!

Зимин оглянулся на кинотеатр. Хотя мог бы и не смотреть, он знал этот плакат наизусть. Потому что точно такой, только меньшего размера, висел на стене в кухне. И в холле. И в туалете — Зимин не удержался.

А что, Парцифаль как Парцифаль, подумал Зимин, стоит, не падает. Наплечники, чешуя, меч — все, между прочим, натуральное, не бутафория, а реальная боевая копия настоящих средневековых доспехов, изготовленная в Чехии на заказ и стоившая весьма и весьма недешево. И орифламма развивается за спиной, и копье, и меч, все как он хотел, красиво, стильно.

— Чем тебе не нравится Парцифаль? — спросил он. — По-моему, вполне себе ничего Парцифаль.

— Вот именно — ничего. Ноль. Пустота. Этот мальчик раньше снимался в сериале про элитный колледж, — сказала Лара. — Он же хипстанутый от бровей до кроссовок, он же никогда на земле не ночевал! На коне не сидел! И — это Парсифаль?! Это красавчик. Красавчик! Пумпампусенька!

Лара повернулась и послала Парцифалью поцелуйчик. Затем достала из сумочки книгу, обернутую газетой, — Лара любила ретро. «Зима», угадал Зимин.

— Это «Зима в небывалой стране», — пояснила Лара и принялась листать. — Вот тут, я запомнила... Вот! Посмотри, если хочешь!

Она сунула книгу Зимину.

— Посмотри, если забыл, а я и так помню! Парцифаль невысокий, толстый и веселый, а это?! Это красавчик. Он не может быть Перцем! Ты что, не видишь? Это же дрянь все, это же туфта!

— Да нормально, — ответил Зимин.

— Нормально?! — ужаснулась Лара. — Ты что, не понимаешь, что вот после этого... — она ткнула большим пальцем через плечо, — никто ни одну твою книжку никогда не экранизирует! Они взяли и сняли невнятное гэ — и теперь все будут думать, что ты написал невнятное гэ...

— Уже насчет «Нисхождения» подъезжали, — возразил Зимин. — Я же тебе говорил, помнишь тот старый рассказ? Про пришельцев?

— Ну, помню. Так я бы на твоём месте права не уступала бы — еще одну дрянь снимут. С тобой теперь ни один приличный режиссер связываться не будет.

— Тьма хорошо получился, — перебил ее Зимин.

— Что?

— Тьма. Дракон. Хорошо, по-моему. То есть совсем не хорошо, отлично просто. Я его так и представлял. А тебе что, не понравилось?

Лара замолчала, потом поднялась на ноги.

— Не понравилось?

— Понравилось. Тьма хорошо получился, это да. Пойдем домой, Зимин? Обоим старые обдерем, новые поклеим, а? Я люблю обои клеить, в этом что-то есть. Как кожу меняешь.

— А я нет.

— Я тогда сама поклею. И вообще, мне холодно что-то.

— Нечего мороженое в дождь есть.

Лара не стала спорить, взяла Зимина под руку, и они пошагали домой по скучным и сырым осенним улицам, стараясь держаться деревьев, под которыми было посуше и лужи не отличались непроходимой глубиной.

От кинотеатра до дома было недалеко, но Ларе вдруг захотелось погулять еще, пусть и под дождем. Она замерзла и стучала зубами, но Зимин знал, что отговаривать ее бесполезно: если Лара решила гулять под дождем, наевшись мороженого, то она будет гулять под дождем, наевшись мороженого. Пусть хоть и ценой ангины.

Первое время они шагали молча, потом Лара стала рассказывать про какой-то замок в Калининградской области, в свое время в нем бывал сам Анри Четвертый, а сейчас там запустенье и энтузиасты в палатках. И за четыреста баксов можно снять комнату и жить два месяца при свечах и без электричества. А еще там есть старинный пруд, в котором когда-то топили еретиков, связывали крест-накрест — большой палец правой руки к большому пальцу левой ноги — и в воду...

— А на берегу там такие железные столбы, к ним ведьм приковывали. Ну, а потом сжигали, конечно. Здорово, а?! Там привидения, там подвалы. Ты представь — можно всю ночь провести в застенке?!

— Я же хотел рассказы начать, — напомнил Зимин. — Помнишь? В книгу их собрать...

— Начнешь там, — оборвала Лара. — Там тихо, там подземелья, там атмосфера. Витают музы, короче. Помнишь, когда ты «Зиму» сочинял — мы ведь тоже тогда в старой крепости жили.

— Ага... — кивнул Зимин. — Если нет электричества — как я буду работать? Ноутбук некуда подключить, принтер опять же...

— На машинке, — ответила Лара. — Как раньше. Как Рэй Брэдбери. Это же здорово, а? Будешь работать на машинке, стучать по клавишам — знаешь, я уже соскучилась по этому звуку. Ты же раньше все книги так начинал. Возьмем старую машинку. Помнишь, как она причмокивала?

— Ну, помню...

— Вот. Ее возьмем. Настоящая машинка. Со стертыми клавишами, с трескущей кареткой, все как ты любишь...

— И гном в ней для вдохновения...

— Что? — не расслышала Лара.

— Да ничего. Потом просто придется все в компьютер переводить...

— А ты не переводи. Так пошли. Ничего, сами переведут и сами все сделают.

Зимин хмыкнул.

— Не знаю... Может, ты и права. Слушай, так ведь сейчас осень, там, наверное, дожди идут, а крыша в замке протекает — как там вообще с бытом? Сурово небось. В умывальнике лягушка, в буфете крыски?

— Зимин, ты начинаешь раздражать, — перебила Лара. — Ты вообще когда в последний раз отдыхал, а? Ты знаешь, на кого ты сделался похож?!

Лара начала заводиться, и Зимин пожалел, что вступил с ней в спор, надо было

соглашаться на Калининград, черт с ним, с замком, бес с ними, с крысками, в конце концов месяц можно и без горячей воды пожить — раньше ведь люди как-то жили, и ничего, в космос полетели. А отдохнуть действительно не помешает.

— Ты целыми днями сидишь, уткнувшись в экран! — ругалась Лара. — В экран, в экран, сочиняешь, сочиняешь. Или в кино теперь ходишь! На этот дурацкий фильм! Ты же заикнулся на нем. Поедем в Калининград, а? Я знаю одну грязелечебницу, там прекрасные ванны из лечебной глины...

У Лары зазвонил телефон, она достала трубку, приложила к уху, стала слушать. Зимин представил грязевые ванны и вдруг подумал, что это, наверное, неплохо. Лежать в теплой булькающей грязи, вонючей и безнадёжной, забыв обо всем, с томиком Тарковского.

Хорошо.

— Да слушаю, слушаю, — нервно сказала Лара. — Я здесь. Здесь, на улице... На какой, на какой, на Успенской. Да, тут, рядом с церковью...

Зимин отошел в сторону. Он не любил находиться в зоне чужих разговоров, не хочешь слушать, а все равно слушаешь и начинаешь пытаться догадаться о том, что говорит неслышимый собеседник, начинаешь думать, что он тебя идиотом называет.

Улица была неожиданно пуста, наверное, из-за дождя. Ни машин, ни людей, только ленивый дождевой шелест в листьях, и еще со стороны парашютного завода гудение испытательной турбины. Осень.

Зима скоро, зиму Зимин любил больше всего, особенно декабрь. В декабре можно поехать в деревню, колоть звонкие дрова, топить печь и ждать Рождество, Новый год, каникулы ждать. Далеко еще, осень сейчас. Когда он сочинял «Зиму», тоже стояла осень, только не слякотная, как сейчас, а, напротив, теплая и какая-то радостная. Светлая осень, как у Пушкина в его Переделкине. Или в Болдине? Одним словом, в Мелихове.

Да, тогда была тоже осень, и он начал сочинять свою первую книгу и познакомился с Ларой. Он увидел ее в поликлинике и почему-то решил, что надо обязательно познакомиться, иначе... Иначе вся жизнь пойдет не так. Вообще-то он не любил знакомиться на улицах и в общественных местах и никогда не знакомился в кафе и в лифтах, но здесь вдруг понял, что иначе нельзя, что если он не подойдет вот к этой девушке, то будет жалеть всю жизнь.

И он не ошибся, иначе действительно было нельзя.

Зимин улыбнулся. Он уже давно собирался сочинить рассказ про их встречу в поликлинике, но не случалось нужного настроения, а сочинять кое-как не хотелось.

На противоположной стороне улицы стоял человек и смотрел на него. Именно на него, на Зимина. Стоял и пялился. И это Зимину совсем не понравилось, в этом было что-то неприятное, зачем кому-нибудь стоять вот так под дождем и смотреть?

Зимину вдруг пришла в голову забавная вещь, он поднял руку и помахал человеку. Тот едва не подпрыгнул, повернулся и быстрым шагом пошел прочь, кутаясь в плащ, прижимая локтем портфель с тяжелым низом.

— Псих, — сказал Зимин.

— Зимин! — позвала Лара. — Ты с кем уже разговариваешь?

— Ни с кем. А ты? Кто звонил?

— Мать, — улыбнулась Лара. — Не может дверь открыть, как всегда. В третий раз уже...

Зимин кивнул.

— Ладно, я сбегаяю, — Лара спрятала руки в карманы. — Часов в восемь буду. Мать обещала варенья дать. Правда, у нее только крыжовник, а ты не любишь.

— Он в зубах застревает, — сказал Зимин. — Как застрянет, так и сидит, иногда два дня, и только о нем и думаешь.

Крыжовниковые косточки Зимин ненавидел.

— Ладно... Может, поедem все-таки? Чаю попьем?

— Не, — помотал головой Зимин. — Я лучше домой. Подумаю о чем-нибудь... Тебя подожду. Я люблю тебя ждать.

— Как знаешь.

Лара побежала к остановке, а Зимин пошлепал в сторону дома. Через лужи он уже не перескакивал, а просто шлепал по ним, мотоботы позволяли.

От кинотеатра до дома было недалеко, Зимин добрался за пятнадцать минут.

У подъезда стоял человек. Тот самый, что смотрел на него через улицу, Зимин его узнал, хотя ничем выдающимся человек не отличался. Плащ у него блестел от дождя, человек переминался с ноги на ногу и прижимал к себе портфель.

Не грабитель, подумал Зимин. Вряд ли грабитель станет так прижимать к себе портфель — предмет, совсем для ограбления не приспособленный. Хотя, может, у него там дубинка, или травматический пистолет, или... Кирпич. Почему-то Зимину представилось, что в портфеле лежит кирпич. Старый, со сколотыми краями, завернутый в пожелтевшую газету. Этаким классический грабитель, вместо того чтобы использовать современный электрошокер, он по старинке грабит, кирпичом.

Зимин немного замедлил шаг. Не нравился ему этот дядька, совсем не нравился, а отворачивать было уже поздно, тогда тот подумает, что он трусил... Зимин тут же стал презирать себя за то, что его вдруг взволновало чужое мнение, потому что он сам презирал чужое мнение, а тут приходилось презирать себя, и это тоже злило и раздражало.

А вообще надо было тоже брать шокер, подумал Зимин. Собирался ведь. Вот этот псих кинется, а он его... А, ладно.

Зимин достал из кармана ключи. Тяжелую связку, с небольшой чугунной гирькой в виде брелока, специально такую купил, в оборонительных целях.

— Здравствуйте, — сказал человек с портфелем.

Ну вот, началось, подумал Зимин. Поздоровался, сейчас денег попросит одолжить или телефон — у него тетя тут за углом вывихнула конечности и теперь ей срочно нужна «Скорая», а деньги на мобилке закончились, поэтому нельзя лину, и так далее. Или миксер хочет продать, уют, который сам гладит, сушилку, которая сама сушит.

Зимин попытался пройти мимо, стараясь смотреть в сторону, чтобы у человека не было повода прицепиться, но не получилось.

— Здравствуйте, Виктор Валентинович, — человек попробовал улыбнуться.

«Дело хуже, чем представлялось раньше, — подумал Зимин. — Он меня знает. Паршивый день, определенно паршивый, лягушки с потолка только что не валились. Но это, видимо, еще впереди».

— Здравствуйте, — в третий раз повторил человек. — Я так рад вас видеть! Это... Это просто чудо!

— Ага, — ответил Зимин. — Чудо-чудо.

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ТАБУРЕТКЕ

— А я тоже в кинотеатре был, — сказал человек с портфелем. — Тоже ваше кино смотрел. Мне очень понравилось! Очень! Здорово!

Зимин молчал. Человек как человек, совершенно обыкновенной наружности, ничего выдающегося вроде. Скучная внешность, плащ, шляпа дурацкая, портфель. Зимин опять уставился на портфель.

Старомодный. Почему-то теперь все портфели кажутся старомодными, но этот действительно старомодный, из восьмидесятых годов, наверное, да еще и потертый изрядно. Ручка медная и отполированная до блеска, похожа на эфес от шпаги. Сшит толстыми нитками. Отличная вещь. Что за человек может с таким ходить? Бухгалтер.

В последнее время Зимин заметил, что перестал угадывать людей. Раньше он мог практически с первого взгляда определить — шофер, продавец, офисмен, а теперь вот как-то разучился. То ли люди стали меняться, то ли сам Зимин.

А этот с чемоданом. Что там у него может быть, кроме кирпича?

— Мне кино понравилось, — сказал «портфель». — Качественное. И с душой. Особенно, конечно, Тьма хорош. Я вот таким его и представлял. Он такой... Роковой.

Папка? Папка с бумагой. Пухлая папка, тяжелая — портфель явно немало весит. А пухлая папка с бумагами это всегда...

Зимин почувствовал раздражение. Писатель. Коллега. А в чемодане у него роман в пятьсот девяносто страниц. Про то, как одного мальчика обижали одноклассники, и он с горя записался в секцию исторического фехтования, а потом, само собой, провалился в псевдоисторическую эпоху, быстро победил лучших бойцов, влюбил в себя симпатичнейших принцесс, двинул прогресс, по-быстрому внедрив аркебузы и правильную тактику боя. Отогнал от рубежей беспощадных врагов. И это только книга первая. И сейчас этот коллега начнет просить поглядеть его сочинение и непременно дать ответ, как просили уже не один раз...

Зимин достал ключи и попытался войти в подъезд. Замок не открывался. Обычно он не открывался зимой, но сейчас до зимы было еще далеко.

— Меня зовут...

Карманов, вдруг подумал Зимин. Нет, Кардамонов. Его зовут Ацетилен Кардамонов, он метареалист. Или квазиреалист. Экзореалист. Некрореалист. Точно, некрореалист-новатор... Ты-тырин! Точно, как он мог забыть!

Зимин представил, о чем может писать некрореалист Ты-тырин, и рассмеялся немного истерически.

— Моховиков, — сказал негромко человек. — Евгений Моховиков...

Зимину сделалось тоскливо и холодно и захотелось домой, поэтому он предпочел форсировать события, наброситься на некрореалиста Моховикова превентивно, растоптать его на месте, и быстро-быстро домой.

— Здравствуйте, — Зимин протянул Моховикову руку, и когда тот протянул свою, крепко сжал.

Моховиков едва удержался от вскрика, а Зимин уже продолжал наступление:

— Тот самый Моховиков? Некрореалист?! Как же, как же, знаю! «Мать вивисектора»! Читал! Читал с удовольствием! Практически наслаждался! Покрывался ознобами! Как сейчас помню, особенно сцену, где главный герой прикидывается, как ему лучше...

— Нет! — почти воскликнул Моховиков. — Нет, я не реалист! То есть я не некрореалист, я по другому вопросу...

— Как? — удивился Зимин. — Не некрореалист, значит... А похожи, если честно...

Ну да ладно, у всех свои проблемы, бывает. Значит, вы парики продаете?

— Парики? — растерялся Моховиков. — Почему парики, зачем...

— Знаете, Моховиков, — строго сказал Зимин. — Вы уж как-то определяйтесь: или вы некрореалист — или парики продаете. А то черт-те что, право... Желаю, однако, здравствовать.

Зимин похлопал человека с портфелем по плечу и попробовал опять открыть дверь, приложил ключ к замку посильнее. Не получилось.

— Зачем вы его убили? — спросил Моховиков.

Псих. Опять псих, подумал Зимин. Плохо их в психушке лечат, вот они туда-сюда и шастают. Пристают к нормальным людям. Молчать, только молчать.

Зимин постучал ключом в дверь — может, консьерж услышит? Хотя он даже если и услышит, вряд ли станет открывать — мало ли кто шляется вокруг, у приличных людей у всех свои ключи имеются, а камеру наблюдения украли еще на прошлой неделе.

— Вы ведь его убили, — повторил Моховиков с укором. — Непонятно, зачем...

— Кого я убил? — устало спросил Зимин.

— Парцифалю, — негромко сказал Моховиков. — Кого же еще?

Зимин почувствовал, как заболела голова. Не сильно, но назойливо, как будто там, под кожей на левом виске поселились жуки с острыми лапками, такие мелкие суетливые твари.

— Вы убили Парцифалю, — повторил Моховиков.

Надо уходить, подумал Зимин. Это точно псих. И в чемодане у него точно кирпич. Обмотанный тряпками, чтобы звука не слышно было.

— Ага, — кивнул Зимин. — Ну, конечно, убил. Именным дыроколом.

И Зимин двинул в сторону, вдоль дома, по дорожке. Бродить под дождем не хотелось, но устраивать беседы у подъезда хотелось еще меньше, и так соседи все время чем-то недовольны. Он, видите ли, держит мотоцикл у подъезда и разрешает детям на нем сидеть. А если он упадет и придавит? Зимин пытался объяснить, что он его к ограде цепью пристегивает, двойной цепью, нет, все равно упадет и придавит...

Беседа о литературе под окнами популярности ему не добавит, это уж точно.

— Погодите! — попросил Моховиков. — Зачем вы уходите, я же ничего плохого не хотел...

Зимин не обернулся, перескочил через невысокую оградку и пошел по асфальтовой дорожке. Самым быстрым шагом.

Моховиков, однако, не отставал.

— Понимаете, я давно хотел с вами поговорить, — бормотал он. — Давно, уже год, наверное. Только никак не получалось. Знаете, я много думал о всей этой истории, я думал, что это, наверное, совпадение... Хотя таких совпадений, конечно, не бывает...

— Совпадения бывают какие угодно и когда угодно, — ответил Зимин. — Уж я-то об этом прекрасно знаю. Весь мир построен на совпадениях.

— Может быть. Только это точно не совпадение, поверьте! Я много думал... Я почти целый год думал. И я кое-что нашел. Понимаете, это удивительно! Это может быть великое открытие! Знаете, а началось все с кошки... Вы ведь любите кошек?

— Ненавижу кошек, — тут же ответил Зимин. — Совершенно искренне ненавижу. У меня в детстве стригущий лишай был, знаете, после этого как-то трудно кошек любить.

— Но ведь в «Темной материи»... — немного растерялся Моховиков. — Там ведь слоган «кошки ходят поперек»...

— И что? — сощурился Зимин. — А если бы там был слоган «убивайте всех уродов»?

— Не знаю... Просто у меня есть кошка.

Зимину захотелось застонать. Собственно, он и застонал, только молча, глазами, зубами еще немного скрежетнул.

— Понимаете, моя кошка то и дело куда-то пропадала, — продолжал рассказывать Моховиков. — Конечно, она не кошка была, а кот, я его возле магазина купил, но уж так привык называть... Возле гастронома купил, за двадцать рублей, дети продавали. Котик оказался очень непростой, смесь сиамца и перса, симпатичная такая тварь, но своенравная. По туловищу шерсть короткая, а на голове, напротив, густая, как лев совсем.

Зимин уже застонал. Он представил, как сейчас ему будут рассказывать про особенности кормления и стула, про тримминг и про то, как выводить клещей, и захотел оглохнуть и убежать, но Моховиков схватил его за руку.

— Отличная кошка, — вздохнул Моховиков. — Если, допустим, ноги болят, она подходила и ложилась на них. То есть он...

— Это великолепно, — перебил Зимин. — Искренне рад за вас, вам повезло. Но мне пора идти. Извините, я там носки сушить развесил над плитой, боюсь, что сейчас начнут поджариваться. Жареные носки — не то блюдо, которое я хотел бы сегодня на ужин...

— Нет, вы не понимаете! — воскликнул Моховиков. — Не понимаете! Это была необычная кошка! Знаете, однажды я пошел на работу, ехал в автобусе, ну и это... Склока с контролером, одним словом, инфаркт получил.

— Контролер?

— Нет, я, конечно.

Зимин поглядел на него с недоверчивостью.

— Увы, — пожал плечами Моховиков. — С детства, знаете ли, сердечная недостаточность. Но это ничего, я уже привык, неважно. Так вот, я попал в больницу, и выписали меня только через две недели. Я прихожу домой, думаю, кошка там уже с ума вся сошла, открываю квартиру — а ее нет. Исчезла!

Последнее Моховиков произнес с восторгом.

— Кошка исчезла! А между тем она не могла исчезнуть! Квартира была закрыта! Я тут же кинулся кошку искать. Звал, консервы открыл, молока пакет. А ее не было! Мускат исчез!

— Может, она в диване сидела, — предположил Зимин. — Знаете, кошки ведь очень пронырливы, могут куда угодно пролезть.

— Я диван проверял, — заверил Моховиков. — Я каждую щель проверил. Под ванной, в туалете, на балконе, в кладовке. Всё-всё проверил — не было ее. Не было!

— Это, безусловно, чрезвычайно интересно, — Зимин попробовал быть вежливым. — Исчезновение кошки — фантастическое событие. Буквально прохождение Венеры через солнечный диск. Нашествие помидоров-убийц. Падение Тунгусского метеорита.

— Виктор, почему вы не понимаете? — спросил Моховиков. — Это же элементарно! Кошка исчезла из закрытой комнаты! А потом она появилась. Ночью! Раз — и появилась!

— В форточку залезла, — предположил Зимин.

— Я на четырнадцатом этаже живу!

— Кошки — ловкие твари, — возразил Зимин. — Мало ли куда они могут залезть? У них мозг ведь с горошину. Я видел, как однажды кошка залезла в банку из-под сгущенки. Конечно, это была не самая большая кошка, но тем не менее.

— Но форточка была закрыта!

Зимин почувствовал, что устал окончательно.

— Все, как вы описывали в «Темной материи»! — воскликнул Моховиков. — Понимаете, моя кошка умела находить иные пути!

Слово «иные» Моховиков произнес мистическим голосом.

— Я как это понял, так сразу эксперимент провел.

Зимин представил этот эксперимент. Моховиков берет свою кошку-кота, запивает ее в железную банку средних размеров, после чего бросает в пучину. А через неделю эта необычная кошка обнаруживается у него на кухне.

— Я отвез ее за три тысячи километров на самолете и выпустил в лесу, — сообщил Моховиков. — И буквально через два дня она снова была дома!

— Обратитесь в «Светлую силу», — устало посоветовал Зимин, — там любят такие истории. Типа кошки управляют хозяевами посредством токсоплазмоза! Про вас снимут фильм, возможно, даже деньги заплатят. У вас токсоплазмоз в какой стадии?

— Это ведь доказывает! — не услышал Моховиков.

— Ничего это не доказывает, — оборвал Зимин. — Это все? Вы мне хотели рассказать про кошку, которая ходила сама по себе?

— Нет, не все. Я просто хотел спросить — а как вы поняли? Как вы догадались?

Зимин промолчал.

— Вы ведь поняли, в этом у меня никаких сомнений, — продолжал бормотать человек. — Вы поняли — и написали в ваших книгах. Там ведь все правда, я знаю, правда... Только мне непонятно, зачем вы убили Парцифаля?

— Он мне надоел, — грубо ответил Зимин. — Вот, примерно, как вы. Он надоел мне — и я его убил. Замолил. Сбросил с моста! Похоронил во льдах. Я — автор! Я! Я могу делать со своими персонажами все, что мне захочется! Убивать, воскрешать, женить, на Луну отправлять. ВСЁ, ЧТО ЗАХОЧЕТСЯ! Они мои!

Зимин вытянул руку ладонью вверх, затем резко сжал кулак

— Вот так! Всё, надеюсь?! Я удовлетворил ваше любопытство?

— Нет...

— Вам что, еще что-то надо?! Рассказать что-нибудь? Вас наверное, интересует мой творческий метод — о! — он всех интересует!

— Да, конечно... Не очень интересует... Просто я не понимаю, как вы могли не почувствовать...

Моховиков огляделся.

— Это ведь все знают.

— Кто все знают? Что все знают?

— Он жив, — улыбнулся Моховиков. — Вы его убили, а он жив.

Зимин почувствовал на спине неприятный холод. Он никогда раньше не встречался с настоящим психом. То есть с клиническим, обычных ненормальных вокруг было море, и они Зимина не очень пугали, а вот с настоящим... Он думал, что это ординарный зануда, неудачник, обчитавшийся фантастикой и решивший, что в ней есть хоть слово правды. Таких много. Собственно, они и есть основные читатели, их надо любить, и он, Зимин, их любит и терпит... А этот оказался настоящим.

— Его не я вообще-то убил, — сказал Зимин.

— Как же, — Моховиков мелко кивнул. — Вы. Вы и убили.

— Его Кретьен де Труа убил. Слыхали про такого?

— Кретьен... де...

— Труа, — закончил Зимин. — Другой деятель культуры. Впрочем, это неважно.

Как там? Зимин вспоминал. Психов, кажется, лучше не злить, во всем с ним соглашаться, говорить спокойно, рассудительно, не провоцировать. А то у психа портфель, а в портфеле помимо зонтика непонятно что. Граната. Обрез. Такой коротенький двустольный обрез, калибра этак шестнадцатого, патроны с позеленевшими латунными гильзами, сейчас он выхватит этот обрез...

Или топорик. Это еще удобнее, бесшумно и эффективно, раз-два, покати́лась голова, и все в русских традициях.

— Вы убили.

А пошел он, вдруг подумал Зимин. Почему все время терпеть? Психов и то терпеть приходится, что за жизнь такая бесконечно тоскливая? Зимин разозлился.

— Вы дурак?! — резко спросил он. — Вы дурак, или кто? Я не хочу с вами общаться, а вы меня преследуете! Значит, дурак.

— Нет, я не дурак, просто...

— Просто у меня на лбу короста, — ответил Зимин.

— Просто меня зовут Кокосов, — тихо сказал Моховиков.

— Прекрасно! — Зимин хлопнул в ладоши. — Вы то Моховиков, то Кокосов. Кокосов-Моховиков! А?

— Все правильно, — кивнул Моховиков. — Я Моховиков, но у моей мамы фамилия Кокосова, так что я...

— У моей мама фамилия Романова! — перебил Зимин. — Мне что теперь, претендовать на российский престол?!

— Нет, конечно... То есть как хотите... Я хотел сказать, что вот вся эта история, она произошла со мной! Так вот... — выдохнул Моховиков-Кокосов.

Зимин не останавливался — нечего подкармливать психа, он, Зимин, гуляет вокруг дома, а какой-то псих тащится за ним, ну и что? Мало ли на свете психов? Каждый четвертый, если не больше.

— Эта история произошла со мной, — повторил Моховиков.

Зимин шагал. Мечтал об одном — чтобы этот Моховиков запнулся и упал, растянувшись в луже на асфальте. А он бы тогда побежал. А что? Пробежался бы немного, подальше от психа, подальше... В Калининград! В замок! В подземелья! Никакого электричества! Никаких Моховиковых! Никаких Кокосовых!

— Да погодите же вы! — Моховиков догнал.

Зимин подумал, что сейчас Моховиков схватит его за рукав, но тот воздержался. Просто перегородил дорогу. Собой.

— Я — Кокосов Евгений Валентинович...

— Эсквайр? — уточнил Зимин.

— Что?!!

— Ничего. Вы головой в детстве часто ударялись?

— В меру... Я любил на мопеде...

— Что вам нужно? — отдельно и с крайней степенью недоброжелательности в голосе произнес Зимин. — У меня дела, я тороплюсь, а вы меня отвлекаете. У вас что-то серьезное?

— Да, конечно. Всего несколько минут, и я уйду. Честно! Я не сумасшедший, поверьте, просто мне надо кое-что выяснить...

— Хорошо, — терпеливо, но по-прежнему недоброжелательно сказал Зимин. — Хорошо, я вас слушаю. Хотя если честно, мне не очень нравится беседовать под дождем.

«Ошибка, — подумал Зимин, — зря я про дождь сказал, сейчас этот сумасшедший попросится в гости». Но Моховиков в гости не стал набиваться, раскрыл портфель. Зимин напрягся, ожидая, что сейчас из портфельных недр будет извлечено-таки нечто опасное...

— Зонт, — пояснил Моховиков. — У меня есть зонт, так что если вы промокли...

— Давайте скорее уж, — отмахнулся Зимин. — Что вы еще хотели спросить?

Моховиков стал неуклюже убирать зонт в портфель, Зимин ждал. И думал, что надо было поехать к матери Лары. Сейчас бы пил чай с крыжовником в теплой кухне, выковыривал

бы языком косточки из зубов и томился от рассказов про дачу, про то, что редис не взошел, в луке черви, а салат поедают ночные слизни, а дядя Ваня...

Хорошо было бы.

Но он не поехал.

И теперь стоял под дождем. Весь день под дождем, а вот если бы на второй сеанс остался, то не промок бы.

— Я хотел спросить... То есть... я не знаю... А что, если его нельзя было убивать?

— В каком смысле?

— В том... Это ведь может повлиять...

— На кого?

Зимин дал себе слово быть терпеливым. Терпеливым-пре-терпеливым, терпеливым воздастся.

— На Парцифаля! Понимаете, вы его убили в книжке, а это ему может повредить...

— Я все-таки пошел, — сказал Зимин. — Мне честно надо, ко мне должны сейчас японцы прийти, а я тут с вами болтаюсь.

— Ну еще минутку! — Моховиков-Кокосов стал возиться со своим портфелем. — Буквально минутку! Вы ведь понимаете, что оно все так... Знаете, вы вот мне не поверили, а эта история, ну, которая в «Темной материи», она со мной произошла. Один в один практически. Поэтому я очень удивился, очень... Знаете, я живу не слишком далеко...

— А не желаю знать, где вы живете, — оборвал Зимин. — Живите себе где хотите, это ваше личное дело.

— Да-да, понимаю, хорошо, — Моховиков старался открыть портфель, у него не получалось. — Недалеко, день на поезде, правда, пересадки... Но это неважно, совсем неважно. Это все со мной произошло, вот смотрите...

Он справился с замком портфеля, откинул крышку, достал крокодила.

— Вот, смотрите, — Моховиков протянул крокодила Зимину.

— А что, собственно, смотреть? — пожал плечами Зимин. — Ну, крокодил. Выцветший. Они быстро выцветали, кстати, особенно если на подоконнике стояли.

— Это белый крокодил, — сказал Моховиков.

— Вы меня утомили, — сказал Зимин. — Желаю не простыть, сегодня сыrovато.

— Еще! — почти выкрикнул Моховиков.

Он снова углубился в свой портфель, совершил неловкое движение, дернулся и уронил крокодила, и стал его поднимать, и едва не уронил сам портфель, и замер в раскоряченном положении.

Зимин назвал себя дураком и поднял крокодила. Не хотел, а поднял. Как-то неприятно это выглядело — крокодил, чистый, старый, пластмассовый, лежал в луже... неприятно.

Он поднял крокодила и протянул его Кокосову.

— Спасибо, — кивнул тот. — А не могли бы вы его... немного подержать?

— Ладно... — Зимин стряхнул крокодила от воды и сунул под мышку.

Кокосов нелепо улыбнулся и в этот раз извлек тетрадку. Толстую тетрадку на пружине, гораздо больших размеров, чем обычную, с обложкой из плотного клееного картона, на обложке был изображен ворон.

«Ну вот, — подумал, Зимин, — что и требовалось доказать. И к чему был нужен весь этот цирк? Молодой талантливый автор хочет, чтобы я ознакомился с его романом. С тем самым, про выживание бравых ролевиков в мире беспощаднейшего протославянского фэнтези».

— Вы посмотрите, это интересно, — сказал человек.

— Да я...

— Вы должны ее написать! — сказал человек страстно. — Новую книгу!

Он резко сунул Зимину в руки тетрадь, и Зимин взял ее, машинально, но взял.

А человек развернулся и побежал. Зимин хотел что-то сказать, но не успел — Кокосов удалился настолько быстро, и настолько это было нелепо, что Зимин растерялся. Так и стоял — с тетрадью в руках и с крокодилом под мышкой.

Ситуация тупейшая. Зимин даже огляделся — не видит ли кто? Выглядеть тупым Зимин не любил.

Но, кажется, никто не видел.

Возвращаться домой с крокодилом в руках почему-то показалось глупым. Зимин огляделся. Улица была пуста. Приближались ранние осенние сумерки, окна зажглись желтым. Зимин зевнул, оставил крокодила на ближайшей скамейке и быстро пошагал к подъезду. Он торопился, ему почему-то казалось, что безумный Кокосов-Моховиков обязательно вернется, и все начнется с начала, и не будет из этого никакого выхода. А крокодил хороший, его кто-нибудь да найдет.

— Бред, — сказал Зимин сам себе. — Бред простер надо мной свои слизистые крылья. И кожистые. И пошел я домой, где ждет меня заварная, надеюсь, коврижка.

Он пошел к подъезду и встретил там Лару, она поджидала возле подъезда, грызла самодельные сухари.

— Ты чего это, Зимин? — спросила Лара. — Начал гулять под дождем?

— Да нет, встречался просто. С одним... человеком.

— А это что? — Лара указала на тетрадку. — Забытые карты сокровищ?

— Рукопись, найденная в табуретке... — пробормотал Зимин.

— Что? — не поняла Лара.

— Детское домашнее творчество.

Лара кивнула на тетрадку.

— Могу поспорить, это что-то гениальное, — Лара зевнула и стала стягивать с шеи шарф. — Мир содрогнется от восхищения... Нетленка детектед. Рукопись, найденная при печальных обстоятельствах, ну как же, читывали. При этом она раскрывает тайны мироздания, заговор тамплиеров, пряная соль кухонной конспирологии... Слушай, пойдем уже домой, а? Я, конечно, люблю дождь, но сегодня я что-то устала.

Они вошли в подъезд, здесь было тепло и пахло цветами. Консьерж поздоровался, спросил, как дела, и указал, что кнопка «8» в лифте западает, но это ничего, он уже вызвал мастера, так что к вечеру все будет в порядке.

Кнопка «8» действительно западала, и Лара не преминула это проверить, вместо того чтобы поехать к себе на десятый, она стала стараться уехать на восьмой, стала давить, стучать и ругаться, и в конце концов это увенчалось успехом и лифт отправился на восьмой. На восьмом же Лара заявила, что подниматься на два этажа на лифте — это буржуазно, можно и пройтись, Зимин не стал спорить, и они отправились на десятый пешком.

— Никакой ключ у нее не застрял, — рассказывала Лара про мать. — Просто она решила шубу выкинуть, и ей требовалась подмога, а у самой рука никак не поднималась. Вот мне и пришлось... Короче, я почти два часа дышала молью. А ты? С психом все это время разговаривал?

Они вошли в квартиру, Зимин с удовольствием почувствовал запах индийских благовоний, которые он ненавидел, а сейчас был рад их услышать.

— Значит, ты с психом общался? — спросила Лара.

— Ну да, — Зимин сворачивал и разворачивал в трубку тетрадь. — Разговаривал...

— Ты, Зима, классикой пренебрегаешь, — Лара сняла куртку, набросила ее на вешалку. — Никогда не разговаривайте с незнакомцами — забыл уже?

— Да я и не собирался... Просто он... Короче, да, псих. И история психованная.

Прикинь, он сказал мне, что я...

— Не надо, — остановила Лара. — Я и так в угнетенном состоянии духа, а тут еще истории про ненормальных. Это слишком, ты уж меня, пожалуйста, избавь.

— Хорошо.

Из кухни показался Никус с отлежанной мордой, Никус сказал «мав» и неуклюже полез на антресоли.

— Соседи жалуются, между прочим, — Зимин указал на кота. — Он по окнам лазает.

— Все кошки лазают по окнам, — возразила Лара. — На то они и кошки, знаешь ли.

— Он не просто лазает, он смотрит.

— Как это? — Лара принялась стаскивать сапоги, сапоги не слезали.

— Так. Сядет на подоконник, морду расплющит и смотрит. Смущает, одним словом.

— Ну, пусть они шторы закрывают, — посоветовала Лара.

— Они закрывают, а он умудряется смотреть сквозь.

— Они тоже ненормальные. — Лара справилась с сапогом, отбросила его к двери. — Психи и кошкофобы.

Зимин пожал плечами.

— Знаешь, Никус кого хочешь может запугать. У него темный взгляд, я понимаю, что люди пугаются...

— Как его зовут? — спросила Лара.

— Кого? — не понял Зимин.

— Гения.

— Моховиков, кажется... А, нет, Кокосов. Зимин постучал по голове.

— В каком смысле Кокосов?

— В том самом, — ответил Зимин. — Его зовут Кокосов Евгений, и он заявил мне, что является персонажем моей книги. «Темной материи», если конкретно.

Лара промолчала.

— Что? — спросил Зимин. — Что молчишь?

— Что, что, поздравляю, — усмехнулась Лара. — К тебе начали являться собственные герои. Это знак, Зимин, это знак.

— Что за знак?

— Знак, что пора проветрить голову.

Лара совершила у виска замысловатую конфигурацию пальцами.

— Пора проветрить голову на побережье Балтийского моря, — сказала она. — Пора поесть шпроты. Пора купить мне настоящие янтарные бусы, пошлые и тяжелые. Резюмирую — пора в Калининград, пора в Калининград, в Калининград.

— Может, и пора...

Зимин помассировал над глазами.

Лара подошла к окну.

— Через неделю можно отправляться, — сказала она. — Я поговорю про билеты... Там кто-то есть, под окном стоит. Это не твой псих?

— Ага, — сказал Зимин. — Теперь все психи мои. Буду их сушить и складывать в антресоли.

ДНЕВНИК

Здравствуй, дорогой дневник!

Ну вот, кажется, так дневники начинают.

В среду у меня начали выпадать волосы.

Хотя, вполне может статься, это была не среда, а пятница, не знаю. По-моему дневнику среда. Два дня назад я решила вести дневник, тогда был понедельник. То есть я сказала себе, что понедельник, на самом деле не знаю. Я не знаю даже какой месяц, мне нравится сентябрь.

Здравствуй, сентябрь, до свидания, лето. В последний раз, когда я видела солнце, было лето, но с тех пор прошло много времени. Так что сейчас наверняка осень.

А дневник я веду потому, что мне страшно.

Наверное, даже не страшно, а тоскливо, а поговорить толком не с кем. С Дрюпиным бесполезно, он перепуган до смерти, зубы трясутся, глаза бегают. Из бокса не выходит почти, хорошо хоть под кровать не прячется. Хотя, может, он и прячется.

А по ночам плачет. Я слышу. Сначала я думала, что это мыши тоскуют по ночам, но нет, здесь нет никаких мышей. Это Дрюпин. Плачет о своей судьбе.

Если честно, я тоже попробовала. Плакать. Плачешь-плачешь, и ничего. Никакого облегчения, только глаза потом болят. Утром. Или днем. Единственное, о чем можно догадываться здесь — это о времени суток. Обычно я хорошо чувствую ночь. Едва начинает темнеть, а я уже знаю — ночь идет, и глаза начинают слезиться. На них давит, иногда так, что я покорно отправляюсь спать, и сны мне при этом снятся совсем красные.

Да, про волосы. Я их решила отращивать, сантиметра на три вытянулись, и тут вдруг вот... С утра на подушке целый клок. Или не клок, не знаю, как правильно называется. Много волос. Смотреть на это было грустно, я собрала их в пакет и затянула резинкой, надо было выкинуть, но я почему-то не решилась, спрятала в карман. И отправилась к Дрюпину. Хотя отправляться далеко не пришлось, Дрюпин жил здесь же, через стену, в соседнем боксе.

Постучала в дверь.

Они здесь другие, не такие, как на прошлой базе, здесь они гораздо толще, стучишь, и звук получается глухой, как в камень.

— Кто? — робко спросил Дрюпин.

— Я.

— Сейчас.

Дрюпин сделал себе магнитный замок, разобрал какой-то прибор со склада и установил на дверь пружину и магнитное кольцо. Чувствует себя в безопасности. Предлагал и мне, но я отказалась. Если захотят, и так доберутся, а вот в случае чего может помешать. Надо будет выбежать, а замок и заклинит.

За дверью зажужжал магнит, дверь отворилась, высунулся Дрюпин.

— Это ты? — спросил он.

— Я, — во второй раз ответила я.

Дрюпин задумался, пускать меня не спешил. Возникло искушение пнуть хорошенько дверь, чтобы она хорошенько треснула его по лбу. Чтобы чуть поумнел.

— Что у меня в руке? — спросил наивный Дрюпин.

— Заточка, — ответила я. — Из штыря. Рукоятка обмотана проволокой с красной изоляцией.

— Как он меня дразнил? Безымянный?

Пора лечить, подумала я. Давно пора его лечить.

— Дрюпинг.

— Правильно, — с облегчением выдохнул Дрюпин.

Он открыл дверь, и я вошла в дрюпинский бокс.

За все время, пока мы здесь находимся, Дрюпин умудрился превратить свою комнату в...

Мастерской это было назвать достаточно сложно, вменяемых инструментов найти Дрюпину так и не удалось, поэтому он их сделал сам. На стенах висели самодельные кувалды, самодельные молотки, отвертки и даже плоскогубцы, все выполнено чрезвычайно грубо, как будто сделал эти инструменты первобытный человек.

Дрюпин выглянул в коридор, захлопнул дверь, запустил магнит, двери закрылись.

— Еще не готово, — сказал Дрюпин. — Возникли сложности, сама понимаешь. Не удалось в достаточном количестве найти селитру и капсюли... Огнестрельное оружие на коленке не сделать. Я могу двустольный сделать хоть завтра, но тебе же автоматический подавай! А как я тебе автоматический без токарного станка сделаю?

Это он об оружии.

Пистолеты у меня исчезли. Забрали их. То есть я уснула у себя в комнате, а проснулась здесь. И без оружия. Видимо, пустили газ в вентиляцию, сволочи. Впрочем, ничего удивительного, после того как этот засранец сбежал, нам не шибко доверяют. То есть, видимо, совсем не доверяют, раз оружие забрали.

И место это. Страшное. Похоже на свалку. Огромная подземная свалка, где собрано все, что ненужно.

Мы, например.

Вообще, это странно. Зачем было тратить на нас деньги, тратить время, тратить силы. Для того, чтобы потом бросить здесь, в этих длинных бетонных коридорах?

Впрочем, тут не только мы с Дрюпиным.

Что мы тут делаем?

Не знаю. У меня только вопросы и никаких ответов, вопросы, вопросы. Возможно, мы тут переживаем что-то. Возможно, там слишком напряженная ситуация и нас решили здесь укрыть, спрятать до лучших дней. Когда они наступят?

— Оружие без токарного станка никак, — сказал Дрюпин. — Я не могу сделать автоматический пистолет без него. Только пугач. Если хочешь, я могу собрать несколько пугачей...

— Это не пойдет.

— Я тоже так думал. Знаешь, в наших условиях выбирать не из чего... Хотя у меня есть идея кое-какая...

— Огнеметы я не люблю, — сразу отказалась я.

— Нет, не огнемет, кое-что новенькое. Я давно уже придумал... Это нечто...

Дрюпин приложил палец к губам.

— Это нечто! — сообщил он. — Новая штука, на новых принципах. Я специально приберегал, я давно уже придумал... Может, время и пришло.

— Что за пушка? — спросила я.

— Узнаешь. Тебе понравится. Только надо сходить на дальний склад... Мне одному несподручно, там много всякого мусора... Ну, короче...

— Я схожу с тобой, — пообещала я. — После обеда.

— После обеда... Ладно. А чего тогда так рано зашла?

— У меня волосы выпадают.

— Как это? — тупо спросил Дрюпин.

— Так.

Я продемонстрировала — взяла в горсть свою прическу и дернула, в ладони остались

волосы. Много.

Дрюпин открыл рот.

— Это что? — спросила я. — Радиация?

Дрюпин побледнел.

— Радиация? — переспросила я.

— Не знаю... Похоже... Может быть...

Дрюпин с чего-то положил руку на мою голову, я чуть не отпрыгнула. Дрюпин — и вдруг до меня дотронулся!

— Температуры нет, кожа на ощупь прохладная... Постой...

Он почесал свою голову, лысую и синеватую. Интересно, чего он все время лысый? В детстве в кислоту уронили, что ли? Хотя, кажется, есть такое заболевание, при котором волосы не растут вообще.

— Радиация? — уточнила я.

— Вряд ли, — сказал он. — Тут не может быть радиации, тут же бетон! Мы под землей, на глубине примерно сорока метров. Над нами почти трехметровый бетон, тут не может быть радиации. Если только внутри нет источника...

Дрюпин оглядел комнату, помрачнел.

— Тут все может быть обработано активными элементами, — сказал он. — Стены, мебель, одежда. Они могут и в воду что-нибудь намешать...

— А определить? — спросила я.

Дрюпин помотал головой.

— Не получится. Нужны счетчики, а их негде взять. Я не могу определить активность. Даже если она тут есть... Какая разница?

Это верно. Разницы нет совсем никакой.

— Нет, — улыбнулся Дрюпин. — Это не радиация, я понял. От радиации тошнит. Тебя разве тошнит?

— Тошнит, — ответила я. — Ну, фигурально, от всего этого... Нет, не тошнит.

— Это от нервов, значит, — заключил Дрюпин. — Я читал, У некоторых от нервов волосы выпадают...

— Значит, от нервов.

Может, он и прав. Докатилась до дневника, значит, нервы не в порядке.

— Ты как-то похудела. — Дрюпин натянул ботинок, спрятал в него заточку. — У меня тут аккумулятор небольшой, я тебе могу сделать аппликатор. У меня когда щека начала дергаться, мне помогло...

— Собирайся, пойдем лучше завтракать.

— Пойдем.

Дрюпин стал натягивать второй ботинок, это у него не получалось, не очень хорошо получалось, потому что у Дрюпи-на тряслись руки.

— Ты чего, боишься? — спросила я.

— Боюсь, — признался Дрюпин. — Я всю жизнь боюсь. Столько, сколько себя помню. А здесь очень страшно. Тебе тоже страшно, я же вижу. Я почти не сплю, мне все время шаги какие-то мерещатся... А как дневник? Ведется?

— Да.

— Хорошо. Может, мне тоже начать? В архиве полным-полно тетрадей...

— Начни.

— А как ты ведешь? События записываешь?

— Ага. События, разговоры, мысли. Все, короче, записываю.

— Думаешь, кто прочитает?

Я не ответила. Все бывает, может, и прочитают.

— Ладно. Так тебе для волос сделать? Ну, чтобы электричеством голову массировало?

— Сделай.

Мы вышли в коридор и отправились в сторону столовой.

От жилого блока до столовой далеко, надо метров сто пройти по коридору, затем подняться на два этажа по лестнице, а потом еще идти.

Я не люблю этот коридор. Он узкий и низкий, по потолку тянутся непонятно какие кабели, проржавевшие и позеленевшие, неопратно провисшие, в некоторых местах до них можно дотянуться рукой. По стенам почти под самым потолком идут неширокие вентиляционные отверстия, от которых по стенам расходятся бордовые потеки.

Дрюпин говорит, что это, скорее всего, ржавчина. Она растворила какую-то там химию в глубине труб, и получился вот такой цвет. Вероятно, он прав, но все равно выглядит это все весьма и весьма зловеще. А иногда эти стены начинают мокнуть и вонять, запах еще хуже их вида, стены воняют трупами. Дрюпин говорит, что это, скорее всего, из-за того, что над нами торфяная прожилка. И когда вверху идет дождь, трупная вода просачивается и воняет. От этого не легче, думать, что над тобой расположено кладбище, удовольствия мало. Мне кажется, что кладбище вообще вокруг нас, со всех сторон. Неприятно. Наверное, из-за этого мне кажется, что за мной кто-то наблюдает.

Я все время оборачиваюсь, оглядываюсь, и резко, и исподтишка, стараюсь поймать... Никого. Это нервы, Дрюпин тут прав. Он первым делом проверил боксы и коридоры на наличие скрытых камер и телеслез и ничего не нашел. Камеры были раньше, но сейчас система прочно в нерабочем состоянии, оптика разбита, провода вырваны. Микросталлов, напыленных на стены, Дрюпин тоже не обнаружил. Может, действительно стоит согласиться на электротерапию? Приставлю к вискам электроды, и...

Дрюпин ткнул меня в бок.

— Что? — остановилась я.

— Слышишь? — спросил он и еще больше выставил свои и без того выпуклые глаза.

— Нет.

Я на самом деле ничего не слышала. Немного потрескивали электричеством кабели, вода бежала по трубам с бульканьем.

— Гул какой-то вроде... — Дрюпин потер ухо. — Что-то такое...

— Не слышу.

— Как будто кто-то к нам прокапывается... — Дрюпин приложил ухо к стене.

Я тоже приложила, не удержалась.

Стена была неприятно теплая и шершавая, точно живая, я затаила дыхание и не услышала ничего, кроме собственного сердца. Нервы не у меня одной, Дрюпин тоже на взводе, недаром электричеством пустился лечиться.

— Замолчало, — вздохнул Дрюпин. — А я ведь слышал, оно точно скреблось!

— Это тараканы, — сказала я.

— Какие еще тараканы? Тут нет никаких тараканов.

— Тут нет, а у тебя в башке навалом. Вот они и скребут. Ты осторожнее с этим, Дрюпин, не распускайся.

— Сама все время озираешься, — огрызнулся Дрюпин. — Это тоже, между прочим...

Дрюпин постучал себя по голове с выразительностью.

Я не стала спорить.

— Надо выбираться отсюда, — прошептал Дрюпин. — Выбираться... на складе

вроде бы дверь. По плану должна быть, там, конечно, полуметровая сталь, но если бы направленным взрывом попробовать... За этой дверью, скорее всего, лифт. Или лестница. Так или иначе выбраться... Надо идти на склад. Сирень, пойдем на склад, пока не поздно?

— Пойдем после обеда, — пообещала я.

Дрюпин, конечно, прав. Мы тут сидим уже второй месяц и ничего не сделали. Ни оружия, ни плана, как выбираться. Понятно уже, что ничего хорошего нас здесь не ждет, нас бросили, я в этом уверена почти на сто процентов.

— Буду думать, — сказал Дрюпин. — Там противовзрывная дверь, я не знаю даже, сколько взрывчатки потребуется...

Дрюпин потер нос. Загрустил.

— Пойдем завтракать, — сказала я. — Там видно будет, как оно.

Мы побрели в столовую. Но Дрюпин все никак не мог успокоиться, то и дело останавливался и слушал, и трогал стены, и корябал бетон гвоздем. Делал какие-то для себя выводы. Может, у него и на самом деле получится сделать бомбу, он ведь гений техники. А хорошо бы он изобрел что-нибудь помощнее. Такое реальное изобретение, телепортатор, мы бы вошли в него, а вышли бы где-нибудь в Доминиканской Республике, на пляже. Я бы сразу Дрюпина в рабство сдала тамошним папуасам, а сама бы куда подальше отправилась. Интересно, какое самое глухое место на планете? Не знаю даже, острова какие-нибудь. Буду на этих островах сидеть, удить рыбу, а если какая сволочь приблизится ко мне на расстояние выстрела...

— Дрюпин, телепортация возможна? — спросила я.

— Кажется, да. Я особо этим не интересовался. Кажется, работали в ту сторону. Атом телепортировали. Если ты к тому, что отсюда телепортом... Можешь даже и не думать.

— А я и не думаю.

— Отсюда не выбраться... Во всяком случае, это сделать непросто. Переделать микроволновку в телепортер...

— Идем завтракать.

Я поспешила к столовке.

Столовая у нас тут совсем небольшая, с приземистым потолком и с запахом хлора. Столов и стульев много, и от этого кажется, что и людей сюда много приходит, но на самом деле это совсем не так, нас тут очень мало.

Четверо.

Я.

Дрюпин.

Клава.

Клык.

В столовой, как всегда, было пусто. Дрюпин стал запускать кофейную машину, а я отправилась на пищевой склад — за обедами. Склад большой, гораздо больше, чем сама столовая. Когда-то здесь был порядок, вдоль стен располагались стеллажи до потолка, заставленные пластиковыми коробками с едой. Потом стеллажи опрокинулись, коробки полопались и из них вывалились подносы с едой, заплавленные вакуумной пленкой. Подносы эти лежат горой, вдоль стен повыше, в центре пониже, с виду совсем одинаковые.

Одинаково неаппетитные, на прошлой базе нас кормили не в пример лучше, здесь так себе. Дрюпин уверяет, что это космическая еда. То есть это питание предназначено для космонавтов, а теперь вот мы им питаемся. Не знаю, не знаю... Если они космические, то почему так много испорченных попадает? Почти каждая вторая упаковка тухлая. Поэтому я на всякий случай набрала сразу пятнадцать подносов, чтобы потом два раза не ходить.

Дрюпин уже запустил кофемашину и теперь настраивал микроволновку. Она тут огромная, похожая на... Не знаю на что. На пневмомолот, пожалуй. Такое большущее

устройство, от пола до потолка. Работает эта адская печь не очень хорошо, и каждый раз, прежде чем запустить, Дрюпин ее настраивает с помощью разводного ключа.

Сегодня у него что-то не клеилось, микроволновка гудела, причем так, что дрожал пол.

— Может, так поедим сегодня? — спросил Дрюпин. — Оно и холодное вкусное...

Я его стукнула немного по голове, он не обиделся, Дрюпин человек не обидчивый. Только есть холодную жратву совсем не хочется.

— Ладно, сейчас поправлю...

Дрюпин полез под микроволновку, принялся пыхтеть и бряцать ключами. Я ждала. Внезапно машина зажужжала громче, на панели управления замигали разноцветные огоньки и цифры, Дрюпин дернулся и почти сразу заверещал.

Кажется, он поджаривался, верещал, во всяком случае, громко. Он попытался выбраться из-под микроволновки, но не получилось, кажется, он там застрял, бил ногами и завывал; я уронила подносы с едой, схватила Дрюпина за ноги и рванула. Вытащила до пояса, Дрюпин заверещал сильнее, я тоже дернула сильнее и вытащила его наружу.

Дрюпин хрипел. Он схватил бутылку с водой, сорвал пробку и стал пить, и почти сразу выплюнул и завыл, начал кататься по полу, точно горел изнутри. Я растерялась, не знала, что делать, поэтому я накинулась на Дрюпина и прижала его к полу.

Что случится с человеком, которого засунут в микроволновую печь?

Дрюпин возился, стараясь выбраться, а я его держала. Наверное, ему было очень больно, во всяком случае, глаза у него сделались дикие, видимо, он все-таки немного сварился изнутри.

Я сама чуть не заплакала. Я представила, как оно будет, если Дрюпин сейчас возьмет да и помрет. Я останусь одна. Есть, конечно. Клык, но он мелкий еще, с ним и поговорить толком нельзя, он сумасшедший, одна останусь.

Дрюпин плакал. Выл. Ему было больно. Я думала, по коже у него пойдут пузыри, но потом вспомнила, что микроволны жарят изнутри. Что гораздо хуже.

— Больно... — прохрипел Дрюпин. — Больно...

— Лежи, — велела я. — Лежи тихо, не дергайся.

Дрюпин закрыл глаза и стал лежать. А потом уснул. А я боялась его будить, опасалась — думала, он проснется, а изо рта у него кровь потечет. Я оттащила его в конец столовой и пристроила на трех составленных стульях. Не знала, что делать.

Решила поесть. Глупо, конечно, но ничего лучше я придумать не могла. Взяла три подноса, достала нож.

Первый поднос попался протухший, едва вскрыла пластик, как брызнуло почти мне в глаз зеленоватой дрянью, дальше открывать не стала, почему-то представилось мне, что внутри протухшие черепахи. Много-много, во всяком случае, вонь была совершенно незнакомаго характера. Отправила поднос в утилизатор.

Второй поднос был условно съедобен, в нем обнаружилось что-то вроде чечевицы с имбирем и грибами, тухлятиной не воняло, но от грибов я стараюсь держаться подальше.

В третьем подносе обнаружилось мясо с жареной картошкой, это подходило. Еда старая, неоднократно замороженная и размороженная, вкуса в ней почти никакого не осталось, но я решила поесть. Нервы и так ни к черту, а от голода они еще сильнее расстроятся, так что лучше есть.

Хлеба бы. Но хлеба тут совсем не найти, ни в одном из подносов ни кусочка. Ладно. Когда я отсюда выберусь, возьму две буханки, буду посыпать сахаром и есть, запивая чаем. Пока не надоест, черный хлеб и сахар. Интересно, откуда во мне эта любовь к сахару, к крепкому чаю, к черному хлебу? Наверное, раньше я была... Стоп, запретная тема. Я давно уже сказала себе, что не буду пытаться вспомнить. Потому что это чертовски опасно. Вот тот, дурачок, который исчез, он все время пытался вспомнить, пытался выяснить... И где он?

Безымянный.

Отправили в X-пространство. Ага. А нас почему-то не отправили. Меня могли бы отправить, кстати, так этот гад меня избил...

Вообще, чем больше я вспоминаю этот случай, тем сомнительнее он выглядит. Сломал мне нос и челюсть, и я осталась на базе, хотя это я должна была испытать Установку. Зачем он это сделал?

Хорошо бы об этом его лично спросить, да где он сейчас?

Застонал Дрюпин, зашептал что-то, кажется, про маму. Видимо, это генетика. Дрюпин не помнит ничего, как и все мы, а когда плохо ему, вспоминает маму.

Все мы беспамятные и жалкие люди.

А может, и не люди. Ну, то есть не совсем.

Плохо. Стены давят на голову, на спину и на затылок, дышать трудно, трудно, сердце пускается в загон...

Это клаустрофобия. Боязнь замкнутых пространств. Раньше, кстати, за мной никакой клаустрофобии не замечалось. Впрочем, и волосы у меня раньше не выпадали.

Показался Клык. Я услышала его сильно заранее, он брел по коридорам, гремя костылями, кашляя и напевая песню про веселое путешествие в далекие и счастливые края, веселые соседи, какие-то там друзья. Клык то и дело запинаясь, цепляясь за стены и начинал смеяться. Он вообще много смеется, это меня в нем поражает. Смешливый паренек. А по виду не скажешь. По виду от него плакать хочется. Даже мне. А он смеется.

— Привет, Сирень! — издали поздоровался Клык. — Привет!

— Привет, — поздоровалась я. Если с ним сейчас не поздороваться, он будет «приветкать» каждые две секунды.

— А я иду кушать! — радостно объявил Клык. — Иду! Подождите меня, не ешьте пока! Стукни Дрюпина по голове, а то он все слопаёт. Подождите!

— Я жду.

Я отставила поднос, Клык обидится, если увидит, что мы начали без него. Обидчивый, но отходчивый. Живет на отшибе, в самом конце коридора. Я предлагала ему переехать поближе к нам, вокруг наших с Дрюпиным обиталищ много пустых боксов, однако Клык почему-то отказался. Заявил, что ему в конце коридора очень хорошо, и он никуда не пойдёт, особенно к Дрюпину, Дрюпин храпит...

Я не стала спорить. Жалко его, как увидишь, так хочется шоколадкой угостить. Только нету.

Клык появился.

На изогнутых костылях, с шинами из алюминиевой табуретки, которые ему смастерил Дрюпин, весь в самодельных бинтах, похожий на сломанное насекомое, Клык вошел в столовую. То есть ввалился, всыпался, пожалуй, совершив множество ненужных дерганных движений и вздохов.

— Привет, — в очередной раз сказал Клык. — А что с Мастером?

Мастером он называет Дрюпина, он вообще его уважает.

— Сварился, — ответила я.

— Совсем?! — перепугался Клык. — А где мы его хоронить будем?

— Не до смерти, — успокоила я. — Не сдохнет. Вон лежит.

Клык увидел Дрюпина и поспешил к нему.

Клык на самом деле похож на насекомое. На маленького богомола, такие же ломаные линии, такая же немного треугольная голова. Вот взяли богомола, сунули в мясорубку, а потом переломанного бросили, а он не умер, а как-то выжил, сросся, и получилась каракатица такая. Ходит с трудом, дышит хрипло, лицо все в шрамах, голова тоже. Что с ним делали — непонятно, наверняка какую-нибудь пакость испытывали. Машину времени. Ненавижу. До

зубовного скрежета, до спазмов в голове. Я понимаю Волка, он их ненавидел по полной. Вот всех этих экспериментаторов подлых, тварей, где они...

Где Безымянный.

— Живой, — сказал Клык, потрогав Дрюпина. — Дрюпин, ты живой?! Ты это, не подыхай пока, ты мне обещал костыли облегчить. Забыл уже?

Пока здесь не появился Дрюпин, он здесь вообще ползал, сам рассказывал. По коридорам. Иногда Клава его на себе таскала, правда, редко, у нее радикулит и скверный характер...

А каким боком здесь Клава, я понять вообще не могу. Возможно, она имела неосторожность наступить на ногу Ван Холлу, и он, впад в ярость, ее сюда сослал.

Клава, кстати, тоже всех ненавидит, особенно нас. Особенно меня, я просто это чувствую.

— Что сегодня кушаем? — спросил Клык. — Дрюпин мне сегодня аппетит не испортит.

Я стала открывать подносы с едой.

Клык он потому, что зубов у него нет почти. То есть каким-то чудом один сохранился, правый верхний. Крепкий такой, белый. Остальных то ли не было вовсе, то ли выбили их, кто знает. Поэтому любая жесткая пища ему не подходит — или каша, или пюре. Бобы еще.

Поэтому я стала перебирать подносы, и повезло — наткнулась как раз на бобы в томате. Клык обрадовался, достал ложку, которую ему изготавил Дрюпин, и стал наворачивать. Ел он, конечно, безобразно — голые челюсти давили фасоль, она вываливалась сквозь зубы, падала на стол, и тут Клык ловко подбирал ее или руками, или языком. Смотреть на это было печально и противно тоже, и мне хотелось отвернуться, но я заставляла себя смотреть. Чтобы запомнить.

Все равно не получится. Я не Безымянный, я не могу так долго злиться.

— Надо вам подземноход строить, — рассуждал Клык. — Отсюда никак не выбраться, кроме как на подземноходе. Сядете в него и будете бурить, бурить...

На самом деле его Гоша, кажется, зовут. Ага, Гоша. Какой он Гоша? Клык. Самый что ни на есть. Хотя Клык прозвище грозное, ему совсем не идет. Да ему, наверное, никакое прозвище не пойдет, Лом разве что. Не в честь инструмента, а в честь общей поломанности организма.

— А я тут останусь, — заявил Клык. — Вы бегите, а я тут. Тут вон еды целый склад, электричество есть, вода. Тепло все время. Я останусь. Мне тут нравится. Скучно только, но это ничего, потерплю.

— Нечего тут делать, — сказала я. — С нами пойдешь.

— Не пойду, не пойду, не пойду! — заспорил Клык.

И, конечно же поперхнулся, закашлялся, покраснел, я принялась стучать по его спине. Кажется, подавился он накрепко, во всяком случае, мне пришлось два раза стукнуть его по спине.

На пятом ударе Клык выплюнул недоваренную фасоль и как ни в чем не бывало продолжил:

— Не пойду.

Я не стала с ним спорить. Последний аппетит потерялся, и я взялась за кофе. Он тут совершенно дрянной, кофемаши-на производит из ячменя настоящую бурду, но альтернативы никакой нет. Я взяла большую кружку, наполнила до краев.

— Не поеду, — как-то неуверенно повторил Клык. — А мне сегодня такой кошмар приснился...

Клык закатил свои водянистые глаза.

— Вон, про него, — Клык указал на Дрюпина. — Знаешь, такой кошмар... Самый-самый страшный, вообще, я чуть сквозь кровать не провалился. Мне приснилось, что

наступила ночь, тьма такая, ночь беспросветная. Дверь раскрылась, и в мою комнату вошел он...

Клык снова кивнул на Дрюпина.

— Только он не такой был, а весь в гвоздях. Вся голова и все плечи. В него гвоздей набили, а он не умер и ко мне заявился. И говорит — смотри мне в глаза! Смотри мне в глаза! А я стал смотреть, вижу — а у него и глаз-то тоже нет! А я хочу двинуться, а как прилип к койке...

Дрюпин сел.

Посмотрел на нас мутным взглядом. — А ты ко мне сегодня мертвым приходил, — радостно заявил Клык. — Тебе голову всю гвоздями истыкали. И глаз не было.

И тут Дрюпина стошнило.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Тостер запищал и выплюнул хлеб. Зимин почесал голову. Третья партия, сгоревшая за сегодняшнее утро. Зимин был озадачен. За четыре года ежедневной эксплуатации тостер не подводил ни разу, а теперь вдруг раз — и выход в уголь.

Он выкинул обгорелые сухари в мусор и решил попробовать еще раз. Четвертый. Тостер со вздохом проглотил ломти.

— Ну, давай, — Зимин хлопнул по тостеру ладонью.

— Привет.

Показалась Лара.

— Ну, что? — спросила она. — Прочитал?

— Что? — не понял Зимин.

— Рукопись, найденную в пианине?

— В табуретке, — уточнил Зимин. — Не... То есть прочитал, но немного, первую главу.

— Там по главам?

— Что-то вроде. Там дневник. То есть имитация под дневник. Сначала автор пишет как дневник, потом увлекается и начинает отсебятину. Видишь ли, дневниковые записи сложная для стилизации штука, а если и удастся как-то... То читать невозможно. Помнишь, я сочинял?

— Новую книгу?

— Ага. С названием еще не мог определиться, ускользало. Так вот, это...

— Хорошая книжка могла получиться, — перебила Лара. — Начало про скаута мне вполне себе понравилось...

— Ладно, проехали, — в свою очередь перебил Зимин.

— Проехали так проехали. Кстати, как тебе рукопись... найденная в мандаринах?

— В барбарисе.

— В маринаде. Так как?

— Фанфик. Очередной апокриф из бытия милого сердцу Неверленда. Альтернативная история альтернативной истории, постмодерн.

Зимин поднялся, достал с холодильника тетрадь, постучал ею себя по голове.

— И про что там?

Лара зевнула.

— А, ерунда, — отмахнулся Зимин. — Людям ведь писать не запретишь. Вообще, конечно, забавно — сначала ты сочиняешь, затем сочиняют про то, что уже сочинено тобой. И вдруг ты обнаруживаешь, что твои собственные герои смотрят на тебя чужими глазами. В конце концов ты уже плохо понимаешь, кто все это придумал...

Зимин поглядел в окно, увидел там дождь, ползущие через него машины, желтые листья и прочую тоску, распростертую в осеннем пространстве.

— Мне кажется, это от расширения, — сказал Зимин. — Вселенная разлетается с ускорением, струны натягиваются, гудят, и от этого гудения...

Зимин дотронулся до лба.

— В голове путается все. Знаешь, идея, что все это было заложено еще в миг Большого взрыва — и мы, и книги, и мысли... Эта идея удручает.

— Что-то мы с тобой погружаемся в дебри кухонной философии, — перебила Лара. — Сейчас еще изречения какие-нибудь изрекать начнем, про Платона вспомним, про теорию отражений.

— Платон был крут.

— Это да. Олимпийский чемпион по греко-римской борьбе, кстати. А как книжка с

литературной точки зрения?

— Ерундень, — поморщился Зимин. — Хотя я такого в жизни не читал, что это вполне себе ничего выглядит.

Пожалуй, даже читаемо. Только сюжета как такового там нет, сплошные записки из подполья.

— А зачем тебе этот... Кокосов, так кажется? Зачем тебе Кокосов подсунул эти писульки?

— Да он, похоже, просто псих. Говорит, что все это...

Зимин представил, как он будет объяснять весь этот бред.

Про кошек, которые исчезают из замкнутых малосемеек, про рукопись, найденную... Собственно, откуда взялась тетрадь, Зимин так и не понял. Ах да, еще про белого крокодила, как же.

Бред, бредовый и беспощадный, суровый в своей безнадежности.

— Короче, этот Кокосов хочет, чтобы была пятая книга.

— С чего это? То есть ему-то зачем это нужно?

— Кажется, трудная судьба. Все как обычно. В детском саду он страдал сколиозом. Затем над ним издевались в школе, девушки его не любили, потом он записался в литобъединение «Альдебаран» и написал первый фантастический рассказ, который, скажем мягко, раскритиковали товарищи. Потом он завел необычную кошку и рехнулся окончательно. Он верит в параллельные пространства и хочет, чтобы я написал пятую книгу. А ее не будет.

— Точно? — улыбнулась Лара.

— Точнейше, — заверил Зимин. — Точка. Все. Никаких продолжений. Вообще, знаешь, я от всего этого литературного дела устал... Надоело. А потом... Этот вчерашний псих меня немного утомил. Я ведь перепугался, думал, у него в портфеле граната, а оказалась зверская нетленка. Кстати, действительно рукопись, смотри, как накорябано...

Зимин вручил тетрадь Ларе, она принялась листать задумчиво, почесывая подбородок. Зимин постучал по тостеру, вздохнул.

— Действительно, забавно, — Лара отложила тетрадь.

— Уже прочитала, что ли?

— Нет, другое забавно. На самом деле от руки написано. Сейчас от руки почти никто не пишет, а тут... И аккуратно так, почерк мелкий-мелкий.

— Я бы сказал муравьиный, — сказал Зимин. — Я пока читал, все глаза поломал. Только идиот может писать таким почерком.

— Идиотка, — уточнила Лара.

— Кто идиотка? — не понял Зимин.

— Автор этого текста — идиотка. То есть она не идиотка, она...

Дзиньк!!!

Подпрыгнули горелые тосты, Лара вздрогнула.

— Что-то хлеб горит, — Лара подняла с пола обугленный сухарь. — И сны мне странные снятся. Какие-то реки мутные.

— Мне тоже снятся реки, — сказал Зимин. — Реки, поля, обрывы. К чему? В соннике, что ли, посмотреть. Ты говоришь, идиотка?

— Ну, конечно. Это же видно. Это девушка написала.

— Как? Мне же Кокосов тетрадь передал...

— И что? Передать-то мог кто угодно, а вот написать...

Лара выкинула горелые тосты в ведро, взяла тетрадь, открыла.

— Тут трудно спутать, смотри, какие букочки аккуратные. Мужики так не пишут, только девушки. Так что изучай.

Лара сунула тетрадь Зимину.

— Зачем?

Лара пожала плечами.

— А вдруг пригодится? Вдруг там новые идеи?

— Нет там никаких новых идей, — сказал Зимин. — Платон мертв и похоронен, и на могиле его проросли желтые цветочки. И вообще у меня сегодня встреча, хотел поесть, а тостов нету.

— С почитателями встреча? — ухмыльнулась Лара.

— С читателями. Через два часа в библиотеке.

— Не надоело? — поинтересовалась Лара.

— Надоело. А что делать?

— Скажи, что надоело.

Зимин поморщился.

— Как им скажешь... Они выставку организовали, дети придут...

— Сгонят детей, — поправила Лара. — Сгонят детей с продленки, дети будут злые и голодные, они будут зевать...

«И смотреть на меня как на идиота, — добавил про себя Зимин. — А я буду думать, чтобы все это поскорее закончилось. А потом поднимется классная руководительница и скажет, чтобы я рассказал какое-нибудь стихотворение. Может, и на самом деле не ходить? Детей ведь сгонят...»

— Сейчас проще, — ответил Зимин. — Сейчас у меня есть диск. Поставлю фильм, самые интересные эпизоды...

— Ну, смотри. А я пойду, поищу работу, что ли.

— Зачем? — не понял Зимин.

— Надо же и работать когда-нибудь. А вдруг у меня получится?

Лара хмыкнула и удалилась.

Зимин остался сидеть на кухне. За окном продолжался дождь, и если честно, идти никуда не хотелось, ни с диском, ни без. Лара права, сгонят продленку, измученную и вялую, и все будет вяло...

Есть перехотелось. Зимин закинул тетрадь обратно на холодильник, натянул свитер, взял диск с фильмом и отправился вниз, на подземную стоянку.

Снова пошел пешком, хотелось прогуляться по лестнице, подумать. Отчего-то Зимин чувствовал, как окружает его вязкая атмосфера неопределенности и тоски, похожая на старую ссохшуюся грелку. Зимин не знал, что делать дальше. Он не знал почти год. Уже целый год он ничего не делал. Почти не писал и, что было гораздо хуже, не думал. То есть ему не думалось, вообще. В ящике стола лежала пачка блокнотов с набросками к грядущим книгам и целлофановый файл с рассказом про скаута, к которому он не придумал названия. Зимин старался развернуть наброски, старался придумать название, честно старался, несколько раз старался... И каждый раз чувствовал стену. Иногда это была кирпичная стена, твердая и непробиваемая, иногда гипсокартон, в котором от усилий оставались вмятины, иногда резина. Но тоже непроходимая.

Зимин злился. Тяжело жить, ничего не делая. Спускаясь по узкой лестнице, он стучал кулаком по стене, хотел почувствовать боль, но кулаки были набиты и не отвечали. Можно было, конечно, заорать и кулак-то подразбить уже как следует, но Зимин удержался.

Может, все-таки на самом деле в Калининград? Или в Арктику, сейчас как раз сезон, можно взять билет, неделю в ледовом плену, глядишь, мозги и встроятся...

Зимин оказался на нулевом.

Мотоцикл стоял возле лестницы, Зимин сдернул попону, устроился на сиденье. Запустил двигатель. Закрыл глаза. Хорошо. Хорошо.

На прогрев ушло почти пять минут, эти пять минут Зимин был, в общем-то, счастлив. Он задремал, устроившись в седле, положил голову на бак, слушал перекачивание поршней в цилиндрах, ленивое посапывание впрыска и присвисты в воздушном фильтре, и даже пробег электричества по проводам, ему казалось, что он его слышит.

Обороты упали, Зимин воткнул первую передачу и выехал со стоянки на улицу. Шел дождь, как и вчера, мелкий и пронзливый, он пробирался за шиворот и в рукава, кожаная куртка дождю помехи не создавала. Зимин включил подогрев ручек и прибавил скорости.

Мотоцикл послушно рванул вперед, Зимин сосредоточился на дороге и думать успевал только на светофорах. От дождя Зимину в голову приходили странные усталые мысли, в промежутках между красным и зеленым он вдруг думал, что не стоит, может быть, ехать на эту встречу. А стоит взять и свернуть на объездную дорогу, прибавить газу и двинуть в сторону юга. Или в сторону севера. Куда-нибудь. Тупо гнать, пока не кончится бензин, остановиться в каком-нибудь непонятном городе у железной дороги, в гостинице «Утлые котлы», и пожить недельку, прислушиваясь к дыханию провинции, отключить телефоны, лежать, смотреть в потолок, смотреть первую программу. Побывать в пустоте. В оторванном состоянии...

За спиной забибикали. Зимин очнулся и снова рванул вперед, рассекая дождь и попутный поток машин, пролетая в междурядье над зеркалами, обгоняя, сминая пространство перед собой и растягивая его за спиной. Воздух делался плотнее и плотнее, и Зимин уже прижимался к баку, чувствуя, как набегающий ветер выжимает уже даже и обрывки мыслей, кроме, пожалуй, мыслей о скорости.

Через пятнадцать минут остановился у библиотеки. Двигатель дышал жаром, на цилиндрах шипела вода, потрескивала выхлопная труба, с мотоцикла слезать как всегда не хотелось, но Зимин оторвался, закинул на плечо сумку с дежурными книгами и направился к библиотеке.

Библиотека строилась в античном стиле, как храм знаний, и прочее-прочее, приятное звание, статуи сильно не хватает. И громоотвода, почему-то подумал Зимин.

Внутри горел свет, желтый, домашний, по окнам бегали корявые тени читателей. Зимин собрался и вошел.

В библиотеке пахло школой. Зимин ненавидел этот запах с четвертого класса, и сейчас, кстати, ненавидел еще сильнее — смесь подгорелой пшенной каши, мокрой сменки, хлорки, мела, пота и страха.

Обычно в библиотеке пахло лучше: молью, книгами, диванами из искусственной кожи, библиотекарями — дамами постпостбальзаковского возраста, ватрушками, которые эти дамы пекли в ожидании читателей, шоколадными конфетами. Такой вполне приличный запах, его Зимин мог выносить, потому что заметил, что он уже стал частью этого запаха. Запах школы в библиотеке выдавал чужеродное вторжение, напрягал, напоминал о не самых лучших годах жизни. Поэтому, кстати, Зимин никогда не соглашался на встречу в школе. И не любил, когда в библиотеку загоняли школьников. Сегодня загнали. Зимин поморщился. Кстати, поэтому он и купил мотоцикл. Для равновесия. Чтобы компенсировать свои душевные невзгоды. Потому что Зимин заметил уже давно — дорогая вещь, например мотоцикл стоимостью в миллион рублей, значительно скрашивает невыносимую протяженность дней. И если ты приезжаешь на встречу со школьниками, допустим на BMW GS 1200, то переносить эту встречу гораздо легче.

Зимин улыбнулся, вспомнил, как в детстве он мечтал о велосипеде с моторчиком и просил родителей купить, и записался в кружок автодела, но велосипеда ему так и не подарили.

Зимин стащили куртку, и к нему тут же кинулась заведующая, с видом счастливым и радужным, и сразу приступила к главному, поздороваться она позабыла, впрочем, Зимин не расстроился.

— Знаете, Виктор Валентинович, у нас небольшая накладка, — заворковала заведующая. — У нас должны были привести пятые-шестые классы, но они поехали в цирк...

Это да, подумал Зимин. Цирк — это, конечно. Дрессированные тюлени, медведь, привязанный к мотоциклу, укротитель лабрадоров.

— Поэтому мы пригласили десятиклассников...

— А они почему в цирк не поехали? — поинтересовался Зимин.

— Что? — не поняла заведующая.

— Да нет, это я так. На второй этаж?

— Да, на второй.

Зимин угрюмо двинулся в сторону лестницы.

— Виктор Валентинович, — заведующая подхватила Зими́на под локоть. — Виктор Валентинович, сегодня должен был прийти мальчик...

«Должен был прийти мальчик, — догадался Зимин, — этот мальчик прочитал все мои книги, но сегодня он заболел scarlatinой. Вывихнул пятку». Зимин слышал это уже сотню раз. Или больше. В каждом городе.

— ...Он прочитал все-все ваши книги, которые были в нашей библиотеке. Он так хотел с вами повстречаться, но не смог прийти...

— Вы телевизор приготовили?

— Да, конечно. А зачем?

— У меня кино.

Зимин достал диск. Помотал им перед носом библиоте-: каря.

— Кино... — она поморщилась. — Ну, я не знаю... А мо-жет, вы рассказ прочитаете какой-нибудь? Или стихи? Знаете, г к нам на прошлой неделе приезжал поэт, он ребятам сказки читал — очень весело было.

Зимин приказал себе терпеть. А сказать хотелось. Например, что он не клоун. Не поэт-чесоточник, а в некотором роде писатель. Что если им нужны были сказки, то за полторы штуки можно было бы пригласить клоуна из развлекательного центра, он бы и стихи прочитал, и сплясал бы.

— Я не читаю стихи, — терпеливо сказал Зимин. — Я не читаю юмористические миниатюры. Я беседую.

— Да-да, — погрустнела заведующая. — Только они уже устали, почти вечер, сами понимаете...

Зимину очень хотелось спросить — а какого черта тогда все это было устраивать?! Но Зимин знал ответ на этот вопрос — для отчетности.

— Хорошо, — кивнула библиотекарь. — Проходите. Все уже собрались. Все ждут.

Зимин вышел в зал и сразу понял. Что сюда он сегодня пожаловал совершенно напрасно. Читателей насчитывалось человек пятьдесят, наверное, три класса, и все они не были читателями. Почти уже старшекласники, унылые и угрюмые личности, задавленные надвигающейся громадой взрослой жизни, которых обязали явиться на встречу, непонятно зачем оторвали от забот и хлопот и почти принудили пробыть целый час здесь.

Зимин испытал минутную жалость к школьникам, замордованным судьбой в столь ранней молодости, но, бросив взгляд на них, понял, что жалеть их не стоит, лучше жалеть себя. Он придвинул стакан и попытался открыть бутылку с водой, не получилось, пробка, казалось, была приплавлена к бутылке.

Тогда Зимин стал раскладывать на столе книги. Стараясь сделать это коасиво. как на книжной ярмарке, веером.

«Зима в небывалой стране».

«Беовульф».

«Темная материя».

«Снежные псы».

В рюкзаке имелись еще два старых журнала, в которых были напечатаны повесть и старые рассказы, их Зимин таскал на всякий случай, но никогда не показывал. Поскольку всем было наплевать на то, что когда-то он сочинял рассказы про одиноких старух и повести про нелепость бытия.

Зимин разложил книги, уселся на стул и вздохнул. Школьники смотрели на него со слабо умеренным интересом, с вкраплениями издевательской нотки.

Зимин криво улыбнулся, ему криво улыбнулись в ответ, некоторые.

Заведующая перехватила инициативу в свои руки, взяла микрофон и объявила хорошо поставленным опытным голосом:

— Друзья! У нас сейчас большая радость! Сегодня к нам в гости пришел молодой, но уже очень известный российский писатель, лауреат множества премий, победитель литературных конкурсов Виктор Валентинович Зимин!

Заведующая захлопала в ладоши.

Несколько девочек тоже похлопали, пацаны поглядели с ехидными ухмылками. Зимин почувствовал себя идиотом первый раз за вечер. Он привычно подумал, что лучше бы ему, наверное, было стать зуботехником, как мечтала мама. Протезистом, плавил бы золото, имел бы коттедж, ездил бы на Кубу. Мама была бы счастлива.

Или технологом, как хотел папа. Разводил бы куриц в промышленных масштабах, имел бы коттедж, ездил бы на Кубу, папа был бы счастлив.

Шофером, бабушка сошла бы в могилу со спокойным сердцем.

— Здравствуйте, ребята, — сказал Зимин, постаравшись придать голосу жизнерадостности. — Меня зовут Виктор Зимин, я писатель. Пишу книги. Фантастика, фэнтези, иногда рассказы. Возможно, вы читали какие-то мои книжки, во всяком случае, в библиотеке они есть. Читали?

Зал само собой промолчал.

Зимин загрустил. Если в зале присутствовали хотя бы несколько человек, читавших его книжки, было бы гораздо легче. Зимин цеплялся за это и начинал беседу, рассказывал, как сочинил ту или иную книжку, как придумывал героев и приключения, и какие смешные случаи при этом происходили.

А вот когда таковых не находилось...

— А вообще читать любите? — с надеждой спросил он.

— Нет, — ответил парнишка из первого ряда, бритый наголо и вертлявый. — Не читаем мы ничего.

— Все не читаете?

— Все, — ответил за всех бритый. — Что нам, делать нечего? Читают лишь ботаны.

Зимин растерялся. Подумал — может, действительно стихи порассказывать? Из творческого наследия «Анаболических Бомбардировщиков». Наверное, этому бритому понравилось бы. Коронное, про овцебыка. Но Зимин подумал, что он не доставит бритому такого удовольствия. В конце концов, он как писатель должен сеять разумное, доброе и вечное, а «Анаболические Бомбардировщики» ни к первому, ни ко второму, ни к третьему не относились.

— А у вас есть машина? — спросил бритый.

Зимину стало немного легче.

— Машины нет, есть мотоцикл... — начал он.

Бритый тут же соорудил презрительную гримасу.

— Но мотоцикл у меня хороший...

Зимин вдруг понял, что если он сейчас начнет хвастаться мотоциклом, то это будет выглядеть глупо.

Жалкое положение. Зимин нашел глазами заведующую, та стояла у стены в последнем ряду и улыбалась. Помогать она ему не собиралась никак.

— Хорошо, давайте я расскажу о том, как я стал писателем.

Зал вздохнул и занялся своими делами, узнавать, как Зимин стал писателем, никому не хотелось.

Зимин стал рассказывать. У него имелся рабочий вариант встреч с читателем, некий заученный текст, который Зимин воспроизводил, в нужных местах делая паузы и повышая голос. При этом он, конечно же, чувствовал отвращение к себе и собственной жизни. Обычно, рассказывая эту историю, Зимин смотрел над головами слушателей, поскольку ему было неприятно видеть, насколько он неинтересен своим потенциальным читателям.

— ...И тогда я подумал — а почему бы и нет? Отчего бы не попробовать?

Зимин посмотрел на телефон, лежащий перед ним. Телефон разочаровал, время текло поразительно медленно, а надо было продержаться еще сорок минут. Сорок минут.

— А вы про вампиров не пишете? — спросили из зала.

Он не успел заметить, кто спросил, услышал, что девушка.

— А вы любите про вампиров? — спросил он в ответ.

— Да... — ответили сразу несколько голосов.

— Во дуры, — прокомментировал бритый. — Про «Сталкера» надо...

Значит, все-таки читают, подумал Зимин. Ладно, уже хорошо.

— Я вот вампиров не люблю, — сказал он.

— Почему? — спросили.

— Потому что их нет, — ответил Зимин. — Это во-первых. А во-вторых, я вообще не люблю паразитов и прочих вредителей. Пиявок, клещей, комаров. А потом мне кажется, что к фигуре вампира нельзя относиться серьезно...

Он заметил, как сморщилась физиономия у заведующей, и сказал:

— Впрочем, какой смысл обсуждать вампиров, если их вообще не существует?

— Так и Страны Мечты тоже не существует, — возразили ему.

Зимин растерялся.

Аргумент был бронебойный, ответа на него не существовало, Зимин оглядел зал. В зале ответа тоже не проглядывалось, Зимин в очередной раз испытал легкий приступ автопрез-пожалев, что пишет вообще какие-то книги и теперь вот объясняет это все школьникам, которым на все это наплевать.

Почти всем.

Такое иногда случалось. Не часто, но все же. В восьмидесяти процентах случаев он мог вызвать у публики стандартный интерес. В пятнадцати процентах приключался неподдельный интерес. В пяти процентах он натывался на тотальное равнодушие.

— Конечно, Страна Мечты не существует, — согласился Зимин. — Это сказка. То есть фантастика.

Снаружи гроыхнуло. Гроза, бесполезный расход электричества.

И тут Зимин заметил девочку, сидевшую возле окна. В руке у нее была книга, и он издали узнал «Темную материю».

— А как ты думаешь? — он кивнул девочке.

— Я не знаю... — растерялась она. — Я тоже вампиров не люблю...

Девочка застеснялась и спрятала книгу за спину.

— А можно потом автограф? — спросила девочка.

— Конечно.

Все. Зимин больше не знал, про что говорить.

— Давайте тогда посмотрим фильм, — стараясь быть веселым, предложил он. — Совершенно новый, сейчас идет в кинотеатре как раз. Называется «Тьма»...

— Да мы видели уже, — сказал бритый и вертлявый. — «Рыцари Храма» круче. А это самоделка какая-то, я на компьютере графику лучшую слеплю.

Так, подумал Зимин. Он представил в подробностях, что он сейчас скажет им всем, особенно этому вертлявому, а потом возьмет пльнет на все и отправится домой. Права была Пара — не стоит соглашаться на все эти встречи. Глупо. Он уже не в том возрасте, чтобы попадать в идиотские ситуации. Даже фильм не помогает.

Хороший фильм.

— Ну, и хорошо, — сказал Зимин. — Хорошо, я вас понимаю, вам плевать. У вас море своих забот и проблем и совсем не интересен какой-то тип, сочиняющий дурацкие книжки. Но это не так. Это не так!

Сказал он громко, так что те, кто болтал и играл на телефонах, посмотрели на него.

— Я — хороший писатель, — сказал Зимин. — Конечно, может быть, я не написал еще ничего великого, но тем не менее. Когда вы вырастаете, вы будете рассказывать про меня своим детям. А вместо того, чтобы задать мне хоть какие-нибудь вопросы, вы сидите и маестесь дурью!

У заведующей медленно отвисала челюсть.

Зал смотрел на него.

А там, на последнем ряду он видел... Зимин сощурился. Зрение у него начинало сдавать, и особенно остро он чувствовал это по вечерам. Он никак не мог разглядеть, что это — букет золотых листьев или... Или волосы. Там, у выхода сидела девушка с ослепительно рыжими волосами. Или медный глобус, начищенный до ослепительного блеска. Скифское бронзовое зеркало, отполированное до пугающей глубины. Поднос из нейзильбера, подаренный губернатором к пятидесятилетию библиотеки, Зимин никак не мог поймать этот предмет, золотая вспышка ускользала, точно кусочек скорлупы, плавающий в болтунье, Зимин старался его уловить, но зрение шалило, Зимин решил проморгаться.

Он взял бутылочку с водой и стал нервно открывать, стараясь не выпустить золотое пятно, отметил, что заведующая достала камеру и принялась фотографировать зал.

Бутылка не открывалась, Зимин старался, но ладони вспотели, и пробка проскакивала, Зимин подумал, что неплохо бы открыть эту дурацкую пробку зубами, но он стеснялся читателей. То есть не читателей... Короче, он стеснялся, и от этого опять злился. И вот в конце концов он плюнул, вытер ладони о штаны и сдвинул пробку.

И вдруг погас свет.

Безо всякого перехода, без потрескиваний в белых лампах, только что был дребезжащий неровный свет, и раз — темно.

В тот же миг Зими́на залило, пробка с бутылки все-таки свернулась и съехала, и теперь минеральная газировка заливала Зими́на, а найти ее в темноте не представлялось возможным. Зимин не нашел ничего лучшего, как начать пить. Минералка оказалась газированной, Зимину ударило и в нос, и в уши, он фыркнул и закашлялся, закрыв глаза.

А когда открыл, обнаружил, что темно.

Темно. Окна библиотеки были забраны хорошими жалюзи и почти не пропускали снаружи света, тьма была абсолютной, точно кто-то накрыл библиотеку сверху колпаком из глухого черного бархата.

Тихо. Подозрительно тихо было. Зимин никак не мог понять — дети должны были орать, ржать и вообще беспокоиться. А они молчали. И грома не слышно.

— Ау? — спросил Зимин.

Никто не ответил, лишь голос неожиданно отразился от стен и улетел куда-то вверх, так что Зимин ощутил себя в огромном зале. Причем в этом огромном зале он был совершенно один.

— Так... — сказал Зимин.

Шепот. Он вдруг услышал его прямо перед собой, в нескольких метрах, невнятное перешептывание, оно скакало по сторонам, точно взмахивали во тьме сухие широкие крылья.

— Эй... — Зимин вдруг испугался, что умер.

Стоял, беседовал с читателями и проклинал себя, а потом раз — и умер. Перешел в темноту. В темную материю. В библиотеке. В конце концов, это, наверное, достойная смерть для литератора. Как актер умирает на подмостках, так и писатель умирает в библиотеке. Возникнет смешная легенда — писатель дал дуба в читальном зале, и теперь его неуспокоенный дух бродит по ночным коридорам...

И похоронят здесь. На самом нижнем уровне. Отличная, кстати, идея — хоронить писателей в библиотеках, это достойно.

Щелк!

Стал свет и звук, Зимин вновь очутился посредине зала. Все смотрели на него и молчали.

Зимин подумал, что он, пребывая в погруженном состоянии, отмочил что-нибудь неприличное. Например, прочитал-таки пару стишат из «Анаболиков». Или изобразил выпь. Мало ли.

Зимин оглядел зал.

— С вами все в порядке? — поинтересовалась библиотекарь.

— Да, кажется... — Зимин потерял виски. — Свет погас, голова закружилась. Наверное, давление...

Заведующая налила в стакан воды, придвинула Зимину.

— Гроза идет, — сказала она. — Слышите?

Гроза действительно приближалась, медленно переползала реку, громыхала, как мешок булыжников, поблескивала молниями.

— Действительно...

Он поглядел в зал. Школьники понуро сидели на стульях, зевали, играли на телефонах, смотрели по сторонам. Мучились.

Рыжей среди них не было. Зимин сощурился. Нет, ее не было точно, то есть совсем там ничего не наблюдалось, ни самовара, ни золотого пятна.

— Чем-то пахнет... — Зимин пошмыгал носом. — Это что, канифоль?

— Проводка перегорела, — объяснила заведующая. — Скачок в сети, молния ударила в трансформатор. Знаете, мы решили, что лучше детей распускать, как вы считаете? Передают штормовое предупреждение.

— Да-да, конечно... — Зимин с облегчением согласился.

— Ребята! — с не меньшим облегчением сказала заведующая. — Мы получили штормовое предупреждение, и поэтому Виктор Валентинович предлагает закончить встречу. Давайте скажем спасибо нашему писателю...

Школьники промычали невнятное и направились к выходу, закидывая за спины рюкзаки и посмеиваясь. На несколько мгновений Зимину стало их жаль. Детство — не самая радужная пора в жизни, это определено. Никто тебя не слушает, все знают, как тебе лучше, не дают продохнуть, тянут, тянут : во взрослую жизнь, поучают...

— Спасибо, корефан! — помахал Зимину рукой бритый и вертлявый.

— На здоровье, — пробормотал Зимин.

Он остался сидеть, чувствуя отвращение к самому себе, к миру и отчасти даже и ко Вселенной. Впрочем, это чувство его не очень беспокоило, он радовался тому, что все закончилось, причем изрядно раньше времени, спасибо грозе, надо воздать благодарность Зевсу, кажется, он молниями заведует. Хорошо, очень хорошо, теперь он быстренько отправится домой и в ближайшие два года хоть тресни не согласится ни на какие встречи с

читателями, а ну их, этих читателей, все равно ничего не читают.

— Извините, — вздохнули рядом, Зимин обернулся. Читательница, с легким умилением подумал он. Та самая.

Бывает.

Читательница, стесняясь и продолжая вздыхать и краснеть, протянула Зимину «Темную материю».

— Автограф...

— Что написать? — спросил Зимин по возможности дружелюбно.

— Что хотите, — засмущалась девушка.

Зимин начал сочинять в стихах, но придумывалась только скучнейшая дребедень, «читать-мечтать» и тому подобное, Зимин оставил потуги и написал то, что писал всегда «Лене с наилучшими пожеланиями от автора этой книжки». Дата, юдпись. Смайлик.

— Спасибо, — девушка кивнула.

— Читайте на здоровье.

— Да. А вы продолжение пишете? Пятую книгу?

— Пишу, — зачем-то соврал Зимин. — Уже больше по-ловины написал.

То есть он знал, зачем соврал, ему не хотелось огорчать читательницу.

— А когда она выйдет? — робко спросила девушка.

— Зимой, — ответил Зимин. — Зимой обещали. Ну, если, конечно, Земля не наткнется на небесную ось.

— Здорово...

— Внизу вас ждет автобус! — провозгласила возникшая классная руководительница. — Лена, поскорее! Сейчас гроза начнется!

— Я сейчас, минутку еще, — Лена окончательно засмущалась, уже категорически. — Я вот еще чего хотела спросить, можно?

— Да, конечно.

— Там в последней книге... Я там немного не поняла...

— Кораблёва! — руководительница сделала грозный голос. — Тебя автобус дожидается!

Кораблёва поспешила на выход.

Зимин остался один. Он поднялся из-за стола и стал двигать стулья. Надо было хоть что-то делать. Он собирал стулья и расставлял их вдоль стен.

Показалась заведующая.

— Устали? — поинтересовалась она.

— Нет, — сказал Зимин. — Ничуть. Гроза как?

— Над рекой зависла. Похоже, что нас в этом году смочет.

— Ясно.

— Не надо стулья прибирать, мы сами...

Зимин опять почувствовал себя неприятно, со стулом в руках.

— Мне, наверное, пора, — сказал он.

— Да, уже поздно, — заведующая поглядела на часы.

Зимин стал собираться.

«Снежные псы».

«Темная материя».

«Беовульф».

«Зима в небывалой стране».

Заведующая терпеливо на него смотрела, а Зимин думал, в каких единицах следует измерять скуку. В детстве он измерял ее в Чеховых, потому что Чехов казался ему удивительно тоскливым писателем. В средней школе скука измерялась в подоконниках, шесть лет он

провел у окна и прекрасно изучил подоконник, в мельчайших деталях, во все времена года. Подоконник был средоточием мировой скуки, особенно осенью, когда к тоске подоконника добавлялась тоска осени. Впрочем, потом выяснилось, что в жизни есть вещи неизмеримо более тоскливые. Например, утренний автобус в ноябре, когда ты едешь на работу, которую ты ненавидишь, а в городе пробки, а напротив тебя стоит тетка, которая ненавидит свою работу еще больше тебя.

Зимин вспомнил период своей жизни, когда он ездил на работу утром в переполненном автобусе, и почувствовал себя несколько лучше.

— Вы на работу на автобусе ездите? — спросил он у заведующей.

— Да, — ответила она.

Зимину стало еще лучше, он подумал, что в жизни есть хоть какая-то справедливость.

Он собрал книги, сгрузил их в рюкзак. В душе продолжалось неприятное ощущение, какое всегда возникало у него после встречи с читателями, но в этот раз более сильное. Зимин не знал, чем его замять. Лимон бы сжевать. Зеленый еще, незрелый, с кожурой. Или перец жгучий.

— Вам плохо? — спросила заведующая.

— Нет, голова кружится немного. Это погода. Давление, наверное. А может, читатели, энергетика, то, се...

Заведующая выразительно поглядела на часы.

Что она на часы-то смотрит? Библиотека работает до вечера... Ах, сегодня же штормовое предупреждение — можно попасть домой пораньше, а я тут со своими книжками... Зимин понимающе кивнул.

— Зинаида Петровна, — сказал он. — Я вот что спросить хотел, мне кое-что показалось...

— Да?

— Перед тем как свет погас. Там на задних рядах...

Зимин смешался. Он не знал, как спросить, это было глупо...

Но спросить требовалось. Потому что Зимин знал точно — если он не спросит, потом пожалеет. Станет мучиться, думать.

— Знаете, Зинаида Петровна, там, на последнем ряду сидела девушка с рыжими волосами. Вы ее видели?

— Нет, я не видела, я же с фотоаппаратом была, фотографировала.

— Ясно. Ладно, я пошел...

— Подождите, у нас для вас есть кое-что.

Зинаида Петровна поспешила к подоконнику и принесла пакет, Зимин знал, что там — женьшеневый бальзам для лечения простудных заболеваний и набор шоколада с вишней, как всегда. И снова он почти угадал: вместо конфет с вишней оказались конфеты с черносливом, которые Зимин любил больше.

— Спасибо!

Зимин принял пакет и с облегчением отправился на первый этаж. В вестибюле уже почти никого не было, Зимин выдохнул, натянул куртку и выбрался на воздух. Гроза все-таки перебиралась через реку, молнии втыкались в крыши, туча нависла над городом, как мокрый матрас, перетягиваемый через забор. Зимин отметил, что мозг тренированно вытягивает из воздуха метафоры, туча, похожая на матрас, Зимину понравилась.

Ветер на недолгое время разогнал дождь, а воду, собравшуюся в воздухе, раздробил в мельчайшую пыль, от которой делалось холодно, но и одновременно приятно. Зимин вдохнул этой воздушной воды, почувствовав, как она заполнила легкие бодрым холодом. Ощущение было похоже на зимнее, на морозное сухое утро, как ни странно.

Зимин направился к мотоциклу.

Недалеко от «БМВ» стояла стайка мальчишек, не уехавших с остальными, среди них как раз лысый и вертлявый. Мальчишки указывали на мотоцикл пальцами и о чем-то шептались. Зимин достал брелок с сигнализацией и двинулся к машине, размышляя о том, что деньги на мои потрачены не зря.

Он приблизился к мотоциклу, поставил ногу на двигатель и принялся лениво завязывать шнурки. Мальчишки уважительно зашушукались.

— Сколько тачка прет? — почтительно спросил вертлявый.

— Двадцать два, — ответил Зимин небрежно.

— Двести двадцать, — перевел бритый. — Нормально.

— А жрет сколько? — робко поинтересовался один из мальчишек.

Зимин усмехнулся, тоже максимально пренебрежительно.

— Ты чего?! — бритый ткнул товарища локтем. — Про такие моцики не спрашивают, сколько жрет. Ты еще спроси, сколько «Майбах» жрет!

Мальчишки засмеялись над недалекостью товарища, а Зимин ответил:

— По трассе шесть, по городу восемь. Для стольника нормально вообще-то.

— У него сто лошадей?! — восхитился бритый.

— Вообще-то сто двадцать шесть, — Зимин нажал на кнопку брелока, мотоцикл сверкнул поворотниками.

— Классный моцик! — бритый потрогал крыло. — Классный...

— Классный, — согласился Зимин и забрался в седло. — Ладно, пацаны, мне ехать пора. А вы по домам давайте, поздно уже.

Мальчишки закивали и стайкой поспешили к остановке. Бритый чуть отстал, обернулся и сказал громко:

— А мне ваши книжки нравятся. Особенно «Беовульф»! Классная!

Он показал большой палец и побежал догонять остальных.

Зимин запустил двигатель.

Прогреть не стал, решил ехать медленно, с чувством, с достоинством. Вышел на проспект Костякова. Был час пик, но машин отчего-то было немного, ехать можно было медленно, успокаивая нервы, Зимин тошнил в правом ряду, раздумывая про то, что...

Фотографии!

Зимин давил тормоза. «БМВ» послушно замедлился, Зимин выставил ногу.

Заведующая делала фотографии. Щелкала, готовила отчет, раздражала Зими́на на протяжении всего убогого мероприятия.

Она наверняка запечатлела и ее. Рыжую, сидевшую с краю. Если она сидела. Если это была...

Зимин выругался. Он вдруг обнаружил, что начинает вязнуть в мелкочейистой сети безумия. Он знал, что безумие нельзя откармливать. Нельзя ему потакать, напротив, морить его надо, душить... Но ничего с собой поделать не мог. Зимин думал. Хотя это ведь могла быть обычная рыжая девчонка, мало их, что ли?

А если...

Зимин понял, что надо проверить. Просто необходимо проверить.

Пять километров — всего-то, не крюк. На штормовое предупреждение... На него Зимин плевал. Он развернулся через двойную сплошную и покатыл назад, к библиотеке.

ДНЕВНИК 2

Здравствуй, дорогой дневник!

Дорогой дневник не получается, вот что я думаю. Он какой-то неправильный сочиняется. Слишком длинный, а должен быть короткий.

Но коротко у меня не получается уже, потому что я начинаю описывать и не могу остановиться. Почему-то. Точно кто-то водит рукой, выглядывая из-за плеча. Это, наверное, все-таки от клаустрофобии. Длительное пребывание в замкнутом пространстве порождает некоторые отклонения, я помню, мы проходили на занятиях по психологической подготовке. Боевая психология, раздел «Форсированное извлечение информации». В просторечии — пытки.

Если человека поместить, допустим, в плотный каменный стакан, то уже через сутки ему начинает казаться, что за ним наблюдают, хотя на самом деле никакого наблюдения и не ведется. Так и у меня. Вечером, вернее, в то время, в которое мне кажется, что у нас вечер, я сажусь за железный стол и начинаю вести дневник. Сразу же и начинается — мне постоянно хочется обернуться. Сначала я на Дрюпина грешила, думала, это он устроил — просверлил дырку и смотрит, даже стену несколько раз проверяла — нет там никаких дырок. А ощущение есть. Тогда я попросту взяла и переставила стол к другой стене. Стол сместился, а чувство не исчезло. Я немного помучалась и решила на это внимания не обращать. Не стоит слишком много уделять внимания собственной психике, даже если она и пошаливает. Чревато. Жить надо проще. Сначала стреляем — потом думаем. Жучка дрищет — караван идет. Заветами беззаветного. Так-то.

Жучка жучкой, а волосы все падают. Горстями. И зубы вроде бы пошатываются, и просыпаться с каждым днем все сложнее. Если не радиация, то наверняка авитаминоз. Или цинга, кажется, у нее вот как раз такие симптомы. Цинги мне еще не хватало. Дрюпин, цинга, жизнь удалась.

Опять захотелось поплакать. Я даже решила было, но потом подумала, что в этом, наверное, нет смысла — надо заниматься теми вещами, какие ты хорошо умеешь делать. Не умеешь плакать — не плачь, пойди лучше с парашютом прыгни. Хотя с парашютами у нас сложности.

Интересно, чем это закончится? Выпадут волосы, выпадут зубы и ногти, кости начнут ломаться...

Я представила себя без волос и ногтей. Себе я не понравилась.

Лицо, кстати, похудело. Щеки впали, а нос заострился. Какое-то хищное выражение получилось, я стала походить на лису, но не на простую, а на бешеную. На лису-оборотня.

В дверь постучали.

Клык. По стуку определила, Клык всегда стучит настороженно и негромко, боится разбудить. Дрюпин, наоборот, громко, чтобы не спалось мне.

— Заходи, — разрешила я.

Клык стал заходить. Он долго заходит. В нем есть что-то крысиное, трусливое, жалкое и одновременно злобное, поэтому я не знаю, как мне к нему относиться. И вот эта самая его сущность здорово сказывается на его способе перемещения.

Ему бы с его костылями, штифтами и фиксаторами шагать по центру коридора, где места больше и вообще, но он всегда шагает исключительно вдоль стены. Громыкает об эту стену, цепляется, а иногда и падает, но в центр никогда не выходит. И садится всегда с края стола, дверь открывает на треть и все время озирается.

Вот и сейчас дверь открылась и показались костыли. Послышался скрежет, и только потом образовался сам Клык, трясущийся, красный от напряжения, заискивающе улыбающийся. Мне тут же захотелось накормить его ириской, мороженкой или пирожками с

брусникой и апельсинами. Только ничего этого у меня не было, из запасов еды мешочек с сухарями и сахар, слипшийся в комок от влажности. Неприкосновенный запас.

— Привет, — сказал Клык.

Я пыталась выяснить, как тут Клык оказался. Как оказался, почему он такой и вообще, кто он? Он, как это среди нас водится, не помнил, но, мне казалось, что и вспоминать не хотел. Кошмары его мучили, он каждый день рассказывал об этом за завтраком. Дрюпин считал, что Клык все это выдумывает, если бы его на самом деле терзали настолько страшные сны, то Клык вряд ли бы оставался в рассудке. Я не знаю. Все может быть. Иногда я думаю, что вообще вся наша жизнь похожа на непрекращающийся кошмар. Впрочем, лучше об этом не думать. Надо жить в каждом отдельно взятом дне, завтрашний день будет потом. Если будет, конечно.

— Привет, Сиренька. Он уселся на стул.

Если бы меня так назвал Дрюпин, я сломала бы ему мизинец на левой руке. А Клыку уже ничего не сломаешь, он и так весь переломанный. Знает, что мы его обижать не станем.

— Привет, Клык.

— Ты слышишь, как они скребут?

— Кто скребет?

— Они, — Клык с лязганьем пожал плечами. — Они. Оттуда.

Он указал в потолок.

— До нас хотят добраться, — сказал он с удовольствием.

— Кто они? — поддержала я разговор.

Если с ним не разговаривать, он нервничает. Трястись начинает, может и в обморок завалиться, доставай потом, разжимай лопатой зубы, приятного мало.

— Они. Они до нас добраться хотят.

— Зачем?

— Не зря же нас здесь спрятали, — заметил Клык резонно.

— А ты считаешь, что нас здесь спрятали?

— Конечно! — Клык брякнул костылями. — Конечно, нас здесь спрятали. Укрыли в последний момент. Там ведь бардак.

Клык снова указал пальцем в потолок.

Если честно, особого бардака я не помнила. Хотя кто знает, кроме базы я ничего и не видела в жизни, если что-то раньше и было... Темнота. Пустота. Безымянный все время этим вопросом волновался — откуда он взялся. Я нет. Но все равно, хотелось бы знать, хотя бы в общих чертах.

— Там все рухнуло, — сказал Клык. — Там потоп или оледенение. Все разорено. Я думаю, что оледенение, конечно. Там ледниковый период, земля засыпана снегом.

— Так зачем же сюда они лезут? — снова повторила я свой вопрос.

— Я же говорю — нас хотят достать.

— С чего это вдруг? Зачем мы им сдались?

— О! — Клык заволновался и даже вскочил на костыли. — Я об этом как раз много думал, всю ночь сегодня, пока они грызлись. Мы не простые ребята.

Это Клык сказал самовлюбленно.

— Мне кажется, мы супермены.

Я отвернулась к стене. Потому что мне очень хотелось рассмеяться. Расхохотаться. Супермены. Посмотрел бы этот супермен на себя в зеркало в полный рост — на ногах-то еле держится, валится, на скворечник ходячий похож, а туда же, в супермены метит.

— Просто мы об этом не знаем, — уточнил он. — Хотя нет, вон Дрюпин знает. Он изобретатель, очень ценный человек. Ты наверняка на саблях здорово дерешься.

Клык подмигнул мне.

— Ну, или на пистолетах.

— С чего ты решил? — спросила я.

— У тебя на курковых пальцах мозоли, — пояснил он. — И кисти крепкие. А двигаешься ты быстро и точно. Значит, или сабля, или пистолеты.

Клык не дурак, отметила я.

— Ну, так что? — спросил он. — Сабельница?

— Пистолетчица. А ты кто? Чем знаменит? Смертельный бой на костылях? Робин Гуд в сморкании?

— Не знаю точно, — ответил Клык. — Я кем-то был, это не вызывает никакого сомнения.

— Может, на тебе дельтапланы испытывали? — предположила я. — Или гидравлические системы?

— Не знаю. Может, и дельтапланы. Кажется, я высоты не боюсь. У меня все кости переломаны. И все суставы вывернуты. А в башке дырки, они кожей заросли, и слышно, как мозг пульсирует. Хочешь потрогать?

Я отказалась, как-то мне не хотелось трогать пульсирующую голову Клыка.

— Мне кажется, что я... умел что-то... необычное.

Клык вдохновенно потряс костылями.

— Я и сейчас умею необычное, — сказал он. — Хочешь, покажу?

Я вдруг представила, что Клык возьмет и продемонстрирует какую-нибудь необычайную пакость. Проткнет щеку ножкой стула и споет про покорителей космоса. Или башкой сломает стул и съест щепки. Когда живешь с этими людьми, привыкаешь ко всему.

— Ну, давай, — осторожно сказала я.

— Нужны какие-нибудь вещи, — он оглядел мою комнату. — Какие-нибудь корявые.

Жрать будет, подумала я. Возьмет лампу — и сожрет. А я смотреть буду на это. Вот и все сверхвозможности.

Клык дотянулся до лампы. Потом схватил ботинок, молоток, кружку железную и... Других свободных предметов на виду ему не встретилось, и Клык воспользовался-таки своим костылем. Неужели он все эти предметы будет поедать?

Но Клык удивил по-другому.

— Отвернись, — попросил он.

Представилось — я отвернусь, а он меня костылем по башке. Но я все равно отвернулась, хотелось посмотреть, что он выкинет.

Секунд двадцать Клык пыхтел и побряхтывал, а потом сказал, чтобы я поворачивалась. Я повернулась.

Сначала я не очень поняла.

Посреди комнаты стоял костыль. На нем красовалась лампа, балансируя на самом краешке. А на лампе ботинок, а на ботинке молоток. И на самом верху пирамиды алюминиевая кружка. Все это не падало. То есть оно должно было рухнуть, потому что ощутимо кренилось в сторону... Но не падало.

— Как это? — спросила я.

— Я — мастер равновесия, — объяснил Клык. — Кажется, это мой талант.

— Ставить костыль, а на него кружку?

Клык кивнул.

— Необязательно костыль, — сказал он. — Можно и без кружки. То есть это могут быть любые вещи, какие попадутся.

Он толкнул костыль, и башня рухнула.

— Вот так-то, — сказал Клык. — Я — мастер равновесия.

Как-то от этого известия мне стало уныло. Мастер равновесия. Его-то нам и не хватало.

— А в чем смысл? — спросила я. — Как практически это можно применить?

— Не знаю, — Клык поднял костыль. — Не знаю.

Идеальное чувство равновесия. Где это вообще может использоваться? В китайском цирке, скорее всего.

— Нет смысла, — нервно сказал Клык. — Нет смысла. Но ведь он должен быть!

Он попытался встать, но запутался в костылях и свалился обратно на стул.

— Человека без смысла не бывает, да? — Клык схватил меня за руку, заглянул в глаза. — А я ведь человек! Человек ведь?!

У него задрожали губы. Он стал притоптывать ногой, погрохатывать своими подпорками, хлюпать носом.

— Наверное, тебя готовили для пилотирования, — предположила я.

А что мне ему сказать было? Что, скорее всего, господин Ван Холл купил его по сходной цене, испытал на нем какое-нибудь очередное свое бредовое устройство, а потом бросил сюда, как отработанный материал. Не могла я ему такое сказать.

— Точно, для пилотирования, — повторила я.

— Да? — с надеждой спросил Клык.

— Само собой. У пилотов должно быть идеальное чувство равновесия, иначе они летать попросту не смогут. Так что, скорее всего, тебя готовили в пилоты сверхсекретного истребителя. А потом авария...

— Они не успели меня вылечить, — подхватил Клык. — Не успели. Потому что на нас напали они!

Они напали на них. Логично. Хотя здравый смысл в этом, безусловно, есть, так ведь оно всегда и бывает — они на них. А кто все эти люди, мы и не знаем.

— Нас только спрятать сюда успели, — прошептал Клык. — А потом началось обледенение. Но ничего. Ничего, ничего...

Он вдруг замолчал.

— А они ведь скребутся, — сказал он. — А если они доскребются, а? Они нас... Что они сделают? Что они сделают?!

— Ничего, — успокоила я Клыка. — Никто к нам не скребется. Просто над нами скальные породы, они нестабильны, они смещаются, по трещинам камни стекают, вот звук и получается. Никто к нам не лезет.

— Правда? — с надеждой спросил Клык.

— Правда.

— Ну, не знаю...

— Точно, — сказала я. — Я немного изучала геологию...

— А ты слышишь? — перебил Клык. — Ну, то, что они скребутся? Копают?

Можно соврать, но лучше не стоит, Клык наверняка спросил про это и у Клавдии, и у Дрюпина.

— Я-то не слышу. Но у меня слух не очень, если честно. Я и так-то плохо слышу, а вот ночью и вообще...

— Дрюпин тоже не слышит. И Клавдия. Я что, сумасшедший?

Нос и губы у Клыка снова задергались.

— Нет, что ты. Просто у тебя тонкий слух. Он гораздо лучше, чем у нас, вот ты и слышишь. Пилоту истребителя как раз нужно чувство равновесия и отличный слух. Просто все, что ты слышишь, это не они. Это скалы трескаются.

— Наверное... А знаешь, почему они трескаются? Потому что там ледник. Он давит на землю, и все трещит... А шаги? Ты их слышишь?

— Дрюпин ходит, — пояснила я.

— А чего он ходит-то?
— Да он лунатик.
Брякнула я первое, что пришло в голову.
— Лунатик?! — восхитился Клык. — Он — настоящий лунатик?!
— Ага. Первостатейный. Его уж лечили сколько раз, и пиявками, и электричеством, а все равно — лунатик. Закоренелый. Только это между нами, это тайна.
— Конечно. Никому не скажу. А лунатик — это кто?
— Он ходит во сне. Уснет, потом просыпается и идет.
— Куда? — не понял Клык.
— Куда хочешь. Шагает, руки перед собой вытянув. Вот так.
Я показала.
— А еще что делает?
Вопросы лунатизма явно живо интересовали Клыка.
— Что еще делает? Ну, как все лунатики. Воеет на луну, в койку мочится...
— В койку мочится?! — восторженно спросил Клык.
— Увы. Только так. Поэтому он даже без простыни спит, прямо так, на решетке.
Клык захлопал в ладоши и вдруг резко остановился.
— Что? — не поняла я.
— У меня был брат, — сказал Клык. — Тут же, здесь. Я вчера вспомнил.
— Брат? — удивилась я.
— Брат. Его звали... — Клык замолчал и принялся почесывать уши. — Как-то его звали... Нет, я точно помню, ты мне веришь?
Клык схватил меня за руку и посмотрел в глаза. Ему очень хотелось, чтобы я ему верила.
— Верю.
— Они с ним что-то сделали, — шепотом сказал он. — Что-то нехорошее. Он кричал. Я помню, что он кричал. Кричал, кажется... Они его электричеством стучали...
Клык принялся протирать виски стальными шариками размером с лимон каждый. Сначала по часовой стрелке, затем против, затем приложил шары ко лбу.
— Били электричеством, — повторил он. — Топили. Подвешивали.
Клык принялся перечислять, но я его остановила, не хотелось мне это слушать.
— Да... — кивнул он. — Да, не хочется вспоминать. А еще у меня зуб синий.
— Чистить надо, — посоветовала я.
— Я чищу два раза, а все равно синий. Вот смотри.
Клык растопырил пасть, я не удержалась и поглядела. Зуб у него был на самом деле синеватый. Странно. Хотя я сейчас почти ничему не удивлялась.
В дверь постучали. Нагло, бесцеремонно, по-дрюпински.
— Заходи, — разрешила я.
Показался Дрюпин.
— Дрюпин, правда, что ты лунатик?! — спросил Клык.
Я подмигнула сразу двумя глазами и сдвинула брови.
Я сдвинула брови сильнее.
— Да, лунатик, — кивнул Дрюпин. — Стыдно признаться, но я лунатик. Самый жесточайший лунатик, который только бывает.
— Лунатик! Лунатик! Лунатик! — принялся дразнить Клык. — А что лунатик делает? Правда, что ты койку мочишь?
Дрюпин взглянул на меня свирепо.
— Не каждую ночь... — я попыталась сгладить ситуацию.

— Каждую, — перебил меня Дрюпин. — Каждую ночь и два раза. И еще я кричу во сне. Иду по коридору — и кричу!

— Я слышал, — кивнул Клык. — Слышал, как ты завываешь. Думал, что это Годзилла.

— Кто? — не понял Дрюпин.

— Годзилла — это такая ядовитая ящерица. Она приходит по ночам, смотрит тебе в глаза и навевает кошмары.

— Не, я не Годзилла, — поправил Дрюпин. — Годзилла в кровать не мочится, а я два раза за ночь.

Дрюпин еще раз пронзил меня свирепым взглядом.

— Мочусь, а потом завываю. От бессилия. Во как.

Дрюпин принялся завывать, зверски так, с надрывом. Клык расхохотался, шлепая губами, а я поняла, почему никогда не видела его синего зуба — потому что он губошлеп. Дрюпин продолжал завывать, то и дело поглядывая на меня пронзительно.

— Лунатиком быть совсем не так просто, как вам кажется, — злобно сказал Дрюпин. — Это тяжелый крест, между прочим. Я придумал специальную систему ремней, которая захлопывалась бы автоматически, когда я ложусь спать. Но поскольку я знаю секрет этой кровати, я всегда освобождаюсь от своей же западни. Знаете, как это страшно — просыпаешься посреди коридора, а в руках топор! И такое странное в голове жужжание...

Договорить Дрюпин не успел, в ноги ударило, я подскочила почти до потолка и свалилась обратно на пол, пребольно ударившись о диван, тут же стало темно. Только громыhalo, только Дрюпин орал и безумно хохотал Клык.

Землетрясение. Нас трясло. Как майских жуков, посаженных в жестяную банку. То и дело я подскакивала и обо что-то стучалась. Дрюпин охал. Клык орал.

— Они идут! — орал он. — Они близко!

Если честно, было страшновато. Мне совсем не хотелось, чтобы сейчас обрушился потолок, чтобы мы оказались в железной ловушке, да еще в темноте. Если такое случится, шансов выжить останется немного, вряд ли кто-то явится нас отсюда выковыривать, так и останемся.

Землетрясение продолжалось мучительно долго. Никогда не думала, что землетрясение может продолжаться такое время, мне показалось, что нас трясло почти час, не меньше. От тряски у меня разболелось все, что могло разболеться, спина, плечи и все кости внутри, и рот наполнился кровью, то ли от вывернутых десен, то ли от прикушенного языка. Кроме того, я несколько раз ударилась головой о что-то железное, а один раз кто-то — то ли Дрюпин, то ли Клык — лягнул меня в глаз, и теперь я чувствовала, как наливается гуля.

Комната тряслась и тряслась, и со всех сторон слышался грохот, а потом все прекратилось резко и вдруг.

Я лежала на полу и боялась пошевелиться. Пошевелюсь — а кости сломаны. Или оторвалось внутри что, при такой тряске это вполне могло осуществиться. Темнота.

— Все живы? — спросила я.

— Я, кажется, жив, — ответил Клык. — Только вокруг меня какая-то лужа. Это, наверное, наш Дрюпин. Темно стало, он и не удержался, лунатик проклятый.

— Заткнись, — отозвался Дрюпин.

Значит, целы.

— Дверь наверняка заклинило, — с удовольствием сказал Клык. — Мы погребены в темноте и теперь умрем в муках.

— А чему ты радуешься? — поинтересовался Дрюпин.

— Вместе весело умирать. Я всегда хотел, чтобы так. Будем туг лежать в темноте, разговаривать. Не переживай, Дрюпин, это недолго продлится.

— Почему это? — вмешалась я в разговор.

— Потому, что вентиляция, вероятно, нарушилась, — объяснил Дрюпин. — Здесь мало воздуха. Боксы герметичны, а циркуляции почти нет, сейчас посчитаю... Дня через полтора потеряем сознание.

— Надо дышать реже, — сказал Клык. — Я вот могу вдыхать раз в минуту, а Дрюпин нет. Он нам весь воздух за три часа выдышит, я его знаю...

— Да ты сам все выдышишь...

Они пустились в ругань, а я пыталась определиться. Ну, что делать. Первым делом, конечно, следует озаботиться огнем. Для этого у меня есть зажигалка и лампа, главное, нащупать их среди всей этой окрошки, но это дело времени, если взяться, то отыскать можно. Вторым делом...

— Не надо! — вскрикнул Дрюпин так резко, что мне пришлось прислушаться.

— Давай, Дрюпин, тебе понравится! Я вчера после обеда начал вспоминать, и все вспоминал и вспоминал, и на бумагу записывал, так что потом и мелодия как-то сама собой в голове заиграла.

— Да не нужна мне твоя песня, у меня ногу чем-то придавило, еле двигаюсь...

— Я спою — и полегчает. Сейчас, сейчас... — Клык запыхтел. — Слова там очень простые...

Клык замолчал.

— Сирень, скажи ему, чтобы заткнулся, — попросил Дрюпин.

— Не сбивай! — взвизгнул Клык. — Сиренька, скажи ему, чтобы не сбивал!

Я молчала. Забавная мысль посетила меня — а что, если это на самом деле конец? То есть все, тупик? Воздух будет истончаться, мы будем лежать в этой комнате с железными стенами, Дрюпин и Клык будут ругаться, дышать станет все сложнее, и никакого белого света...

— Сирень! — позвал Дрюпин. — Сирень, я не могу больше...

— Он специально дышит чаще! — заявил Клык. — Я же говорил, он нам весь воздух израсходует!

— Я не дышу чаще!

— Я же слышу — дышишь!

Включился свет. Раз — и включился, точно у меня в глазах взорвались атомные бомбы, хотя я этого никогда и не видела, как они взрываются.

Но проморгалась постепенно.

Клык лежал под столом, вытянув руки вдоль туловища, глядя в потолок, с сосредоточенным лицом.

Дрюпин валялся, немного придавленный сундуком, от этого посинел и дышал действительно часто. Хотя если появился свет, значит, и вентиляция восстановилась. Комната моя была совсем разрушена. Упало все, что могло упасть.

Я поднялась.

— Сиренька, у тебя отличный синяк под глазом, это тебе Дрюпин поставил.

Я потрогала глаз. Фонарь, это да. К тому же, судя по всему, синяки у меня будут с ног до головы.

Дрюпин напрягся и сбросил с себя сундук. Поглядел в потолок.

— Плохо дело, — сказал он.

Я тоже поглядела.

Потолок вспучился. Прямо посередине выпирал железный пузырь, выглядевший весьма неприятно, казалось, что он вот-вот лопнет и прольется расплавленным металлом. Кроме того, по стенам пошли трещинки, похожие на мелкую паутинку, пол чуть скособочился, и все, что

могло катиться, скатилось к левой стене.

Дрюпин, сильно хромая, подошел к двери. Дернул за ручку, дверь не открылась. Дрюпин крикнул и навалился на дверь плечом.

С тем же успехом.

— Так и знал, — сказал из-под стола Клык. — Дверь заклинило. Теперь мы умрем от голода. То есть вы умрете. То есть Дрюпин, конечно, умрет.

— А вы, значит, не умрете? — спросил Дрюпин.

— Ха, — сказал Клык.

Он постучал себе по плечам и по груди, издав сухой хрустящий звук.

— Сушеная кукуруза, — сказал он. — Я всегда ношу с собой, так, на всякий случай. Мы с Сиренью будем питаться кукурузой, а ты умрешь от голода.

Клык подмигнул Дрюпину.

Тот растерянно поглядел на меня. Я пожала плечами.

— А Дрюпин пусть ботинками питается, я ему отдам.

Клык щелкнул каблуками.

Дрюпин насупился.

— А что? Ботинки у меня из настоящей кожи, пускай он их жует. Ему вообще-то худеть надо.

— Ну, все, — Дрюпин направился к Клыку. — Этот калека меня сильно утомил. Сейчас я с ним немного разберусь.

— Давай! Бей инвалида! — заорал Клык так душераздирающе, что Дрюпин остановился.

Он в сердцах плюнул на пол и отступил.

— Дверь точно заклинило? — спросила я.

— Точнее не бывает.

— У меня очень вкусные ботинки, — сообщил из-под стола Клык. — Главное, тщательно разжевывать. Попробуй, Дрюп! Я же видел, ты давно к ним присматривался...

Но Дрюпин уже не стал обращать на него внимания, вернулся к двери.

— Замок в порядке, — сказал Дрюпин. — Петли тоже. Перекосило раму. Домкрата у тебя, конечно, нет?

— Как же, как же, две штуки под диваном. Дрюпин, что за тупые вопросы...

Я достала зеркало, поглядела.

Лучше бы я в него не глядела. То, что я увидела, мне опять не понравилось. Нос был сильно скорябан, и фонарь тоже имелся, губа разбита, а на лбу странный отпечаток в форме гайки.

— Без домкрата... — Дрюпин оглядел комнату. — Можно попробовать вынести диваном.

— Давай попробуем.

Мы попробовали. Диван оказался тяжеленьким. Мы откатали его от стены и установили напротив двери. Плюсом было то, что у дивана оказались колесики.

— Если удастся его хорошенько разогнать... — нахмурился Дрюпин.

Разогнать диван не удалось. Нет, мы его, конечно, разогнали и даже треснули им пару раз в дверь, однако последствия это имело печальные — во-первых, диван немного сломался, во-вторых, Дрюпин вывихнул себе палец на правой руке. Клык, как всегда, комментировал наши действия из-под стола. Надо отметить, иногда эти комментарии были весьма едкие, в частности, вывихнутый дрюпинский палец он связал с бесспорной личной нечистоплотностью Дрюпина.

— Это воздаяние, — сказал он. — Так будет с каждым лунатиком,

злоупотребляющим ковырянием в носу. Он у тебя еще и отсохнет. Посинеет, потом почернеет, однажды проснешься — а пальца-то и нету.

Дрюпин промолчал и стал думать.

Я не мешала ему. Сначала я хотела немного прибраться, но потом подумала, что не буду этого делать — комната стала совсем неприятной, и я решила переехать. Боксов много, выберу новый, стану жить.

— А потом и на руку перекинется, — вещал из-под стола Клык, — дойдет до локтя, тогда уж не отвертишься, повезут тебя по дорожке ухабистой, под печальную музыку, узнаешь тогда...

— Непонятно... — сказал задумчиво Дрюпин. — Ты не слышишь?

— Тихо вроде.

— Да нет, пахнет ведь.

Дрюпин втянул воздух.

— Это какой-то лунатик обделался, — сказал Клык. — Обделался, а свалить на тебя, Сиренька, хочет...

— Кровью ведь пахнет, — Дрюпин уставился на меня.

Я огляделась. Нет, все нормально, у меня, кажется, только ушибы. Дрюпин оглядел себя. На его одежде крови видно не было.

— Пахнет ведь.

Я принялась. Кровью действительно пахло.

— Так...

Мы посмотрели на Клыка.

Из-под стола торчали только его ноги, в старых растрепанных ботинках, кажется, действительно кожаных и на два размера больше, надетых на голые ноги. Я схватила Клыка за щиколотки и выволокла его на свет.

За Клыком протянулась красная полоса.

Дрюпин выругался.

— Сирень, этому лунатику доверять нельзя, — сказал Клык. — Лучше ты его свяжи как-нибудь... В правом кармане у меня чечевица, в левом кукуруза, вместе их есть нельзя...

Я выхватила нож и стала снимать с Клыка куртку.

Он сопротивлялся. Не сильно, хилый слишком был, я легко прижала его лапки к полу коленями и быстро срезала с него ножом одежду, что-что, а ножом я работать умела.

Под одежкой обнаружилось тело. Бледное, с выпирающими костями и какими-то шишками, но шишки были не самым страшным, самым страшным были шрамы. Он был весь покрыт шрамами.

— Мама... — не удержалась я и охнула.

Потому что нельзя было не охнуть. У него совсем не было здоровых мест, то есть совсем не было здоровых мест, ни сантиметра. Шрамы. Одни шрамы налезали на другие, располагались поверх. Маленькие объединялись в крупные, небольшие острова в архипелаги, архипелаги в материи...

— Да... — протянул Дрюпин.

Там были круглые шрамы, разного калибра, именно так, потому что я сразу поняла, что эти шрамы от пуль. От мощных пистолетных, способных остановить медведя средних размеров, от маленьких автоматных, пробивающих этого медведя насквозь. А еще были разрывные, от них образовывались воронки с рваными краями.

Были шрамы продольные, длинные и как бы расходящиеся, я тоже знала, отчего такие образуются. Меч, сабля, топор. Режущие инструменты. В Клыка не только стреляли.

Ожоги. Обычные, ну, от сигарет. И от напалма — когда капли на кожу попадают, опять же глубокие такие ямы остаются. А от фосфора, наоборот, плоские кратеры, которые заживают

долго, долго гниют, а потом после них остаются такие розовые шлепаки, у Клыка вся спина была в таких шлепаках.

Непонятные еще шрамы, странные, как будто из-под кожи прорывались короеды или что-то вроде того, я как увидела все это...

Пришлось собраться, зубы сжать, перевернуть Клыка на полубок.

Перевернула и увидела — в спину, чуть ниже правой лопатки, Клыку вонзился штырь. Я даже не знала, откуда у меня взялся этот штырь — короткая железная штука, заточенная остро и снабженная изолентовой ручкой, видимо, все-таки изделие самого Клыка. Из запасов. Назапасал на свою голову, дурачок, гороха, кукурузы, заточек. А она при тряске ему и воткнулась.

Неглубоко, кажется, только под кожу влезла, но крови вытекло много. Это оттого, что она у него жидкая.

— Ерунда, — сказал Дрюпин. — Крови только много. Надо выдернуть и зашить. У тебя нитки есть?

Ниток у меня не было. Что здесь шить?

— А пластырь? — спросил Дрюпин.

Пластыря у меня тоже не было. Да и вообще, я растерялась и не знала, что делать, а Клык вдруг потерял сознание или просто заснул, лежал и лежал себе, а кровь растекалась. А я совсем одурела. Ведь изучала всю эту медицинскую помощь, как перевязывать, как зашивать... Но вот при виде крови все просто из головы выскочило.

— Дай-ка я, — Дрюпин оттеснил меня в сторону.

Я отошла. Дрюпин поморщился, вытер руки о штаны, резко выдернул заточку. Кровь продолжала вытекать.

— Нужно повязку, — сказал Дрюпин. — Давящую, кажется...

Я взяла подушку, сдернула наволочку, разорвала напополам. Дрюпин сложил из наволочки подушечку и притянул ее к ране веревкой. Достаточно крепко, во всяком случае, кровь остановилась.

— Что дальше? — спросила я.

— Лекарства у тебя есть? — спросил Дрюпин. — Хоть какие?

— Нет... Зачем?

Дрюпин кивнул.

— Надо в медпункт, — сказал он.

— Правильно, Дрюпин, иди в медпункт, сделай себе укол от бешенства...

Значит, не заснул.

— Заткнись лучше, — посоветовал Дрюпин. — Тебе сейчас лучше не разговаривать.

— А я назло буду, — сообщил Клык. — Буду разговаривать и умру в муках. А потом буду тебе каждую ночь являться и смотреть на тебя, смотреть...

Клык замолчал.

Мы взяли его и перенесли с пола на диван, он оказался совсем невесомым, как мешок с костями.

— Крови много вытекло, — шепотом сказал Дрюпин. — Надо в медпункт, там есть кровезаменители в заморозке, еще что-то.

Я подошла к двери. Толкнула. Сантиметра три толщины, я толкнула дверь. Глухо. И сталь не просто сталь, ее, наверное, даже автогенем не разрезать.

— Взрывчатки нет, конечно, — сам себе сказал Дрюпин. — Дверь не вынести. А если бы и была, мы бы от удара погибли.

Клык неожиданно захрапел, с присвистом, с дерганьем щекой, дышал тяжело, так что казалось, что ребра даже вроде похрустывают.

— Сможешь сломать? — спросила я у Дрюпина.

— Смогу. Только пока не знаю как, надо подумать...

Дрюпин начал чесать голову. Выглядело это не очень красиво, видимо, у Дрюпина отросли ногти, и теперь по его гладкому черепу шли красные царапины.

Я не стала ему мешать, я сама стала думать. Но мне совсем не думалось. В голове пустота, вытрясло все, выбило все. Иногда мне кажется, что Клык прав. Что война все-таки случилась. Что нас бомбили — слишком много у нас беспорядка, много опрокинутых стеллажей, мебели перевернутой, как будто землетрясение здесь произошло. Если не война, то катаклизм точно. Нет, там наверху никого не осталось, только лед. Там все замерзло. И вообще все замерзло, земля покрылась толстенной коркой в несколько километров, или даже больше, потому что Вселенная состоит из льда...

— Не могла бы ты не бормотать? — попросил Дрюпин.

— Разве я что-то сказала?

— Да, чушь всякую. Типа Вселенная состоит из льда, Вселенная состоит из льда... Раздражает.

— С чего это?

— Это любимая теория Ван Холла. Он даже космические исследования спонсировал, чтобы доказать, спутник к Марсу посылал...

— Доказал?

— Да, кажется. Солнечная система — это пустота во вселенском льде, который начинается сразу за поясом Койпера, звезды находятся совсем недалеко, но лед мешает прохождению света, проникнуть сквозь этот лед невозможно... Короче, бред. Ты разве не помнишь, в библиотеке книга на самом видном месте лежала?

— Я не...

— Лунатик! — сказал Клык. — Лунатик-лунатик, зацепился за канатик...

Дрюпин вздохнул.

— Я буду думать, — сказал он. — У нас...

Он поглядел на Клыка.

— У нас совсем немного времени. Буду думать.

Я осталась у двери.

Хорошие у нас двери. То есть просто отличные, наши двери просто так не пробьешь. Я пнула сталь ногой. Глухо. Тогда кулаком. А потом еще раз.

С пятого раза на костяшках слезла кожа. Но меня это особо не впечатлило, я продолжала бить, и постепенно на стали образовывались красные шлепаки замысловатой формы. Кажется, по чернильным кляксам можно определить судьбу. Наверное, по кровавым кляксам судьбу можно определить ещё надёжнее.

ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Библиотека закрывалась, и Зимин вдруг подумал о том, что он никогда не бывал в библиотеке ночью. Конечно, раз в год здесь проводились поэтические марафоны, но Зимин боялся в них участвовать, да и настоящих стихов у него не было.

В библиотеке гасили свет, сотрудники спешили прочь, и заведующая уже уходила, суетливо завязывая шарф, Зимин остановил ее на лестнице.

— Зинаида Петровна, я хотел бы...

Заведующая поглядела на Зимина равнодушно.

— Но уже поздно, Виктор Валентинович, приходите завтра.

— Это важно! Мне надо... Мне надо... Я хочу разместить фотографии с нашей встречи в Интернете. Можно я их скопирую?

Заведующая попробовала обойти Зимина, но он галантно не позволил.

— Виктор, я вас не понимаю, — сказала библиотекарь. — Извините, уже поздно, и я устала. Вы хотите посмотреть фотографии?

— Да. Дело в том, что мне это просто необходимо...

— Фотографии можно будет поглядеть только в понедельник. Фотоаппарат в отделе комплектации, а сейчас он поставлен на сигнализацию, так что ничего сделать нельзя.

— Но мне очень...

— У меня сейчас нет времени, извините, — строго и неприязненно сказала заведующая.

У нее заготовки, вдруг понял Зимин. Ей надо торопиться домой, квасить капусту, солить помидоры, мариновать грибы, а тут он заявляется со своими глупостями.

— Понятно, — сказал Зимин разочарованно. — Ладно, приду в понедельник.

Заведующая обогнула Зимина и поспешила к выходу.

Зимин проследил за ней взглядом, затем неожиданно для себя самого спустился вниз, на технический этаж и спрятался в туалете.

Это было на редкость глупо, он понимал это, но спрятался в мужском туалете и стал ждать, пока все уйдут. Он не очень понимал, зачем это делает, просто... Просто он давно хотел написать про это. Как герой засыпает в библиотеке, а просыпается тоже в библиотеке, но уже в другом мире, в котором победило зло и люди теперь лишь объект охоты для демонов. Солнце в этом мире восходит всего лишь на три часа, а все остальное время сумерки и ночь. И приходится все время быть настороже, иначе демоны тобой перекусят.

И вот Зимин решил поглядеть, как оно — ночью в библиотеке. То есть сначала он спустился вниз и спрятался в туалете, а потом уже придумал почему.

Он выждал полчаса, после чего отправился гулять по залам. На улице развивалась гроза, и библиотека в стальных вспышках молний выглядела совсем по-другому. Барельефы писателей отбрасывали на стены причудливые тени, жалюзи резали свет на длинные острия, канделябры на стенах завершали ансамбль — Зимину окончательно казалось, что он внутри средневекового замка. В этом было нечто готическое. То есть совсем готическое, Зимин подумал, что зря не заглядывал в ночную библиотеку раньше, он многое потерял. Тут интересно.

Зимин вспомнил байку — если спуститься в библиотечное хранилище, в самую глубину, и сесть тихонько на стульчике и затаить дыхание, то через некоторое время услышишь, как переговариваются между собой книги. Тоненький печальный шепот. А некоторые уже не переговариваются, некоторые уже умерли, вросли в стены и друг в друга и молчат.

Он шагал медленно, вдыхая успокоившийся библиотечный воздух, размышляя, что делать дальше. Здание было большим, жизнь в виде сторожа теплилась лишь у входа. Зимин

приблизился, услышал звуки футбольного матча, почуял запах чесночной колбасы и позавидовал этим простым радостям. Возникла идея немного сторожа попутать, прикинуться библиотечным духом, но потом Зимин подумал, что сторож наверняка вызовет полицию, и от идеи отказался. Решил просто побродить по залам, найти подходящее местечко и устроиться для сна...

Ларе надо позвонить, неожиданно вспомнил Зимин. А то будет волноваться. Ругаться будет. Хотя как все это объяснить...

И отцу. Ему он уж который день собирается, стыдно даже.

Зимин укрылся под лестницей, достал телефон, Лара ответила почти сразу.

— Ну и где ты теперь, дружок? — спросила она недовольно.

— В библиотеке, — честно признался Зимин.

— В какой же, если не секрет?

— В областной. Ну, ты знаешь, у меня же сегодня встреча...

— И тебя замотали до ночи? — ехидно осведомилась Лара.

— Нет... То есть... Короче, я тут немного...

Зимин придумывал, как объяснить свое ночное пребывание в библиотеке.

— Я тут с библиотекарями поругался, — наконец придумал он. — А они меня в хранилище закрыли. Якобы случайно. Знаешь, такое форменное свинство, я три часа в дверь колотился, у них двери тут как в бомбоубежище, все кулаки расшиб...

— Это ужасно, — казенным голосом сказала Лара. — Тебя связали?

— Связали? Нет, просто заманили и закрыли, слушай, какой-то беспредел просто.

— Я же говорю — ужасно.

— Ты что, мне не веришь?! — потихоньку возмутился Зимин.

— Как раз верю. С кем не бывает? Пошел в библиотеку, напали библиотекари, связали...

— Лар, да на самом деле все так.

— Хорошо, — перебила Лара.

Зимин с удивлением услышал, что она, кажется, действительно не сердится. То есть ничуть не сердится.

— Ты лучше домой в грозу не езд, — сказала Лара. — Ты лучше там оставайся, хорошо? Почитай что-нибудь. У тебя там есть что почитать?

— Да, я кокосовскую тетрадку захватил случайно, развлекусь, пробегу пару глав.

— Давай-давай. Только осторожнее, мне кажется, это не всё так...

Связь оборвалась, и через секунду пол дрогнул от мощного грозового раската.

Зимин перезвонил, бесполезно. Набрал номер отца — тоже.

Связь не восстанавливалась, Зимин выбрался из-под лестницы. Внизу располагался зал периодики, вверху технический, между ними зал художественной литературы, Зимин решил начать с нее.

Зал был велик и неожиданно хорошо освещен, всю правую стену занимали высокие и узкие окна, в простенках между которыми располагались мягкие кресла и круглые стеклянные столики. Над столиками на стенах белели барельефы великих русских писателей. Возле крайнего окна, недалеко от столика выдачи книг в кресле сидел человек.

Под Гоголем. То есть под его барельефом. Зимин насторожился.

Сначала он решил, что это призрак. Призрак библиотеки, в любом уважающем себя учреждении должен водиться призрак, накаркал себе. Но почти сразу Зимин сказал себе, что вряд ли призрак будет сидеть в такой наглой позе — выставив ноги и отбрасывая раскоряченную тень.

Зимин подумал и о грабителе, однако быстро понял, что грабить тут нечего. Да и не стал бы грабитель вести себя столь вызывающе.

Псих, вывод напрашивался однозначный. Да, всего лишь еще один псих, оставшийся в библиотеке на ночь. Зимин нащупал взглядом стул и решил, что в случае чего станет отбиваться от незнакомца им.

— Стулом не надо, — попросил незнакомец. — Меня уже два раза стулом били, я как-то это перестал переносить.

Голос Зимину показался знакомым, но Зимин этому особого значения не придал — в последнее время ему много что казалось.

— Однако, здравствуйте, — человек снова помахал рукой Зимину. — Все-таки странные вы люди, писатели, странные. Если честно — не ожидал. Поступок. Безусловно, поступок, достойный Ахилла! Спрятаться в туалете библиотеки, чтобы во тьме выйти наружу — это респект! Все-таки писатель мыслит крайне, крайне нестандартно. А хороший писатель...

Незнакомец закатил глаза и прищелкнул языком.

Зимин разозлился. Сидит какой-то... библиофил, вытянул грабли, проход загораживает, да еще и комментарии отпускает. Еще один восставший из целлюлозы. Весьма кстати. Весьма к месту.

Зимин понял, что ему просто необходимо пройти в глубь зала. Зачем-то. Просто так. Чтобы ноги тут всякие не раскидывали, чтобы не мешали перемещаться...

Зимин попытался их обойти, но человек простер их еще дальше, так что оставалось или перешагнуть через них, или наступить.

Зимин перешагнул.

— А библиотека, между прочим, закрыта, — сказал человек. — И выхода нет. Во всяком случае, до утра. Охрана стреляет без предупреждения.

— Ага, сейчас...

Что-то слишком много незнакомцев в последнее время, подумал Зимин. Катастрофически много. На каждом шагу, куда ни плюнь, всюду какой-нибудь загадочный тип. Вот уж не ожидал ночью в библиотеке встретить... Кого?

Точно, очередной психопат — любитель чтения. Определенно, косяком пошли.

— Да уснул я в туалете, — пояснил Зимин. — Зачитался, знаете ли, «Осень Средневековья» — моя любимая книга...

— Прекрасная, безусловно, — согласился полночный псих. — Интереснейшая. Насколько я помню, вы именно по ней дипломную работу писали? Надо признать, пустая работенка получилась, не пойму, за что вам только «отлично» поставили?

Осведомленность незнакомца о фактах его биографии Зимина не обрадовала. Он вдруг остро почувствовал, что пора валить. Зря он тут остался, глупая была идея, непонятно, как только она взбрела ему в голову? Сама собой будто...

Зимин направился прочь, планируя обойти вокруг зала к выходу, миновав тем самым всезнайку.

— Куда же вы так торопитесь? — спросил вслед человек. — Я думал, мы побеседуем.

— Завтра, — сказал Зимин. — Мне сейчас нужно срочно прыгнуть с парашютом, я совершенно про это забыл...

— Тоже увлекаетесь ночными прыжками? Одобряю. С чего прыгать предпочитаете?

— Мне пора, вообще-то, там уже самолет разогревается...

— А мы, между прочим, знакомы, — вздохнул человек.

— Бывает, — пожал плечами Зимин. — Мало ли кто с кем...

— Моя фамилия Евсеев, — сказал человек.

Зимин остановился.

— Евсеев, — повторил Евсеев.

Зимин повернулся.

Евсеев продолжал сидеть в кресле, теперь он закинул ногу на ногу и покачивал ею, одновременно вращая носком то по часовой стрелке, то против.

— Вот, решил встретиться в офлайне, — сказал человек. — А то все мальчуганам да мальчуганам, даже неприлично как-то, взрослые вроде бы дядьки. Где еще встретиться двум старым пиратам, как не в библиотеке?

Зимин согласно кивнул.

— Приятно все-таки познакомиться вживую, — улыбнулся Евсеев.

— Откуда мне знать, что это вы? — спросил Зимин.

Евсеев погрузил пальцы во внутренний карман и продемонстрировал удостоверение. Серьезное такое. Красного цвета. Весьма и весьма серьезное, с таким удостоверением сворачивают с курса боевые корабли, поднимают в воздух штурмовые дивизии... Ну, если не штурмовые дивизии, то десантные вертолеты точно. Вот тебе и Алеханро Тич, шкипер «Алебарды» и лучший фехтовальщик к северу от Ямайки.

— Кстати, я Александр.

— Я почему-то так и думал, — кивнул Зимин. — Александр.

— Вы, я вижу, мне не верите? Но я действительно Александр Евсеев. Мы с вами коллеги по «Пиратскому берегу», я вам на днях звонил, мы обсуждали набег.

— Допустим, — кивнул Зимин. — Допустим. А вот если так... Что сказал ваш тезка Эдвард Тич, вы, разумеется, знаете?

— Разумеется, знаю, — Евсеев кивнул. — Эдвард Тич, мне кажется, был несколько склонен к афористике, поэтому он сказал так. Пятнадцать человек на Сундук Мертвеца, и бутылку рома.

— Приятно познакомиться, — Зимин протянул руку.

Евсеев пожал. Рукопожатие у Евсеева оказалось вялое, но прохладное, от таких рукопожатий неизвестно, что ожидать.

Евсеев был лыс, холен, благоухал дорогим одеколоном, зубы сверкали даже в темноте, на пальцах у Евсеева поблескивали золотом тяжелые перстни, на запястье матовой платиной лучились часы. Надо было что-то сказать этому новому и неожиданному Евсееву, и Зимин не мог понять, что именно.

— Я думал, вы работаете в лицее, — сказал Зимин и сел в кресло.

— В лицее? С какой стати? Нет, конечно, я не работаю в лицее. У меня мама в лицее работает. А с чего вы решили, что я учитель?

— У вас голос гнусный, — признался Зимин.

— Да? Не знал. Впрочем, вполне может быть.

— Да... Знаете, я... Никогда не встречался с людьми вашей профессии. Забавно. Чем обязан?

Евсеев промолчал. Опять загромыхало, и, наверное, минуту почти ничего нельзя было услышать.

— Вы что, хотите меня завербовать? — спросил Зимин.

Евсеев расхохотался. Искренне так, от души.

— Чушь какая, — сказал он. — Завербовать... Эх, маэстро, вербуют совсем по-другому. К тому же... Вас ведь, Зимин, не завербовать. Ну, то есть можно, конечно, но возни много, эффекта мало. Приличных людей вербовать сложно и неблагодарно, так что, Зимин, не обольщайтесь особо, Кимом Филби вам не стать.

— А я уж думал, — Зимин вздохнул. — Такая уютненькая резидентура где-нибудь на Рио-Гранде. Или это... готов развалить изнутри союз японских писателей. Хоть завтра. Как?

— Подумаем, — кивнул Евсеев. — Насчет японских писателей. Впрочем, я здесь

выступаю... ну, как частное лицо.

— Как частное лицо... Непонятно все-таки, зачем? Частное лицо, но с удостоверением...

— Удостоверение у нас завсегда. Ладно, мы отвлеклись. Дело в том, что я кое-что обнаружил. Я вкратце, хорошо?

— Можно и не вкратце. Там, — Зимин указал пальцем вверх, — там, кажется, дождь собирается, спешить некуда.

— Все равно, лучше вкратце. Дело в том, что в последнее время я кое-что заметил. Евсеев сделал паузу.

— Кое-что странное.

Зимин закашлялся, смеяться ему не хотелось, но Евсеев все равно услышал.

— А что смешного? — спросил он.

— Да так. Я просто слово «странное» в последние дни слышал чаще остальных.

— И это вам не кажется странным? — улыбнулся Евсеев.

— Не знаю. Я никогда в эту сторону не размышлял..

— Знаете, Зимин, впервые я задумался, прочитав ваши книги...

Зимин застонал.

— Вы хоть не начинайте, — попросил он. — Знаете, Евсеев, я с ума сойду скоро...

Зимин замолчал. Потому что по коридорам поплыл протяжный печальный звук, точно лопнула струна.

— Что это? — испуганно спросил Зимин.

— Не знаю, — Евсеев понюхал воздух. — Необычный звук. Наверное, трубы свистят. Очень похоже.

— Трубы?

Евсеев пожал плечами, сунул руку под пиджак, чем-то щелкнул.

— «Беретта», — пояснил он. — На всякий случай, мало ли.

— В библиотеку с пистолетом? — удивился Зимин.

— Ну да. В наши дни... К тому же мне всегда казалось, что библиотека место довольно inferнальное.

— От беса отбиться «береттой»? — ухмыльнулся Зимин.

Евсеев негромко похлопал в ладоши.

— Почему я бездарен, а? — спросил он с печалью. — Всё-таки писатели, художники... Это не наш клиент. А я устал, знаете ли, от барыг, хочется...

Евсеев пошевелил пальцами в воздухе, молния ударила в крышу, грохнуло прямо над ними, зазвенели стекла. Гроза пришла.

— Хочется настоящего, — закончил мысль Евсеев. — Ну, как у Жюль Верна, помните? Робур Завоеватель на своей крылатой машине пронзает пространство и карает негодяев и угнетателей магнетическими разрядами. Или Сайрус Смит на таинственном острове. А то все, знаете ли, какие-то расхитители, лес воруют, бюджеты пилят. И конца этому и края... К тому же...

Евсеев замолчал.

— Впрочем, мы все время отвлекаемся, вернусь к сути. В последние два года я занимаюсь в некотором роде информационной безопасностью. Анализ информационных потоков, на основе... не суть. Одним словом, я работал с он-лайн-играми.

— Контора интересуется онлайн-играми?

— Она всем интересуется. А онлайн-игры... Это весьма сложная система мониторинга и управления...

Зимин зевнул.

— Понятно, — замялся Евсеев. — Излагаю проще. С помощью игр довольно легко

собирать информацию о настроениях масс. А еще... Я наткнулся на победителя.

Зимин тоже вытянул ноги.

Евсеев достал из кармана блокнот.

— Вы, Виктор, за три последние года вступали в восемь онлайн-игр, в каждой из которых стремительно добились успеха.

Зимин слушал.

— Семь игр вы безвременно забросили. Я даже знаю почему. Неинтересно стало. Слишком легко. Восьмую, то есть «Пиратский берег», пока нет. За это надо сказать спасибо мне.

Евсеев подул в ладоши.

— В последние полгода вы, Виктор Валентинович, играете против трех системных операторов и вычислительного комплекса «Август». Слыхали про такой?

Зимин кивнул.

— В конце концов это стало настолько заметно, что мне пришлось немного... — Евсеев усмехнулся. — Подправить, так сказать, статистику. Ваше фиаско у Солт-Ривер это наши старания. Мои администраторы немного подогнули код и поработали с компаниями — и вуаля. Вам понравилось?

— Пожалуй. Скажем так — я испытал некоторое раздражение. Все-таки полгода... А зачем?

— Я же говорю, вы победитель. Не стратег, не эконом, не тактик — победитель. Это есть и в ваших книгах, я специально ознакомился. И вы меня заинтересовали. Можно эксперимент?

Зимин промолчал.

— Ничего страшного, никаких русских рулеток и прочих афтар выпей яду. Абсолютная безопасность.

Евсеев погрузил руку в пространство левого внутреннего кармана и достал игральные кости. Серебряные, с мелкими изумрудами точек.

— Согласен, пошловато, — кивнул он. — Но что поделать... Вот смотрите.

Он заключил кости в ладони и принялся трясти. Зимин слышал, как серебряные кубики позвякивают внутри рук, видел, как Евсеев что-то шепчет, то ли «шишел-мышел», то ли заговор. Евсеев встряхнул руки и выбросил кости на столик между креслами.

Кости запрыгали по стеклу, ударились о графин, отскочили, замерли.

— Один и три, — сказал Евсеев. — Примерно как всегда. Несколько хуже, обычно мой средний уровень пять. Пять из двенадцати — потолок обычного среднего человека. Конечно, программные комплексы позволяют определить потенциал более точно, но и старые методы достаточно действенны. Кости — древнейший тест на победителя, кстати. Как это работает — непонятно, но работает. Собственно, человечество до конца не понимает, как работает двигатель внутреннего сгорания — и ничего, до Луны уже долетели.

— А что означает пять? — спросил Зимин.

— Означает, что его уровень воздействия на реальность далек, скажем так, от терминальной стадии. Такой человек практически не может изменить суть событий, не разрушив себя, и нашей организации он малоинтересен. А теперь попробуйте вы. Киньте кости.

Зимин взял кости, подышал на них, положил на стол.

Евсеев сказал:

— Кстати, есть люди, которые выбрасывают двенадцать из двенадцати восемь раз подряд. Я их, разумеется, не видел, но по некоторым свидетельствам Наполеон, к примеру, был очень удачлив в азартных играх.

— Я, значит, Наполеон? — усмехнулся Зимин. — Интересно. И как мне с этим...

— Нет-нет, — перебил Евсеев. — Совсем необязательно. Наполеон — это один из возможных путей, и не самый, надо признаться, интересный. Хотя, собственно, судя по «Пиратскому берегу», вы были бы неплохим императором. Но меня интересует...

— Все-таки вас? — перебил Зимин. — Вас лично?

Евсеев кивнул.

— Видите ли, — сказал он. — Я позволил себе... скажем так, не ставить начальство в абсолютную известность относительно вас. Обычная проверка писателя...

— Проверка писателя?

Евсеев улыбнулся.

— Увы, такова данность. Проверяем-с. На предмет опасности для устоев.

— Чем талантливей — тем опасней? — спросил Зимин.

— Немного не так, — Евсеев продолжал лукаво улыбаться. — То есть совсем не так, знаете ли, это вульгарные представления, примитивные. Талантливых в нашем мире — не пересолить, нас интересует другое. Не талант, нет, талант явление в чем-то заурядное. Гораздо более интересна способность воздействовать на... Вот вы про точки бифуркации слышали?

— В общих чертах, — ответил Зимин. — Что-то из физики, кажется?

— В широком смысле этого слова. Видите ли, некоторые так называемые творческие личности предчувствуют эти точки и при желании могут на них воздействовать. Тем самым изменяя философию, историю и даже более глубокие материи. Поэтому наша задача предостерегать этих личностей от необдуманного шага...

— Ловцы во ржи, значит? — осведомился Зимин едко.

— Ну, если выражаться языком поэзии. Понимаете, человек может быть полным графоманом, но поразительно чувствовать время. Человек может быть удивительной бездарью, но при этом знать чаяния и стремления... Попробуйте — киньте кости.

Зимин вдруг заметил, что он собрал кости со стола и сжал в ладони.

— Успею. Вы же сами сказали — у нас вся ночь впереди. Просто я не ожидал, что у нас получится столь интересный разговор. Разговор в грозу...

Молнии продолжали сверкать, гроза запуталась в телевизионных мачтах города и теперь висела над ним, проливая на землю электричество. В месте удара молнии образуются длинные гвозди из небесного железа, если их найти и построить с помощью этих гвоздей дом, то будет в доме счастье. Или даже если один гвоздь вбить в конек, то тоже со счастьем будешь не обижен. Зимин подумал, что неплохо бы прикупить миноискатель и с утра выйти в поле, поискать счастья-то.

— И все-таки давайте вернемся ко мне, — попросил Зимин. — Там что-то про Наполеона было?

— Киньте кости, — кивнул Евсеев.

— А если выпадет двенадцать? Что делать мне? И вам?

— Ничего. То есть я пока не знаю. Давайте все-таки попробуем. Кости.

— Хорошо. Только...

Зимин зевнул.

— Бред? — спросил Евсеев. — Вы считаете это бредом?

— Ага, — Зимин вдруг почувствовал, что хочет спать. — То есть во всем этом есть разумные моменты. Что касается «Пиратского берега»... Я с десяти лет тренировался, вот и побеждаю. Так что, пожалуй, бредовые моменты в этом есть. Мне казалось... Одним словом, тут есть над чем поразмышлять. — сказал Зимин и с тоской понял, что поспать у него вряд ли получится. Разве что устроиться на диванчике в отделе медицины, под пластиковым скелетом, и увидеть сны про и чесотку и аппендицит.

— Вполне может быть, вы и правы, — неожиданно согласился Евсеев. — Но вы сами... Тоже человек довольно бредовый. Склонный к безумию. Иначе почему вы спрятались в

туалете?

— А вы сами где спрятались?

— Я нигде не прятался, я прошел по удостоверению. Не хотите спуститься вниз?

— Зачем? — насторожился Зимин.

— Не знаю, — пожал плечами Евсеев. — Все равно до утра сидеть. Посмотрим, что там. Вдруг библиотека Ивана Грозного? Кстати, тут в библиотеке прекрасный этнографический зал. Кости кинуть не хотите?

Зимин почувствовал, что кости согрелись, тепло из рук проникло в серебро, он сложил ладони шаром и принялся трясти кубики. Он тряс их на разный манер — и так и сяк, точно маракасы, но почему-то никак не собирался их кинуть.

Евсеев поднялся из кресла. Он оказался гораздо выше, чем представлялось Зимину, настоящий богатырь. А вовсе не низкорослый, кривоногий, закомплексованный и прыщеватый, как представлялось раньше, Зимин снова подумал, что перестал разбираться в людях.

Евсеев сказал с печалью:

— Я всегда был лучше приспособлен к математике, хотя меня и тянуло к литературе. К истории, к музыке. Но я в этом совсем ничего не понимал. Знаете, это все равно что быть влюбленным в живопись и при этом быть слепым от рождения. Впрочем, отвлекся. Я хотел подойти после встречи с читателями, однако свет вырубили, пришлось разбираться... Тем не менее все это весьма кстати получилось, вы не находите?

— Не знаю... Посмотрим. Сейчас кости только кину. Раз, два, три, елочка зажгись.

Зимин вытянул ладонь над стеклом и разжал пальцы.

Кости упали, отскочили, стукнулись друг о друга и снова вернулись на стол и замерли.

— Так, — поморщился Евсеев. — Так-так...

— И что это означает? — поинтересовался Зимин.

Кости встали на ребра. Друг напротив друга.

— Трудно сказать, — Евсеев почесал подбородок. — Если честно, я такого никогда не видел.

Он ткнул кость, она упала на стол. Другая тоже. Евсеев взял кости, посмотрел, выбросил на стол. Кости исправно показали «три», Евсеев хмыкнул.

— Может, еще попробуете? — предложил он.

Зимин согласился. Ему стало интересно. В кости он не играл, и выпавший результат его заинтересовал, он взял кубики, хорошенько их потряс и выпустил на стол еще раз.

И во второй раз кости, отпрыгав положенное количество, встали на грани.

— Это шутка? — спросил Зимин. — Вы что-то сделали с кубиками?

— Нет... — Евсеев ошарашенно помотал головой. — Ничего я не делал... Как это вообще сделать?

— Ну, вы-то можете.

Зимин взял кубики. Кубики как кубики, совсем обычные, ну, только из серебра, ну, только с изумрудами.

— Конечно, не определить, — он задумчиво оглядел на кубики. — Вы, Евсеев, весельчак.

— Клянусь! — Евсеев заволновался. — Я вам клянусь, я к этому никакого... Ну, вы дома попробуйте, если хотите!

Правдиво, подумал Зимин. Или актер хороший, или на самом деле. Хотя человек такой профессии наверняка прекрасный актер.

— Попробую, попробую. Ну-ка...

Зимин размахнулся и швырнул кости подальше. Они прогремели по полу, ударились об стену, выскочили на лестницу и запрыгали по ступенькам.

— Широко, — кивнул Евсеев. — Давайте искать.

Зимин поспешил к лестнице, Евсеев за ним.

Лестница была старинная, железная, с широкими гулкими ступенями, ковров на ней не лежало уже лет сто, и теперь ступени стерлись и поблескивали, Зимин направился в правый рукав лестницы, Евсеев в левый.

Зимин почти сразу нашел кубики — их трудно было не заметить, они блестели лунным электрическим светом на фоне темной лестницы. Зимин наклонился, протянул руку и тут же ее отдернул.

Потому что увидел — кубики не лежали на ступенях, кубики висели над ними. На одинаковом уровне, примерно в трех сантиметрах от металла. Висели.

— Нашли? — спросил Евсеев.

— Да. Вроде бы...

Он смотрел на висящие кубики и не понимал. Пытался как-то это объяснить. Конечно, кости были не простые, Евсеев запихал в них что-то, то ли магнит, то ли намагниченную ртуть. И вероятно, эта ртуть вошла в какое-то взаимодействие с грозovým электричеством, в результате чего она теперь отражалась от железных ступеней лестницы. Благодаря чему кости и висели.

Кубики продолжали висеть.

Зимин протер глаза. На всякий случай, чтобы окончательно исключить возможность оптического эффекта.

Нет, все так и было.

— Что там? — спросил Евсеев. — Опять на ребра встали?

— Да...

Кубики висели над ступенями, нарушая все физические законы. Зимин попробовал вспомнить. Кажется, сие было возможно только при сверхнизких температурах. Или со сверхпроводниками. Одним словом, на лестнице областной библиотеки для детей и юношества игральные кости, пусть хоть и из серебра с изумрудами, висеть не могли никак.

— Я же говорил, — сказал Евсеев издали. — Все так и есть. Феномен.

Не видит, понял Зимин. Если бы видел...

Наверное, заинтересовался бы еще больше.

— И что дальше? — осторожно поинтересовался Зимин.

Он протянул палец к кубику.

Из острой грани выскочила острая белая молния, она клюнула Зимина между пальцев, причем достаточно болезненно, Зимин почувствовал, как электричество воткнулось в руку и пробежало практически до локтя. Он едва не вскрикнул, сжал зубы. Сам кубик упал на лестницу, а за ним упал и другой.

— Так что же дальше? — спросил Зимин.

— Пока не знаю, пока я в эту сторону не думал. Но мне кажется, нам стоит поддерживать отношения.

— Вы считаете?

Зимин взял кубики. Они были совершенно ледяными, точно их на секунду погрузили в жидкий азот. И тяжелыми.

— Безусловно, — кивнул Евсеев. — Кто знает, как все обернется. А потом...

Евсеев поглядел в потолок.

— А потом, мне кажется, что скоро что-то случится. Погода с каждым днем все хуже и хуже. Штормовое предупреждение, однако.

ДНЕВНИК 3

Здравствуй, дорогой дневник!

А мы не умерли, так получилось, это удивительно.

Не убили друг друга арматурой, не сожрали, озверев от голода, не задохнулись, не перевешались от отчаянья, все, как ни странно, обошлось почти без потерь.

Даже Клык не умер. Остался жив, мы отнесли его Клаве, и та, ругаясь неприличными словами, заштопала Клыку бок в двух местах красными нитками. Сурово так получилось, стал Клык выглядеть совсем как разбойник, к шрамам добавились еще и швы.

Клава ему и капельницу еще поставила, и укол от столбняка, и антибиотики, и еще витамины какие-то, так что Клык почти сразу покрылся крупными аллергическими волдырями и стал храпеть.

Сама Клава несильно пострадала при ударе, на нее упал канделябр, который она сама же и вылепила из гипса. Удар канделябром лишил Клавдию последнего сознания, и пока мы там боролись за жизнь, она валялась на полу и храпела, наверняка храпела. На лбу у Клавы образовалась тройная шишка, которая, как ни странно, ей удивительно шла, с этой шишкой Клава выглядела солиднее.

А спас нас Дрюпин.

Молодец.

Я разбила кулаки почти до костей и немного успокоилась. Металл двери был перепачкан моей кровью, она засохла и выглядела безобразно и тошнотворно, я вернулась к Клыку, который валялся без сознания. Живой.

— Дрюпин, — позвала я. — Ты думаешь?

Дрюпин кивнул.

— Думай скорее.

Дрюпин зарычал, сорвал покрывало с дивана и стал обматывать голову. Обматывал, обматывал, так что в конце получился такой большой тюрбан, закрывающий и лицо. После чего Дрюпин улегся на пол и замер.

Я не знала, что делать. Разболелись руки, было ясно, что поступила я глупо, кулаки никогда ломать не стоит. А вдруг все это воспалится? Атмосфера у нас тут влажная, загноятся кулаки, ничего хорошего.

Дрюпин лежал на полу и дрыгал ногами. Не знаю, наверное, это у него так мыслительный процесс продвигался, смотреть неприятно, точно Дрюпина било электричеством. К тому же руки у Дрюпина в покое тоже не оставались, пальцы складывались в фигуры разной степени замысловатости, по большей части в яростные фиги.

Я тоже села на пол, в угол возле двери, вытянула ноги.

Потрогала волосы, дернула и снова вытянула почти горсть. Чуть не заплакала. Все-таки это безобразие, я не хочу быть лысой...

— Так, — сказал Дрюпин.

Он сел и некоторое время вертел головой, стараясь понять, где находится. Потом вспомнил про тюрбан и снял его.

— Придумал вроде, — Дрюпин потер нос. — Не знаю, получится ли...

Дрюпин достал из кармана плоскогубцы.

— Это все, что есть? — спросила я. — Из инструментов?

— Да. Но, по идее, этого должно хватить.

Дрюпин пощелкал плоскогубцами.

— Придется разгромить ванную комнату, — сказал Дрюпин. — Ты как?

— Як ней ужасно привязана.

Дрюпин уставился на меня.

— Нет, серьезно...

Дрюпин направился в ванную и сразу принялся греметь железом. Я заглянула. Дрюпин выламывал трубы.

Мне редко удавалось наблюдать Дрюпина за работой, и каждый раз я отмечала, что Дрюпин, конечно, мастер. Работа в его руках попросту горела. Вот и сейчас. Наверное, я эти трубы смогла разломать бы дня через два, Дрюпин справился за полчаса. Он знал, куда надо надавить, где согнуть и как Дернуть. Первым делом он оторвал тонкую трубу, по которой подавалась холодная вода, и использовал ее вместо рычага. Этим рычагом он орудовал как ломом, быстро оторвал еще несколько труб и приступил к двум самым толстым, чугунным, сливным.

С этими трубами Дрюпин провозился дольше. Он отделил от ванны тяжелую железную ножку и принялся долбить ею по переходнику, нанося удары в одну точку, так что через несколько минут переходник раскололся надвое и верхний кусок трубы освободился. Дрюпин повис на нем и выворотил трубу окончательно.

— Чистая вроде, — Дрюпин заглянул внутрь. — Над нами никого, значит.

Дрюпин оттащил трубу в сторону и взялся курочить другую, ту, что потоньше. Это у него тоже быстро получилось — минут за пять. Талантище, ничего не скажешь. С другой стороны, ломать — не строить. Хотя и строить он тоже умеет.

Вывороченными трубами Дрюпин остался доволен, с удовольствием потер ладоши, крикнул.

— Теперь вода... — Дрюпин почесал лоб. — Мне нужно литров десять как минимум, а лучше больше.

Воду Дрюпин нашел почти сразу — просто снял крышку с унитаза.

— Почти двадцать литров, — сказал Дрюпин с удовлетворением. — Должно хватить. Есть какая емкость?

Нашлось ведро и несколько пустых бутылок под ванной, этого хватило, Дрюпин перелил воду из бачка и бережно отнес ее в дальний угол, чтобы не пролить.

— И как ты намерен сломать дверь? — спросила я.

У меня никаких идей, если честно, не находилось. То есть как сломать дверь, я не представляла совершенно. Наверное, чтобы представить это, надо было на самом деле являться техническим гением.

— Надо увеличить силу удара, — бормотал Дрюпин. — Примерно... Примерно, как у пушки, чтобы миллиметров семьдесят шесть... или хотя бы половину, ладно, посмотрим, возможно, тут лучше не удар, а давление...

Он продолжал работать. Стучал железом, гнул железо и как-то пилил железо. А еще размачивал кожаную обивку с дивана, и лупил ее ножкой от ванны, и топтал кожу ногами, прыгал на ней, пыхтя и обливаясь потом. Рвал книги, рвал кожу, мою кожаную куртку и то пустил в дело, разорвал, замочил в воде и избил ножкой от ванны. Жаль, хорошая была куртка, из кожи какого-то там буйвола африканского, почти что пуленепробиваемая.

Спросила, нужна ли моя помощь, Дрюпин ответил, что на этом этапе, пожалуй, нет, и так справится, а когда эта помощь понадобится, он сообщит дополнительно, пока же я могу отдыхать.

Стала отдыхать. Меня уже давно клонило в сон, и вот теперь, когда мне разрешили, я мгновенно уснула. То есть не совсем уснула, а стала проваливаться в зыбкое состояние, полусон-полубред, вероятно, это было вызвано стрессом, недостатком кислорода и общим угнетенным состоянием сознания, которое мерцало, подобно перегорающей лампочке. И посреди этих мерцаний я умудрялась еще видеть сны, и эти сны были неожиданно приятны, причем я видела их не внутри головы, а как бы за веками, которые стали внезапно прозрачны.

Я видела поля, залитые солнечным светом. Небо, с облаками, зависшими в

неправдоподобной вышине. Лес, не мрачную буреломную и непролазную тайгу, в которой лишь комары и глухие безнадежные норы, а наоборот, весенние леса, наполненные светом и радостью. Тропы, крадущиеся вдоль деревьев, ландыши вокруг и подснежники, оставшиеся после весны, и другие цветы, ожидание воды, воздух, и кто-то, кого я, кажется, любила, встречал меня там, впереди, в глубине лесного распадка.

Голова моя опускалась, шея начинала болеть, и я просыпалась от этого и снова видела, как работает Дрюпин, и снова проваливалась в свои счастливые сияющие чащи, и снова просыпалась, ах, как мне не хотелось просыпаться, как хотелось остаться в объятиях своих чудесных видений!

Дрюпин гремел и грохотал, спасал нас с помощью плоскогубцев, был деловит и настоящий.

А он ничего. Я думала, он ныть станет, а он собрался. Стоит поручить человеку дело, в котором он сведущ, как человек раскрывается с самой лучшей стороны. Дрюпин мастер. Безымянный, помню, был убийца. Неважно, что он никого не убил, все равно убийца, это по нему с закрытыми глазами видно. А я...

Я не знаю, кто я. Стрелять умею неплохо, но особой радости от этого не испытываю. И все. Пусто. Точно нет у меня никакой души, вместо нее пустота, серое пятно. Одуванчики еще. Они вдруг оказались вокруг, и запахло горячей травой, и я догадалась, что я снова оказалась внутри сна, и снова оказалась на тропке, только в этот раз она тянулась через одуванчиковое поле. Я пошла по тропке и увидела кого-то, он переходил дорожку, и его длинное тело все тянулось и тянулось поперек, и от этого мне сделалось грустно, и я решила заблудиться и свернула в одуванчики. Но скоро я вернулась на тропку и в то же самое место, хотя я шла строго вперед и никак не могла свернуть, потому что следила за дорогой по солнцу. Тогда я попробовала заблудиться еще, и еще, и все пробовала и пробовала, и каждый раз возвращалась на тропу. На ноги налипли шары из белого одуванчикового меха, по ботинкам стекал горький сок, от жары превращавшийся в каучук, а я упорно возвращалась к тропе, а тварь с длинным телом все так же ее переходила, мы вертелись вокруг одной невидимой оси, вокруг которой, наверное, вертелся и весь остальной мир.

Дрюпин разбудил меня и сказал, что понадобится помощь, одному ему не справиться, я сказала, что помогу. Тогда Дрюпин сунул мне книгу, велел вырывать из нее страницы, рвать их пополам и жевать.

— Что? — не поняла я.

— Жевать, — повторил Дрюпин. — Их надо жевать. Чем тщательнее, тем лучше.

— Зачем? — не поняла я.

— Это долго объяснять. Нужно много жеваной бумаги, чем больше, тем лучше.

— Хорошо.

Я открыла книгу, вырвала первую страницу. Приключения какого-то недовинченного Симплициссимуса, не знаю, уж кто такой, но бумага в книге оказалась хорошей, плотной, сделанной на века. На вкус слегка залежалой, пыльной, но ничего, терпимо.

Поначалу оказалось жевать бумагу не так уж и сложно — жуй да выплевывай. Однако странице на десятой челюсти начало сводить. Выяснилось, что бумага довольно упрямая штука, сминаться в комки она не очень хочет, не жвачка. Кроме того, мне стало не хватать слюны, жевать на сухую было невозможно вообще, а на бумагу слюна выделяться отказывалась наотрез. Поэтому мне приходилось сначала скапливать слюну и только потом откусывать бумагу.

Очень скоро я обнаружила, что в жевании книги «Сим-плициссимус» присутствует еще один серьезный недостаток. Качество бумаги у книги было на высоте, и мои зубы, не привыкшие к таким нагрузкам, начали подводить.

Первым делом снова закровили и заныли десны, жвачка, выплевываемая мною,

приобрела розовый оттенок. Сами десны опухли, во рту держался устойчивый привкус железа, но я не останавливалась. Жевала. Я чувствовала, как расшатываются зубы, бумага становилась все плотнее и плотнее, а зубы все мягче и ненадежнее, и я выплевывала жеваную бумагу и собирала ее в ком. Дрюпин продолжал строить. Что-то вроде пушки. Труба большого диаметра, в которую вставлена труба диаметра меньшего, вместе эти трубы были длиной метров в пять. Сначала они лежали на полу, затем Дрюпин установил их на невысокие подставки, собранные из стульев и остатков дивана. Один конец этой длинной составной трубы Дрюпин упер в стену, противоположную двери, другой непосредственно в дверь, в место возле ручки.

Наверху на толстой трубе я заметила кран, снятый в ванной комнате, к крану крепился жестяной конус, вот и все.

С помощью этого устройства Дрюпин собирался нас выручить. Я не стала с ним спорить, жевала себе. Дрюпин гений, в конце концов, может, это действительно поможет.

Неожиданно меня посетила неприятная мыслишка — а что, если Дрюпин затеял это только для того, чтобы отвлечь меня? Ну, чтобы я не впала в панику, не начала дурить, ну и вообще. Чтобы немного меня успокоить. Он будет конструировать машину спасения, а я, чтобы занять мозг, жую книгу про Симплициссимуса. Надо потом почитать, что ли.

Только вот...

Только вот зубы выпадают.

Первый зуб выпал, когда я расправилась с половиной этого Симплициссимуса. Передний верхний, он вывернулся с неприятным звуком и выскочил на пол. И это почему-то оказалось совсем не больно, точно зуб давно умер, а теперь просто-напросто вывинтился из своего гнезда.

Но я продолжила жевать и скоро выворотила клык, верхний правый. Тут боль уже прочувствовалась, клык сидел глубоко, за ним потянулся корень, в результате чего зуб повис, так что пришлось его отдирать. Я аккуратненько зуб откусила и спрятала в кармашек вместе с другим, незаметно спрятала, не хотелось мне, чтобы Дрюпин увидел, как я выковыриваю зубы, и так страшная.

Дрюпин тем временем вроде бы достроил свою адскую машину, во всяком случае, он перестал гроыхать железом и пыхтеть носом, устроился на столе и стал думать.

Очнулся Клык.

Огляделся, сказал:

— Дрюпин, Дрюпин, стоило мне немного потерять сознание, как ты уже изобрел какое-то безобразие. Это что за труба, Дрюпин? Подземный телескоп, как я погляжу... С этим нужно осторожнее, с подземными телескопами, я-то знаю... Я однажды посмотрел в такой, а там ад, черти кого-то жарят... пригляделся, а это ты, Дрюпин, тебя черти жарят... на пальмовом масле... Дрюпин, убей себя, спаси Галактику...

Но Дрюпин не обратил на него внимания, Дрюпин направился в ванную и снва там загроыхал. А я взяла тайм-аут с жеванием, сидела и смотрела, поглаживая челюсть. Тупое у меня было состояние, раньше, когда мне говорили, что жевание разрушает мозг, я не верила, теперь в этом убедилась. Жевала час и уже ничего не соображала, то есть в голове у меня крутились какие-то шестерни, и лампы, и все вперемежку, и тропы. Вот закрываю глаза — и вижу тропы, лесные, светлые, солнечные, к ручьям и ягодным опушкам, к родникам, к голубым валунам, приносящим счастье, тропы, ведущие вдаль.

Дрюпин принялся вытаскивать ванну. Она оказалась не чугунной, а стальной, поэтому с ней справился даже Дрюпин.

— Помыться решил, замарашкин, — ухмыльнулся Клык. — Давай-давай, а то смердишь... Слушай, Дрюпин, ты так смердишь, что я раньше думал, ты дохлый. Честное слово. Я помню, как дохляки бродили... я, кажется, тоже дохлый был однажды, мне

электричество в голову втыкали... Дрюпин, ты смотри, когда полезешь мыться, не забудь себя за ногу привязать, а то затонешь ведь, как «Титаник»... Давай, волочи ее...

Клык засмеялся. Мертвечески засмеялся, я вдруг поверила, что когда-то он тоже был мертв и его оживляли электрическими разрядами.

А Дрюпин был уперт, он волок и волок ванну и все-таки ее выдрал. После чего дотолкал ванну до своей трубы и расположил ее под толстой частью. Затем начал ломать мебель. Ту, что еще можно было сломать. Стулья, стол, комод, кровать. Книги стал рвать. У меня много книг скопилось, я их из библиотеки понатакала, пробовала читать. А не получилось у меня читать, начну, читаю-читаю, а потом все, не могу. Интересно вроде, а не идет, спать хочется.

— А мне что делать? — спросила я.

Дрюпин поглядел на меня, поглядел на гору нажеванной бумаги.

— Все, — сказал он. — Хватит.

Он собрал всю эту бумагу и стал засовывать ее в пространство между стенками труб. Засовывал партию, затем утрамбовывал палкой, засовывал — утрамбовывал, тщательно, со знанием дела.

— Дрюпин, ты придурок, — вешал Клык. — Я тебя ненавижу, ты у меня котлеты украл, я помню... украл и сожрал за углом, гадина...

А я вытащила еще один зуб, на этот раз коренной. И снова едва не заплакала. Если уж зубы выпадают, то вряд ли можно рассчитывать на тихую старость.

Дрюпин между тем продолжал забивать в трубу жеваную бумагу, насколько я поняла, он собирался использовать ее в качестве сальника. Чтобы труба правильно скользила и не перекашивалась, все понятно, я бы никогда не додумалась — сальник из жеваной бумаги, определенно гений. Кулибин.

Кулибин-Кулибин, а зубы у меня сыплются только так, скоро стану как старушка.

— Что теперь? — спросила я и услышала, что мой голос несколько изменился, выпавшие зубы начали сказываться.

Дрюпин это, кажется, заметил, посмотрел на меня странно, но ничего не сказал. Он закончил с жеваными книгами и вернулся к книгам рваным. Продолжил их рвать и кидать в ванну. Я стала ему помогать, хотя книги мне, если честно, было жаль, они все были новые, недочитанные, прожившие свою жизнь наполовину в лучшем случае. По моей вине.

Клык тоже нам помогал, бормотал всякий бред, отвлекал нас от звука рвущейся бумаги.

— ...И вот тогда они и пошли в этот город. Странствующий рыцарь, он прикидывался дурачком, а на самом деле был как ты, хитрый Дрюпин...

Постепенно ванна заполнялась горючим барахлом, и я начинала понимать, что собирается сделать Дрюпин. Кажется.

— ...Тебя только, Дрюп, в рыцари не примут, у тебя ноги кривые... А нет, туда только с кривыми ногами и принимают... Но тебя и с кривыми не возьмут, недостойн...

— Кажется, готово, — Дрюпин осмотрел свое творение. — Можно испытать.

Он принес ведро с водой и вылил его в железный конус, соединенный с краном. К крану привязал проволоку. Все осмотрел, все проверил.

— И как оно работает? — поинтересовалась я.

— Просто. В теории это все очень просто. Это что-то вроде парового двигателя, — пояснил Дрюпин. — Тут вот...

— Я узнал тебя! — захрипел Клык. — Ты брат Черепанов! Мама, с детства мечтал...

— Короче, принцип тот же, — закончил Дрюпин. — Разогретый пар давит на поршень из прессованной кожи...

— Все взорвется к чертовой матери, — пообещал Клык. — Я в этом просто уверен! Пойдут клочки по закоулочкам... Дрюпин, ты меня порадовал!

— Может и взорваться, конечно, — согласился Дрюпин. — Но другого выхода я не

вижу. Надо попробовать. На всякий случай мы спрячемся в туалете...

— Сами прячьтесь в туалете! — возмутился Клык. — Я лично не хочу. Я желаю встретить опасность лицом к лицу, как подобает мужчине. Пусть в сортире братья Черепановы прячутся, я нет!

Но мы не стали его слушать, взяли и отнесли, как он ни орал. Дрюпин разжег в ванной огонь. Бумага загорелась быстро, затем задымили дрова, Дрюпин с сожалением заметил, что не осталось никакого времени на наддув, он бы увеличил степень нагрева.

— В ад с турбонаддувом! — изрек из туалета Клык. — Дрюп, ты омерзителен, подойди, яогрею тебя костылем... Где мои костыли?

Клык пустился браниться по поводу исчезнувших костылей, которые, кстати, Дрюпин использовал в качестве кочерги, ворошил ими топливо для равномерного горения.

Огонь постепенно разгорался. Дрюпин добавлял в него бумагу, куски деревянной мебели, одежду, все одинаковыми порциями, чтобы не погасло. Ванная концентрировала тепло и направляла его вверх, к чугунной трубе, которая постепенно нагревалась.

— Нужен хотя бы час, — сказал Дрюпин. — Надо повесить температуру, надо выдержать. Нужно топливо... У тебя что-нибудь есть еще?

— Одежды мало у меня... То есть я все почти отдала...

— Киньте меня в костер, — заявил Клык. — Я хорошо горю, создам нужную температуру. А из Дрюпа можно сало вытопить, оно тоже хорошо. А Сиренька плохо гореть будет, она тощая...

Дрюпин оглядел комнату. Топлива на самом деле было немного.

— Ладно, хватит, наверное.

Дрюпин продолжил поддерживать огонь. От ванны распространялось тепло. Вентиляция не справлялась, и комната постепенно наполнялась дымом, я то и дело кашляла, а Клык пел. Пел самодельную песню, в которой повествовалось о нелегкой судьбе бобров Вологодской области, складную и смешную настолько, что я испугалась, что Клык сошел с ума. По-настоящему и бесповоротно.

Дрюпин разделся до штанов, кинул в огонь куртку и футболку и стал похож на кочегара. Ворочал, пыхтел, разгонял искры. Искры кружились под потолком, сбивались в стайки, покачивались и не таяли. Как живые. От этих искр Дрюпин казался волшебником, казалось, что он этими искрами как-то управляет, во всяком случае, они колыхались в такт дрюпинским движениям, что было красиво.

Время текло медленно, искры шевелились, и меня опять потянуло в сон, и, кажется, я опять отключилась, но тут Дрюпин затряс меня за плечо.

— Все готово, — сказал он. — Прячься.

Я укрылась в туалете. Клык лежал на полу и похрапывал, дышал громко, но равномерно. Дрюпин гроыхнул еще чем-то и присоединился к нам.

— Сейчас, — сказал он, наматывая на палец проволоку. — Сейчас.

Он дернул.

В комнате зашипело и почти сразу завизжало, так громко, что у меня заложило уши. Стены затряслись, затем грохнуло, мощно, точно в комнате взорвалась граната. Дрюпин оттолкнул меня, схватился за ручку двери туалета и захлопнул ее.

Грохнуло еще раз, в дверь лязгнул кусок железа, и тут же по полу потек горячий пар, и туалет наполнился им почти мгновенно.

У меня выпадают волосы, у меня выпала половина зубов, теперь меня еще сварят. Жизнь удалась.

Пар продолжал вытекать, с каждой секундой становилось все горячее и горячее, я чувствовала, как начинает вскипать кожа, а Дрюпин начал орать и бить ногами. Очнулся в очередной раз и Клык.

— Вот и все, — сказал он философским голосом. — Мы в пароварке.

Впрочем, длилось это недолго. Через несколько секунд пар остыл, дышать стало не больно, мы открыли глаза.

— Получилось? — спросила я.

— Посмотрим, — Дрюпин пожал плечами и откинул дверь.

Мы вернулись в комнату. Разгром принял окончательный и бесповоротный вид. Но мы, кажется, добились успеха. Дверь, в которую упиралась толкательная труба, оказалась выдавлена, все, как рассчитывал Дрюпин. Трубы оказались погнуты и разворочены. С потолка капала вода. Копоть. Грязь. Одним словом, разруха.

— Надо тащить этого клыкозавра в медотсек, — сказал Дрюпин. — Пока не поздно. Хотя мне кажется — уже поздно...

— Ничего не поздно, — подал голос Клык. — Я еще вас два раза переживу. Тащи меня, Дрюп, а то во сне тебе являться буду, не отвертись.

ДНЕВНИК 4

Здравствуй, дорогой дневник!

Сегодня опять не лучший день в моей жизни, это однозначно. Сегодня, в неизвестный день неизвестного года, со мной произошло много странного. Страшного. Так что у меня До сих пор дрожат руки, пальцы с трудом держат ручку, а сердце бьется, бьется.

День, исполненный ужасом.

День кошмара.

В этот день мы отправились на склад.

С утра, то есть как проснулись, даже без завтрака. У меня аппетита не было, у Дрюпина болели кишки, и он ограничился холодным чаем, Клык я занесла поднос с макаронами. Клык поправлялся. Подозрительно быстро. Рана уже подсохла, швы вспучились, и Клык их задумчиво расковыривал, мне он обрадовался. Сказал, что вчера было весело и что надо бы что-нибудь подобное повторить, только пусть еще Дрюпин для смеха руку себе сломает. Так что с Клыком было все в порядке.

Клава вообще не показывалась. Дрюпин предложил, что она повесилась, я сказала, что это вряд ли — такие, как Клава, не могут повеситься. Ну, разве что от радости. Скорее всего, она просто стеснялась.

Дрюпин вооружился своими самодельными инструментами, я взяла заточенную титановую рейку, не знаю, где ее Дрюпин раздобыл, но оружие получилось весьма и весьма неплохое — я потренировалась на выдернутых волосах и весьма успешно их разрезала. На рукоять Дрюпин намотал разноцветную проволоку и умудрился сделать даже узор. Все-таки у него золотые руки. И голова отличная, в технические гении просто так не записывают.

— Как у нас со светом? — спросила я.

Дрюпин продемонстрировал изобретение — большой аккумулятор, к которому он прикрутил несколько светодиодных фар.

— Будет как днем. Вот еще кое-что...

Он сунул мне тяжелую короткую трубку с двумя торчащими штырями, видимо, шокер.

— Это разрядник, — пояснил Дрюпин. — Конечно, по настоящему мощную штуку сделать не получилось, но...

— Спасибо, — я сунула шокер в рюкзачок. — Пойдем, что ли?

Дрюпин кивнул, впрягся в аккумулятор, установленный на шарикоподшипники, и мы двинулись в сторону склада.

Это далеко, час добираться. Вообще, комплекс огромный. Я всякий раз пытаюсь представить, как его выкопали, и не могу. Хотя сейчас всяких могучих машин много. А может, тут и раньше пещеры были, их просто взяли и приспособили.

Склад располагается на первом уровне, ниже столовой. Есть еще уровень нулевой, но он затоплен водой. Дрюпин думает собрать акваланг, но не знаю — лезть с самодельным аквалангом в затопленный уровень представлялось мне абсолютным риском, я бы туда и с заводским не полезла. К тому же вода там явно грязная, ничего не видно. И наверняка какая-нибудь дрянь обитает. Паразиты. Вопьется такой в ногу, потом раз-раз — ив глаз пролезет. Быстренько ослепнешь.

Склад мы, конечно, уже исследовали, меньшую его часть. На самом деле он огромен, мне кажется, что в нем несколько футбольных полей, во всяком случае, противоположную сторону мы не видели, я думаю, не добирались даже до середины. Раньше у нас не было портативного света, в те два раза, что мы выбирались на склад, в качестве освещения использовали факелы. Куда с факелами отправишься?

— Я думаю, мы найдем здесь много полезного, — рассуждал Дрюпин по пути. — Мне кажется, сюда эвакуировали технические коллекции. Частные, может, а может, из

политехов. Ты видела, какие там машины?

— Четырехколесные.

— Четырехколесные! Это же коллекционные экземпляры! Там позолота, там кевлар, там красное дерево! Это не машины, это произведения искусства!

Дрюпин восхищался, я нет, я равнодушна к вещам. Красное дерево и слоновая кость не вызывают во мне трепета, я даже на оружии не люблю всей этой ерунды — гравировок, резьбы. Я за простоту. Все эти японские мечи, выкованные в медитации, в крови и в поту на протяжении трех лет, меня не впечатляют. Потому что я знаю, что банальный супербулат, отжатый в печах критического давления, рубит любой японский меч как тростник. Знаю, что любой искусственный алмаз гораздо чище и прочнее природного. И вообще, мне гораздо больше нравятся книжки без картинок.

— Мне кажется, тут что-то вроде сокровищницы, — продолжал Дрюпин. — Ван Холл, он обожает дорогие вещи. Я слышал, у него есть такие вот хранилища, в которые он собирает свои ценности — картины, статуи, скульптуры, музыкальные инструменты. Есть подземные библиотеки, есть хранилища старинных вещей, а здесь вот техника. Ван Холл любит технические штуки, я думаю, найдем что...

Мы добрались до лестницы и потащились вниз. Аккумулятор грохал по ступеням и то и дело поддавал Дрюпина в поясницу, Дрюпин с трудом удерживался. По лестничному пролету раздавалось гроханье, отчего мне казалось, что мы спускались в пасть чахоточного великана. Мне представлялось, что мы являли собой жалкое зрелище, с другой стороны, это полезно для души. Когда у тебя в руках два «теслака» с полными обоями, когда на голове шлем с универсальным визором, когда на плечах броня, смонтированная с экзоске-летом, способным выдержать свалившегося на тебя слона, когда ты... Короче, ты чувствуешь себя властелином мира. А когда чувствуешь себя властелином мира, начинаешь этот мир несколько неправильно воспринимать. Так что угодить в ситуацию, когда у тебя из оружия всего лишь заточенная железка, полезно.

Впрочем, Дрюпин так не считал. Пока мы сползали по лестнице, он рассуждал об общей несправедливости бытия и о частной несправедливости — по отношению к нему лично. Он, как человек, представляющий несомненную пользу для развития человечества, должен быть спасен и применен для великих целей, а он тут сидит и выпаривает из подшипников технический вазелин, от которого нет никакой пользы.

— Ну, почему? — вопрошал он. — Почему оно так? Я ведь полезен, у меня идеи...

— А может, ты не полезен, — остановила я это словоот-деление.

— То есть как? — Дрюпин остановился.

— То есть так. Может, ты уже отработанный материал?

— Как это? — Дрюпин изменился в лице.

— Так. Вот представь — ты был нужен на определенный срок, и тебе в голову вмонтировали часовой механизм. Бомбу замедленного действия...

— Нет у меня никакого механизма! — воскликнул Дрюпин. — Я проверял! Проверял!

— То, что ты себе башку сканером просветил, еще ничего не значит, — отмахнулась я. — Сейчас тоньше работают, на генетическом уровне. Ты что, думаешь, тебе пластит с часовым механизмом вмонтировали? Ага, сейчас. У тебя наверняка отключен механизм возобновления клеток.

Дрюпин выпучил глаза.

— Да, — скорбно сказала я. — Живешь-живешь, лазерную бетономешалку изобретаешь, и вдруг раз — начинается неконтролируемое старение. Просыпаешься, смотришь в зеркало...

— Как у тебя? — ехидно осведомился Дрюпин.

— Что как у меня?

— Волосы выпадают, ногти расслаиваются. А потом раз — и сердце останавливается. Так?

Я не стала с ним разговаривать на эту тему, тоже мне, умник. Дрюпин понял, что меня зацепил, стал развивать тему, не думала, что он такой ехидный.

Дурное влияние, Волк его кусал-кусал, вот он и натренировался.

— Волосы выпадают — это ведь только первый признак, — разглагольствовал Дрюпин. — Потом ногти выпадут. Потом зубы. А после зубов уже и слепнуть начнешь. Ноги откажут, недержание, опять же...

Мы все становимся похожи друг на друга, разговариваем одинаково, двигаемся, лысеем вот. То есть это я лысею, теряю зубы и, кажется, уже и ногти, во всяком случае, на левой руке ногти у меня начали белеть и действительно расслаиваться. А утром мне опять хотелось плакать.

Дрюпин понял, что перегнул, и попытался меня утешить.

— Ничего, Сиренька, — сказал он. — Не расстраивайся, выберемся отсюда, выберемся. Знаешь, мы пока еще на старой базе были, я кое-что подготовил, времени даром не терял. Так, на всякий случай. Конечно, я никому этого не показывал, потому что это очень серьезные вещи. Например, подшипники с нулевым сопротивлением и практически вечные! Способ передачи энергии на расстояние... Короче, очень полезные изобретения. Если мы вырвемся отсюда, мы можем уйти на запад. Для начала организуем фирму и начнем все это потихоньку внедрять. Мне будут нужны верные люди, и сильные, ты же понимаешь? Для того, чтобы развивать все это, для того, чтобы расти...

— В Ван Холлы метишь? — усмехнулась я.

— Да ну, нет, конечно. Я хочу по-хорошему, то есть по-честному, по-правильному.

— Ага.

— Конечно. Конечно, Сирень. Я тут такую вещь придумал, она мир изменит, вот увидишь. Ван Холл жалкий сопляк, изобрел какую-то муру и разбогател на полмира. А у нас будет все по-другому, вот увидишь. У нас будет совсем все по-другому, я буду справедливым. Мы вообще установим все по справедливости, всем по способностям. Знаешь, я все уже придумал, я построю пирамиду!

Я вздохнула. Живот болел, так что смеяться я не могла. Еще один строитель пирамид. Фараон Дрюпин Первый. Или лучше сказать Великий. Хочет быть императором и всем во-лодети. Знакомая песня.

— Пирамида — самая устойчивая форма, ее нельзя опрокинуть. Это будет как бы корпорация и одновременно государство...

— Дрюпин, а ты по случаю Ван Холлу не сыночек? У вас с ним идеи одинаковые, он, кажется, ведь тоже изобретатель. По-моему, первым его изобретением была лазерная кофеварка, а потом он уже до танков докатился.

— Первым внедренным изобретением Ван Холла был навигатор, — сообщил Дрюпин. — Но не простой, а тот, что мог работать без спутника. Отличная вещь, она сейчас во всю технику встраивается. Но я не изобретал навигатор, я изобрел нечто иное. Мое изобретение сделает людей счастливыми. Потом я расскажу тебе, в чем смысл. Это ведь не просто изобретение, это целый новый мир. Может быть, все эти испытания созданы для того, чтобы я остался жив и придумал, как спасти мир, как открыть ему новые пути...

Дрюпин рассуждал о своей участи и о своем предназначении, а я думала, что это, наверное, заразное. Стоит одному заболеть манией спасения человечества, как и другие ее подхватывают. Безымянный, помню, тоже чем-то подобным страдал.

— ...Устремимся ввысь. Ты представляешь, как изменит мир антигравитация?

И Дрюпин в очередной раз не удержал аккумулятор и покатился по лестнице, и, к моему

удовольствию, аккумулятор ушиб Дрюпина по ноге, и никакая антигравитация ему не помогла.

Дрюпин ойкнул и стал растирать ушибленное место, морщась и скрипя зубами. Настоящий властелин мира.

— Словесное недержание — это серьезно, — сказала я. — За недержание можно сильно-пресильно пострадать. Ты это учти.

Дрюпин учел, и до склада мы шагали в молчании.

Склад начинался необычно. Лестница ушла в сторону, раздвоилась, мы свернули направо и оказались на первом уровне. Освещение здесь уже не работало, и Дрюпин запустил фонарь.

Нет, Дрюпин, конечно, талант, продолжаю им восхищаться. Вот и сейчас — светодиоды вспыхнули, под потолком зала задрожало серебристое марево, Дрюпин привернул ручку на аппарате, облако стало светиться сильнее и вдруг вспыхнуло, как небольшое солнце. Ну, если не как солнце, то достаточно ярко, во всяком случае, оно осветило все так, что мы увидели противоположный конец зала, далеко-далеко.

— Нормально... — выдохнул Дрюпин. — Тут, однако...

Тут, однако, было почти все. Машины. Машины мы видели и раньше, и Дрюпин успел уже даже несколько штук разобрать. А вообще их было много. То есть очень много, наверное, сотни, от пола до потолка. И все на самом деле редкие и дорогие, только свалены вот черт-те как. Лично меня склад наводит на определенные мысли. То есть он эти мысли подтверждает. Подземная база — это свалка. Нет, наверное, задумывалась она на самом деле как склад, но превратилась в свалку, все попадало, перемешалось, получился полный бардак.

А если это и задумывалось как свалка, то тоже ничего хорошего — получается, что мы на свалку выкинуты, мы все, я, Клык, Клава, Дрюпин. В это, кстати, несложно поверить — в каждом из нас присутствует недостаток, за который нас можно выбросить. Клык калека, я разваливаюсь, Дрюпин властелин мира и, оказывается, тырил научные изобретения в собственных корыстных целях... Клава, она, наверное, Ван Холлу на подагру наступила и теперь сослана навечно и во глубину сибирских руд.

Только зачем ссылат, вот чего не могу понять? Гораздо проще ведь было нас просто прибить. Клавдии цикуту в таблетках, Дрюпина током убить, да мало ли прекрасных возможностей? Значит, у них есть планы. Может, и нет планов, может, на всякий случай оставили, так, а вдруг пригодимся.

— Комплекс, похоже, огромный, — Дрюпин повел подбородком. — Я, конечно, не могу наверняка утверждать, но мне кажется, мы исследовали лишь одну десятую.

— Света мало, — сказала я. — Над светом можешь поработать?

Дрюпин кивнул.

— Со светом проблем никаких, надо только пару дней... Не в этом дело.

— В чем же?

— Тут мы ничего не найдем, — сказал Дрюпин. — Я имею в виду, что выход не найдем. Здесь просто склад, только бардак. А сам комплекс гораздо больше...

— С чего ты взял? — спросила я.

Дрюпин указал пальцем.

Решетка на полу возле стены. На вентиляцию не похожа — на полу скорее слив. Поверх решетки наварены штыри — для того, видимо, чтобы ни у кого не возникло идеи в этот слив слазить.

— В полу сток, — сказал Дрюпин. — В прошлый раз, пока ты искала оружие, я промерял его длину.

— И?

— Я выпустил почти сто метров, но до конца так и не добрался. Комплекс просто

огромный и старый...

— С чего ты взял, что он старый?

— Вспомни выключатели в боксах, вспомни трубы, вспомни микроволновку в столовой. Всем этим вещам лет сорок, если не больше. Комплекс старый и уже нестабильный. Я думаю, он построен в естественном разломе горных пород, возможно, в одном из отрогов Урала, и построен давно. Вполне может быть, это и не комплекс, а подземный город — раньше любили такое строить — на случай атомной войны.

Дрюпин ухмыльнулся.

— А подземные города предусматривают возможность эвакуации, — сказал он.

Что ж, логично.

Логично, вместо того чтобы бродить по этому складу бесценного барахла, попробовать проникнуть в другую часть комплекса.

— Отпилить сможешь? — спросила я. — Решетку? Прямо сейчас?

Дрюпин присел перед решеткой и стал щупать металл, сами штыри, места сварки, еще что-то, пощелкивал по железу ногтем и своими верными плоскогубцами, думал.

— Не получится отпилить, — заключил Дрюпин через минуту. — Надо попробовать оторвать.

— Чем?

Дрюпин кивнул на машины. Неплохая идея, я как-то об этом не подумала. Рядом с нами стоял тяжелый армейский транспортер, адаптированный для гражданской езды, снабженный кожаным салоном, обивкой, серебрением и всеми прочими атрибутами сложившейся жизни, Дрюпин полез в багажник, долго там возился и в конце концов достал ящик с лебедкой.

— Попробуем оторвать, — повторил он и стал устанавливать лебедку.

Тоже долго провозился, я сердилась, пока он эту лебедку устанавливает, мне лезть перехочется. А потом еще аккумулятор искал не севший. Но, конечно же, справился. Зажужжала лебедка, натянулся и зазвенел трос, затем раздался звук открываемой бутылки с газировкой, и решетка оторвалась. Она ударила в лобовое стекло старинной лакированной машины, пробила ее насквозь и у грохота л а в глубь зала, и по грохоту я в очередной раз убедилась, что зал велик.

— Теперь можно лучше глубину промерить, — Дрюпин опустился на колени и осторожно посветил в трубу фонариком.

— Широкая? — спросила я.

— Да, нормальная вроде, сантиметров пятьдесят. Зачем такая...

— Вот и хорошо.

Я сбросила рюкзак и отодвинула Дрюпина в сторону.

— Ты хочешь туда... пролезть? — потрясенно спросил Дрюпин.

— Нет, я особо не хочу, могу уступить тебе.

— Да ну, что ты, я не смогу, — отмахнулся Дрюпин. — Труба там узкая, я застряну сразу, у меня плечи...

Дрюпин повел плечами. Хотела я ему сказать, что плечами он, если уж совсем честно, обижен, но не стала.

— Может, это... — он покачал головой. — Не стоит все-таки?

— Надо посмотреть, что там, — сказала я. — Вдруг что полезное.

— Не знаю...

Дрюпин с сомнением поглядел вниз.

— Надо проверить. Оружие можем найти, взрывчатку.

Дрюпин кивнул.

— Хочешь, вместе полезли.

— Я тебя лучше тут подстрахую, — сказал Дрюпин. — Так надежнее, наверное...

— Как знаешь. Решетку-то снять сможешь?

Дрюпин засунул руку в прутья, долго щупал.

— Плоскогубцы нужны...

С плоскогубцами дело пошло, Дрюпин скривился, засунул руку почти до плеча, стал пыхтеть и через минуту достал гайку.

— Туго закручено, — сообщил Дрюпин. — Все пальцы обломал.

— Давай, крути, — велела я.

Через полчаса Дрюпин справился с гайками, выстроил из них пирамидку.

— Не нравятся мне эти гайки, — сказал Дрюпин. — Не нравятся.

— Гайки как гайки...

— Зачем прикручивать гайками слив? — спросил Дрюпин. — Обычно делают не так...

— Не капай на мозг, он у меня и так со вчера распухший.

Я села на край лаза. Конечно, не очень широко, но в принципе пролезть можно. Можно даже вернуться пятясь, главное, чтобы поворотов крутых не было.

Дрюпин принялся меня экипировать. Достал из рюкзака катушку со шнуром, сказал:

— Тут сто пятьдесят метров. Каждые пять минут я буду дергать. А ты мне отвечай: один раз — все хорошо, два раза — проблемы.

— А три раза?

Дрюпин не ответил, достал фонарь, тоже светодиодный, тоже самодельный.

— Здесь часа на два, — пояснил он. — Водонепроницаемый.

— Понятно, — я взяла фонарь и почти уже сунулась в трубу, но Дрюпин удержал.

— Погоди, — схватил меня за рукав.

— Что еще?

Дрюпин вздохнул и достал из рюкзака мячик. Я сразу догадалась, что это не просто мячик, а, судя по той осторожности, с которой Дрюпин с ним обращался, бомба.

— Это туннельная бомба, — сообщил Дрюпин. — Очень полезная штука... наверное...

— Дрюпин, ты что? Какие взрывы в трубе?

— Там не взрыв, — помотал головой Дрюпин. — Там особая конструкция, я еще раньше разрабатывал. Дергаешь там сбоку — и через три секунды она вспенивается и перегораживает коридор.

— Зачем? — не поняла я.

— Это на всякий случай, для ведения боя в закрытом пространстве. Конечно, это не боевой вариант, но что мог... Это если тебя кто-то преследует, то ты подрываешь бомбу — и стена. Не бетон, само собой, но без болгарки не прорезаться.

— Кто меня будет преследовать?

Дрюпин пожал плечами.

Вообще, правильно. Я взяла бомбу, закинула в рюкзак.

— Ладно, — сказала. — А ты тут тоже времени зря не теряй, разбери чего-нибудь, вертолет какой построй.

— Построю...

Дрюпин снова схватил меня за руку, сделал проникновенное лицо. Что-то он sentimentalен делается, подумала я, и полезла в трубу головой вперед.

Труба была сухая, и я этому порадовалась, ползти в какой-нибудь плесени или другой дряни не хотелось. Кроме того, труба оказалась достаточно просторной, наверное, при желании можно было подняться на колени.

Я не очень хорошо ползаю по трубам, тут нужна, прежде всего, практика, хотя дело это совсем нехитрое. Пробиралась я неспешно, разматывала шнур, глядела перед собой, толкала

фонарик. На всякий опасный случай держала шокер наготове — почему-то мне представлялось, что вот вдруг из тьмы, ползущей передо мной, сейчас выскочит... Что-нибудь. Такое.

От этого было довольно неприятно.

Труба продолжалась довольно однообразная, гладкая, ни стыков, ни ржавчины, катушка разматывалась и разматывалась, я проползла метров примерно пятьдесят, и конца трубы не предвиделось. Ничего, терпения у меня запасено.

— Эй! — позвал издалека Дрюпин. — Сирень, ты как?

— Бывало лучше, — ответила я и ускорила.

Шнура на катушке становилось все меньше и меньше, метров, наверное, пятьдесят осталось, я решила немного отдохнуть. Перевернулась на спину.

Тишина.

Вязкая, как воздух, который застыл здесь давным-давно.

Почему нельзя жить нормально? Как все люди? Я даже стряпать не умею. И танцевать. Много чего.

Зато стрелять умею.

Только не из чего.

Перевернулась на живот и отправилась дальше. Через двадцать метров шнур кончился. Он натянулся. Дрюпин тут же принялся дергать, я дернула один раз, все в порядке.

Надо двигаться дальше. Без шнура было не очень приятно ползти, я оставила катушку и полезла без нее.

Через десять метров наткнулась на кость. Нечеловеческую, скорее всего, собачью. Кость была не обглодана, аккуратная такая кость, белая, давно тут валяется. Судя по всему, я приближалась к цели. И по мере приближения к этой цели меня начинали охватывать...

Не то чтобы сомнения, просто...

Я решила, что лишние мысли мне совсем ни к чему, отодвинула кость, выдохнула и увидела свет. Его было довольно сложно рассмотреть за светом дрюпинского фонаря, но я увидела.

Потому что это был красный цвет.

Я выключила фонарь.

Красный свет пробирался в трубу сверху, бледными бордовыми лучами, в которых поблескивала мелкая серебристая пыль.

Люк. То есть такое же отверстие, сквозь которое пробралась в трубу я, решетка, посаженная на четыре болта. И гайки. Я достала плоскогубцы, стала откручивать. Гайки шли туго, но шли. Я тоже стала прикидывать — зачем такое мощное крепление решеток, хотя, в сущности, понятно — чтобы никто по трубам не шастал.

Вывинтила, вытолкнула решетку и быстро выбралась из трубы.

Помещение размером с наш склад. С красным светом. Пустое. Я ожидала другого, не пустоты. С чего здесь пустота? Помещение огромное...

Скорее всего, не успели заполнить. Сюда должны были свезти еще какое-нибудь ванхолловское добро, раритетные пни, самолеты его любимые, золотые подводные лодки, не знаю, что тут должно было быть. А ничего не было.

— Привет, — сказала я.

Ответило эхо, и мне показалось, что красный свет колыхнулся. То есть колыхнулась, конечно, пыль, но почудилось, что красный свет шевельнулся как живой.

Решила проверить. Обойти зал по периметру, посмотреть. Если зал такой же, как наш склад, то в конце должен быть выход. Я направилась вдоль стены. Под потолком подрагивали с неприятным жужжанием лампы, иногда искрили. Я продвигалась медленно, стараясь смотреть под ноги, мало ли что?

По мере продвижения к середине я начала ощущать беспокойство. Не знаю, чем оно было вызвано, наверное, слишком пустым пространством. Мне все время казалось, что сейчас, вот сейчас, в следующую секунду случится что-то, конечно же, страшное.

И оно случилось.

Я увидела стул.

Он стоял посреди зала, я почему-то его не заметила, обычный деревянный стул, ровнехонько в центре зала.

Я остановилась. Стул мне не нравился, зачем тут стул...

В следующую секунду я уже шагала к нему.

Я давно заметила, меня тянет к опасности. Наверное, во мне есть что-то от мыши, которая не может не пройти мимо притаившейся кобры.

Стул как стул, деревянный, в спинке одна перекладина выломана, кажется. Шаги мои звучали гулко, как в соборе, в готическом. Я никогда не бывала в соборах, ни в готических, ни вообще в каких, но откуда-то знаю, как звучат в них шаги. Как чувствуется в них воздух, как Бог разговаривает там с человеком.

А тут стул.

Я подошла вплотную, протянула руку, потрогала гладкую полировку спинки.

Стул как стул, чего я так разволновалась? Нет, Дрюпин определенно прав — это нервы, пришло время, когда Дрюпин прав почти без перерыва, не очень время.

Мне вдруг захотелось на этот стул сесть. И не удержалась, и села, прекрасно при этом сознавая всю глупость происходящего.

Стул деревянно скрипнул и покачулся. Все. Ничего не произошло. Я сидела на стуле в центре зала и смотрела в потолок, в красную лампу.

Так я сидела минут пять, слушала и отдыхала, думала еще — зачем тут этот стул? Конечно, разумом понять наши ванхолловские базы нельзя, но все-таки какой-то смысл в этом стуле должен быть.

Посидев пять минут, я поднялась. Надо было осмотреть противоположную часть зала. К ней я направилась уже не вдоль стены, а напрямую. Звук шагов отскакивал от плоскостей, и мне все время чудилось, что за мной кто-то идет, оглядывалась от этого.

Дверь в конце зала оказалась открыта. За ней открывался коридор, освещенный таким же красным светом, я начала к нему привыкать, глаза уже не болели. Двинулась по коридору, стараясь держаться левой стороны. Шагала, внимательно разглядывая пол перед собой. Свет был довольно тусклый, а пол запыленный, видим, из микрощелей в потолке сочилась мельчайшая бетонная взвесь. Это было мне на руку, если бы по коридору кто-нибудь проходил, я прекрасно бы это заметила, так я сначала думала.

Оказалось не так, мое продвижение подняло с полу пыль, она немедленно въелась мне в нос, и я принялась чихать, что в свою очередь подняло еще большую пыль, в которой я стала уже задыхаться. Свет от пыли сделался совсем мутным, видимость упала, наверное, это и сыграло со мной злую шутку.

Ловушки я не заметила.

Хотя, скорее всего, ее и нельзя было заметить, это был не люк, а чешуйчатая мембрана. Я даже охнуть не успела, как провалилась вниз, успела немного сгруппироваться и перевернуться, чтобы не хряпнуться на спину.

Упала на ноги, в воду, и тут же выхватила заточенный штырь и выставила его перед собой. Метрах в трех над головой, собираясь, прошелестела железом чешуйчатая диафрагма.

Это тоже был коридор, с виду точно такой же, как и верхний, только затопленный водой примерно по колено. Здесь тоже имелся свет, тоже красный, только лампы более тусклые и расположены реже. И это был явно совсем не простой коридор — в простом коридоре не стали

бы устраивать ловушку.

Зачем вообще тут ловушка? Бред. Я продолжала оставаться в бреду, более того, я умудрилась в этом бреду провалиться в бред еще более глубокий. Поздравляю себя. Наверное, сегодня мой день рождения.

Я потрогала ладонью воду. Она оказалась неожиданно теплой, гораздо выше комнатной температуры, видимо, подогревалась специально.

Не стоило здесь оставаться. Следовало уходить. Надо думать о том, зачем эта ловушка здесь устроена. Вряд ли для того, чтобы просто попугать. Ладно, посмотрим.

Я двинулась по коридору, смешно, с некоторых пор в моей жизни слишком много коридоров, но делать нечего. Вспомнила про Дрюпина, он, бедняга, наверное, там за шнур издергался весь. И теперь трясется, думает, что он один остался.

Коридор разошелся на три одинаковых рукава.

Так. Я остановилась. Лабиринт. Прекрасная новость — я угодила в лабиринт. Что-то, кажется, Волк про лабиринты рассказывал, не помню точно, я ведь его не очень слушала, считала болтуном. Болтун он и есть. Правда, этот болтун сейчас где-то там, в далеках, а я тут, в подвале, залитом теплой водой. Хорошо хоть Дрюпин свой шокер сделал водонепроницаемым и с предохранителем, а то шибануло бы наверняка.

Следовало выбрать коридор, я двинулась по левому. На самом деле разницы в этих коридорах, видимо, нет, куда бы ты ни свернул, все равно рано или поздно попадешь туда, куда надо. Или куда не надо.

Смотря кому.

Я шагала, стараясь особо не булькать, не спеша, держась стены и размышляя, как отсюда выбираться. В принципе, любой лабиринт должен иметь выход. Если это простой лабиринт, то выйти из него достаточно просто-

Интересно, какого черта тут понастроили лабиринтов? И вода застойная, какая-то густая, почти желе...

Я запнулась правой ногой и провалилась в это желе, едва успев задержать дыхание.

Что-то длинное, похожее на пожарный рукав. Я вытащила эту дрянь из воды до половины и почувствовала, как у меня зашевелились волосы на голове.

Это была шкура большой змеи. Очень-очень большой змеи. Просто гигантской змеи.

Анаконды.

ПОПЛАВАЙ С АНАКОНДАМИ

Зимин закричал и вынырнул.

Вокруг него разливалась густая зеленоватая грязь, похожая на кисель. Зимин выпрямил ноги, не почувствовал дна, он всхлипнул и ушел в грязь, захлебнулся жижей и стал тонуть, и мгновенно почувствовал ленивое равнодушие. Он тонул, и ему было на это глубоко наплевать. Грязь затягивала в себя, убаюкивала, обещала покой, Зимин был готов принять этот покой, но тут до правой ноги дотронулось что-то живое. В этом прикосновении Зимин почувствовал угрозу, оно не понравилось ему, и Зимин рванул кверху.

Он неожиданно легко разгреб грязь, снова вынырнул на поверхность и стал выбираться на сушу. Она оказалась совсем рядом, Зимин напрягся и в два гребка оказался на земле.

Поднялся.

Вокруг простиралось болото, бескрайнее, воздух приплясывал от разноцветных испарений, что-то шевелилось вокруг на границе зрения, Зимин поворачивал голову, но поймать не успевал, зато почти сразу он увидел змею.

Сначала он решил, что это сгнившее бревно, полузатопленное, оно лежало метрах в десяти от него, блестело на солнце черной чешуей и пошевеливалось, умудряясь при этом оставаться недвижимым. И потом, никакое существо не могло быть такой длины и такой толщины, только дерево. А потом это дерево шевельнулось.

Зимин замер. То ли слишком тонкий и длинный крокодил, то ли слишком толстая змея.

Существо подняло голову, и Зимин убедился, что все-таки змея. Тяжелая плоская голова повернулась в его сторону, Зимин услышал, как по спине забегали жуки.

Зимин стоял, стараясь не дышать, не двигаться, не моргать глазами, стараясь прикинуться мертвым. Но бесполезно, змея почувствовала его, Зимин услышал, как зашипела тварь, внюхиваясь в воздух.

А затем она направилась в его сторону. Медленно, лениво переливаясь по жиже, издавая ужасный звук скрежещущей чешуи. Зимин попробовал шагнуть в сторону, бесполезно. Ноги окаменели, Зимин попробовал дернуться, однако ничего из этого не получилось, ноги не сдвинулись. Зимин дернулся сильнее, и не вышло опять, змея тем временем приближалась. До нее оставалось метров тридцать, и Зимин чувствовал, как из-за переливчатого блеска в угольно-изумрудной чешуе змеи начинает кружиться голова.

Он дернулся из последних оставшихся сил и заорал, и ноги оторвались, Зимин сделал шаг, потом другой и, наконец, побежал. Это было тяжело, точно за спиной у него объявился многокилограммовый рюкзак.

Змея перекачивалась, свиваясь и развиваясь в кольца, и поблескивая глазками, выпуская из розовой пасти раздвоенный длинный язык.

Зимин старался бежать и не оглядываться, что было совершенно невозможно, оглянуться очень хотелось, потому что Зимин знал, что тварь догоняет.

Анаконда ползла за ним.

Под ногами хлюпала грязь, он то и дело увязал в жиже, старался вырвать ноги, с каждым разом все тяжелее и тяжелее. Тварь не отставала, то приближаясь на расстояние броска, то отдаляясь, играя с Зиминим.

И вдруг исчезла. Шуршание чешуи смолкло, Зимин обернулся. Болото пошевеливалось, дрожал воздух, дрожали жига и солнце... Зимин вдруг понял, что солнца нет. Свет был равномерно размазан по небосклону, в небе пульсировали отдельные солнечные сгустки, похожие на шаровые молнии.

Зимин наметил камень, возвышающийся над болотом, и двинулся к нему. До камня было недалеко, метров тридцать, и Зимин торопился. А потом...

Она возникла справа. Зимин увидел, как у нее сокращается горло, точно она только что

кого-то сожрала. Она глядела на него холодным пустым взглядом, и он отметил, что у твари маленькие, размером с крупную бруснику, глазки. Почему-то именно это Зимина напугало особенно сильно, в этих глазках совсем не было жизни, только голод.

Зимин рванул, захлебываясь в жиже, утопая в ряске и тине, он быстро полз, подгребая ее под себя, переворачиваясь, влипая и с трудом отрываясь, тварь окружала. Именно окружала, Зимин слышал ее со всех сторон, и справа, и слева, и позади, и, кажется, даже сверху, она играла с ним. Забавлялась.

До камня Зимин добрался первым.

Вокруг камня гнили коряги, разные по размеру и степени корявости. Зимин, не оглядываясь, нырнул в них и замер, застыл, стараясь унять дыхание. Закрыв глаза.

То, что происходило с ним, было невероятно, он знал, что это невозможно, что так не бывает... но оно было.

Он попытался влезть в коряги глубже, начал пятиться и вдруг увидел прямо перед собой распахнутую красную пасть, почувствовал, как со всех сторон его окружает живое и сильное. Он попытался вырваться, но анаконда сжала кольца, Зимин услышал, как скрипнули суставы в правом плече, как начали сминаться ребра, как сплющилось о них сердце. Тварь яростно зашипела и впилась Зимину в голову, зубы вонзились в кожу, сорвали скальп...

Зимин заорал и проснулся.

Он лежал, уткнувшись лицом в подушку, старинная подушка, доставшаяся от бабушки, пух гусей, умерших задолго до того, как родился его отец. Кошмар. Во сне Зимин слишком тесно вжался в эту семейную подушку и стал задыхаться.

И пришли анаконды.

Все просто, проще не бывает.

Зимин улыбнулся. Обычный кошмар, вызванный удушьем, — распространенная штука, с ним такая случалась уже не раз. Ерунда.

— Зимин! — позвала с кухни Лара. — Ты чего орешь, Зимин?! Тебе опять кошмары снятся?

— Снятся...

Зимин спустил ноги на пол, потянулся и вдруг почувствовал на коже неприятное ощущение. Чуть ниже колена явственно сидело холодное пятно, Зимин потрогал пальцем. Действительно, пятно, удлиненной овальной формы, в том самом месте...

— Зимин, — в комнату заглянула Лара. — Ты страшно очень орешь, ты об этом знаешь?

— Нет.

— Я запишу на диктофон. Знаешь, это все очень неприятно, такие звуки... Я их все-таки запишу и отправлю, пусть их в фильм ужасов вставят. Ни один вопль с тобой не сравнится. Ты чего ногу трешь? Отлежал?

Зимин не ответил.

— Я все время что-то отлеживаю... У тебя там белое пятно.

— Значит, сильно отлежал, — объяснил Зимин.

— Выглядит зомбически. Или зомбификаторски. Не знаю как. Слушай, ты случайно не вымираешь?

— Вымираю. С определенного возраста этот процесс не остановить. Как насчет старой крепости? Когда двинем?

— Скоро. Слушай, помнишь Корчагину? Она фургон продает недорого, «ваген-транспортер», все, как ты хотел.

— Хорошо, я возьму, наверное.

— Маленький фургончик счастья? Не рано ли?

Зимин помотал головой.

Фургон он решил купить уже давно. Оборудовать его кроватями, домашним кинотеатром и полками. Ставить на эти полки непрочитанные книги, и коробки с неувиденными фильмами, и диски с неслышанной музыкой. Путешествовать. Когда-нибудь, на пенсии. Конечно, до пенсии еще далеко, но что мешает начать готовиться сейчас?

— Знаешь, что меня всегда в тебе удивляло, Зима?

— Могучий ум?

— Не, ума ты вполне среднего, — улыбалась Лара. — Может, чуть повыше среднего. Меня удивляло всегда, насколько ты не похож на свои собственные книги. Как будто не ты...

Зимин сделал кривое лицо.

— Скучный ты тип, Зима, — сказала Лара. — Романтики в тебе нет. Тебе бы конторщиком работать, а ты в писатели подался.

— Сейчас побегу на курсы бухгалтеров.

— Лучше проводи меня до остановки.

— Провожу, провожу.

Ему совсем не хотелось оставаться дома, можно было отправиться в кино. А что? Почему не в кино, в кино интересно. И спокойно. Сидишь, смотришь, и на экран, и на то, как остальные кино смотрят.

Зимин стал одеваться. Умываться не стал, решил, что до остановки так сойдет.

Лара стояла в прихожей, заматывала вокруг шеи шарф.

— Что думаешь делать сегодня? — спросила она. — Судя по лицу, опять в кино собираешься?

— Да не собираюсь...

— Знаю, собираешься. Учти, это плохо кончится. К тебе вызовут психиатрическую неотложку и станут лечить пчелиным ядом. Ах ты...

Зимин прислушался, не услышал ничего.

— Что опять?

— Никус, кажется, явился, — Лара сняла туфли и поспешила на балкон. — Где же ты был, зараза?!

Зимин не разделял энтузиазма по поводу явления Никуса, по нему так лучше бы кошка вообще не возвращался, но эта шерстистая тварь была упорна. Собаку, что ли, завести?

Зимин чихнул и стал надевать кеды. Это сделать не получалось, потому что Зимин обнаружил, что шнурки на кедах затянуты зверскими узлами. Он принялся эти узлы развязывать и услышал близкий шорох.

За дверью кто-то стоял.

Зимин увидел эту картину достаточно ясно — вот за дверью стоит человек и, приложив ухо к стальному листу, слушает, оттопырив нижнюю губу.

Кокосов. Это, несомненно, был он. Собака. Псих ненормальный. Вот кого надо лечить пчелиным ядом. А еще прижиганием ароматическими сигаретами. Розгами, говорят, еще лечили. Шпицрутенами.

Зимин открыл дверь и увидел Кокосова. Тот стоял напротив и виновато улыбался.

— Здравствуйте, — сказал Кокосов.

Сегодня Кокосов выглядел немного по-другому. Вечером, под дождем, в шляпе и со старомодным портфелем Кокосов выглядел старше, сейчас же Зимин увидел, что Кокосов вовсе молод, что лет ему столько же, как Зимину.

Кокосов подышал на палец и надавил на кнопку звонка.

Звонок запел над головой непривычно громко, так что у Зимина заболели зубы. Зимин огляделся и, как всегда, почувствовал себя глупо — он озирался в собственном доме. Докатались. Нет, Лара была права, надо было покупать коттедж. Пусть маленький и

одноэтажный, но отдельный. За забором. За таким высоким кирпичным забором, через который никто пробиться бы не смог. И не с жалким жирным котом Никусом, кастратом и бестолочью, а с собакой. С ротвейлером. И пусть он бегаёт вокруг, и днём и ночью, и если какой бестолковый Кокос приблизится на расстояние слышимости...

Кокосов позвонил ещё.

— Зимин, там кто-то в дверь ломится, — сказала с балкона Лара. — Посмотри, кто там?

Зимин молчал.

Кокосов продолжал звонить. Этот Кокосов был удивительно назойлив. Редкостно назойлив. У Зимина заболела голова. Жизнь продолжала раскачиваться, с утра сон про анаконд, потом этот сумасшедший... Надо валить. Валить подальше в милом фургончике, заказывать пиццу, читать книжки, что ж он так трезвонит?!!

Зимин понял. Кокосов хочет увидеть Лару. Посмотреть на неё. Вот для чего все это придумано.

— Кто там?

С балкона послышалось недовольное мягканье, Никус возмущался, тварь.

— Водопроводчик, — ответил Зимин.

— Я не водопроводчик, — поправил Кокосов.

Зимин начал злобно шуриться.

— Я действительно не водопроводчик, я пришел поговорить...

— Опять? — спросил Зимин.

— Конечно. Это ведь важно.

Показалась Лара с исцарапанными по локоть руками, Зимину захотелось сбросить кота с балкона, царапины были глубокие.

— Никусу оторвали ухо, — сообщила Лара. — Представляешь?

— Это ужасно, — сказал Зимин. — Ухо...

— Он сердится.

Кокосов смотрел на Лару, Лара смотрела мимо, Зимин ждал, смотрел на обоих. Происходило нечто странное, только он никак не мог понять, что именно. Лара умела смотреть мимо, если это требовалось, сейчас она смотрела именно так.

— И что? — первой нарушила молчание Лара.

Она обратилась к Зимину.

— Ничего, — Зимин почесал косяк двери. — Ничего. Разве ты не видишь, что...

Опять заорал Никус, и Лара немедленно удалилась разбираться с вопросом.

— Кошечка? — поинтересовался Кокосов.

— Котик, — ответил Зимин.

— Кастрирован?

— В планах.

— Кастрируйте обязательно, а то будет дурить, на людей кидаться. Хотя кастраты вроде бы поперек ходить не умеют.

Кокосов ухмыльнулся. Никус заорал снова, а затем что-то упало, судя по звуку, стеклянное. Зимин заглянул в квартиру, а когда вернулся на площадку, обнаружил, что Кокосов уже исчез, площадка была пуста, Кокосов сбежал.

— Сволочь! — крикнул вдогонку Зимин. — Морду тебе всю разобью!

Снова показалась Лара. Руки ее были исцарапаны еще сильнее, кроме того, на Лару во множестве налипла кошачья шерсть, но в целом она была, кажется, довольна.

— Чего орешь? — спросила она.

— А, Кокосов... Достал уже этот придурок, взялся меня преследовать.

— Кокосов? А, маньяк который... Ну да, ты рассказывал. Что ему надобно?

- Черт его знает. То есть он свихнулся на моих книжках...
- Приятно?
- Не очень. Я все время жду, что он выскочит и треснет мне по голове кирпичом.
- Ходи в шлеме, — посоветовала Лара.

Никус заорал. Требовательно, нагло, по-хозяйски. Зимин почувствовал, как у него зачесались руки, как ему захотелось взять и немножко утопить Никуса в унитазе...

Зимин решил, что, пожалуй, ему не стоит искушать судьбу.

- Ты, видимо, остаешься? — спросил он у Лары.
- Да, остаюсь. Надо Никуса обработать, неизвестно, где он валандался. Блох, может, нахватал.

— Успехов, — пожелал Зимин и удалился.

Разумеется, Кокосов ожидал его на лестничной площадке, между пятым и шестым этажом, и что-то корябал на стене.

— Кокосов, вы дурак? — спросил Зимин. — Зачем вы стену портите?

Кокосов смутился, покраснел, спрятал в карман карандашик и сказал:

— Слишком уж тут у вас чистенько. Это неправильно. Не должно быть слишком чистых стен, это противостоестественно. Потом, вы как писатель должны меня понимать, это... это как боязнь чистого листа.

— А я вот вам хочу по морде дать, — объявил Зимин вдруг. — Как вы к этому относитесь?

— Амбивалентно. Кстати, Зимин, у меня к вам важный вопрос.

— Валийте, — Зимин принялся разглядывать, что написал на стене Кокосов.

— Что вы сделали... — пробормотал Кокосов. — Что вы сделали с волосами?

Зимин на всякий случай потрогал голову. Волосы были на месте.

— Да я не про ваши волосы, а про ее. Лары.

— А что у нее с волосами?

— Как «что»? Вы разве не видите?! Они же темные!

Кокосов сказал это с таким непередаваемым удивлением и отвращением, что Зимин тоже удивился — почему? Почему у Лары темные волосы?

— Они темные, — повторил Кокосов. — А они должны быть рыжие, почти красные, такие волосы бывают у одной девушки из ста миллионов. А у вас они...

— Они у нее с рождения такие. Вообще-то.

— Почему? — тупо спросил Кокосов.

— Потому, — ответил Зимин. — Потому что она такая. Слушай, а что ты лезешь, а? Какая тебе разница, а?

— Просто неожиданно...

— Неожиданно, что какой-то тип преследует меня...

— Я хотел у нее спросить кое-что...

— У меня спроси!

Зимин попытался придать голосу строгости и надавить. Когда-то, в общем-то совсем недавно, он неплохо это делал. Умел напустить угрозы.

Но сейчас не получилось. Кокосов этого даже не заметил, в глазах у него блуждало сияние, точно он вспомнил, как первый раз объелся мороженым.

— Я хотел ее спросить, — Кокосов глядел в окно. — Хотел узнать насчет...

— Заткнись, — потребовал Зимин.

— Хотел узнать — помнит ли она меня...

— С какой это радости ей тебя помнить?! — злобно поинтересовался Зимин.

— Как же... — Кокосов счастливо улыбнулся. — Я ведь помню. Весна, двор, яблони цветут. Мы еще тогда танцевали — «Метеориты для Маргариты», дурацкая песня, но я

как сейчас...

— «Метеориты для Маргариты»...

— Да! Вам, наверное, Лара рассказала про эту историю, а вы уже в книгу свою вставили.

— Хватит, — Зимин не вытерпел и взял Кокосова за воротник. — Хватит, я устал. Кокосов, оставь меня в покое.

Кокосов дернулся, пытаясь вырваться, но Зимин ухватил его второй рукой и шваркнул о стену.

— Она должна меня помнить! — выкрикнул Кокосов. — Должна!

Зимин вдруг понял, что сейчас он этому Кокосову врежет. Врежет-врежет, ему давно хотелось кому-нибудь хорошенько врезать. Зря он, что ли, последние пять лет ходил в спортзал, изнурял себя штангой и лупил по боксерскому мешку? Вот пришло время попробовать все это на деле, и вот время пришло — Зимин незаметно выставил вперед левую ногу, а правой рукой в задумчивости почесал подбородок. Хотел было влупить резко и с плеча, как учил тренер, справа, в челюсть, чтобы этот дурак Кокосов бухнулся вперед, ну, или хотя бы назад, но потом подумал, что, пожалуй, не стоит. Ушибется еще, а за спиной у Кокоса лестница, можно упасть, покалечиться.

Поэтому Зимин ударил слева, в печеньку, не ударил даже, так, щелкнул.

Получилось неожиданно сокрушительно, Зимин не ожидал такого могучего эффекта, удар подбросил Кокосова, оторвал от земли и швырнул на стену. Кокосов зашипел от боли, скрючился пополам.

Зазвонил телефон. Зимин вытер руки, ответил. Лара.

— Зимин, что там на лестнице за шум?

— Да Кокосов... — Зимин пнул Кокосова в ногу. — Напал на меня с саморезами...

— А ты?

— А что я? Я его немного помял. Псих, самый настоящий псих!

— Ты его не убил, надеюсь?

— Да не... — Зимин самодовольно ухмыльнулся. — Может, пару ребер, ну и так, по мелочи.

— Оригинально, — с интересом сказала Лара. — Нет, Зима, в тебе определенно есть что-то от Парцифаля. Избить инвалида духа... Сильно. Горжусь тобой.

Кокосов стал подниматься на ноги.

— Зима, ты до аптеки не дойдешь? — спросила Лара. — Кажется, Никуса собаки покусали, надо его зеленкой замазать.

— Ладно, куплю, — сказал Зимин. — Зеленка нам пригодится...

Кокосов стоял весьма удобно, просто напрашивался на удар, Зимин почувствовал в плечах злую темную силу и ударил Кокосова правой, в глаз. Для образования фонаря, Зимину очень хотелось организовать кому-нибудь фонарь, он никогда в жизни этого не делал, вот почему бы не сейчас?

Кокосов дернулся еще раз. И тут же под глазом у него стала надуваться вишневая гуля. Кокосов не защищался. То есть он стоял себе, втянув голову в плечи, трясясь и вздрагивая от злобного дыхания Зимина.

Победа удивила Зимина, он не ожидал, что это получится так легко и будет так приятно, неожиданно приятно, прямо как раньше. Зимин не удержался и ударил еще, на этот раз в нос. Звук получился как у помидора, сброшенного с балкона.

— Зачем так?

Запахло кровью, Зимин вдохнул этот запах и примерно на пять секунд утратил восприятие, а когда пришел в себя, обнаружил, что Кокос уже весь синь, кровав и растерзан.

Зимин остановился.

Кокосов сполз по лестнице на площадку между этажами.

Сделалось противно. Зимин почувствовал, как его замутило, по большей части, конечно, от глупости. Он вдруг увидел свое отражение в окне. Злое и тупое лицо, Зимин себя даже не узнал.

— Идиот... — прошептал Кокосов, растирая по лицу кровь. — Накинулся-то за что, я хотел как лучше...

Он попытался подняться, разозленный Зимин ударил его сверху вниз, в последний момент из гуманистических соображений успев разжать кулак и вклеив Кокосову пощечину.

Кокосов ойкнул и ударился головой о перила, по щеке потекла кровь, но Зимин тут же обнаружил, что это кровь совсем не кокосовская, а его — влупив Кокосу, он почти вывернул ноготь с безымянного пальца.

Кровь тут же попала на желтую кофту и впиталась неопрятными пятнами. Это Зимина рассердило по второму кругу, он напрыгнул на Кокоса и стал лупить его по щекам, стараясь ударить побольнее, а еще лучше попасть в ухо, в ухо ему, в ухо.

Кокосов пробовал защищаться, выставлял перед собой руки, бесполезно, Зимин пробивал эту жалкую защиту на раз, но тут Кокосов предпринял подлый и необычайный маневр — впился в ногу Зимина зубами. Это оказалось больно, Зимин рывкнул, попытался пнуть Кокосову в лоб другой ногой, но тот увернулся, умудрившись при этом не разомкнуть челюсти, Зимин качнулся и тоже покатился по лестнице, и прочувствовал своей спиной девять ступеней, каждая лично поздоровалась с позвоночником.

Ситуация была уже неприличной — он растянулся на межэтажной площадке, а рядом с ним лежал человек, считающий себя персонажем его книги, и этот человек продолжал кусать Зимина за ногу.

Зимин хлопнул Кокосова по уху, тот отстал от голени, Зимин поднялся. Он был грязен и недоволен жизнью, ему хотелось вернуться домой, помыться и лечь на диван. Но дома была Лара, она спасала Никуса, а надо было его спасать, Зимина, его безжалостно искушали за ногу.

Жизнь — оригинальная штука, подумал Зимин. Просто весьма и весьма. Он мог бы сейчас сидеть в кинотеатре, жевать попкорн с солью, попивать газировку и смотреть кино про драконов. А он торчит в своем подъезде с разбитыми кулаками и смотрит на сумасшедшего с глупой фамилией, которую он когда-то выдумал сам, отравившись просроченным кокосовым молоком. И этот, с придуманной фруктовой фамилией, рассказывал...

— Просто спросить хотел, — заплетаясь языком, сказал Кокосов. — Всего лишь... А ты гадина, господин Зимин... драться научился...

— Сейчас я тебе еще навешаю, — пообещал Зимин. — Еще. Чтобы ты прочувствовал. Пожалуй, я тебе зубы выбью. Не все, а всего лишь парочку штук.

Кокосов поднялся на четвереньки.

— Гадина, — повторил он.

Выпрямился и побежал вниз по лестнице, прихрамывая и цепляясь за стены.

— Ты куда? — крикнул вслед Зимин. — А ну стой!

И тоже побежал вниз. В Зимине вдруг проснулся азарт. Ему захотелось догнать Кокосова, догнать во что бы то ни стало, и Зимин не стал отказывать себе в удовольствии.

Они скатились до второго этажа, здесь Зимин Кокосова все-таки и бортанул, так, что Кокос влетел в подоконник и опрокинул несколько горшков с цветами, и застрял в кактусе, Зимин же сбежал на площадку первого.

— Виктор Валентинович! — удивился консьерж. — Что произошло...

— Зачем вы пустили к нам этого маньяка?! — рыкнул Зимин.

— Какого маньяка? — перепугался консьерж.

— Вот этого! — указал Зимин.

Показался Кокосов, с кактусом, он пытался от этого кактуса как-то открепиться, но не

получалось.

— Да не пускал я никого! Виктор Валентинович, вам плохо?

Зимин кинулся к Кокосову, подхватил его за шиворот и вытолкнул на улицу. Под дождь.

Дождь, холодный и частый, Зимин почувствовал его на своем лице и остыл. Внезапно ему перехотелось бить Кокосова. Он почувствовал усталость и умиротворение, злость растворилась.

— Ладно, — сказал Зимин. — Успокоились.

— Успокоились, — согласился Кокосов.

Он оторвал от себя кактус, опустил его в урну. Выглядел он катастрофически, и он сам, и кактус. Но Зимину показалось, что Кокосов не очень на него обижался. Во всяком случае, бежать в полицию не торопился. Зимин вдруг вспомнил, как два года назад подрался с охранником в кинотеатре. Ну, как подрался, треснул этому уроду по шее, тот упал. А как поднялся, так сразу побежал в милицию, накатал заявление-Короче, судились почти полгода. Так что лучше с этим Кокосовым не связываться.

Зимину стало немного грустно, печально за себя. Еще десять лет назад он лупил таких кокосовых по щам без страха и упрека, теперь стал прежде думать.

— Нечего тут стоять, — сказал Зимин. — Давай лучше погуляем. Лара все равно не выйдет, она кошкой занимается.

— Она любит кошек, я знаю, — кивнул Кокосов.

— Это почти ее единственный минус. Я люблю собак. Она любит кошек.

— И кофе. А ты чай любишь.

— Я пепси-колу люблю, — зло сказал Зимин и направился в сторону парка. — Пошли, кошколюб, а то сейчас жильцы полицию вызовут.

Они пошагали к парку. Зимин первым, Кокосов за ним. Зимин шагал, перепрыгивая через лужи, жалел, что не захватил зонтик, думал о том, что Кокосов выглядит довольно чахоточно, неплохо бы ему хорошенько простыть. И отстать, наконец, отстать...

— Тут карусель недалеко, — сказал Кокосов. — Я вчера гулял, карусель встретил. Там зонтики над сиденьями.

— Я знаю.

Они пошли к карусели.

Зимин помнил ее с детства, и всегда она была старая и ржавая и никогда не крутилась, только печально скрипела на ветру и ржавела под дождем. Раньше на ней безобразничали дети, затем, когда появились компьютеры, дети утратили к карусели интерес, и вот уже много лет карусель была никому не нужна.

— Вы ничего странного в последнее время не замечали? — спросил Кокосов, прикладывая к глазу ключи. — Необычного? Странного?

— Как же, как же. Вот сон мне приснился, что меня змея укусила — а тут ты как раз, и цап меня за ногу.

— Нет, я о другом.

— Погода плохая. Не помню, чтобы хоть когда-нибудь было столько много плохой погоды.

— Погода это тоже... — покивал Кокосов. — Погода шепчет... Вы прочитали? Тетрадь, что я вам дал?

— Читаю. Должен признать, небезынтересно, увлекся немного. Но все равно фанфик.

— Это не фанфик, это...

Кокосов замялся, пытаясь найти слово.

— Это больше, — закончил он. — Я не знаю как, но мы все связаны с этим

сочинением. Мне кажется...

Зимин запнулся. Как во сне, запнулся, только не за змеиную шкуру, а за арматурный штырь, торчащий из асфальта. Упал пребольно, въехав левым коленом в асфальт и изрядно это колено расковыряв, через джинсу проступила кровь.

— Я же вам говорил, — сказал Кокосов. — Предупреждал.

Зимин принялся ругаться. Нога болела не сильно, однако при попытке на нее опереться над коленом вспыхивала острая точечная боль.

— Дальше все будет только хуже, — пообещал Кокосов. — Только хуже. Все посыплется, вот увидишь...

— А тебе-то что?! — крикнул Зимин. — Тебе-то что? Ну, все посыплется, и что? Вот для тебя лично?

На лице Кокосова образовалось неопределенное выражение, одновременно страдание, изумление, отчасти и восторг, Зимин понял, что сейчас Кокосов выдаст. Откровение.

— В конце «Темной материи» вы написали, что все это... — Кокосов почему-то указал пальцем в газетный киоск. — Что все это — эфемерная жизнь, не настоящая. Там главный герой отказывается от своей мечты, боится с ней встретиться, остается на вокзале...

— Я помню содержание своей книги, — сказал Зимин.

— Да-да, конечно. Просто я хочу сказать, что я оказался каким-то образом связан с вашими книгами...

— То есть я виноват, что ты стал неудачником? — спросил Зимин, растирая колено. — Прекрасно!

— Нет, просто я замечаю определенные совпадения. Например, взять Апраксин Бор...

— А что Апраксин Бор?

— Я обнаружил, что он находится совсем недалеко от моего дома. И на самом деле там была психиатрическая лечебница. И я поехал туда посмотреть...

Зимин злобно рассмеялся. Они стояли на улице под козырьком витрины хозяйственного магазина. Лил дождь, и с козырька стекали тонкие струи, за которыми просматривалась дорога, мир был размыт в одну сторону, в другую он состоял из пластиковых ведер, молотков, лопат и дрелей, а посередине были они, у Зимина кровило колено, у Кокосова была разрушена жизнь.

— Ты себя послушай! — Зимин постучал себя пальцем по голове. — Ты сам что говоришь?! Ты отправился в заброшенную психиатрическую лечебницу, чтобы найти там ответы на то, почему твоя жизнь не удалась? Это поступок полного идиота. Ты ведешь себя как кретин! Как остолоп! Если бы я писал книгу «Повадки остолопа» — ты был бы в ней главным героем!

Зимин вышел из-под навеса и, пропуская машины, стал перебираться через дорогу в парк. Кокосов за ним.

Дорожки в парке были размыты, по ним ползли черви, их было много, и ползли они все в одну сторону, точно спасались. Мокрые и давно не стриженные кусты походили на мертвых мамонтов, Зимину это не понравилось, и он поспешил к карусели. Закончить день неудач и кретинизма мощным карусельным аккордом.

Кокосов догнал и мельтешил рядом, с трудом попадая в широкий шаг Зимина.

— У меня зубы стали выпадать, — жаловался Кокосов. — Зубы расшатываются.

— Так лечись. У тебя, значит, пародонтит, а я страдай?

Зимин прибавлял скорость, ему хотелось, чтобы Кокосов бежал рядом, чтобы подпрыгивал.

— Да при чем здесь я?! — взвизгнул Кокосов. — Как ты не поймешь-то?! Это же... Он замолчал, точно вдруг наткнулся на прозрачную стену и не смог сквозь нее пройти,

расплющился по холодному прочному стеклу.

— Что опять? — устало спросил Зимин. — Видение? Прозрение? Приступ сверхслуха?

— О себе не думаешь, о других подумай, — устало сказал Кокосов.

— О тебе, что ли?

— При чем здесь я? О Ларе. Она...

Зимин почувствовал, что начинает злиться по второму кругу. Он снова пошагал быстро, не оглядываясь, дожидаясь, когда Кокосов его догонит. Но Кокосов не догонял, тогда Зимин обернулся.

Кокосова не было. Мокрые мамонты проглотили его, исчез Кокосов, точно и не существовало его вовсе.

— Кокосов... — неуверенно позвал Зимин.

Но мамонты не ответили. Стояли, насупившись. Неприятно так на него глядели.

— Вот дурак-то... — Зимин озираясь. — Везет мне в последнее время...

Но вокруг не было ничего, кроме мокрых кустов.

— Кокосов! Тупая шутка! — крикнул Зимин.

Голос завяз в листьях и воде, погас, растворился между. Кроме того, Зимину показалось, что кусты приблизились, немного, сантиметров на тридцать. Еще Зимину почудилось, что кусты окружают. Пытаются обступить со всех сторон, загнать в угол, задушить.

— Так... — протянул Зимин. — Приехали...

Внезапно потеплело, и сквозь листву стал выдавливать туман, липкий и назойливый. Зимину это совсем уже не понравилось, он развернулся и пошагал назад, по дорожкам, отметив, что потемнело, причем сильно, а черви на асфальтовых дорожках стали ярко-оранжевого цвета.

Зимин поскользнулся и едва не упал в кусты, ухватился за ветку и стряхнул на себя воды, и от этого уже промок насквозь.

Слева раздался треск, точно через кусты кто-то пробирался. Совсем рядом. В нескольких метрах. И где-то далеко-далеко, точно в другом чужом мире, заскрипело железо. Карусель. Зонтики над сиденьями поймали ветер, и карусель провернулась и вскрикнула снова, по-живому, безнадежно.

Тогда Зимин не выдержал и побежал.

ДНЕВНИК 5

Здравствуй, дорогой дневник.

Это продолжение, в первый раз не дописала.

Так вот, меня затошнило. От страха и от вони — я внезапно почувствовала, что коридор был заполнен тяжелой сладковатой вонью, и вода пошевеливалась вроде бы. Я находилась в подземелье с анакондами. Наверняка с очень голодными. Сколько анаконда может прожить без пищи? Года два, кажется, они в спячку не впадают... Или впадают?

Анаконды.

На прошлой базе у нас тоже были анаконды, сидели в огромных аквариумах, я же помню, их как-то использовали для тренировок. Для развития реакции вроде бы, Волк что-то такое рассказывал. Ну да, точно, поплавай с анакондами, я не очень-то в это верила. Меня к анакондам так и не допустили, к тому же змеи с нашей базы были гораздо меньше.

Раза в три.

Может, вернуться назад? В начало коридора. И что? Стоять там и ждать? Чего?

Нет уж. Лучше вперед. Вперед.

Я двинулась вперед. Мелкими шагами, стараясь, как всегда, держаться у стены, прощупывая каждый шаг. А вдруг хвост анаконды. Кажется, они нападают из засады, кажется... Чем они там питаются? Свињями, ягуарами вроде бы. Кажется, они еще на крокодилов нападают, что утешает, конечно. Перспектива встречи с тварью, способной сожрать крокодила, безусловно, радовала. Хотя, может, она тут с голода давно сдохла. Но выход все равно должен быть, не бывает лабиринтов без выхода.

Интересно, анаконда охотится на человека? Наверное, да. Если она не жрала пару лет...

Глупо. Как-то позорно даже, человек не должен служить пищей для какой-то там безмозглой твари, не должен, я в этом уверена.

Звук. Я услышала, как булькнула вода где-то впереди, точно нырнул в нее кто-то тяжелый.

Накатила паника. В голове бился тупой вопрос — зачем я сюда сунулась? Зачем полезла, сейчас бы сидели с Дрюпи-ным в сухости, разбирали какой-нибудь коллекционный автомобиль середины прошлого века, ругались бы потихоньку. Зачем сюда-то?

Любопытство. Самоуверенность. Самоуверенность. Три раза самоуверенность. Нельзя быть такой самоуверенной...

Интересно, анаконды как живут — стаями или в одиночку? Кажется, все хищники любят в одиночку, крокодилы... Хотя в лабиринте много укромных уголков, в каждом из них может сидеть по анаконде. Спать, ожидая своего часа.

Булькнуло ближе. Я перехватила заточенный штырь поудобнее. Как, интересно, она нападает? Ну, анаконда? Снизу? Сверху? Сбоку? Как-то я приемам охоты анаконды мало внимания уделяла...

Шокер. Не пригодится, кругом вода, себя прибью.

И как ей противостоять? Если она обовьет руки-ноги — что делать? Ничего, наверное. Змеи — удивительно сильные твари, обычный удав может легко человека задавить, что уж говорить о таких размерах?

Я почувствовала, как дрожат ноги. Колени. По-настоящему. Страшно. То есть не страшно, это было уже по-другому — какой-то высший страх. Ужас. Кошмар, наверное, даже слова этому не придумано. У меня перехватило горло, показалось, что его сдавили пальцами и выжали весь воздух. Я привалилась к стене. Надо было восстановиться. Начали дрожать и руки, зубы стучали...

Я заплакала.

То есть слезы сами потекли. Я пыталась их удержать, но они не удерживались, бежали и

бежали, со мной никогда такого не происходило. Я не могла остановиться. Мне было жаль себя. Свою жизнь, то, что ее, собственно, почти и не было, если она и случилась когда-то раньше, то я ее совершенно не помню, ну ни крошечки. И про будущее я ничего не знаю, его нет. То есть оно может закончиться вот прямо здесь, в ближайшее время.

Дышать трудно. На плечи легла духота, кислорода в этом воздухе было совсем мало, какие-то отдельные молекулы, их не хватало легким, легкие просили воздуха, свободы, простора.

Вода взволновалась. Чувствовалось продвижение в ней чего-то большого и сильного, и это большое приближалось, с каждой секундой расстояние между нами все сокращалось и сокращалось, и мне начинало казаться, что я слышу ее вонь. Тут и так воняло изрядно, но это была особая, дополнительная вонь, жуткая, плотная, с тошнотворным сладким привкусом.

Смерть, я запомнила навсегда, как пахнет смерть. Так вот, сладко. Гнилью.

Не хотелось умирать, я почувствовала это с какой-то яростной беспощадностью. Я хотела жить.

В голове у меня что-то сдвинулось, где-то за правым ухом щелкнуло, точно сломалась в моей голове какая-то косточка. На секунду я ослепла, мир выключился и включился вновь.

Справа вспенилась вода, и над поверхностью поднялась змеиная голова.

Не ожидала, что анаконды бывают такими большими.

Хотя не исключено, это не настоящая змея. То есть она, конечно, не роботическая, а генетически модифицированная, возможно, ей увеличили размер в два раза...

Легко проглотит большую свинью. Без проблем. У них, кажется, челюсти раздвигаются в пять раз шире морды, меня она легко сожрет, даже не заметит.

Вдруг что-то мелькнуло, белая слепящая вспышка, прямо передо мной, перед глазами. И я увидела в этой вспышке прошлое, правда, то, которое случилось не со мной, кажется, счастливое, нет, просто наверняка счастливое, и будущее, тоже счастливое, которое, как я надеялась, станет моим. Облака. Ветер. Море. Точно, я увидела море. Золотой пляж в обе стороны, и остров, тонущий вдали, едва проступающий сквозь пелену утреннего воздуха, радужные ракушки под ногами, пласты капусты, выкинутой прибоем, и холмы за спиной, и затонувший корабль, с торчащей кормой, затянутой водорослями. Плавник, выброшенный на берег, выбеленный солнцем и выжженный солью. Скелеты рыб, но не мрачные, а напротив, какие-то озорные. Ветер, да, свежий. Песок мокрый и застревает между пальцами.

А высоко над горизонтом птицы. Черные чайки с острыми крыльями.

У меня имелось будущее.

Теперь я была абсолютно в этом уверена.

Видение растворилось, схлопнулось в маленькую сияющую точку, меньше игольного ушка, ослепительнее бриллианта.

В следующий миг я уже знала, что я не умру здесь, в вонючем коридоре, залитом теплой водой. Не здесь и не сейчас. И вообще. На меня накатило чувство абсолютной уверенности в себе, я выдохнула и увидела коридор. Во всех его мельчайших деталях, точно он был освещен ярким солнечным светом, точно здесь было много воздуха, и был он прозрачен и чист, и вода под ногами текла хрустальным потоком. Мир приобрел небывалую резкость, точно разлился над головой некий агент, сделавший прозрачным землю, и бетон, и воду, и все, что было там, над головой.

Это было странное чувство, я вдруг потрогала струны, плотно натянутые между небом и землей, услышала глухое гудение красного смещения, Глас Господа.

В следующий миг я оказалась рядом с анакондой. Одним коротким движением я вогнула заточенный штырь в ее правый глаз, другим с разворота распорол змеиное горло.

Жижка вспучилась толстыми змеиными извивами, коридор наполнился жизнью, которая скоро стала смертью. Меня обвили и стиснули тугие кольца, выдавили воздух, оторвали от

пола и ударили в потолок, и поволокли по нему, головой, лицом по шершавому бетону, закручивая спиралями, стирая уши...

Змея сдохла.

Она перестала извиваться и замерла, свернувшись в плотный клубок, только черная кровь продолжала бить тонкими струйками, и звук. Похожий на плач.

Надо было успокоить сердце. Оно билось с такой скоростью, что удары сливались в однообразный шум. Я удивилась — как сосуды выдерживают такую скорость? Давление, наверное, поднялось... Не знаю даже, какое. Кожа болела. Она обрела неприятную чувствительность, впрочем, как и зрение, слух и реакция. И еще.

Появилось нечто... Трудно объяснить. Суперпредчувствие, что ли. Я знала, что мне надо делать в следующую секунду, и сами секунды стали послушны, я вертела ими как хотела, держала их в кулаке. И оставалась живой.

Надо было успокоиться. Потому что жить в таком состоянии оказалось крайне утомительно, кричать все время хотелось. И убивать. В руках продолжала играть злость, мне бы еще парочку анаконд, придушить голыми руками!

Но анаконды, кажется, кончились. Может, маленькие где остались. Вряд ли, в таких условиях не шибко размножишься. Плевать на них.

Плевать.

Плевать.

Я закричала.

Так, что в горле, кажется, лопнул сосуд и рот наполнился кровью. Это меня успокоило. Нет, точно успокоило. Сердце отпустило. И вот уже я дышала спокойно, хотя горло болело, и кровь хлынула уже из носа, и зубы раскрошились, причем передние в пыль. Это больше меня не волновало, я продолжила пробираться вперед, переступая через змеиное туловище, оскальзываясь на гладкой холодной коже.

Минуты через две коридор закончился тупиком. На стене краснел рычаг. Старомодный, железный, именно что краснел — был выкрашен яркой светящейся краской, я дернула за этот рычаг, над головой лязгнуло железо, и ко мне спустилась лестница. Проржавевшая и скользкая, я уцепилась за ступени и, не теряя времени, поползла вверх.

Поднялась метров на двадцать, наверное, выбралась в место, которое больше всего напоминало медицинский отсек — белые стены, много блестящих предметов, приборы, сложные, с многочисленными манипуляторами, подходящие даже не на медицинское оборудование, а на роботов, многоруких и многоопытных. На старой базе медотсек был чем-то похож на этот, только оборудование здесь было намного сложнее, это отметила даже я, и больше его.

Головы. Змеиные, в квадратных банках. Пять штук. Как живые. Значит, я в этом подвале не первая. Понятно.

Здесь нашлись и полезные вещи — на стене в красном застекленном ящике висел хирургический набор — пила, колотушка для анестезии, ланцеты, скальпели, я выбрала топор. Короткий, с удобной ручкой, с острым как бритва лезвием. Хорошая вещь, такой в девятнадцатом веке корабельные хирурги рубили руки и ноги. Ну и мне пригодится. Я перехватила топор получше и двинулась дальше, рассчитывая обнаружить арсенал, склад взрывчатки, выход. На выход я надеялась не очень, скорее всего, выходы взорваны, но мало ли.

Медицинский отсек закончился коридором, разнообразием подземная архитектура не баловала.

Коридор на этот раз, правда, сухой и светлый.

Я ощутила усталость. То есть я ничего не успела толком ощутить, меня повело, я запнулась за стену, упала. Попыталась подняться, но это уже не получилось, пол тянул, гравитация давила, убивает не высота, убивает гравитация...

Я уснула еще на ногах.

А проснулась уже лежа лицом в пол. Кажется, я сломала еще один зуб. Он лежал рядом, сиротливо и одиноко, никому больше не нужный. Неожиданно для самой себя я этот зуб пожалела, взяла и спрятала в карман. Глупый поступок, но в такой обстановке начинаешь совершать глупости. Волосы же я собираю? Чего тогда зубами разбрасываться? Какой это по счету? Десятый, не меньше.

Сколько проспала, не знаю, может, пять часов, а может, пять минут, какое время в коридорах? Или пять дней. Эта неожиданная вспышка боевой ярости, во время которой я расправилась с анакондой, даром не прошла, хотя сейчас отоспавшись, я чувствовала себя гораздо лучше.

Надо выбираться.

Поднялась на ноги, неожиданно бодро себя ощущая, за время сна восстановилась, но настроение не улучшилось, в голове оставались пустота и раздражение.

Решила пройти вперед еще немного, посмотреть. В выходах я уже сильно сомневалась, но на всякий случай, кто его знает? Мало ли что? Я ненавижу тайны, но иногда с ними приходится мириться.

Коридор выглядел вполне себе безопасно. Кое-где на стенах были нарисованы картинки, причем некоторые, как мне показалось, были нарисованы совсем маленькими детьми. Цветочки. Собака с большой квадратной головой. Слон. Дорога, пальма, солнышко, стены были разрисованы разноцветными мелками от пола почти до середины.

Буквы еще.

Сначала я пыталась складывать их в слова, затем эти попытки оставила, потому что слово получалось всегда одно: «мама».

Иногда на стенах встречалось и странное — настоящие маленькие картины, в основном природа. Мне особенно понравилась одна — море в самый разгар солнечного дня и над морем птицы, похожие на фиолетовых чаек. Похоже...

Не знаю почему, но от этих рисунков мне стало гораздо страшней, чем от анаконд в затопленных коридорах. Рисунки указывали лишь на одно — когда-то здесь жили дети.

А теперь они здесь не жили.

Теперь здесь водились змеи.

Это был жилой сектор. Небольшой совсем, всего пять боксов. Двери открытые, решила проверить.

Боксы здесь были больше, комнаты больше, мебель лучше. Настоящая мебель, дорогое дерево, кожа, ткань. Личных вещей почти никаких, несколько старых игрушек, пластмассовые поломанные машины, плюшевые звери, при прикосновении распадавшиеся в разноцветную пыль.

Пыли вообще оказалось много, она лежала на полу толстым ковром, серела на предметах, свисала со стен лохмами. Дышать в запыленных боксах было трудно, я оторвала от рубашки рукава и сделала из них респиратор, немного, но помогло.

От пыли тут же начали слезиться глаза, но два бокса я все-таки проверила.

Ничего, что заслуживало внимания. Игрушки, обувь, разношенная и непонятная, корзина. Предметы, по которым толком ничего сказать нельзя, они могли принадлежать кому угодно и когда угодно. То есть не кому угодно, детям — вряд ли взрослых интересовали игрушки и карандаши.

А вот четвертый бокс меня удивил. Конечно, после трех анаконд меня было сложно чем-то удивить, но все же...

Бокс оказался выжжен изнутри. Вся мебель, все стены, пол, пластик, металл, все. Причем огонь был настолько силен, что некоторые металлические вещи расплавились и

лежали на полу лужицами. И даже стены кое-где утратили форму и стекли к полу. Странный пожар. На пожар не очень похоже, если честно, не видно места, где он начался, казалось, что в боксе просто поднялась температура и комната спеклась, я находилась точно в печке.

Неприятное ощущение.

Можно было покопаться в углях, однако находиться в этом помещении мне совсем не хотелось, хватит с меня сегодня смерти.

И я направилась в бокс по счету пятый.

Тут мне пришлось удивиться еще сильнее. Гораздо сильнее. Определенно, странное место, самое странное место здесь.

Здесь было светло. Каким-то чудом здесь сохранились все светильники, и все они горели. И мебель стояла на своих местах, стулья возле стола, кресло под канделябром. Диван.

Я давно не видела такого дивана — настоящий, покрытый красивой попоной. Ковер. Вернее, половик, тоже красивый, вязанный из плетеных разноцветных веревок. Самодельная лампа, из хрусталя, полированной меди, дерева. Коллекция камней. Горшок с цветком, я в цветах не очень понимаю, но этот красивый и видно, что вот-вот расцветет.

Здесь когда-то жила девчонка, в этом можно было не сомневаться. По аккуратности, по какому-то уюту, по стенам даже. Стены бокса раскрашены, вернее, разрисованы. Одна стена, та, которая напротив входа, представляла собой картину, самую настоящую.

Горное ущелье, тенистое и солнечное одновременно, ущелье расступалось на переднем плане, в нем блестело озеро с красивой молочно-синей водой, на берегу озера росли удивительные — какие могут придумать только девчонки — цветы. Справа был берег, коса, состоящая из прозрачного изумрудного песка, по которому бродил черный до синевы конь. Вдалеке дом с черепичной крышей, с трубой, с белыми стенами, с изгородью, окруженной плющом.

А по озеру плыл дракон. Сначала мне показалось, что это лебедь — только странной пестрой расцветки и с раздерганными перьями, гадкий такой лебедь, угодивший в краску, а потом в оцип.

Дракон.

Я вдруг заметила, что картину пытались закрасить. Синей краской, зеленой краской, несколько раз. Картину с драконом закрашивали, а потом опять отмывали, а потом закрашивали, и так много раз.

Странно. Жили здесь долго и считали это место своим домом, явно.

Я задела подвеску на лампе, и вдруг, совершенно вдруг лампа ожила, внутри ее щелкнуло, и началась музыка. Запина-тая, хрипловатая и непонятная, кажется, марш. Почему-то эта заикающаяся лампа произвела на меня скверное впечатление, мне захотелось ее заглушить, но я не знала как, поэтому я поступила просто — взяла и накрыла ее одеялом. Но и под одеялом она продолжала шевелиться и трещать. Можно было, конечно, сломать, но я постеснялась ломать чужие вещи.

Продолжила осмотр. Заглянула в шкаф и здесь тоже обнаружила интересное. Одежду. Нормальную человеческую одежду, а не эти уродливые комбинезоны с синими рубашками, от которых меня давно тошнит. Здесь были джинсы. И куртка. Свитера. Несколько штук, мне больше всего понравился красный. Я примерила.

Точно мой. Словно это я носила его всю жизнь, даже рукава были закатаны так, как нравится мне — широко. Ворот высокий, до подбородка, в таком свитере можно жить. Я бы жила в таком круглосуточно, и спала бы тоже в нем, отличный просто свитер. Жаль, что взять его с собой нельзя. Чужое. Сколько ни стирай, все равно будешь знать, что не твое.

Я вздохнула.

На стене висело зеркало, я посмотрела, не удержалась, зеркала вообще такие штуки, мимо которых трудно пройти, не заглянув.

Я выглядела примечательно. Даже очень, не думала, что могу так выглядеть. Дико. Яростно, что ли. Даже без «тесл».

Волосы слипшимися клочками торчали в разные стороны в бешеном беспорядке, а в некоторых местах их, кажется, вообще не осталось, проглядывала синюшная кожа черепа с красными потеками. Лицо расцарапано, причем многие царапины глубоки, после них наверняка останутся шрамы — еще бы, мордой о бетонную стену как следует повозили, такое даром не проходит. Заражения бы не случилось. Как вернусь, возьму у Дрюпина тормознухи, протру. Кто его знает, чем эти поганые змеи могут болеть?

Глаза — отдельная песня. Зрачки расширены, как разбежались от ужаса, так в нормальное состояние и не вернулись, отчего лицо приобрело мрачное вампирское выражение, гляну на Дрюпина, он и перепугается. Да он и так, наверное, перепугается.

Под глазами полопались сосуды и образовались такие тяжелые отвисшие мешочки, выглядит это по-упырски, я достала маленький ножик-мизинчик, хотела мешочки вскрыть, но потом передумала — лишняя инфекция ни к чему. Ничего, похожу так.

С ушами тоже проблемы. Ушей я едва не лишилась, расплющили их здорово, а правое и надорвали. Если начнет зарастать диким мясом, может в итоге получиться уродливо. Пусть, с ушами потом станем разбираться, главное, на месте, все-таки оставаться совсем без ушей неохота, привыкла я к ним. И потом, я все-таки собираюсь когда-нибудь обзавестись серьгами. Да, да, хочу серьги, браслет и много колец. Хочу нормальной жизни. Счастливой. Веселой.

Я улыбнулась. Наверное, лучше бы я этого не делала. Хотя...

Зубы выглядели страшно. Гораздо хуже, чем уши. Спереди сверху оказались выбиты два, еще два раскрошены, сломаны наискосок, многих вообще не осталось. Зубы стали зловещими, так я сказала себе. Угрожающими. Пожалуй, зубы я оставлю. От них все будут шарахаться, вот улыбнусь Дрюпину, посмотрю на него черными глазами и скажу: «Ах, мой милый Дрюпин, что-то бифштекса хочется. С кровью».

Еще парочка зубов раскачивается, выпадут при первой же возможности. Причем зубы эти уже жевательные, если они выпадут, придется заказывать у Дрюпина мясорубку, портативную, чтобы носить в кармане. Пригласят меня к английской королеве, подадут там какой-нибудь британский шницель или не знаю что, а я такую мясорубочку на стол поставлю и вперед. Королева заплачет и пожалует мне имение в заморских территориях, небольшую виллу у моря. И прослезится.

Я улыбнулась еще раз.

Снова себя я не узнала, впрочем, меня это расстроило не очень. Какая разница?

А красный свитер мне очень и очень, жаль расставаться. На самом деле, как для меня. Интересно, что там еще...

Я полезла в шкаф и потянула на себя нечто вязаное, зеленое, в черную полоску, думала, что пальто.

На пол упал альбом. В черной коже, показавшейся мне знакомой, приглядевшись, я обнаружила, что кожа змеиная. Кожа анаконды. Что за место такое чертово, вокруг одни анаконды, пакость какая, я поняла, я ненавижу змей. Они воняют.

Альбом тяжелый, пухлый, из-под обложки торчат уголки фотографий. Чужие фото. И снова интерес. Любопытство — не лучшее качество. Я взяла штырь, сместилась в сторону и осторожно откинула обложку — долгое общение с техническим гением планетарного уровня приводит к тому, что начинаешь быть осторожной. Откроешь альбом, а тебе в глаза нашатырь какой распылится или иглы отравленные, всего можно ожидать.

Альбом оказался безопасным, под обложкой ничего явно смертоносного не обнаружилось, только письма. В самодельных конвертах, с самодельными марками, без адреса. Сначала я думала, что это какие-то посторонние письма, и не хотела их читать, и вообще, я не привыкла читать чужие письма...

Это я зря сделала. То есть решила прочитать. Даже смотреть не стоило... Одним словом, когда я взяла первое письмо, я...

Письма коротенькие, на пару страничек каждое. Нет, зря, не надо было... Не надо было вообще сюда соваться...

Я спрятала письма в карман и взялась за альбом.

Некоторые фотографии выглядели очень необычно. Люди, изображенные на них, были лишены лиц, кто-то старательно выцарапал их. На других лица были густо замазаны чернилами. На третьих...

В самом конце альбома обнаружилась одна неизуродованная фотография.

Хотя сам снимок неудачный, сделанный явно автоспуском камеры, установленной то ли на камнях, то ли на перилах.

Мальчик и девочка.

Они сидели на небольшом изогнутом мостке над узкой извилистой речкой. Свесив ноги. Девочка показывала пальцем куда-то вверх. А мальчик как раз начал оборачиваться на камеру, и тут сработал затвор, лицо получилось размытым, похожим на серое пятно. Девочка сидела спиной, ее видно вообще не было.

Простая фотография. Ничего особенного. Но именно от этой фотографии меня пробрало каким-то просто неземным ужасом, точно там, за кадром, болтался повешенник.

Стало плохо. Опять. Захотелось немедленно отсюда убраться. Я бросила альбомчик и выбежала в коридор...

Снова заморгал свет. Почти сразу же задрожали стены, где-то далеко по коридору загрохотало, видимо, обрушивался потолок. Пол на секунду провалился, потом я врезалась в стену, я сгруппировалась и приземлилась на пол. В этот раз трясло долго, но не так сильно, мелкой неприятной дрожью, отовсюду, и снизу, и сверху, и с боков, доносился мощный неприятный звук — треск ломающегося железобетона. А потом вдруг стало трудно дышать, коридор точно наполнился горячей стекловатой, от которой немедленно зачесалась кожа. Я успела задержать дыхание и не пустить вату в легкие, поползла вдоль стены, стараясь выбраться из этого облака.

Пыль. Цемент, истертый в мельчайший порошок, смешанный с чем-то едким, то ли с газом, то ли с паром. Эта взвесь катилась по коридору, а я уползала от нее. В темноте.

Воздух заканчивался. Я уходила от этой палящей тучи, но, конечно, не ушла. Упала на живот, прижавшись лицом к рукаву.

Вдохнула...

В легкие ворвался огонь. Я выдохнула и стала корчиться, потому что это было больно, очень больно, точно внутри включились лампочки.

Вдохнула еще. Все. Темнота.

Очнулась я от зуда. Кожа зудела, я чесалась. Чесала руки, ноги, плечи, голову, чесала зверски, видимо, в той пыли все же была стекловата. Я была вся в крови от расчесов, ногти были сломаны и выворочены, и болели, боли было так много, что я ее уже не очень-то и чувствовала.

Зал со стулом. Красный свет. Сажусь на стуле.

Каким-то образом я оказалась здесь. Не знаю как. Видимо, провалилась в... куда-то. В люк. Наткнулась на лестницу, сбежала по ней, скорей всего, так. Какая разница? Жива. Чешусь, без зубов, но жива.

Будущее есть.

Надо будет сюда вернуться, подумала я. Уговорить Дрюпина. Пусть пару дней поголодает, а потом ничего, в трубу просунется как-нибудь. А если уговариваться не будет, то я его немного вдохновлю, и он уговорится, никуда не денется. Он наверняка сможет здесь отыскать то, что не увидела я- Что-нибудь полезное. К тому же вдвоем веселее. Анаконд здесь

нет, Дрюпину нечего бояться. Вместе мы тут отыщем что-нибудь, это точно, возьмем противогазы...

Что-то изменилось. В воздухе проснулось неуловимое движение, свет загорелся ярче, из темно-красного он перешел почти в оранжевый, вспыхнули другие лампы, возник ветерок, я ощутила его колыхание на лице.

Почему-то я опять подумала о Дрюпине. Дрюпин перепугался до того, что по-быстрому изобрел какую-нибудь адскую машину, и вот-вот стены раздвинутся и покажется сам технический гений с дрожащей нижней губой и дурно пахнущий.

Но вместо этого свет опять погас. Лампы замерцали на максимальной яркости, и свет оборвался. Именно оборвался, как будто исчез, словно его прикрыли непроницаемой черной занавеской. Воздушное движение усилилось, и на этот раз это был не затхлый ветерок подземелий, а свежий ветер, мне показалось, что с привкусом моря, хотя я никогда на море не бывала вроде бы...

Ветер стих. Я думала, что после этого лампы зажгутся, но темнота продолжалась. Я достала фонарь и попробовала его зажечь, нажала на кнопку, фонарь не включился. Нажала еще. С тем же успехом. Я постучала фонарем по колену, опять попробовала включить.

Диоды не горели. Зажигалкой пользоваться нельзя, она промокла, значит, тьма.

И вдруг...

Я едва не подскочила, стул скрипнул подо мной протяжным голосом, я сама едва не вскрикнула. Как же я не видела! Нет, то есть я видела, я даже об этом вроде как думала, но осознать не могла. В мозгу точно пелена висела, сквозь которую я не могла продавить простую, собственно, мысль. Вывод ведь лежал на поверхности! Только слепой не мог этого увидеть!

В пятом боксе был цветок. Живой цветок! Живой настоящий цветок!

И пыли там не было — как это могло мне не броситься в глаза?!!

В комнате кто-то прибирался, я в этом теперь совсем не сомневалась. Вытирал пыль, мыл зеркало и поливал цветок.

То есть в нашем подземелье периодически появлялся кто-то. А значит, отсюда был выход. Надо вернуться. Вернуться, оставить записку...

Шаги. Медленные и тяжелые, они приближались... откуда-то... и это были не только шаги, вместе с ними приближалось скрежетанье, точно кто-то скреб по стене железными когтями. Усталый, очень-очень усталый человек, отягощенный своей судьбой, и с железными когтями... Или призрак?

Или мой психоз — неожиданно я поняла, что шаги стихли. Тот, кто явился сюда, он или затих и слушал, или...

Или его вовсе не было?

Я перепугалась. Гораздо больше, чем от анаконд, мне совсем не хотелось видеть этого человека. Или не человека, не знаю. Я как-то заранее знала, что гость этот страшен и темен и что никакая анаконда не годится ему в подметки, что от него надо бежать. Бежать как можно дальше.

Бежать!

С разгона врзалась в стену, опустилась на четвереньки и поспешила вдоль, стараясь нащупать люк, ведущий в трубу слива. Наткнулась на него почти сразу, нырнула и поползла, через десять метров остановилась и достала туннельную бомбу. Надо отрезать ему путь...

Дернула за кольцо. Десять секунд. За десять секунд я вокруг земли оббежать успею.

Бомба не взорвалась, бомба запищала. Как сотня крыс, я почти сразу оглохла. Потом хлопок. Воздух в трубе сжался, и меня выстрелило, как пробку. Пролетела метров двадцать, особенно пострадали локти и колени. Я стерла их почти до костей.

Впрочем, во взрыве бомбы был и положительный момент — до выхода на склад

осталось не так уж и далеко. Правда, ползти пришлось на спине. Но ничего.

Дрюпин спал. Он закрылся в броневице и храпел внутри, громко и спокойно, даже будить было жалко. Я постучала по броне. Дрюпин дернулся и, кажется, ударился головой, звук, во всяком случае, получился пустой.

— Это ты? — спросил Дрюпин, прекратив стучаться.

— Я.

— Ты, Сирень? — Дрюпин отвалил бронированную дверь, настороженно выглянул.

— Я, идиот, — дружелюбно отозвалась я.

— Ты, — выдохнул он с облегчением. — Вижу, что ты. Выглядишь... Страшно. А я думал, что тебя мыши съели.

— Не съели, — ответила я.

— Почему?

— Потому что я их убила.

ДНЕВНИК 6

Здравствуй, дорогой дневник!

Волосы.

На фоне общей разрухи организма это не так уж страшно. Клык, когда увидел меня, едва не расплакался. Клава постучала себя кулаком по лбу. А Дрюпин смеялся, говорил, что я стала похожа на Бабу-ягу, только ступы мне не хватает. До тех пор, пока я ему не рассказала про анаконду. После этого он как-то сразу потемнел и помрачнел. А я ему еще про шаги рассказала. Ну, тут он совсем стал землистым и отправился к себе в бокс, лежать и думать, как нам отсюда выбраться. Ну, может, телепортацию изобретет. И мы наконец телепортируемся. Туда, на берег моря.

А пока мне плохо. Лежу в новом боксе на пластиковом диване, пропахшем пылью, кашляю. В легких все-таки осела эта дрянь, и она не дает мне нормально дышать.

Коростой еще покрываюсь. Приходила Клавдия с баночкой мази, сказала, что взяла в медпункте, но, мне кажется, она сама ее сделала. Из каких-нибудь секретных слизней. Во всяком случае, воняет мазь омерзительно. Но, по уверениям Клавы, чрезвычайно целебна. Особенно в случае коросты.

Короста на самом деле доставляет массу неудобств, я покрыта коркой, как Мировой океан сушей, и эта корка не дает нормально жить. Потому что чешется. Потому что пошевелиться нельзя — корка сразу трескается, и из-под нее брызгает кровь.

Локти и колени — отдельная песня. И ребра еще, кажется, сломаны. Одним словом, удачно сходила на разведку.

А волосы почти выпали.

Глупо, но это меня раздражает. То есть нервирует. Вот именно волосы. Не знаю. Мне кажется, что это лучевая болезнь, ничего не могу с собой поделать, думаю. Первым делом, проснувшись на следующий день после анаконды, я проверила — выпадают. И кажется, сильнее, чем раньше. Если так, то я скоро стану похожа на Дрюпина. Или на Клыка. Интересно, у Клавы есть волосы? Она все время ходит в косынке, если и она лысая, то у нас тут просто заговор лысых. Или на самом деле радиация. Зубы и ногти ведь тоже выпадают.

Радиация. Или еще что похуже.

Достала дневник, переписала вчерашний день. Зачем-то. Для потомков. Про анаконду. Про шаги. Не скажу, что как-то дневник меня успокоил, но что-то в этом было. Пока писала — не чесалась, так что от дневника есть польза. Потом читала письма, которые раздобыла. Читать их было вполне удобно, автор заботливо их пронумеровал.

Странное чувство. Я веду дневник, в котором привожу чужие письма. Как матрешка. В каждой новой матрешке другая матрешка, и так нет этим матрешкам конца.

Письмо. Решила провести некий эксперимент...

1

Ну, и привет.

Это мое первое письмо. Я совсем не знаю, про что в письмах пишут. Про погоду?

Про погоду как-то глупо, потому что мы живем рядом и погода у нас одинаковая. Про дела? Это неинтересно, наверное. А про что больше?

Целый вечер думала и решила про первую встречу. Помнишь? Я до сих пор вспоминаю, каждый раз смеюсь и помню — тогда был четверг. Четверг, июль и как раз хорошая погода, а я пошла за можжевельником, он как раз созрел. Хотела набрать ягод и сварить можжевельниковое варенье, попробовать хотелось, говорят, оно сильно от насморка помогает и вкусное. А еще хотела лук сделать, настоящий первобытный лук. У реки я нашла множество

наконечников от старинных стрел и копий, все очень острые, вот и решила смастерить лук, посмотреть, как раньше стрелялось. Пошла в можжевельник, а там волки, лежат, загорают, толстые, как поросята. Я этих волков не знала. У нас километрах в десяти от базы две семьи жили, в оврагах, я их знала хорошо, они меня никогда не трогали. А в можжевельнике были совсем чужие волки, какие-то большие и черные, с тяжелыми лапами, то ли новички, то ли просто мимо проходили. Но они, конечно, на меня не набросились, они на тебя набросились.

Я как увидела — так чуть челюсть от хохота себе не вывихнула. Иду, собираю ягоды, смотрю — волки суеются под сосной. А на сосне мальчишка сидит и шишками в волков швыряется. А волки рычат, прыгают, слюной брызгают. А ты как меня увидел, ругаться стал, отзови волков, отзови волков — а как я их тебе отзову, если они незнакомые? Волки и на меня кинулись, злые, как собаки. Я им говорю — спокойно, спокойно, не бойтесь, а они окружили меня и смотрят. Пришлось садиться на кочку и объяснять. Через полчаса волки успокоились и отправились пить, а ты слез с дерева. И сказал, что, если бы не я, ты всем этим жалким шавкам поот-резал бы хвосты, из зубов понаделал бы ожерелий, из ушей сувениров, да, а из отрезанных хвостов отличные украшения для шапок.

Я сказала, что волки — упорные животные, что они сидели бы под этой самой сосной сколько угодно, хоть месяц, по очереди, до тех пор, пока не дождались бы своего. А ты сказал, что в упорстве волкам не уступишь, даже наоборот. Что ты и сам можешь сидеть на дереве хоть месяц, пить росу и дождевую воду; питаться корой, хвоей и редкими короедами, что волков ты как котят...

Ну, и так далее. Я помню, ты хвастался минут пять, рассказывая, как боролся с волками, тиграми, снежными барсами, крокодилами и варанами, и всех, всех побеждал с помощью железной воли, находчивости и твердой руки, и что жалкая шайка каких-то там волчат — это тебе раз плюнуть.

Я не стала с тобой спорить, сказала, что собираю ягоды. А ты сказал, что тоже пробовал их есть, но едва зуб не сломал, внутри у них ведь косточки. Вот мы и стали собирать, ведро целое нарвали, а потом еще гуляли. Ты кидался камнями и лупил палками по соснам, а я слышала, как чуть за нами справа крадется по подлеску волк, из новых. Волки тут тоже странные, ведут себя кое-как, за территорией не очень следят, что для волков неправильно. Я пыталась их научить, но они все раздолбай и разгильдяи, как волки себя вести не хотят. Хотя сейчас не о волках совсем.

Мы шли по лесу и болтали о разном. Не о прошлом, конечно, а о будущем. Ты рассказывал про то, что хочешь стать путешественником. Что недавно ты прочитал «Дети капитана Гранта» и теперь хочешь увидеть мир. Погрузиться на парусник, чтобы никаких паровых машин, а только ветер и паруса.

А я рассказывала, что хочу завести зоопарк. Но не такой, где звери сидят в клетках и тоскуют по вольным просторам, а другой — где звери бродят на свободе и даже и не знают, что они в зоопарке.

Ближе к вечеру мы вышли к ручью, и ты сказал, что пора нам что-нибудь съесть. Я предложила бутерброды, про которые я сама забыла, но ты сказал, что этого допустить не можешь, сказал, что за восемь минут ты, во-первых, разведешь костер, а во-вторых, наловишь рыбу, сказал, что обучен особой школе ловли рыбы, старинному индейскому методу — ловле руками. Я не поверила, а ты полез в ручей, чтобы доказать, и тут же провалился в яму и весь промок. А потом еще провалился под коряги. Одним словом, это было смешно. Рыбы ты, конечно, так и не поймал, зато тебя покусали раки, зеленые и коричневые. Это было смешно. Потом ты развел костер под деревом и повис на ветке над огнем, сказал, что будешь висеть до тех пор, пока не просушишься, сказал, что умеешь висеть по полтора часа, потому что специально тренировал крепость пальцев по методу китайских воинов. Но,

конечно, полтора часа ты не провисел, и даже получаса не провисел, через пятнадцать минут свалился прямо в костер и здорово обжег себе пятки. А потом мы сидели у костра и жарили бутерброды с колбасой, это было очень-очень вкусно.

Потом мы двинулись к базе, шагали по насыпной дороге среди зарослей иван-чая, среди северных цветов и запахов меда, и почти уже возле самого дома я вспомнила, что мы даже не познакомились. Я сказала, как меня зовут, и ты немедленно спросил, в честь кого меня так называли. А я соврала. А вот когда я спросила, как зовут тебя, ты немедленно начал врать. Я сразу это поняла — ну кто в здравом уме назовет сына в честь рыцаря Круглого стола? А ты сказал, что у тебя есть и простое имя, для обывателей и всяких прочих окрестных людей. Что тебя зовут Пашика. Не Павел, не Пабло и не, упаси господи, не Павлик. Только Пашика. Всех тех, кто смеет тебя называть по-другому, ты безжалостно расстреливаешь из противотанковой плевалки, а потом закапываешь на заднем дворе, под вязами.

Так мы и познакомились. Ничего вроде необычного не произошло, но я помню этот день до сих пор. Я помню все дни того лета.

Вот такое письмо. Не знаю, правильно ли у меня получилось. Как-то я даже увлеклась, написала много. Почти рассказ. Да, еще вспомнила, ты стихи тогда еще читал. Свои. Мы шагали над речным берегом, а ты читал. Они смешные такие были и не очень складные, все про ежей-самоубийц, наверное, даже не стихи это были, а настоящая баллада. Как они в ранний утренний час выходят к автострадам с болью в сердце и уверенностью во взоре, и в знак протеста против того, что ухудшается экология и в солидарность с китами бросаются под колеса машин, успев перед смертью крикнуть «Во славу Сен-Дени». Смешно.

Ладно, до свиданья. Пиши давай и ты, только, пожалуйста, что-нибудь интересное. Вот как про ежей, только не в стихах. Про ежей в рассказах. Роман про то, как ежи идут в свой ежиный Эльдorado...

Короче, пиши. Я буду ждать.

С.Л.Л

Не поняла, это что? Начала переписывать, а оно раз — и затянуло, точно за руку ухватило, пока до «С.Л.Л.» не дописала, не остановилась. С.Л.Л., значит. Интересно, что это? Ну, первая «С» это, конечно, смерть. Смерть Лемурам-Лопухам? Смерть Ленивым Ленивцам? Смерть Левым Лыжам?

Ну их, эти письма. Даже читать больше не буду. Нехорошо. А вообще, чем дальше, тем запутанней.

Только я успела об этом подумать, как в дверь постучались.

Заявился Дрюпин. С какой-то баночкой неприятного цвета.

Я чуть не рассмеялась — как они обо мне, оказывается, заботятся. Лечат. Клава, Дрюпин, наверное, Клык, если бы мог толком передвигаться, тоже чего-нибудь бы приволок.

— Это что? — спросила я. — Бальзам из печени тритонов?

Баночка выглядела подозрительно, подозрительней баночки Клавы, не знаю, мне показалось, Дрюпин наскреб где-то со стен бордовой плесени и наделал из нее питательного крема.

— Эликсир, — объявил Дрюпин. — Должен помочь.

— Что?

— Эликсир, говорю. Сам сделал. Там машины, я достал запаски и снял подшипники, а из них выплавил вазелин. Технический, конечно, но чистый. Им можно мазаться...

— Ты дурак? — спросила я.

— А что? Это нормальная штука, она органическая.

— Мне что, голову ею мазать?

— Да. И раны.

— Ты дурак, — сказала я уже утвердительно. — Впрочем, я уже привыкла.

— У меня бабушка голову солидолом мазала, — сообщил Дрюпин. — Знаешь, какие у нее волосы были!

— Во-первых, у тебя не было никакой бабушки. Во-вторых, мажься сам.

Дрюпин поморщился. Он взял баночку и принялся нелепо вертеть ее в руках,

— Я хотел как лучше. Я же не виноват, что в эту трубу не пролез бы...

Это он угрызениями совести мучается. Пусть, пусть помучается, некоторым полезно.

— Ладно, — сказала я. — Прощаю. Можешь оставить свою мазюку.

— Там в медпункте еще от ожогов есть...

— А от зубов нету? — перебила я. — А то у меня всю зубы выпадают.

Я улыбнулась.

Дрюпин отвернулся, стал смотреть в сторону.

— Это у тебя авитаминоз, — сказал он. — Витаминов не хватает, вот зубы и выпадают. В медпункте витаминов нет, только рыбий жир старый, так он уже просрочен, никакой пользы...

— Ладно, не сдохну, — отмахнулась я. — Потом фарфоровые вставлю.

— Я слышал, и волосы тоже пересаживают... — начал было советовать Дрюпин, но я поглядела на него пронзительно, и он замолчал.

И я молчала, пальцами на ногах двигала, они у меня почти не пострадали.

— Да ты не переживай, — снова попытался меня успокоить Дрюпин. — Нам бы отсюда выбраться, а там все в порядке будет. Все вылечимся и будем жить, как хотим. Я вот оптимист...

— Ты просто с анакондами не встречался, — сказала я. — После этого как-то... Утрачиваешь веру в человечество.

— Я в человечество и не верил никогда.

Я закашлялась. Долго так кашляла, Дрюпин терпеливо ждал, а потом из солидарности тоже закашлял. Кашлять на пару с Дрюпиным было глупо, и я кашлять перестала.

— Знаешь, — Дрюпин потер горло. — Знаешь, я не все тебе рассказал...

— Это ты о чем? — спросила я. — Про тайну своего рождения? Ты, наверное, принц? Извини, Дрюпин, я сейчас не смогу этого вынести.

— Ты тогда спрашивала, что я видел последнее на нашей базе.

— Ну? — я насторожилась.

— Я видел, — Дрюпин поморщился. — Видел. Но не в последний день, немного пораньше. Помнишь, там под конец строгости начались? Несколько месяцев назад.

— Помню.

— Хотя ты, наверное, плохо помнишь, ты тогда в лазарете лежала...

— Я помню! — нервно сказала я. — Помню.

— Тогда еще бардак был страшный, помнишь?

— Помню! Помню!

— Не нервничай, что так нервничаешь?

Я промолчала. Про то, как мне сломали нос и устроили трещину в челюсти, я вспоминала совсем недавно.

— Там кое-что произошло... Наверное, важное...

— Ну?

— Седой еще больше поседел, — попробовал пошутить Дрюпин. — Ван Холл прилетел весь зеленый...

— Короче, — попросила я.

— Короче, — кивнул Дрюпин. — Короче так. Это утром было, меня разбудили почти в три, сказали, что с вертолетами какие-то неполадки, а что именно, не сказали. Я собрался, побрел на вертолетную площадку. Но оказалось, что мы на вездеходах выдвигаемся. Короче, там было две группы десантников и техническая команда...

Дрюпин рассказывал с паузами, это несколько раздражало, но я решила, что перебивать его не буду. А то еще совсем забудет.

— Мы погрузились в вездеход и отправились, значит. Ты же знаешь наши вездеходы, на шинах низкого давления, они везде пролазят, я погрузился в один, а главный инженер в другой. Вообще, я очень сомневался, что вертолеты могли упасть. То есть оно, конечно, может упасть, но я ни разу не слышал, чтобы они падали. Там многократный дуближ всех систем, это почти невозможно... Короче, через полтора часа мы нашли первый. Он на самом деле упал в лес, поломал деревья. Эскейп-система сработала, пилота на месте не было. Я отправился разбираться с вертолетом, остальные стали искать пилота...

Дрюпин почесался.

— Я сразу заметил — что-то не так. Вертолет не просто упал, его уронили. Причем это была не ракета — ни одна ракета не может завалить «Беркут», собственно, ни одно современное портативное оружие, разве что лазерный разрядник. Но из него не попасть в вертолет. Там был оторван хвост. Ты представляешь, что надо сделать, чтобы оторвать хвост у «Беркута»?

— Примерно.

— Примерно... — передразнил Дрюпин. — Нужен кумулятивный заряд, либо промышленный резак, либо... Короче, спецтехника. Оторвать хвост в полете практически невозможно! Кроме того...

Дрюпин опять замолчал.

— В театральную студию не хочешь записаться? — поинтересовалась я.

— Зачем? У нас тут и так театр. Рассказываю дальше?

— Рассказывай.

— Там корпус был оплавлен. Конечно, термоустойчивость у вертолета не такая, как у танка, но проплавить его достаточно сложно. Но вертолет был проплавлен... Хотя не так, не проплавлен... броня с него просто облезла, как вареная кожа. То есть в короткий промежуток времени в небольшом объеме была создана температура ядерного взрыва.

— И что?

— И то. Броня слезла, а внутри все обуглилось, сплавилось в кусок практически, я никогда такого не видел, весьма странный характер повреждений.

— И что это означает? — спросила я.

— Вот слушай дальше. С этим вертолетом было все ясно, хотя чем его сожгли, я так и не понял. Мы отправились к другому вертолету, он, по данным воздушной разведки, упал дальше, километрах в двенадцати, в болотах. Вот тут все и началось по-настоящему. Сначала мы заблудились...

— А навигаторы?

— Навигаторы отключились. Едва мы вышли на болота, все навигаторы отключились, как и радиосвязь, мы оказались в тишине и уже почти в сумерках. Там с болот поплыл туман, и мы шли почти наугад и очень медленно...

Дрюпин замолчал, открыл баночку с вазелином и принялся задумчиво смазывать свою лысину. Я решила его не отвлекать, пусть мажет, глядишь, быстрее расскажет.

— Там местность оказалась малопроходимая, деревья подгнивали и падали, и вездеходы с трудом продвигались. Уже почти в темноте заметили пилота — он так и болтался

на парашюте, зацепившемся за сосну. Без сознания, мы его с трудом вниз стащили. С нами был доктор, он его немного в сознание привел.

Дрюпин сказал это драматично, почти шепотом.

— Он откусил себе язык, — сказал Дрюпин. — Не целиком, но почти половину. Он что-то мычал и глаза выпучивал, а сказать так ничего и не мог, только кровью брызгал. Доктор попытался ему сделать укол... Короче, пилот выхватил у нашего доктора шприц...

Ну вот, подумала я. Опять очередная гадость. Мало, что ли? И так в жизни одна сплошная дрянь, и вот теперь очередная жесткая история.

— Мы его, конечно, связали и вкатили ему тройную дозу, но он все равно ворочался. И мычал. А я еще тогда подумал — с чего это вдруг он откусил язык? Я про такое вообще не слышал — чтобы человек перепугался до такой степени, что отгрыз себе язык. Он все время в небо показывал... Короче, мы отправились дальше, ко второму вертолету...

Дрюпин поежился.

— Мне как-то не по себе было...

Дрюпину было не по себе, в этом ничего удивительного. Дрюпин боялся, потому что они углублялись в тайгу, а из средств навигации у них работал только компас, да и тот пошаливал. Компас пошаливал, и небо неприятно светилось красным, инженер, возглавлявший поисковую партию, предположил, что, видимо, проблемы в магнитосфере, возможно, мощный выброс на солнце, повлиявший на тончайшую электронику вертолетов. Дрюпин не верил в выброс на солнце. Это весьма напоминало работу Установки, однако она не могла работать, Дрюпин в этом не сомневался — во время переброски Волка расплавились все четыре генератора, и за это время успели заменить только один. Установка была ни при чем, а небо светилось и светилось.

Вездеход держал курс по автопилоту, скоростью километров десять, и к вертолету они вышли лишь к полуночи. Машина лежала на острове посреди трясины, но проход найти не могли долго, а когда добрались до него, оказалось, что вездеход пробраться не может — окрестности заросли мелким, но чрезвычайно густым березняком, сквозь который пробиться можно было только пешком.

Через березняк пробирались два часа, при этом становилось все темнее и темнее, туман не расстилался над землей, а отчего-то поднимался вверх, на несколько метров, перекатывался тяжелыми клубами, был похож на вспухшее стеганое одеяло. Вертолет лежал в разных местах, кусками. Он был просто разорван, сломан, как игрушечная модель, разбросан по сторонам, куски оплавленные и кое-где обугленные, но Дрюпин этому уже не очень удивлялся. Потому что происходило странное. Дрюпин чувствовал, что они на этом острове не одни.

Это было необычное ощущение, Дрюпину все время хотелось вжаться в землю, схватиться за нее, держаться. Небо, низкое и спрятанное за туманом, пугало. Это чувствовали и остальные, они то и дело поглядывали вверх и старались держать оружие под боком. Дрюпин не очень понимал, что ему здесь делать — вертолеты не подлежали никакому ремонту, а понять, что с ними произошло, не представлялось возможным. Он отыскал обломок побольше и стал отпиливать от него кусочки, для того чтобы произвести анализы, но вдруг погас фонарь. То есть Дрюпин его уронил в лужу, и стало темно, он стал искать фонарь, и вдруг ударил ветер, такой сильный, что Дрюпина сбило с ног.

А когда он поднялся, обломка вертолета уже не было. Он исчез, несколько тонн стали, сапфирового стекла и модифицированного кевлара исчезли, точно их бес языком слизнул. Дрюпин растерялся...

— Он просто исчез, представляешь?! Что-то уволокло его в небо... И тут же десантники начали стрелять, и все рванули к вездеходу, но его тоже не было, он тоже пропал... Короче, мы выходили из болота почти сутки, а вторая группа так на базу и не вернулась. Их потом искали, но не нашли.

Дрюпин замолчал. Он заглянул в банку и обнаружил, что весь свой эликсир на собственную башку и измазал.

Дрюпин вздохнул.

— Сказали, что это болотный газ. Сдвинулись пласты торфа, пошел газ, и мы его надышались, отравились, конечно. Вот и галлюцинации...

— Какие галлюцинации? — не поняла она.

— Ну, разные... Люди разное видели...

— И что? — спросила я. — Может, газ, а может, они на вас какую-то свою очередную пакость проверяли. В чем тут смысл? Ну, в этом вот твоим рассказе?

— Я знаю, что видел, — сказал Дрюпин серьезно. — И я знаю, что я не сумасшедший, что я не отравился никаким газом. Знаешь, там на острове я видел дракона.

Дрюпин опять выпучил глаза и потер лысину, понюхал пальцы.

— Что? Кого ты там видел?

— Как «кого»? Дракона, конечно. Черного. Он был даже не черный, а какого-то... еще более насыщенного цвета. Это была чернота... Как черная дыра, понимаешь? Как сама тьма. Она точно затягивала...

— Дракона?

Почему-то я не очень удивилась. Ну, дракон. После красных тварей с монетами в глазах...

— Он был огромен, — сказал Дрюпин. — Это трудно представить, понимаешь... Как межконтинентальный самолет, не меньше. Невероятен! И двигался...

Дрюпин закрыл глаза и потер голову.

— Он двигался так быстро, что я не успевал следить за ним. Он был как тень. Как призрак. Как будто ночь ожила и собралась в черную птицу. Ты мне не веришь, что ли?

Я верила. В последнее время я видела столько необычного, что легко могла поверить во все.

— Откуда, интересно, дракон? — спросила я. — Их что, тоже клонировали? Из динозавров, что ли?

— Не, — помотал головой Дрюпин. — Дракон — это другое. Его нельзя клонировать.

— Почему это?

— Потому что это... Это сказка.

Дрюпин улыбнулся. Счастливо так.

— Все равно непонятно, — сказала я. — Ну, дракон, ну, сказка. Нам-то от этого что?

— Не знаю. То есть я хочу сказать, что...

Дрюпин сбился, стал думать и опять начал протирать свою лысину.

— Помнишь, как Ван Холл рассказывал про Планету X? — спросил наконец он.

Как же? Забудешь такое... Правда, лично я считала, что это бред. Что Ван Холл совсем не похож на человека, способного выкинуть миллиарды на то, чтобы проникнуть в сказку. Хотя кто его знает, может, как раз это ему и хочется. Когда у тебя есть все, ты начинаешь хотеть странного.

— А может... — Дрюпин почесал головой. — Может, он тогда не врал?

Да. Когда у тебя есть все, начинаешь мечтать о странном.

ВЫМЯ И ПАТРОНТАШ

— И как чтение? — поинтересовалась Пара.

Она сидела на подоконнике и смотрела вниз, на город, лежащий под холмом. Город едва проглядывался за дождем, то выступая из воды серыми громадами многоэтажек, то исчезая за водопадами, и тогда начинало казаться, что дом стоит на острове, омываемом серым океаном.

— Чтение? — Зимин прилип к окну лбом. — Ничего. Немного безнадежности в дождливый день. Половину, наверное, прочитал. Увлёкся, знаешь ли. Вообще, надо признать — автор весьма удачно под мой стиль подделался. Имя только исковеркал.

— Как это?

— У меня Сирена. А тут...

Зимин похлопал тетрадью по колену.

— Тут Сирень.

— Забавное имя.

— Забавное, — согласился Зимин. — Мне нравится. Вообще-то, оно мне нравится гораздо больше, чем Сирена.

— Мне тоже больше нравится. Сирена это что-то... Древнегреческое, мрачное, демоническое. А Сирень — это наше.

— Угу.

— Не надо недооценивать графоманов, — сказала Лара. — В них тоже может быть польза.

Зимин кивнул.

Лара приложила к стеклу щеку и снова стала глядеть на город.

Окно было большое, как в старых домах, только расположено низко от пола и не забрано рамой. В окне можно было встать на ноги и только кончиками пальцев дотянуться до верхнего откоса. Из-за этого окна Зимин квартиру и купил.

Потому что окно сразу понравилось Ларе. Она даже заказала особо широкий подоконник, чтобы не только сидеть, но и при случае спать можно было. И чай вскипятить. И вообще, высота — это прекрасно, говорила Лара. Человек испокон веков к ней стремился, воздвигал башни и небоскребы, старался.

Зимин такой любви к высоте не разделял, но окно нравилось и ему, особенно вечером, на закате. Солнце садилось ровно напротив, на фоне оранжевого неба чернела городская линия, солнечный диск расслаивался в двойных стеклопакетах и от этого за окном опускались за горизонт фантастические два солнца — побольше и поменьше. Зимин смотрел и всегда ощущал себя на другой планете.

— Сирень... — Лара понюхала тетрадку. — Все-таки интересно, почему такое имя? Сиренью не пахнет вроде.

— Я сам хотел, если честно... В черновиках «Беовульфа» у меня была Сирень. Редактору не понравилось, пришлось поменять на Сирену.

— Зря.

— Зря.

— Слушай, Зима, ну а почему все-таки Сирень, а?! погоди, дай угадаю. В твоём классе училась девушка, и у нее была кличка Сирень, так? Из-за фиолетового цвета лица, правильно? А фиолетовый цвет лица у нее случился оттого, что ее мама работала на прядельной фабрике, и они выпускали джинсовую ткань. И вот однажды мать взяла свою дочь с собой, потому что бабушка, присматривающая за девочкой, отправилась на внеплановую спевку хора ветеранов сцены. Девочка пошла с мамой на фабрику и там уронила в чан с индиго. Спасти ее удалось, но после окунания она приобрела устойчиво-фиолетовый цвет

кожи. А так ее звали по-простому, Глафира. Или нет, ее звали Эсмеральда, в честь Виктора Гюго. Как?

Лара рассмеялась своей выдумке, сдвинулась чуть к краю подоконника и приложила к стеклу другой щекой.

— Нормально, — оценил Зимин. — Есть способности.

— Или так, — продолжала фантазировать Лара. — У девочки был глубокий мощный голос, и мама хотела, чтобы ее дочь стала оперной певицей. Поэтому она и записала ее в хор ветеранов сцены... То есть в хор подростковой студии «Колокольчик», конечно. Девочка пришла на занятия хора и стала петь, да так, что многие вокруг впали в странное состояние сознания, стали как будто зомби. И с тех пор девочку стали называть вот как раз Сиреной. Или Сиренькой, если уменьшительно-ласкательно.

— Тоже неплохо. Но на самом деле все проще.

— Опять кладбище, что ли?

— Ага. К бабушке ходил. Иду, иду, а потом вдруг вижу — Сирень Александровна. Могилка, кстати, ухоженная вполне, нормальная. Все просто.

— Ясно, — усмехнулась Лара. — Ты, как всегда, в своем кладбищенском репертуаре. А я, кстати, тоже, наверное, умею книжки сочинять, в этом ничего сложного нет. Может, мне стоит бросить поиски своей дурацкой работы и начать ваять нетленку, а?

— Попробуй.

— Подумаю. Хотя это, наверное, дико скучно, будем на пару сидеть дома, клацать по клавишам. Тоска. Потом еще убьем друг друга из-за творческих разногласий.

Лара поправила подушку и повернулась на правый бок, стала смотреть на дождь.

Она вообще любила на подоконнике жить, Зимин для нее специальный матрас даже купил, на липучках, чтобы не соскакивал. Чтобы можно было даже спать здесь иногда, в дождливые дни. Впрочем, в остальные дни Лара тоже любила на подоконнике валяться, с подушкой, с пледом, с книжкой.

За окном стемнело. Город окончательно утонул в льющейся слякоти, лишь иногда ветер, прилетавший с озера, разрывал воду, и в просветах казались желтые городские огни. Зимин хотел включить верхний свет, но передумал, потому что так было красиво. А еще красивей здесь будет зимой, подумал он. Так же темно, но в стекле будет отражаться украшенная елка, она как бы повиснет в пустоте, вместе со звездой и старинными игрушками.

В руке у Лары поблескивал полированный нож, она ковырялась им в тетради, пыталась разрезать переплет.

— Ты что делаешь? — спросил Зимин.

— Не знаю пока. Мне показалось, что здесь обложка слишком толстая. Зачем такой тетрадке такая толстая обложка?

Зимин не ответил.

— Знаешь, я совсем случайно заметила, гляжу — сбоку листик задрался, ну, я и решила поглядеть. Задняя обложка совсем обычная, а передняя толстая, будто склеенная. Такого ведь не бывает просто так...

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил Зимин.

— Ничего пока не думаю...

Лара продолжила изучать тетрадь.

— Так и знала, — Лара подцепила кончиком лезвия тетрадную обложку, дернула. — Тут тайник, между прочим.

— Тайник? — переспросил Зимин.

— Угу.

— А в нем карты сокровищ, — устало предположил Зимин. — Или лучше нет — карта порталов в измерение X! Реальность трещит по швам, Лариска! Пойду, приму мятных

капель.

— Не называй меня Лариской, — Лара показала Зимину кулак. — Мятных капель мне тоже можешь притащить. Только со льдом.

— Хорошо, — Зимин отправился в кухню.

Он посидел, прислонившись к холодильнику. Затем достал мятный сироп, тоник, лед, смешал, пшикнул из сифона. Вернулся к Ларе.

Лара все так же лежала на подоконнике. Она перебирала тонкие желтые листки, разглядывала их на просвет, сгибала.

Зимин сунул ей стакан шипучки.

— И что? — спросил он. — Похоже, что письма какие-то. Личные, видимо, иначе их не стали бы в обложку клеивать. Прочитала?

— Нет пока. Очень все это странно...

— Я скоро от слова «странно» вздрагивать начну, — сказал Зимин. — Все вокруг сделалось так странно, что иногда хочется танцевать.

— Нет, это действительно странно. Я еще толком не читала, но это письма к какому-то Пашке.

— К Пашке?

— Ну да.

— И что? Ты знаешь какого-нибудь Пашку?

Лара задумалась.

— Нет вроде. А ты?

Зимин промолчал.

— Они подписаны, — сказала Лара. — Они подписаны...

— Неужели это тайная переписка Тура Хейердала? — перебил Зимин. — Тогда это бесценная вещь! Кокосов отдаст за эти письма собственную почку! Всем известно, что Тур Хейердал обнаружил на острове Пасхи некие порталы в параллельные вселенные, а это наверняка зашифрованные карты...

— Они подписаны СЛЛ, — закончила Лара.

— Это, безусловно, все объясняет, — продолжал резвиться Зимин. — Письма подписаны СЛЛ. Безусловно, буква «Л» в данном контексте означает «Люцифер», то есть несущий свет. В традиции ордена иллюминатов...

— Ты что, не видишь? — шепотом спросила Лара. — Ты совсем ослеп?

Она сунула под нос Зимину лист пожелтевшей бумаги.

Бумага как бумага. Исписана от края до края, почерк красивый, пожалуй, с завитушками, которые показались Зимину знакомыми...

— Не узнаешь?! — спросила Лара. — Неужели ты не узнаешь?!

Зимин не узнавал. Он смотрел на тетрадные листы в клеточку, на буквы, складывающиеся в слова, и никак не мог понять, что он должен узнать.

— Это же мой почерк, — негромко сказала Лара. — Мой. Один в один просто. Зимин, неужели ты забыл мой почерк?

Зимин выхватил лист. Почерк был действительно похож. И он действительно его почти забыл, потому что давным-давно не получал настоящих, живых писем. Сам не писал, и Лара не писала.

— Докатились, — выдохнула Лара. — Интересно, откуда тут мои письма?

Она стала читать.

— Я его убью, — неприязненно сказал Зимин.

— Кого? — не отвлекаясь от письма, спросила Лара.

— Кокосова. Моховикова... Короче, этого героя, достал он меня. Слушай, Лар, мне кажется, это шутка такая...

— Не мои письма, — Лара свернула бумагу, сунула ее в тетрадь, тетрадь вручила Зимину. — Почерк похож, а письма не мои. Про какого-то Пашку...

— Про Пашку? Ах да, я ж читал...

— Знакомое имя?

Зимин пожал плечами.

— Тоже из области редакторской правки. Парцифалья на самом деле звали Пашка. Но у редактора имелось свое видение, ему Пашка слишком простецким показался. И он предложил сократить Парцифалья не в Пашку, а в Перца. Перец это, видите ли, с какого-то древнего означает «идущий напролом», что весьма подходит герою. Ну, я...

— Ну, ты не стал ломаться и согласился, — закончила Лара. — Похоже на тебя, дружок.

— Согласился, да. А что, мне было надобно бороться?

— Может быть. Хотя тебе видней. Был Пашка, стал Перец, одним словом, Парцифаль. А вообще, этот Кокосов интересный человечек, может, ты нас познакомишь?

— Нет, — отрезал Зимин. — Он же псих, неизвестно, что у него в голове. А может, он с оружием ходит?

— Да. С пулеметом в кармане. А еще он наверняка гипнотизер! Ввергает в транс!

Запиликал телефон. Он задрезбужал и пополз по подоконнику к краю. Лара поймала и начала разговор про морковь.

Зимин слушал некоторое время, потом отправился на кухню, запустил компьютер и связался с Евсеевым.

Евсеев обрадовался и стал тут же, не откладывая, рассказывать про то, что рейд у них намечается совсем нешуточный, надо мобилизовать силы...

— Стоп, — Зимин остановил поток стратегической активности. — Стоп. Слушай, Евсеев, у меня к тебе дело.

— Какое дело? — Евсеев перешел на официальный тон.

— По твоей специальности как раз дело.

— По которой? — осторожно поинтересовался Евсеев.

— Не прикидывайся, ладно?

— Ну, допустим, — вздохнул Евсеев, которому, казалось, совсем не хотелось выступать по своей основной специальности.

— Мне нужно узнать про одного человека.

Евсеев молчал, в трубке слышалось его пыхтение.

— Ничего такого, — успокоил Зимин. — Никакого компромата, просто данные. Телефон, где живет.

— Не знаю, не знаю, — равнодушным голосом сказал Евсеев. — Это все... Сложно.

— Это все ерунда, — перебил Зимин. — Ерунда.

— Ерунда не ерунда...

— Вспомни кости, — сказал Зимин. — Вспомни.

Евсеев молчал.

— Хорошо, — согласился Евсеев. — Называй фамилию.

— Кокосов, — сказал Зимин. — По матери Моховиков. Евгений. Кажется, Витальевич... Нет, Валентинович! Возраст...

— Десятки тысяч, — оборвал Евсеев. — Кокосовых Евгениев десятки тысяч, если не больше.

— Мне нужны живущие в нашей области.

— Хорошо.

Евсеев отключился.

Зимин попробовал дозвониться до отца, бесполезно, вернулся в комнату.

Лара спустила ноги с подоконника, закатывала рукава на свитере.

— Есть предложение, — сказала она.

— Из разряда?

— Из разряда актуального искусства. Вчера матери на работу прислали приглашения, она сама не пойдет, вписала нас. На презентацию приглашен весь городской бомонд, чиновники, деятели культуры, лучшие люди города, одним словом.

Зимин поморщился. Лучших людей он не очень любил, опасался их, старался держаться подальше.

— А что ты, собственно, морщишься? — поинтересовалась Лара. — Можно подумать, ты каждый день встречаешься с актуальным искусством.

— В прошлом году в оперу ходили, — напомнил Зимин.

— В прошлом году в оперу... — передразнила Лара. — Ходили, да. И можно было певцам рожи не строить, стыдно было.

— Они выглядели как идиоты, — возразил Зимин. — Когда я вижу, что взрослые люди выглядят как идиоты, я это транслирую им посредством мимики.

— Короче, Зима, — Лара потянулась. — Сегодня ударим по культурке. Приезжает выставка...

Лара стала вспоминать.

— Короче, очень известный человек, художник, лауреат всевозможных конкурсов, можно сказать, мировая величина. Фамилию забыла, но какая разница...

— Он что рисует-то? — спросил Зимин. — Пейзажи, натюрморт?

— Не знаю. Поедем, посмотрим. Только не на мотике на твоём дурацком, а на такси поедем — я хочу платье надеть.

— Зачем платье? — вздохнул Зимин. — Можно и в штанах пойти. Это же актуальное искусство, туда в платье надо осторожно. Мало ли.

Лара показала Зимину кулак. Он не стал спорить и отправился одеваться, управился за пять минут. Лара же потратила почти полчаса, а когда показалась, Зимин ее не узнал. То есть он ее узнал, но это была уже какая-то другая Лара, Лара нового качества.

Ей ужасно идет вечернее платье, подумал Зимин. Просто очень... Аристократично.

— Кстати, Зима, там будет банкет, — сказала Лара. — И я думаю, неплохой.

— Лучшие люди не могут потреблять искусство без банкета, — ехидно хмыкнул Зимин. — И я их понимаю. И я согласен.

Они спустились вниз и уселись в такси, выставка проводилась в культурном центре, на другом конце города, туда и отправились.

Лара разговаривала, рассказывала, как она понимает творчество, чем искусство отличается от неискусства и почему это интересно, и что неплохо бы купить пару хороших картин, на стенах есть явно пустые места, Зимин же думал об истребителях. О том, что можно покататься, всего за полмиллиона. Наверное, полет на «Су-27» очень похож на полет на драконе. То же самое, только быстрее. Подняться над облаками, увидеть солнце, оно там наверняка еще есть, что-то он соскучился по солнцу. Говорят, если солнца долго не видеть, то начинаются проблемы с психикой. Галлюцинации всякие, голоса. А еще уши отгнивают. Говорят, что Набережную подтапливает, а в домах заводятся огромные пищащие слизни. Говорят, что люди пропадают, говорят, что мертвецы стали подниматься... Хотя нет, мертвецов он, кажется, сам выдумал. Хотя это, наверное, было бы не плохо — ну, восстание зомби. Это очень пошло бы всему окружающему состоянию, мертвецовая осень как раз.

— Говорят, что мертвецы из могил поднимаются, — сказал Зимин. — На северном кладбище восемь могил разрытых нашли, могилы есть, а мертвецов нет.

— Зима! — попросила Лара. — Не нагнетай.

— Точно! — подтвердил водитель. — У меня у соседей дедушка домой заявился, а он, между прочим, еще три года назад как окочурился. И совсем почти как новый. Пришел, собаку из будки выгнал и давай жить. Соседи сначала напрягались, затем привыкли. К тому же от старика одна польза — питается он совершенными обедками, а как грибы ищет!

Зимин и Лара поглядели на водителя с испугом, а тот вдруг рассмеялся. Лара с облегчением вздохнула, а Зимин нет, Зимину казалось почему-то, что таксист не шутит.

— А вообще-то много чего происходит, это да, — таксист прибавил скорости. — Слухи разные ходят. Про колодцы слышали?

— Нет. А что с колодцами?

— В них паразиты, — сообщил водитель. — Все колодцы заражены паразитами. Причем не обычными, а теми, что в Атлантическом океане водятся, по телевизору передавали. Эти паразиты попадают в кровь, доползают до сердца — и все, как-то. Вроде бы и некоторые скважины уже заражены, так что воду только из бутылок можно. А еще в реке устрицы завелись, а икра у них ядовитая...

— Приехали, — громко сказала Лара.

Выставка современного искусства располагалась в здании Дома культуры железнодорожников, они выбрались из машины и сквозь дождь побежали в сторону клуба, украшенного многочисленными гирляндами и фонарями оранжевого цвета.

Внутри Зимину понравилось — большой зал с картинами, светло, тепло, много народа, пахнет елкой, при входе девушки, одетые в костюмы мышей и телефонов. Девушки поздоровались и выдали Зимину и Ларе буклет, Зимин прочитал вслух:

— «Вымя. Время. Патронташ». Выставка известного актуального художника Серафима Прибылого и товарищей... А мне здесь нравится, знаешь ли. И вымя, и патронташ — вечер обещает быть интересным, не зря поехали.

— Зимин, я тебя прошу, — Лара поглядела на него проникновенно.

— Молчу-молчу. Просто я думал, что вымя и патронташ-

Зимин рассмеялся.

— Это очень похоже на название панк-группы. Внимание-внимание, сегодня впервые в нашем городе группа «Вымя и Патронташ»! Покупайте билеты! Солист Серафим Прибылой! Альбом...

— «Левая Тишина», знаем, знаем.

— Всегда знал, что Прибылой — гений, — сказал Зимин. — Он, кстати, в какой технике работает? Икрой пишет? Кроличьим пометом?

— Неоригинально, — ответила Лара. — Совсем неоригинально. Вообще, веди себя прилично, я тебя прошу.

— Ага, — Зимин принюхался.

Пахло едой. Весь холл клуба был заполнен людьми, они тоже пахли, но сильнее всего пахло едой. Зимин втянул воздух, чтобы определить направление.

— Ты куда? — спросила Лара.

— К столу, — пояснил Зимин. — К столу, к столу, только так. Боюсь, после современного искусства аппетит у меня пропадет, хочется успеть пораньше вымени. Так что я пожру, а ты можешь пока к культуре приобщиться.

Пара кивнула и смешалась с толпой, Зимин занялся питанием.

Стол был хорош, Зимин оценил это издали. Вдоль стола толпились люди в хорошей дорогой одежде, в руках у этих людей белели маленькие тарелочки со всевозможными угощениями, люди жадно набирали еду, гремели стеклом и железом, переговаривались и толкались локтями.

Зимин вздохнул и принялся действовать последовательно. Первым делом он подошел к

столу, взял блюдо с кусочками сыра и сгрузил этот сыр в корзинку с хлебом. В результате этого маневра Зимин получил тарелку по площади в три раза большую, чем у остальных, и продолжил наступление. Он вклинился в толпу, отодвинул худосочную барышню, увлекавшуюся салатами, и приступил непосредственно к ценной пищевой продукции. К подкопченному лососю, кальмарам в горчичном соусе, печеночным паштетам, фаршированным икрой перепелиным яйцам, к соленым груздям, к крабовому желе в укропе. Зимин не стеснялся, оттеснял корпусом тощую художественную интеллигенцию, загружал еду, заливал соусы, накалывал на шпажку виноград и маслины и продвигался вдоль фуршетного стола. Он наступал на посторонние ноги, говорил «пардон, мадам», «виноват», «да ладно» и «черный квадрат», а иногда просто подмигивал. Когда он от стола все-таки оторвался, на тарелке возвышалась гора разнообразной еды, разноцветная и аппетитная, Зимин вздохнул, подумал, что есть в жизни и приятные моменты. И, может быть, он совсем зря пренебрежительно относился к современному искусству, в нем определенно имелась своя прелесть.

Зимин устроился в уголке, принялся угощаться и размышлять о превратностях судьбы художника. Этих художников вокруг было много, и ни один из них Зимину доверия не внушал, потому что все они были тощи, много разговаривали, жадно ели, передвигались с апломбом и поглядывали друг на друга с презрением. Все ждали, когда начнется вернисаж или как оно там называлось.

Зимин отыскал глазами Лару. Она беседовала с молодым человеком в клетчатом костюме и с красным шарфом, по виду, по крайней мере, поэтом. Поэт горячился и размахивал руками, Лара кивала. Зимин подумал о том, что неплохо бы, наверное, отвесить этому поэту по поэтическому заливку, и уже собрался пойти немного понарываться, спросить у поэта, как он относится к творчеству Рылеева и уважает ли он поэта Третьяковского, но тут к Зимину подошла девушка и поинтересовалась, не он ли есть известный писатель Зимин.

Девушка держала в руках тарелочку с морскими продуктами, то ли каракатицами, то ли осьминогами. Зимин отметил, что они похожи на маленьких Ктулху, зеленого цвета и с многочисленными щупальцами.

— Так вы, значит, писатель? — осведомилась девушка.

Зимин промолчал.

— А я читала «Темную материю».

— И как? — неосторожно спросил Зимин.

— Так себе, — девушка проткнула Ктулху шпажкой и раскусила пополам. — Так себе, мне не понравилась. Конечно, почитать можно, так, для школоты...

Девушка сморщила носик, то ли Ктулху оказался дрянным на вкус, то ли книжка ей не понравилась еще больше Ктулху.

— Это потому, что ты дура, — сказал Зимин.

Он взял шпажку, выбрал каракатицу побольше, проткнул ее и отправил в рот.

Попробовал пожевать, но сразу разочаровался, морепродукты были так себе, со вкусом морской капусты из ближайшей кулинарии.

— Опять левиафанов с запашком завезли, — Зимин скривился и выплюнул полупережеванную массу девушке в тарелку. — Как жить?

Девушка поперхнулась и закашлялась, громко и сдавленно. Зимин поднялся из кресла и с силой и удовольствием стукнул ее кулаком в спину. Девушка крикнула, полупережеванный Ктулху вылетел у нее изо рта и попал на колени дамы, сидящей напротив. Та завизжала.

— Дура-дура, — сказал Зимин и двинулся прочь от ценительницы своего творчества.

Аппетит пропал, Зимин с сожалением вручил тарелку первой встречной пожилой растерянной женщине, с виду заслуженной работнице культуры, она растерянно на него посмотрела, а Зимин сказал:

— Это вам, мадам, от мэтра. Он восхищен вашей красотой. После чего направился к Ларе и поэту, но не дошел, поскольку объявили начало мероприятия и ценители искусства толпой устремились в выставочный зал. Зимина поволокло за ними, хотя он и сопротивлялся, опасаясь оказаться вдруг в самой гуще актуального искусства.

Но оказался.

В выставочном зале ошутимо пахло мазутом, а с потолка капало в тазы, причем сразу в несколько мест, Зимин не смог понять — это дырявый потолок или художественное произведение? Решил, что все-таки произведение, слишком уж нарочито капало. Но народу, кажется, нравилось, зрители смотрели вверх с восхищением, Зимин тоже посмотрел и обнаружил под потолком кита. Скелет его то есть. Зимин пригляделся и обнаружил, что в костяном брюхе кита болтается еще несколько скелетов, уже человеческих, и еще несколько книг в старинных обложках.

— Это «Ионычи», — сообщил Зимину восторженный дедушка с аккуратной бородой. — Гениально, высоко, вы не считаете?

Зимину не хотелось огорчать благообразного дедушку, и он согласился, что гениально, с этим не поспоришь. Дедушка вдохновился и решил быть Зимину экскурсоводом, Зимин согласился, и они погрузились в яростный мир современного искусства.

Художник Прибылой оказался плодовит, его ученики от своего вождя тоже не отставали, зал кинотеатра оказался заполнен всевозможными произведениями, одно чуднее другого. «В поисках Папы Карло», «Энди Уорхолл овердрайв», «Спин Оза», «Guttenberg FM», «Комната моего детства»... Зимин плелся мимо творений, а старичок объяснял ему, что именно хотел сказать художник. С объяснениями современное искусство выглядело гораздо интереснее, Зимин даже ощутил ко всем этим художникам некую приязнь, оказалось, что это не просто тряпки и ржавые железки, оказалось, это многоплановые художественные объекты, достойные всего. Впрочем, продержаться долго у Зимина не получилось, на инсталляции «Заблудшие лисы» он почувствовал некий перебор и решил вернуться в буфет, обрадовать себя чем-нибудь прохладительным. Однако, оказалось, всю газировку, квасы, лимонады, равно как и обычную воду, уже выпили, так что пришлось Зимину взять фруктового мороженого.

Вообще-то он ненавидел фруктовое мороженое, еще с детства, с той тяжелой, до глухоты в ушах, ангины, но в буфете ничего холодного не нашлось, поэтому Зимин взял две порции апельсинового льда и принялся с отвращением его грызть.

За этим его и застала Лара.

— Ты будешь смеяться, — сказала Лара. — Громким безрадостным смехом.

— Да я и так смеюсь, — Зимин продолжал хрустеть апельсином. — Громко и безрадостно. Спасибо тебе, Лара, это самая смешная пятница за последние полгода. Последний раз я так смеялся, когда Никус застрял в швейной машинке, а ты ее случайно включила.

— Нет, ты будешь смеяться по-настоящему, я тебя уверяю.

— Я и сейчас по-настоящему смеюсь.

Зимин взял и расхохотался. Раскатисто и идиотски, он так специально тренировался. Расхохотался, и все в буфете на него посмотрели, ну, примерно как смотрят на осквернителя святынь, а Лара тут же стукнула его кулаком в лопатку.

— Ладно, — прокашлялся Зимин. — Пойдем, посмотрим твое смешное.

Она потащила его куда-то в сторону, они протиснулись сквозь сгустившийся возле инсталляции «Пергамент» кружок ценителей и оказались в сумрачном углу, задрапированном выцветшими старыми материями, располосованными длинными царапинами, точно над ними поработала рысь или просто большая кошка. И опять Зимин не смог определить — это так задумано или это так получилось, хотя это было и не очень важно.

В углу под ободранными драпировками стоял старомодный столик из черного дерева,

покрытый потертым зеленым сукном. На столике красовалась печатная машинка конструкции позапрошлого века, впрочем, Зимину вполне знакомой.

«Ундервуд».

Легендарный, у него у самого такой имелся, оставшийся по наследству от прапрабабки-машинистки, отреставрированный и надежный, как танк «Т-34».

Мертвый. В смысле, «Ундервуд» — в клавиатуру, как раз между буквами «р» и «о» был врублен штык. Длинный штык, то ли от австрийской, то ли от французской винтовки. Заслуженный, с многочисленными царапинами и зазубринами, указывавшими на славную боевую судьбу, с чуть потемневшими долами. Зимин немедленно представил, от чего могли потемнеть эти долы — от квашеной капусты, это если штык работал на кухне и им рубили припасы в щи, или от крови, если им кололи свиней, или они потемнели от своего прямого назначения, когда штык еще служил и убивали им совсем не животных, Зимин все очень хорошо это представил.

А сейчас лезвие штыка врезалось в машинную плоть, рассекая ее почти пополам, машинка поблескивала развороченными стальными деталями, которые вырывались из раны, точно внутренности, что производило немного удручающее впечатление. То есть не немного, штык, пробивший печатную машинку, удручал сильно. А еще Зимин вдруг понял, что это, пожалуй, талантливо. Вот эта самая работа, она его зацепила. Неприятно, как-то страшновато, пожалуй, а если еще подумать... Хорошо, что рядом не оказалось объяснительного старичка, но и без старичка Зимин видел, что «Ундервуд» убили. Закололи, как свинью. Прирезали. И что если взять и оторвать машинку от стола, на зеленом сукне обнаружится бурое кровавое пятно неправильной формы. Точно-точно.

В каретку был заправлен лист чуть желтоватой старинной бумаги, Зимин напряг зрение и увидел чуть неровные печатные буквы, на бумаге было написано «краткая история тьмы».

Зимин отметил, что название, в целом, нормальное, неплохое, как бы обещающее. Краткая история тьмы... А если вот так — «Краткая история Тьмы», то и вообще всю серию можно было бы так назвать. Не безликие «Хроника Страны Мечты», а вот так. Потому что ведь все, в сущности, сводится к появлению Тьмы, здравствуй, Тьма.

— Ну, как? — спросила Лара. — Впечатлило?

— Пожалуй. Это интересно. То есть я вижу мысль...

— Ты не понял, — остановила Лара.

— Что я не понял? Тут, по-моему, все понятно...

— Ты на автора посмотри, — посоветовала Лара. — Еще больше впечатлишься.

Зимин отыскал медную табличку. Табличка оказалась прибита небольшими медными гвоздиками к ножке стола, и чтобы ознакомиться с фамилией творца, Зимину пришлось согнуться почти впополам.

Работа, само собой, называлась «Краткая история тьмы», автором же ее являлся некий С. Тытырин.

— Тытырин, — прочитал вслух Зимин. — Тытырин...

Он поглядел на Лару.

— Мало ли...

Если честно, Зимин не знал, что сказать. Тытырин. Да. Совпадение. Нормальное совпадение...

— Вот и я думаю, — кивнула Лара. — Совпадение то еще.

— Чего только не бывает...

Зимин огляделся.

Зал был заполнен людьми. Они разговаривали, смеялись, ели и пили и выглядели очень, очень ненастояще. А пробитая штыком машинка наоборот. Реально. Так реально, что Зимин сделал шаг назад, испугался, что реальность эта может обжечь.

Головокружение. Зимина повело в сторону.

— Что с тобой?

— Да так... — Зимин отмахнулся. — Не то съел. Маринованные левиафаны сегодня были решительно третьей свежести, тошнит немного. Я пойду... Попью водички.

— Давай-давай. А я еще поброжу вокруг, глядишь, еще что интересное найду. Снегиря, к примеру. Тытырин и Снегирь, Снегирь и Тытырин.

Лара хихикнула.

Зимин поспешил на воздух.

На ступенях Дома культуры он остановился и привалился спиной к высокой и сырой круглой колонне. Воздуха не хватало. Его было много вокруг, Зимин дышал, но казалось, что где-то посередине вдоха воздух перехватывал кто-то другой, тоже не надышавшийся, так что до легких почти ничего не доходило.

И тошнило. Тошнило, чертовы маринованные левиафаны, не надо было их даже пробовать, это ведь явное отравление, желудок, непривычный к подобной пище, вот-вот не выдержит и...

Зимин озибался в поисках кустов, куда можно укрыться, но тут появился Кокосов. Взял и выступил из-за соседней колонны, точно нарочно поджидал.

А ведь и поджидал. Поджидал, зараза!

Зимин попробовал разозлиться, но сделать это в состоянии тошноты оказалось непросто.

— Добрый вечер, — сказал Кокосов.

— Удивительно добрый. Приобщился к современному искусству, отравился подводной дрянью, теперь ты, Кокосов. А что потом? На город нападёт Годзилла?

— Годзилла, хе-хе, смешно... Кстати, вполне может и напасть, вода в реке все поднимается и поднимается.

— Годзилла подкрался незаметно, — выдохнул Зимин. — Так всегда и бывает.

Кокосов рассмеялся и снова сделался серьезным.

— Вы видели? — спросил он сумрачным голосом.

— Видел?

— «Краткую историю тьмы»?

— Ее. И что? Людей с фамилией Тытырин в мире полным-полно. Совпадение. Мало ли Тытыриных на свете? И не надо рассказывать мне про рок.

— А как же Тьма?

— А что Тьма?

— Это знак, — Кокосов обреченно покачал головой. — Вам показан еще один знак, а вы все упорствуете и упорствуете. Поверьте, ничем хорошим это не кончится.

Кокосов тяжело вздохнул.

— Для кого не кончится? — поинтересовался Зимин.

— Для вас. Для всех нас.

Кокосов снова вздохнул.

— У меня есть знакомый гирудотерапевт, — сказал Зимин. — Могу рекомендовать. Очень помогает, знаете ли.

— Знаю, знаю, у вас это в книжках часто проскакивает — про пиявок.

— Да? — удивился Зимин. — А я и не замечал.

— Со стороны иногда гораздо виднее. Вы любите вспоминать про пиявок и Влада Цепеша, любите мотоциклы, холодное оружие, еду. В голове, опять же, у вас все время что-то кружится.

— Знаешь, Кокосов, я чрезвычайно утомлен современными художниками, — сказал Зимин. — Ощущаю, что в моей душе образовалась некая брешь. И чтобы ее заполнить,

мне непременно нужно съездить кому-нибудь по морде.

— Вы должны написать пятую книгу.

— Что я должен сделать? — спросил Зимин. — Не расслышал. Мне кажется, ты сказал что-то про литературу?

Он начал незаметно разворачиваться, выставя левую ногу чуть вперед, а правой рукой начиная незаметно почесывать подбородок.

— Вы должны написать пятую книгу, — твердо объявил Кокосов. — Обязаны.

— Ах да, конечно, — ухмыльнулся Зимин. — Сейчас, только за профитролями сбегаю.

Зимин ударил. Правый боковой, точно в подбородок, от такого удара Кокосов должен был осыпаться на асфальт мелким прахом.

Но в этот раз Кокосов оказался подготовленнее и быстрее, уклонился, выпустил из рукава длинный продолговатый предмет, ткнул им Зимина в плечо.

Шокер, успел подумать Зимин.

Тряхануло сильно. Зимин щелкнул зубами и стукнулся лбом, обо что, не заметил. А Кокосов не отступал и ужалил Зимина еще, на этот раз в подбородок.

То ли шокер не успел зарядиться, то ли еще что, но второй удар Зимин перенес спокойнее, всего лишь на секунду потемнело в глазах. А когда он очнулся, то обнаружил себя в зале выставки. Он стоял, покачиваясь перед странным сооружением, похожим...

Зимин определил его как термитник. Здоровенный такой термитник желтого цвета со стальными кронштейнами, вероятно символизировавшими... Зимин не сумел понять, что именно они символизируют, в голове у него вспыхивали искры, отчего Зимин не очень хорошо воспринимал действительность.

Его качнуло вперед, Зимин расставил руки и обхватил термитник. На ощупь и вкус термитник оказался похожим на кактус. Только рыхлый, он разошелся под пальцами Зимина и обрушился на Зимина сверху, залив его неприятной липкой жижей.

Тут Зимина стошнило. Два раза. И стало легче. Он вытер лицо и перевернулся на спину. Вокруг восторженно хлопали посетители, и Зимин с ужасом и отвращением понял, что хлопают ему. Видимо, зрители восприняли его падение в термитник как часть художественной композиции. Жизнь удалась.

Он попытался подняться, но не получилось, и он снова ухнул в желтую жижу. Вокруг лопались фотовспышки, Зимину хотелось провалиться сквозь пол, и, желательно, чтобы там, под полом, был бассейн.

— Зима, что с тобой? — спросила откуда-то сверху Лара.

— Вымя... — прошептал Зимин. — Вымя и патронташ. Это всё.

ДНЕВНИК 7

Здравствуй, дорогой дневник.

Мыслей много. Болею. Сажу в боксе. Вернее, лежу, сидеть тоже больно. В потолок смотрю. Температура вроде бы поднимается, во всяком случае, чувствую, как голова живет отдельно от тела, точно висит в воздухе, а все остальное болтается где-то снизу. Видимо, все-таки инфекция. Или заражение крови. Если инфекция, то ничего, можно побороться. Если заражение крови, то все, с ним не поборешься. С нашими медицинскими запасами. Последние антибиотики потратили на Клыка...

Я решила про это не думать, решила отвлечься. О другом подумать.

Вообще, хочется писать, но не получается — все дрожит. Мелкой дрожью, стены, пол, потолок. И гул наверху, совершенно непонятно, что за гул, угрожающий. Если пробуешь писать, буквы расплываются, ползут, чернила растекаются по бумаге, так что пишу мало.

Опять явился Дрюпин. Принес из столовой поднос. Сообщил, что Клава еще больше сошла с ума и всю вяжет из проволоки жилетку, что Клык впал в затяжной сон. А он сам сходил в столовую, там тоже ничего хорошего — от дрожи все подносы перемешались, на некоторых полопались упаковки, так что там теперь все залито протухшей и скисшей едой, и добывать провиант в этих условиях затруднительно. Но для меня он, конечно, постарался.

Я есть не стала, аппетит отсутствовал, значительная часть зубов тоже, вместо еды спросила, откуда дрожь.

— Похоже на вулканическую активность, — сообщил Зимин. — Или на тектоническую.

— Нас что, теперь лавой затопит?

— Вряд ли. Хотя... Возможно, это что-то техническое.

— В каком смысле?

— Возможно, реактор. Системы охлаждения...

— Только не говори про ядерный взрыв!

Дрюпин отвернулся и стал постукивать пальцами по столу.

— Современные атомные станции имеют большой запас автономности, — Дрюпин поглядел в потолок. — Даже если реактор пойдет вразнос, взрыва не последует. Скорее всего... Но я думаю, что это не реактор, это гидростанция. А шум — это сброс воды или какие-то неполадки. Так вот...

— Ты письма прочитал? — перебила я. — Те, что я тебе вчера давала?

— Прочитал.

Дрюпин достал из кармана письма, вернул мне, почесал подбородок.

— Ну, что скажешь?

— Скажу... — он продолжал чесаться. — Скажу вот что. Это...

Он потрогал письма пальцем.

— Это, судя по всему, проект «Двина».

Дрюпин вытянул ноги.

— Насколько я понимаю, это именно он. Помнишь, у нас в подвале тоже были анаконды — их еще в аквариумах держали, а Сид их передушил?

— Помню.

— Волк рассказывал, что его на этих анакондах натаскивали — скорость восприятия форсировали. Но все равно она у него не доходила до эталона...

Я кивнула.

— Так вот, ходили слухи... — Дрюпин покачал головой. — То есть не слухи, а так, крупницы, оговорки...

— Не тани, — потребовала я.

— Вроде бы раньше был некий проект «Двина», — сказал Дрюпин. — Такая же база, как наша, только где-то совсем далеко. Чем занимались — непонятно, вроде бы как обычно, супероружием. Но наткнулись на странный побочный эффект...

— Какой?

Дрюпин пожал плечами.

— Что-то связанное с пространством, точно не знаю. Ну а наш «Пчелиный Волк» — это, можно сказать, вторая серия. На «Двине» какие-то неполадки возникли, перемудрили что-то... Не знаю.

— А может, это и есть «Двина»? — спросила я.

— Что? — не понял Дрюпин.

— Я говорю, что, может, вот это... — я постучала в стену рукой. — Может, это и есть «Двина»?

— Как... — Дрюпин принялся думать.

Думал он интенсивно, краснел, вращал глазами, грыз ногти и вообще.

— Если это так, — сказал он через минуту. — Если это так, то нам очень крупно не повезло.

— Нам очень крупно не повезло уже давно, — напомнила я.

— Это да. Но сейчас я не об этом говорю. Понимаешь, если это проект «Двина», то тогда...

Дрюпин указал в потолок.

— Что тогда?

Дрюпин залез на стол, подтянул к себе стул, поставил стул на стол и дотянулся до вентиляционной решетки.

— Любая база подразумевает систему безопасности. Особенно база, на которой занимаются всякими... экспериментами. Тактический ядерный заряд, вакуумная подземная бомба. Тут, скорее всего...

Дрюпин дернул за решетку, решетка вывалилась легко, Дрюпин стал смотреть в трубу.

— Тут, скорее всего, твердая вода.

— То есть? — не поняла я.

Дрюпин поморщился.

— Дрянная штука, — он продолжал смотреть в потолок. — Очень дрянная. В случае опасности в коридоры сбрасывается вода, сразу из нескольких резервуаров. Вода смешана с особым агентом, он практически не влияет на вязкость. Когда вода заполнит объем, в нее выпускают некий катализатор.

Я уже догадывалась, что происходит после того, как в воду входит катализатор.

— Вода сворачивается в суспензию, которая через несколько минут переходит в твердь. И все умирают. Ну, или по старинке — жидкий бетон.

И все умирают.

— Жарко тут у тебя... — Дрюпин вытер лоб. — Жарища просто... неимоверная. У тебя температуры нет?

— Нет, — ответила я.

— Дай-ка...

Дрюпин потянул ладонь к моему лбу, я треснула ему по руке.

— Нет у меня температуры!

— Как скажешь... Дрюпин насупился.

— Как скажешь. Может, и нет...

Он уставился на мое распухшее и раскореженное колено. Я перехватила взгляд и натянула на ногу плед.

— У тебя нога распухла ведь, — сказал он. — Тебе надо...

- Мне надо отоспаться, — отрезала я. — Вот и все, что мне надо.
- Покажи ногу!
- Отвали.

Но Дрюпин не отвалил, наоборот, быстро вцепился в плед и дернул его на себя. Я перехватить не успела.

Опухоль сползла от колена к ступне. Нога стала похожа на испорченную колбасу. Красная, гладкая. С прожилками. И уже начала темнеть. Гангрена. Приехали. Всегда мечтала.

- Дерьмо... — Дрюпин побледнел. — Красота. Что теперь делать?

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

- Да не надо нам моркови, мы ее не едим...
- Как не едите? А салат с чесноком? Зима скоро, а у вас ни заготовок, ничего.
- Мы на зиму в Калининград хотим съездить, — сказала вдруг Лара. — Пожить там...
- Понятно, — мать громыхнула крышкой от ведра с морковью. — Понятно, все понятно, вы, значит, в путешествие отправляетесь. В теплые места...
- Лара поняла, что про Калининград она зря сказала, и попыталась тут же исправить ситуацию.
- Мы ненадолго. И по делу. Виктору заказали книгу, очень интересная работа...
- А твоя работа где? — спросила мать. — Ты когда найдешь?
- Зимой обещали, — соврала Лара.
- Понятно. Зимой. Значит, зимой.
- На лице у матери отразилось страдание.
- Мне хорошее место обещали, — соврала Лара. — А пока хотели отдохнуть...
- Ты же говорила работать?
- Ну да, работать... — Лара почувствовала, что запуталась. — Да какая разница?
- Никакой, — мать нервно пожала плечами. — Никакой разницы. Делайте что хотите, мне-то что? Твоего-то вчера показывали по телевизору.
- Мать ехидно усмехнулась.
- Хорош, писатель. — Мать стала зачем-то доставать кастрюлю из посудного ящика, кастрюля сопротивлялась, кухня наполнилась грохотом. — Хорош! Валяется в желтой пене, все его фотографируют, все смотрят, все культурные люди, а он на ногах не стоит! Тьфу!
- Лара поняла, что спорить бесполезно, будет только хуже. Надо уходить. Брать припасы и влачиться домой через дождь. Мука.
- И что же сейчас подделывает этот мастер слова?
- Работает, — ответила Лара.
- Лара с печалью поглядела на сумку, из которой выглядывали крышки трехлитровых банок с солеными огурцами. До остановки почти километр, тащить банки не хотелось, и Лара стала придумывать, что неплохо бы эти огурцы оставить где-нибудь под кустами. Но потом вспомнила, что мать наверняка потребует банки вернуть, потому что в этих банках она мариновала помидоры еще когда был жив отец...
- Лара представила, как она станет стоять возле дороги, вытаскивать из банок рубленые патиссоны и философски раскидывать их по окрестностям, под дождем, под дождем.
- Работает он... Лежа работает?
- Почему лежа, сидя.
- Понятно. Сидя, значит, работает, работага.
- Мать принялась складывать морковь в сумку.
- Дурью мается — вот что он делает. Зачем он юридический заканчивал? Мог бы давно найти себе работу нормальную, а он все на диване лежит! Мотоцикл купил! Мотоцикл за миллион! Это хоть один нормальный человек купит себе такое? Можно было пять машин купить! А у дяди Васи его «Жигули» еле ездят, он их все ремонтирует и ремонтирует...
- Лара хотела было начать ругаться, сказать, что дядя Вася придурок и сам виноват, и что когда Виктор бегал по издательствам, дядя Вася над ним глумился и всегда спрашивал при встрече: «Ну что, «Муму» сочиняется?»
- Но Лара знала, чем может это закончиться. Криками о том, «что мы университетов не кончали», «мы на трех работах вкалывали», ну, может быть, еще про «детки выросли, а кружку воды принести некому».

— Мотоцикл купил! — Мать отбросила морковь в сторону. — Мотоцикл! Я четвертый десяток в этой хрущобе барахтаюсь, а он...

— Значит, тебе квартиру, а дяде Васе «Жигули»?!

— Мог бы и помочь! — крикнула мать. — Дядя Вася вам сколько раз картошку подвозил...

— Один! Один раз! И дрянную — всю в фитофторе! Он привез ее потому, что свинья у него ее не жрала! И что — я ему должна быть по гроб жизни благодарна?!

— Да ты никому не благодарна! Никому! И Витька твой тоже! На мотоцикле гоняет! Лучше бы машину купил! Скоро холода наступят, зачем ему мотоцикл?!

Лара поднялась из-за стола и вышла в коридор.

Мать устремилась за ней и продолжила перед дверью:

— Ну, конечно, умные стали. Сама с первого курса ушла, институт бросила...

— Я в другой буду поступать, — заявила Лара.

— В другой она будет... — Мать постучала морковкой по косяку. — Так разве можно жить? Не понравился институт — в другой пошла, не понравился город — в другой переехала! Что у вас постоянное-то? Ничего! Я вам говорила — давайте дачу побольше купим...

— Чтобы морковки побольше росло, — сказала Лара.

— Да! Чтобы моркови побольше росло!

— Да не нужна нам твоя морковь, не нужна...

— А ковер? — не унималась мать. — Ковер тебе тоже не нужен?! Когда вы в общежитии жили, на полу спали, так ковер небось нужен был. А сейчас не нужен стал!

Лара зашнуровывала сапоги, ругаясь на свою глупость, которая подсказала ей купить сапоги с красивыми красными шнурками трехметровой длины, со шнурками, которые приходилось завязывать по пятнадцать минут.

— Живете, как плесень! Он что, твой Витька, думает, что его караули будут по сто лет читать? Ага, как же! Да никому это не нужно уже сейчас! Скоро по миру пойдете — будет вам тогда жизнь!

Шнурки наконец завязались. Лара схватила с вешалки плащ и сумку, выскочила на лестницу, захлопнула за собой дверь, сбегала по лестнице на два пролета вниз, остановилась. Мать продолжала бушевать, это было слышно даже отсюда. Кричала, пинала дверь.

Никогда это не кончится, подумала Лара. Никогда.

И деваться некуда.

Выхода нет.

Наверху хлопнула дверь, Лара испугалась, что мать собирается продолжать скандал на лестнице, побежала вниз.

На улице продолжался дождь, кроме того, ощутимо похолодало, еще чуть-чуть, и вода начнет превращаться в снег, и давно бы уже пора, потому что осень уже надоела, хочется зимы, настоящего мороза и белого цвета, осень все-таки темное время года, даже если горят фонари.

Лара перешла через улицу, достала телефон и попробовала вызвать такси. Такси не отвечало, дождь продолжался, и в честь этого на линии была перегрузка. Лара растерянно огляделась. По поводу плохой погоды город опустел, не было даже привычных и вездесущих машин, не говоря уже о прохожих, Лара стояла на улице одна, в окружении луж, вздувавшихся крупными пузырями. Если пузыри крупные, то дождь скоро кончится, вспомнила Лара.

Но он не кончался. Напротив, он приобрел какие-то новые, совсем неприятные качества, стал вязким, как сахарный сироп, и холодным, как мороженная рыба, Лара почти сразу продрогла. Она полезла в карманы за перчатками и обнаружила, что перчатка в кармане осталась только одна. Левая рука отчего-то мерзла сильнее, и Лара надела перчатку на нее.

Побрела к остановке. Вдоль забора, завешенного цирковыми рекламами. С плакатов

улыбались зловещие размалеванные клоуны, это раздражало. Клоунов Лара не любила, и в этом походила на Зими́на.

Лара шла вдоль дороги и не очень узнавала район. Вокруг были стройки и заборы, вдоль дороги стояла замершая строительная техника, фонари горели один к трем, на трамвайных рельсах сидели поздние лягушки.

Остановка выступала из тьмы островком света и тепла, Лара стремилась к ней, но тротуар внезапно закончился, и Ларе пришлось перейти на шпалы. Здесь было неудобно шагать, она то и дело наступала мимо, проваливаясь в рыхлую глину.

Остановка вела себя странно, никак не подпускала Лару к себе, отползала, так что иногда Ларе начинало казаться, что никакой остановки и вовсе нет, что это мираж, что вот так она и будет идти весь вечер и всю ночь, каждым шагом стараясь не попасть мимо шпалы и не наступить на лягушку.

Когда Лара уже отчаялась приблизиться к остановке, та вдруг сжалась и оказалась рядом, метрах в двадцати. Лара собрала силы и почти добежала до навеса.

Почти сразу показался трамвай. Лара услышала его поскрипывание, потом он появился сам, тащился медленно, но неотвратно, Лара решила, что стоит добраться до конечной и взять такси уже там. Всяко лучше ехать, чем стоять на одинокой остановке, в окружении стройки.

Трамвай начал тормозить заранее и тормозил по всем законам жанра, лязгая железом, выпуская из-под себя искры, раскачиваясь по сторонам, дребезжа стеклом и почему-то колокольчиком. Сам трамвай тоже выглядел необычно, старомодный, желто-красного цвета, без дверей и без номера маршрута. Впрочем, Лару это не особо смутило, она запрыгнула внутрь и устроилась на потертой деревянной скамье.

Вагон тронулся. Только сейчас Лара обнаружила, что в трамвае никого нет, ни пассажиров, ни контролера. Впрочем, Лару это удивило не особо, кого сейчас заманишь в контролеры? Пассажиры же отсутствовали ввиду позднего времени, все было объяснимо. Поэтому Лара вытянула ноги и стала смотреть по сторонам.

За мутными, забрызганными грязью стеклами почти ничего не было видно, только редкие огни да афиши на заборах. Трамвай тащился медленно, вагон то и дело потряхивало на стыках и пошатывало на поворотах, город, смутно просматривающийся снаружи, был мало знаком, но, судя по наклону, трамвай тащился к реке, видимо, к площади Речного вокзала. Лару это вполне устраивало, поэтому она перестала следить за маршрутом и сосредоточилась на чтении надписей, за долгие годы трамвайной жизни образовавшихся на стенах и на спинках сидений. В большинстве своем это были обычные надписи, имена, даты, проклятия, но попадалось и интересное, стихи поэтов Серебряного века, признания в собственной бесполезности, реклама лейкопластыря, старательно вырезанная в железе, и даже живописные миниатюры, выполненные с изрядным мастерством. Ларе особенно понравилась композиция «Хрен редьки не слаще», она решила запечатлеть ее на камеру мобильного для дальнейшего показывания Зими́ну. Но тут возникли сложности — трамвай то и дело встряхивало, камера дрожала, и миниатюра никак не попадала в фокус. Лара решила быть настойчивой и взялась за камеру двумя руками, но изображение все равно получалось смазанным и нечетким.

А потом трамвай потрянуло особенно сильно, Лара схватилась за поручень и уронила мобильник на пол. Тут же полезла за ним, неловко изогнувшись, просунула руку между скамейками, и в этот момент трамвай дернулся снова. Лара пребольно ударила лбом. О железо. Из глаз, вестимо, посыпались искры, и некоторое время Лара сидела, просто приходя в себя, стараясь отогнать вздумавших кружиться перед глазами светлячков.

В голове гудело довольно долго, когда звездочки перед глазами погасли, Лара обнаружила, что трамвай стоит. Он больше не лязгал и не раскачивался, с потолка не доносилось равномерное электрическое гудение, вообще было тихо.

Чересчур тихо, звуки исчезли.

И свет исчез. Под потолком едва светилась небольшая тусклая лампочка, а за окном была тьма. То есть совсем тьма, Лара подышала на стекло и потерла его рукавом, стараясь разглядеть хоть что-то.

Город исчез. Даже блеклые огни далеких пятиэтажек больше не просматривались, точно трамвай въехал в тоннель и остановился посреди него.

— Эй, — позвала Лара. — Эй...

Она забыла, как зовут трамвайного машиниста, вспомнила лишь через несколько секунд.

— Вагоновожатый!

Вагоновожатый не ответил. Лара поднялась со скамейки и направилась в носовую часть трамвая. Сначала она была очень зла. Сначала она хотела серьезно с этим вожатым поговорить на предмет его безответственного вагоновождения, мало того, что он вез ее как дрова, в результате чего она набила шишку и потеряла телефон, так он еще и застрять умудрился черт-те где. А между тем она опаздывает на конференцию и, безусловно, будет жаловаться в вагоновожатское управление или куда там жалуются...

Но когда Лара приблизилась к передней площадке вагона, уверенность ее куда-то испарилась, и ей уже совсем не хотелось ругаться с машинистом, ей хотелось, чтобы он тут хотя бы был. Сидел бы за своим штурвалом дядька пенсионного возраста, курил бы папиросы, ел бы бутерброд с колбасой.

Никого.

Место водителя пустовало.

— Так...

Ларе захотелось убраться отсюда поскорее. Немедленно. Она подошла к двери и осторожно в нее выглянула.

Ничего.

Сразу за раскрытой дверью клубился мрак. Именно клубился, пошевеливался, образовывал зыбкие фигуры, расслаивался, пытался заползти внутрь, мрак походил на черную вату.

Лара шарахнулась от двери.

Она упала на колени и стала искать мобильник. На ощупь. Потому что лампочка почти погасла. Телефон не находился.

Стало холоднее. Стало труднее дышать, черная вата, казалось, втягивала кислород и вместо него выпускала затхлый, почти могильный воздух.

Телефон обнаружился в щели между полом и обшивкой, Лара подцепила его пальцами и выдернула. И тут же, не поднимаясь с пола, набрала номер.

Зимин ответил почти сразу. Недовольным голосом, уставшим еще с прошлого года.

— Ну и что? — уныло спросил Зимин. — Маманя порадовала соленой черемшой?

— Зимин! — прошептала Лара в трубку. — Зимин, тут что-то не то...

— Черемша протухла?

— Зимин, я... Я не знаю. Я в темноте. И кажется, тут кто-то есть.

ПРОЛЕТАЯ НАД

Вагон был пуст.

То есть совсем.

Титан был растоплен, рядом стоял перемазанный углем заварочный чайник, Зимин налил заварки, разбавил кипятком, ругнул наплевательское отношение к пассажирам, вернулся в купе.

— Чаю подано, — объявил Зимин. — Так-то.

Они сидели на противоположных диванах купе, пили чай. Колеса лязгали по рельсам, в конце вагона хлопала дверь, что-то специфически железнодорожно гроыхало, пахло углем и влажным бельем.

— Тут не очень далеко, — повторил Кокосов в двадцатый раз. — К утру будем. Часам к трем.

— Понятно.

— Это странное место, ты должен там побывать.

— Зачем?

— Не знаю. Я нашел там дневник, но все осмотреть не успел. А мы с тобой осмотрим, подвалы, чердак, может, еще что-нибудь заметим.

— Допустим. — Зимин открыл бутылку с водой, намочил полотенце, положил на лоб. — Допустим. Найдем. И что? Я ведь и так тебе могу сказать, что продолжу пятую книгу. У меня и начало есть, где Безымянный является в гости к старику...

Кокосов помотал головой.

— Этого недостаточно, — сказал он. — То есть недостаточно, чтобы ты просто взял — и написал. Нужно, чтобы ты поверил. Вот когда ты согласишься...

— Я должен поверить в собственных героев?

— Да! Да, надо поверить! Они ведь существуют!

— Кокосов-Кокосов, я тебя сейчас обрушу с поезда, — сказал Зимин. — А потом утоплю. У тебя есть совесть?

— Есть.

— А что тогда не пользуешься? Я живу-живу, собираюсь... в Калининград, и вдруг заявляешься ты и начинаешь бухтеть, бухтеть, бухтеть. Про то, что наш унылый мир трескучий есть лишь отблеск суетливый торжествующих созвучий... Старик Платон переворачивается в своем древнегреческом гробу и шлет мне проклятия. А если меня начинают проклинаять, у меня сразу изжога открывается. Ты можешь представить, какая приключается изжога, когда тебя проклинаят дух Платона?! А еще я икаю!

Зимин выглянул в коридор, крикнул дурным капризным:

— Проводник! Чаю!

Кокосов вздохнул.

— Нет проводника, — сказал он.

— Понятно. Проводника нет, вагон мистический, везет нас в Место Снов, знаю, знаю.

— У тебя слишком иронический образ мыслей, Виктор. А ты должен просто поверить. Всего-навсего.

— А я не хочу, — упрямо сказал Зимин. — Мне и так хорошо.

— Да не хорошо тебе, — отмахнулся Кокосов. — Это же видно.

Зимин pokrивился.

— А тебе-то это зачем? — спросил Зимин. — Ну, вот напишу я, что Перец жив. И что? В твоей жизни что поменяется?

— Все поменяется, — сказал Кокосов.

— Что поменяется?

Кокосов промолчал.

— Скажи, что поменяется, — Зимин поставил ноги на противоположный диван. — Мне интересно.

Кокосов замялся. Стал открывать свой портфель, а тот, само собой, не открывался. Кокосов старался и конечно же прищемил себе палец, пострадал, но все-таки достал книгу. «Снежные псы». Зимин определил по толщине, «Псы» были потолще остальных. Книга была обернута в обложку от кулинарного журнала и проклеена скотчем, на титульном листе красовался пластырь с надписью ручкой «СП».

Кокосов протянул Зимину книгу, тот взял, отметил, что на самом деле «Псы», только распухшие какие-то, с волнистыми страницами, точно читали книгу в ванной. Может, на самом деле там и читали.

— Зачем? — не понял Зимин.

— Почитай. Чтобы вспомнить. Погрузиться в атмосферу.

— Я и так все время в атмосфере, — отмахнулся Зимин. — Выть хочется.

— Мне тоже.

— Понятно, — Зимин сунул книгу под мышку. Отметил, как от подобной непочтительности дернулось лицо у Кокосова.

— Мне можно, — сказал он, — я автор. Кокосов нахмурился.

— Так как там изменится наша жизнь?

— Она свернула не туда, — туманно ответил Кокосов. — А если ты все исправишь, она вернется на правильную дорогу.

— А конкретнее?

Зимин забросил «Псов» в сетку для полотенец, разлегся на койке, вытянул ноги. Подумал, что в дороге есть определенный смысл — когда ты путешествуешь, то мало думаешь.

Это Зимину нравилось. И чай в стаканах вкусный.

— Конкретнее? — переспросил Кокосов. — Конкретнее... Я займусь тем, чем всегда хотел заниматься. Конкретнее я буду жить счастливо. Конкретнее...

Кокосов неожиданно покраснел.

— Я точно сломался, — сказал он. — После всей этой истории... У меня нет друзей, у меня нет девушки, нет смысла... Я точно заиклен... Я чувствую этот поворот не туда...

— Ты псих все-таки, — поморщился Зимин. — Псих и инфантил. Пора повзрослеть. Так нельзя жить. У каждого своя судьба...

— По-другому жить я пробовал. Никак не получается.

— Да не пробовал ты, — заверил Зимин. — Не пробовал. Ты испугался "девчонки, она тебя послала, у тебя возникло чувство вины, оно переросло в комплекс... Ну, и пошло-поехало. Как результат — психоз и искажение восприятия. Ты придумываешь несущее и...

— Почему ты тогда со мной? — Кокосов уставился Зимину в глаза.

— Потому что безумие заразно, — ответил тот. — Хотя нет, не заразно. Я просто очень добрый человек, можно сказать, гуманист...

— И у тебя тоже поменяется, — улыбнулся Кокосов.

— Что у меня поменяется?

— Твоя жизнь. Ты ведь тоже ею недоволен.

— Абсолютно доволен, — возразил Зимин

— Не, — помотал головой Кокосов. — Ты не доволен. Люди, довольные жизнью, не покупают мотоцикл за миллион рублей.

— А может, наоборот как раз — покупают? Вот у меня-то как раз есть все, о чем я в

детстве мечтал. Даже мотик за миллион рублей. Самая красивая девушка. Успех. Я, если захочу, завтра в Новую Зеландию уеду.

Зимин самодовольно заложил ногу на ногу.

— А захочу, могу и в Австралию...

— Чего-то все-таки не хватает, — перебил Кокосов.

— Всего хватает.

— Так зачем ты едешь со мной? Человек, у которого все в порядке, у которого все есть и который всем доволен, не отправляется в поездку с первым встречным сумасшедшим.

— Я писатель, мне можно, — отмахнулся Зимин. — Писательство включает в себя некие бонусы, знаешь ли. Можно ходить в джинсах на прием к губернатору, можно бриться раз в две недели, можно совершать всякие глупости. Например, можно отправиться с психом на поиски заброшенной психушки. Вы скажете идиот, я скажу — русская литературная традиция.

— Ты писатель, но не дурак, — ответил Кокосов. — Ты отправился со мной, потому что ты тоже чувствуешь... нечто. Что-то не так в твоей жизни пошло, я в этом просто уверен. Потому что ты тоже свернул не туда. Ты все дальше и дальше отдаляешься от изначальной линии, и от этого мир вокруг тебя... Раскачивается... Ты что-то увидел. Не знаю что. У меня это были...

Кокосов замялся.

— Глюки, — подсказал Зимин. — Это называется глюки.

— Оптические искажения, — поправил Кокосов. — Хотя и не только оптические. Обонятельные, осязательные, гравитационные...

Зимин слегка поморщился, вспомнил висящие над лестницей кубики и сказал:

— Это, знаешь ли, Кокосов, признаки, — он постучал себя по голове. — А есть еще звуковые искажения. В просторечии голоса. Тебе голоса ничего не подсказывают? Томографию не пробовал делать?

— Пробовал. Все в порядке. И голосов я не слышу. А что ты так нервничаешь? И нос дергается. Ты наверняка тоже что-то видел. Видел ведь?

— Ничего я не видел, — огрызнулся Зимин. — Просто...

Зимин увидел, как за окном упала звезда. Кокосов тоже это увидел.

— Звезда упала, — сказал он. — Это к...

— Это просто осень, — опередил Зимин. — Осенью они часто падают, ничего это не значит. Почему я поехал с тобой? Я расскажу. Я поехал, потому что ты меня немного напряг. Не знаю, да и не хочу разбираться во всем этом, надоело. Я готов допустить полпроцента того, что это все реально... Во всяком случае, Лара очень напугана. Очень. Я никогда не видел, чтобы она была напугана хотя бы вполтину. Этого достаточно. Ты мне можешь сказать, что произошло в этом трамвае?

Кокосов пожал плечами.

— Нет, — сказал он. — Вряд ли какое-то серьезное воз-Действие... Обычная демонстрация возможных последствий.

Чтобы ты не особо упирался. Я же говорю, оптика, гравитация... Мне, например, сны снились, причем такие изматывающие кошмары, карты, лабиринты, тропы... Ну, а потом я понял, что должен тебя найти. Что должен тебя найти и потребовать, чтобы Герой вернулся...

— А потом, с чего ты решил, что Герой пал?

— Как с чего?! — чуть не подпрыгнул Кокосов. — Безымянный изготавливает револьвер с седьмой камерой в барабане, обманывает Парцифалю и убивает его!

— Стреляет, — поправил Зимин. — Только стреляет. То, что Герой умер, в книге нигде не написано.

Кокосов открыл рот. Он хотел что-то сказать, но не нашелся.

— Вот так-то, — Зимин сунул книгу под подушку и стал устраиваться под одеялом.

Он почти сразу почувствовал усталость, вагон покачивало, брякал стакан на столе, копошился Кокосов. Зимин уснул и проснулся уже глубокой ночью.

Поезд стоял. Из-за окна вагона доносились обычные станционные звуки — шум маневровых поездов, переговоры диспетчеров, лязганье сцепляемых вагонов. Купе оказалось ровно напротив фонаря, сквозь грязные стекла проникал синий свет, Кокосов храпел. Зимин повернулся на спину и достал из-под подушки свою книгу. Подумал немного и открыл наугад.

Он не очень любил собственные книги. Они казались ему гораздо слабее, чем при сочинении, точно кто-то переписывал их уже после Зимина, и ухудшал, ухудшал.

Поэтому Зимин открыл «Снежных псов» с некоторым опасением, не сначала, а почти в конце и...

— Ну что, пробрался? — усмехнулся Перец.

Я уронил фонарик.

И почему-то понял, что вот оно, вот, начинается. Новый виток. В моей жизни в смысле. Эта медвежья бойня — она неспроста случилась. Такие события всегда отмечают начало чего-то нового, такое событие — это как точка поворота.

Я обернулся. Осторожно и медленно, чтобы не получить между глаз острым ножичком.

Перец даже не помылся. Как был, так и остался — на лице красная корка, возле глаз чуть уже потрескалась.

— Ты что, Синяя Борода? — усмехнулся я. — Жиль де Ре, маршал Франции? Можешь ходить везде, только в эту комнату не заглядывай... Меня до жути пугала в детстве эта сказка.

— У тебя не было детства, — усмехнулся Перец красной улыбкой.

— Почему это не было? Если у тебя было, то и у меня тоже было...

— Ты очень сильно на этот счет заблуждаешься.

Перец улыбался. Я человек не боязливый, но от этой его улыбки у меня по загривку морозец пропрыгивал. Чего он не помылся-то?

— Ты неправильно думаешь, — продолжал Перец. — Ты думаешь, мы с тобой братья? Это зря. Мы с тобой не братья. Совсем не братья. Ты знаешь, сколько тебе лет? От роду?

Ну вот. Видимо, сейчас будут явлены тайны. Давно пора.

— Настал час «Ч»? — спросил я. — Пришло время объяснений? Давай. Чем ты его хочешь накормить? Скажи? А то я заждался уже, знаешь, аппетит пропал...

— Сейчас он у тебя еще больше пропадет. Ты вообще у меня жрать не сможешь...

— На твою рожу посмотришь и не сможешь, — согласился я.

— Ты на свою посмотри. Знаешь, я почему-то просто так и знал, что ты сегодня сюда сунешься. И что она сюда сунется, я знал...

— Ты такой проницательный! Прямо до позеленения. Посмотри, я там со спины не позеленел?

Ангар.

Был большой, точно. В нем легко бы уместился самолет. «Ил-86».

Когда я подошел к ангару, возле него уже никого не было. Ни Лары, ни ее дружка. Ушли. Только медведи. Уже окончательно одеревеневшие и занесенные почти что до половины снегом. Снег, кстати, не прекратился, падал и падал, небесные перины прохутились и вываливали теперь на нас все свое добро.

Я не стал искать настоящий вход, не хотел терять времени. Да и опасно это было, наверняка Перец ловушек понавтыкал без счета. Поэтому я поступил просто, но эффективно, взял бластер и пропалил в боку ангара хорошую дыру. Подождал, пока остынут края, и забрался внутрь.

В ангаре было много цепей. Разные цепи все были, и толстые, и потоньше. Цепи и

крюки, и ошейники какие-то здоровенные. С шипами. Будто тут собирались содержать сторожевого пса. Так, по-строгому все, видимо, в воспитании нового горына Перец решил использовать новые методы.

Недалеко от правой стены находилось странное устройство. Сваренная из уголков большая струбцина, ну, или что-то в струбцинном духе. С четырьмя винтами — для надежного крепления, сверху, снизу и с боков. А еще там были газовые горелки, тоже несколько штук. С разных сторон. И вся эта конструкция была обожжена, оплавлена и покорежена, будто внутри что-то взорвалось.

Я пригляделся и понял, что это, скорее всего, инкубатор. Пустой. Я не знал, как являются на свет горыны, троица появилась до меня. Но догадывался, что для появления этого нужен огонь, этот огонь, видимо, и должны были обеспечить горелки. Вообще, струбцина больше всего походила на произведение металлического творчества, ее вполне можно было в каком-нибудь музее кретилическом выставить, буржуи такую муть любят.

Я потрогал агрегат пальцем и продолжил осмотр. Вдоль стен стояли пластиковые бочки. Синие, с яркими оранжевыми бирками. Я подошел, прочитал. Снотворное. Вот откуда дротики.

Интересно, а зачем Перцу столько снотворного? Не для медведей же, в конце концов... Видимо, для того, чтобы горына усыпить... Но зачем ему горына усыплять?

Зачем усыплять горына? Уши, что ли, купировать ему собирается?

Я продолжил осматривать ангар и обнаружил главное. В самом дальнем от входа и темном углу стоял ящик. Небольшой, размером с коробку от маленького телевизора. Подошел поближе. Ящик был железный. С крупными — палец пролезет — дырочками, просверленными в хаотическом порядке. Осторожно, издали, заглянул в дырочку, но ничего не увидел. Снял с пояса фонарик, направил луч в ящик.

Луч наткнулся на что-то красное и блестящее, сначала я не понял, а потом до меня дошло — из ящика на меня смотрел глаз.

Красный. Щек — зеленые. Кий — оранжевые. Хор ив — серые и голубые. А у нового горына глаза были красные. Красный глаз с узким вертикальным зрачком. И смотрел прямо на меня. Очень неприятное зрелище.

А потом за спиной у меня сказали: «Ну что, пробрался?» И я уронил фонарик.

— Ты такой проникательный! Прямо до позеленения. Посмотри, я там со спины не позеленел?

— Главное — не покраснеть, — улыбнулся Перец. — И вообще, давай-ка отойдем, он не любит шума и света.

— Кто? — тупо спросил я.

— Тьма. Я его так называл.

Перец вытащил нож, провел лезвием по тыльной стороне ладони. Показалась кровь. Перец поднял руку, дождался, пока на конце пальца не скопится заметная капля, занес руку над ящиком, уронил кровь в круглое отверстие.

Ящик дрогнул. Затем из него послышалось шипенье, и в Дырочку выскочил черный раздвоенный язык. Я шагнул назад.

Это будет воистину бич божий! — Перец умиленно смотрел на ящик. — Больше чем бич божий — это будет сама смерть со шедшая! Он споет свою песню, и станет тишина!

Я смотрел на Перца. Всерьез. Это он всерьез все. Лечить. А еще лучше изолировать. Интересно, он всегда был таким психом или стал под влиянием внешней среды?

— Огонь заполнит небо и падет на землю и не будет никого больше. И вода станет кровью, и захлебнутся они кровью! С ума сойдут от крови! А потом нервы у них не выдержат и будет первый пуск! И будет ответный удар! И воды станут горьки! И чертов мир ломает хребет! Развалится, взорвется, сгорит! Ивашка будет бежать, а я буду травить его как бешеную

крысу!

Не, лучше не лечить, лучше изолировать. Насколько я понял, Ивашка — это и есть Ван Холл. Тогда первый удар — это звезда полынй. Апокалипсис, краткое содержание. Если я не ошибался, дальше по плану должно было быть затмение звезд и разверзание земли. Но то ли Перец был не очень хорошо знаком с первоисточником, то ли уже подустал, на звезде полыни он остановился.

— Я заставлю его сожрать собственный хвост, — устало сказал он. — За все, что он со мной сделал.

Я подумал, что сейчас Перец в соответствии с канонами жанра скажет, что Ван Холл превратил его в чудовище, а раньше он был такой добрый и пушистый... Но Перец ничего такого не сказал.

— С Ван Холлом, конечно, следует разобраться, — согласился я. — Но стоит ли из-за этого уничтожать мир?

— Плевать на мир, — ответил Перец. — Мир плевал на меня, мне плевать на мир. Куда смотрел мир, когда меня бросали в лабиринт с анакондами?

Говорил он совершенно спокойно, даже равнодушно.

— Ван Холл, это — не весь еще мир, — сказал я.

Это я сказал, потому что я успокоился. Я стал спокойнее из-за мороза. И вообще. Стал спокойнее я. Спокойнее.

А старина Перец вот не успокоился. Не давали ему спать эти анаконды.

— А ты чего так мир защищаешь? — Перец злобно уставился на меня. — Где был твой мир, когда тебе в кровь золотых рыбок запускали? Я буду пинать этот поганый мир в задницу! Я за загривок его и в помой! В помой! Как они меня!

Мне трудно было с ним спорить. В чем-то я был с ним даже согласен, иногда мир на самом деле нужно наказать за его равнодушие. Потому что равнодушие и сон приводят к страшным вещам.

Но я все же предложил:

— Все-таки, может, по другому как-то? С Ван Холлом?

— По-другому нельзя, — покачал головой Перец. — По-другому его не взять.

— Можно взять, — возразил я.

— Нельзя, — сказал Перец твердо. — Я пробовал. Он не ночует два раза в одном месте! Он окружил себя охраной! Он почти уже восстановил эту вашу дурацкую Установку! Пока он запускает сюда листовки и пистолетики, а скоро сбросит очередного киллера.

— И что?

— А что, если это он бросит сюда бомбу? Не листовки с ценой за мою голову, а бомбу? Ты понимаешь, что это будет все? Конец это будет...

Перец вытянул меч. Сделал несколько движений перед моим носом, несколько выпадов.

— Это все... — сказал грустно Перец. — Я не хочу, чтобы было все...

Перец принялся фехтовать.

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое, раз и навсегда. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — кивнул я. — Покой. Тишина, беруши. Это все хорошо. Чем ты хочешь его накормить?

— И ваша Установка — это еще куда ни шло... Что на других базах толком неизвестно, а там могут быть страшные вещи. Если с проектом «Двина» еще как-то ясно...

— Что ясно? — спросил я. — Может, все-таки скажешь?

Перец поглядел на меня оценивающе.

— Теперь скажу, — усмехнулся он. — Теперь чего уж... Проект «Двина» — это мы с тобой. Вернее, ты. Ты и эта ваша

Сирень.

Перец поглядел, произвело ли это на меня впечатление. Я слушал. Равнодушно. По возможности. Перец рассказывал:

— Если научно — репликация и трансформация биологических объектов. Это когда берут геккона — такую маленькую-маленькую ящерку. И в хвостик ей вставляют жало от скорпиона. Это когда берут одного мальчика, а получается два мальчика, это когда берут одну девочку, а получается две девочки.

Я слушал.

— Проект «Двина» занимался производством чудных тварей, — Перец покачал головой. — Неоморфов клепают, Ван Холл такое любит. Склепал нашего нового друга Застенкера... А заодно произвел красивую девочку по имени Сирень. И умного мальчика по имени... Имя ему он не придумал, почему-то.

Я ждал чего-то подобного. И не особенно расстроился, когда услышал. Почесал голову, там, где у меня шрам был.

— Почему «Двина»? — спросил я.

— Что?

— Почему «Двина»? — спросил я еще раз.

— Не знаю, — пожал плечами Перец. — А тебе какая разница?

— Интересно.

— Наверное, потому, что Полоцк находится на Двине.

Ну, понятно, подумал я. Полоцк на Двине, ага, а самым известным полоцким князем был Всеслав Брючиславич, личность темная. Умел превращаться в волка. Интересная логика. У Перца, само собой.

— Ну что, приятно? — спросил Перец.

— Что приятно?

— Приятно быть никем?

Я опять промолчал, я понимал, что волноваться не следует. От волнения трясутся руки, а руки мне пригодятся. Скоро.

— Впрочем, можешь не особо расстраиваться, — сказал Перец. — Проект «Двина»... Я всю эту вашу Двину перегороджу, я ее заболочу! Спалю ее на фиг!

Перец погрозил мечом в небо, то есть в потолок.

— Заболочу вашу «Двину», тина будет... А потом возьмусь за «Бросок»... Ты знаешь, что такое проект «Бросок»?

Я не знал, что такое проект «Бросок».

— И я тоже не знаю. И не знаю, что такое проект «Ось». Вернее, я знаю — это гадость и дрянь. А «Пчелиного Волка» и «Двины» мне уже выше крыши. А про «Двери» я уже и не вспоминаю, во где мне ваши «Двери»...

Перец приложил меч к горлу.

— Во где вы все у меня... Во...

Старая песня. Не я виноват, мир виноват, да здравствует «Циклон Б». Дайте мне огнем.

— Чем ты решил его накормить? — спросил я в очередной раз.

Перец не ответил, разрубил какую-то железную балку, безумно улыбнулся. Так что я окончательно убедился в том, что он псих. Настоящий псих, никаких в этом сомнений. Видал я тут психов, но таких, как Перец... Его ведь и не вылечить, психи не лечатся, это все знают. А вдруг это у него наследственное? Тогда и я вполне могу страдать такими заболеваниями...

И тут я вспомнил.

Вспомнил! Сопоставил. Снотворное. В синих бочках с оранжевыми бирками. Бойцовые собаки...

ТУТ СНОВА Я ВСПОМНИЛ ПРО БОЙЦОВЫХ СОБАК!!!

Перец сунул руку в карман, подкинул монетку и разрубил ее пополам.

Впечатляет. Такие штуки всегда впечатляют. Особенно если после разрубания Перец успел еще свободной рукой поймать половинки. Но в этот раз я не сильно впечатлился, поскольку все думал про этих собак. Про тех, которые дерутся.

Про собак, про собак, про чертовых бойцовых собак.

— Ты что, — я наблюдал за всей этой фехтовкой, — решил нового горына накормить...

— Хватит! — вдруг заорал Перец. — Хватит болтать! Я не хочу ничего этого слышать!

Он перестал размахивать своей сабелькой, но не успокоился, а стоял просто, хрустел эмалью и перекидывал рукоятку из ладони в ладонь.

Мне вдруг стало противно. Очень противно. Иногда противно оттого, что собираются сделать другие люди, за них противно, хорошие вроде бы люди, а ведут себя иногда так, что даже мне тошно. Знаешь человека долго, нравится он тебе, а потом вдруг обнаруживаешь случайно, что любит он раскатывать сопли в шарики, а шарики эти за обои, за обои.

Наверное, я еще слаб по юности своей, вещи подобные меня раздражают, хотя не сомневаюсь ничуть, что годам к тридцати пяти я переживу эти мелкие комплексы. Покуда же я максималист, сопли за обоями меня натуральным образом угнетают.

Во как.

К тому же...

К тому же я к ним привязался. К троице. Щек, Кий, Хорив, мне будет их не хватать. Я не хочу, чтобы Перец пустил их на колбасу.

Даже больше, чем не хочу, даже больше, чем не хватать. Я не допущу этого.

Я так хочу.

Я.

— Мне почему-то кажется, что ты будешь против, — Перец расслоил мечом стену, внутрь посыпался снег.

— Мне почему-то тоже, — согласился я.

— Так я и знал, — Перец горестно покивал. — Предатели кругом, иуды и расстриги, и норовят в лопатки нож воткнуть, лишь только отвернешься. Увы, и увy, и увy, дальше мы двинемся в путь, пусть тревожится сердце...

— Чего-то тебя в классику заносить стало, — усмехнулся я. — Ну, что ж, в путь так в путь.

— Значит, прогуляемся? — Перец ухмыльнулся.

— Ну, прогуляемся. На мост опять?

— На мост, на мост, только на мост.

— А может, где-нибудь здесь? На крыше...

Не хотелось мне на мост, но и спорить тоже не хотелось.

Перец помотал головой.

— Ну, пойдем. Перчатками кидаться не будем?

— Обойдемся без формальностей, — Перец спрятал меч. — Прошу!

Он театрально склонился, приглашая меня к выходу.

— Только после вас, — я тоже театрально склонился.

Перец плюнул и пошагал первым. Идти было далековато, но это было даже хорошо — надо было сосредоточиться. Но не получилось — едва мы прошли полпути, как Перца пробило на треп:

— Ты вот сказал, что меня на классику пробило, а ведь это на самом деле так. У нас классическая ситуация...

Я старался не слушать, но это боботанье все равно пробивалось.

— У нас даже еще более оригинальная ситуация, вряд ли кому-то в Древней Греции удавалось схватиться с самим собой.

Перец рассмеялся.

— Все получилось не так, как я хотел, — говорил он. — Мы должны были вместе работать, но ты тоже... Ты тоже не понял. Почему вы все не можете меня понять? Почему вы не можете...

Перец замолчал. Только ненадолго, едва стали спускаться к реке, как опять его прорвало:

— А у меня были предчувствия. Насчет тебя! Что ты меня кинешь...

— А насчет себе у тебя предчувствий не было? — не утерпел я.

— Не. В себе я уверен практически всегда. Сам себя ведь не кинешь...

— Ну, это ты сгоряча, — возразил я. — Всемирная история, которую поминают все, кому не лень, знает массу случаев, когда люди закладывали сами себя. Так что наши разногласия вполне обычны. Можешь расценивать это как традиционную шизофрению.

— Я не шизик, — покачал головой Перец. — Скорее, ты шизик. Ты не помнишь, кто ты, не помнишь, откуда ты. А я помню. Причем не только себя, но и тебя.

Перец показал мне язык. А еще говорит, что он не шизофреник.

— А кто тебе сказал, что я не помню, кто я? Это я ловко, честное слово.

Перец остановился. И я остановился.

— Ты, — он ткнул в меня пальцем. — Ты мне сказал, что не помнишь.

Я пожал плечами.

— Так ты что, все это время гнал? — спросил Перец. Я не ответил.

— Ты что, с самого начала мне правды не говорил?!

Я молчал. Перец начал нервничать. Вывести врага из себя перед схваткой — половина победы. Так говорил Варгас.

— А может... А может, это все план этой сволочи Ван Холла? Перец даже забежал вперед. Перец был растерян и, как мне показалось, испуган.

— Послушай...

У него даже как-то лицо задергалось, пар из ноздрей пошел, как у горыны в самом деле.

— Так это все организовано? — спросил Перец. — Это все заранее, что ли?

Спросил как-то даже плаксиво.

— Мы, кажется, хотели поговорить, — напомнил я. — Ты что-то отвлекся от дела...

— Действительно, — кивнул Перец. — Надо поговорить. Мы вышли на берег. Река была темной, хотя солнце висело еще высоко, опускалось над странными блестящими куполами на горизонте, туда я собирался добраться, да не добрался. Впрочем, там, скорее всего, были всего лишь какие-нибудь локаторы замороженные.

— Может, тут? — спросил я. — К мосту не будем спускаться? Но Перец хотел подраться на мосту, страсть к дешевым эффектам многих подводит. Стали спускаться по склону. Тропинка была совсем обледенелая, лед был гладким и бугристым, я поскользнулся и чуть не слетел по скользкому склону. Перец, разумеется, захихикал.

В этот раз гудело и на этом мосту, хотя никаких фонарей вроде бы не было видно, но звук получался. Хотя и ветра не было, гудело само по себе. Гудячий мост. Стану живописцем, тоже, конечно, нарисую. Мост, снег, дуэль. И сталагмиты опять выросли, все как полагается, атмосфера загадочности.

— Как драться будем? — спросил я. — На мечях, на револьверах? Могу тебе одолжить Дырокол...

— Не стоит, — отказался Перец. — Зачем мне чужое оружие, когда у меня есть свое? Пусть каждый останется при своем.

— Как знаешь. Правила просты. Я пойду на ту сторону моста, ты останешься здесь. Кинем лед. Как лед упадет — будем сходитьсь.

— До смерти? — усмехнулся я.

Перец не ответил, стал прорубать себе тропу в сталагмитах.

До конца моста было сто метров. Пять пролетов, каждый по двадцать. Перец дошагал до места, где мост обрывался, сбросил вниз полушубок. А чего, полушубков тут полно, даже больше, чем микроскопов. Я тоже скинул. И бронежилет тоже. От меча все равно не уберезет, а мешаться будет.

— Слушай, — сказал я. — Может, скажешь? Перед смертью? Облегчишь душу?

— И что ты хочешь услышать? Перед смертью?

— Тайну. Хочу знать Тайну. Мне интересно, что это за Тайна такая?

Перец секунду подумал, затем дружелюбно помахал мне ручкой, подобрал кусок льда, подкинул вверх.

Лед с треском разлетелся где-то внизу, мы стали сходитьсь. Торопиться не стоило, я знал, что он не будет швырять в меня мечом с такого расстояния. На ста метрах не только меч, на ста метрах даже револьвер бесполезен. Так что метров пятьдесят никаких боевых действий не будет, будем только сходитьсь.

Перец шагал, подняв меч над головой. Seriously, безо всяких выкрутасов. И в любую секунду он мог этот меч метнуть. Пробьет мне плечо, и все на этом, у самого-то, наверное, еще пять кинжалов и десять метательных ножей в рукавах.

Я шагал не спеша. Кобуры расстегнул, но револьверы не достал, успею еще, достану через два пролета. Через три пролета взведу курки и будем разбираться...

Перец исчез. Вот только что брел ко мне сквозь сталагмиты, и вот уже нет его. Растворился.

Так и знал, что у этого гада есть что-то в его хитрованском арсенале. Исчез. Нет, я, конечно, понимал, что он не исчез, что он где-то тут, но где, я понять не мог. Наверное, стоит где-нибудь за фермой, ждет. Ждет, что я растеряюсь.

Но я не растерялся. Я сделал так. Прикинул, где примерно мог остановиться Перец, прицелился в самый крупный в том месте сталагмит и выстрелил.

Устроим ему шрапнельку.

Верхушка сталагмита лопнула и разлетелась мелкими осколками. Осколки ударили по остальным сталагмитам, те тоже разлетелись, я, чтобы увеличить поражающий эффект, выстрелил еще. Ледяные картечины зазвенели по сторонам, один даже попал в меня, в ногу, это было довольно больно.

Эффект был достигнут.

— Ай! — Перец проявился, выскочил из-за левой фермы.

Я тут же выстрелил, целился в колено. Перец среагировал. Нет, от пули он, конечно, не увернулся, никто не может такое повернуть. Он заметил движение куркового пальца.

Я тут же послал пулю вдогонку, но уже не в Перца, а снова в сталагмит. Перца щелкнуло довольно больно, он завопил и кинулся на меня.

Восемь патронов.

Я выпустил две пули навстречу, одну в плечо, другую ложную. От той, что шла в плечо, Перец уклонился, на вторую не прореагировал.

Еще два выстрела, снова по сталагмитам. Снова щелкнуло Перца льдом, он даже запнулся, я немедленно воспользовался ситуацией и выстрелил. На этот раз увернуться было сложно, пуля шоркнула Перца по плечу.

Перец заорал, упал. Но я задел его, задел. И нож он швырнул не так шустро, я сбил его прямо в воздухе, выстрелом «Берты».

Четыре патрона.

Перец поднялся на ноги.

— Неплохо, — сказал он и поглядел на рану в плече. — Ты, кажется, чему-то научился.

Перец обвел мечом сталактиты.

— Но все-таки... — Перец поморщился. — Все-таки тебе помогли случайные обстоятельства.

— Случайных обстоятельств не бывает, — ответил я. — Будем болтать или все-таки продолжим?

— Продолжим, конечно, — Перец улыбнулся. — Надо же мне тебе ответить...

И он тут же ответил. Я был готов. Перец сработал «призрака» — резкие прыжки вправо-влево, настолько резкие, что попасть нельзя. Ну, вероятность попадания мала. Меня Варгас тоже таким штукам учил, я плохо выучился, не успел, а Перец, видимо, успел. Ловко у него получалось, я даже глазами ворочать не успевал.

Выстрел, выстрел, выстрел, выстрел. Мимо, мимо, мимо, мимо. Три секунды — и я стою, прижатый спиной к холодной ферме, а к горлу мне уже приставлено лезвие великого меча, и Перец смотрит на меня, и в глазах у него торжество. И стволы моих револьверов упираются ему в пузо.

И еще Перец улыбается.

— Ну, — сказал Перец. — Вот и все. Знаешь, я думаю, что ты проиграл. Я вот думаю, мне надо тебя примерно наказать... Даже не наказать, тебя надо изолировать. К тому же мне не нужны конкуренты на моей территории, сам понимаешь...

— Сюрприз, — сказал я и выстрелил в тринадцатый раз.

В пузо. В пузо, Перец не успел ничего понять, Перец не ожидал.

Пусть враги думают, что ты слабак, говорил Варгас. В нужный момент это даст тебе преимущество.

Перец не ожидал.

Это было то, над чем я работал последнее время. Хитрая штука, меня в свое время опять же Варгас научил. Рассказал, что с помощью ее он в свое время уложил одного наркобарона в Тегусигальпе. А сейчас я вот. Я сменил барабан на «Берте», поставил самодельный. На семь патронов. Устройстве было ненадежным, в общем-то одноразовым. Я даже закончить его не успел толком.

Но оно сработало.

И патрон я сделал сам. Такой, как надо. Пороху побольше насыпал.

Перца отбросило, он с железным звуком брякнулся о ферму и свалился на мост, в сосульки.

— Привет из Тегусигальпы, — сказал я.

Давно готовил. Давно.

Перец лежал, не шевелился. Из рта и из носа текла кровь. Я еще спросил, ну, не удержался.

— Ну что? — спросил я. — Кто тут вторичный продукт?

Перец не ответил. Лежал. Застрыв между вертикальными сосульками.

— И вообще, — сказал я. — Ты не один такой умный тут.

И я сделал то, что хотел давно сделать уже.

Я прочитал стихи.

*Думал Перец, будет крут,
А теперь он просто труп.*

И это были не «Анаболики», это был я сам. Скромное двестишье, с неточной и слабой

рифмой. Но надо же с чего-то начинать?

Жаль, что ничего он не слышал. Жаль. Герой. Звезда упала. Достал фотик, запечатлел, опять не удержался. Для истории пригодится.

Тут я увидел меч. Меч поблескивал рукояткой. Я наклонился и поднял его. Отличная все-таки вещь. Интересно, кто сделал? Круче супербулата, идеальный баланс, лезвие в бешеном узор.

Трофей. Теперь он принадлежит мне, как победителю. Теперь он мой. Я спрятал меч в ножны и повесил его за спину.

Вот так, Персиваль Безжалостный, вот так. Я победил. Победил. Но сейчас надо было спешить. Спешить.

— Пока, — сказал я.

И побежал вверх. Наверху у меня было еще много дел.

АПРАКСИН БОР

Кокосов сломал табуретку, подкинул в костер ножки. Сырые табуретки горели плохо и дымно и тепла давали мало, но все равно другого тепла не было. Зимин подвесил над огнем котелок и стал греть воду. Сидел и думал. О том, что все это происходит не с ним. То есть с каким-то другим Зиминным, не совсем настоящим. Тупым Зиминным.

Настоящий Зимин никогда не отправился бы в подобное путешествие. Потому что он был не дурак. Неизвестно с кем, неизвестно зачем...

Глупый поступок.

Фантастически.

Катастрофически.

Они сошли почти в три часа, на глухой станции, настолько глухой, что на вокзале даже не было вывески, а на циферблате каким-то чудом сохранившихся часов отсутствовали стрелки. Зимин поинтересовался, как называется сие поселение, Кокосов ответил, что разъезд называется как-то разбойничьи, то ли Кудеяровка, то ли Большие Кистени. Но разбойников здесь уже почти нет ввиду отсутствия кормовой для них базы.

Зимину Кистени не очень понравились, но отступать было некуда — поезд тронулся, медленно набирая скорость. Зимин представил, как он будет бежать за поездом, кричать, молотить кулаком в дверь и как это будет выглядеть жалко и позорно. Надо было не соглашаться вообще, чего сейчас уж...

Поезд прибавил хода и быстро убрался, Зимин с тоской проводил красные огни и спросил:

— А на машине сюда нельзя доехать?

— Нет. Тут еще весной половодьем мост снесло, так что только на поезде. Да и то по требованию, пришлось уговаривать. В этих местах не очень любят останавливаться.

— А что так?

— Дурные места, — сказал Кокосов. — Тут люди пропадают. Болота вокруг, военные базы заброшенные, черт-те что...

— Ну, понятно. И именно тут расположен Апраксин Бор?

— Ага, — отчего-то радостно сообщил Кокосов. — Я его случайно нашел. Сейчас расскажу. Нам надо только на дорогу выйти...

На дорогу выходили долго.

Заброшенная станция Кудеяровка оказалась довольно большой и мрачной. Здесь был и вокзал, построенный явно еще в девятнадцатом веке, заросший травой, провалившийся в землю и выглядевший страшно. Покореженный железнодорожный кран, штабеля сгнивших дров, железнодорожные бараки, и над всем этим покосившаяся водонапорная башня. Она понравилась Зимину особенно. Водяной бак был взорван и торчал в разные стороны лохмотьями и погнутыми рельсами, с которых во множестве свисали тросы и какая-то дрянь, покачивающаяся на ветру.

И ни огонька. Только луна, она здесь светила особенно ярко и от каждого столба тянулись в разные стороны причудливые корявые тени.

Кокосов долго искал узкоколейку, растерянно оглядываясь и хлюпая носом, но все-таки нашел, пнул рельс.

— Говорят, это к заброшенным рудникам дорога, — сказал он. — К урановым. Где они находятся — никто не знает, всех свидетелей уничтожили...

— Понятно-понятно. Пойдем поскорее, а? Ты говоришь, тут двадцать километров?

— Да. Но дорога прямая...

— Это утешает, — сказал Зимин и двинулся по линии.

Ему захотелось, чтобы все это поскорее закончилось. Чтобы они пришли в Апраксин

Бор, обнаружили, что там ничего нет, чтобы Кокосов понял... Хотя, может, и не надо, чтобы он понял. Если он поймет, то, вполне вероятно, взбесится и станет опасным... Ладно, посмотрим. Зимин сказал себе, что не хочет ни о чем думать все двадцать километров. Кажется, вначале Кокосов говорил, что тут всего двенадцать...

— Я люблю рыбалку, — рассказывал Кокосов. — В этом, мы, кстати, похожи.

Зимин не стал спорить, слушал.

— Есть версия, что рыбалкой занимаются люди, которые крайне неудовлетворены своей жизнью. Рыбалка для них — отдушина. Для меня тоже. Вот когда это со мной началось...

Зимин уже не особо спорил, просто слушал и шагал. Узкоколейка тянулась сквозь лес, порой прямо, а порой извиваясь и скручиваясь, как змея. По ней уже давно никто не ездил, это было видно по заржавевшим рельсам. Иногда лес обступал дорогу так плотно, что Зимину казалось, что они идут по тоннелю, выложенному желтыми листьями. Было четыре часа утра, но рассветом даже не пахло, луна светила, как новенькая, и сползать с небосклона не собиралась. Кокосов рассказывал о своей нелегкой судьбе, а Зимин думал, что при самых благоприятных условиях они выйдут к цели лишь к полудню.

— Сначала Пара исчезла. Она уехала с этим уродом Гоб-зиковым, и все, исчезла. А у меня все кувыркком покатилося — я и в институт не поступил, а когда поступил, меня выгнали, и этот кретин Шнобленко со своим Интернетом, он же там все поместил... Короче, я заболел очень сильно. Нервный срыв. Посоветовали заняться рыбалкой, я занялся. И как-то увлекся, знаешь. Купил себе мотоциклетку и стал ездить. Искать.

— Что?

— Что-то.

— Руководствуясь сновидениями? — тут Зимин уже не удержался.

— Почему же сновидениями? Отнюдь. Руководствуясь твоими книгами.

Зимин промолчал, начинать заново не хотелось.

— И какими же? — спросил Зимин. — Может, я что-то не понимаю? Может, я плохо знаком со своими книгами?

— Может, и плохо, — пожал плечами Кокос. — Только во всех твоих книгах есть указания...

— Стоп, — оборвал Зимин. — Я не хочу слышать про какие-то указания. Про тайные тропы, про секретные карты, про всю эту крипточушь! На-До-Е-Ло!

— Это не крипточушь. Это реальность! Я это понял, когда «Темную материю» прочитал. Потом начал сопоставлять, начал изучать, выписывать. У тебя ведь там целая система намеков, скрытых примет, отсылок. Парцифаль, Беовульф, Король-Рыбак, Эскалибур, я начал считывать контекст и поглядел на все эти книги совсем иначе! «Зима в небывалой стране» — это как бы экспозиция, введение, когда автор берет читателя за руку, приглашает его разгадать...

У Зимина заболела голова. В последнее время у него часто болела голова, это начинало беспокоить.

— Вся квадрилогия — это как дорожная карта, — разглагольствовал Кокосов. — «Зима в небывалой стране», где протагонист встречается рыцаря Парцифалья, который прикидывается дурачком для того, чтобы обрести чашу Грааля...

Зимин попробовал отключить слух. Чтобы не слышать всего этого. Хорошо бы вообще и не видеть, потому что этот Кокосов начинает как-то незаметно проникать в мозг, жить там отдельной жизнью.

— ...Затем «Беовульф»! — продолжал Кокосов. — Герой без страха и упрека, ищущий сокровища дракона, но встречающий свою гибель...

Беовульф, подумал Зимин, это, конечно, да. Золото Рейна, или как там... Золото. Хорошо бы получить тот контракт на рекламу ноутбуков, можно, наверное, неплохие деньги

поднять. Купить квартиру в этом самом Калининграде, на берегу моря, чтобы пахло соснами, чтобы волны выбрасывали на берег куски грубого янтаря, он бы связал из них бусы для Лары, ей удивительно идет янтарь.

— ... А «Темная материя» — это ключ ко всему. Потому что «кошки ходят поперек»! Знаешь, у меня был кот...

— Ты рассказывал, — напомнил Зимин.

— Да, рассказывал...

Кокосов остановился и стал дышать хрипло и тяжело, Зимин подумал, что с такой скоростью к полудню до психушки они не доберутся.

— Бронхит, — пояснил Кокосов. — Ничего, я соберусь. Просто влажность большая, вот и одышка. Я продолжу...

Кокосов действительно собрался и стал шагать быстрее, правда, рассказывалось ему при этом хуже, задыхался, но Зимин его не жалел, держался в полную ногу.

— Я искал здесь, ну и это... заблудился. Тогда погода совсем испортилась, я уже думал в лесу заночевать, но вдруг заметил на холме корпуса. Апраксин Бор. Я как вывеску увидел, у меня волосы чуть дыбом не поднялись. Попал в кабинет главврача, там в столе тетрадка и лежала.

— Ну да, — сказал Зимин. — Бывает.

А дождя здесь нет, отметил Зимин. И облаков нет, небо чистое. Дорога просматривается отлично, впереди психушка, настроение отличное.

— Я тетрадку прочитал и понял, что сюда надо вернуться, — рассказывал Кокосов. — В Апраксин Бор. Я несколько раз пытался сюда вернуться, и у меня ни разу ничего не получилось. То мост снесет, то гроза, то еще что-нибудь. А один раз заблудился, да так, что три дня не мог выйти. Только потом я осознал, только потом до меня дошло, в чем тут смысл!

— И в чем? — спросил Зимин, подозревая, что особого смысла нет.

— В том, что мы должны прийти сюда вместе. То есть я должен тебя сюда привести!

Слово «привести» Зимину не понравилось, и он сказал себе, что, пожалуй, стоит быть настороже. Он и так был настороже, но теперь...

— Ты убедишься! — заверил Кокосов. — Убедишься, что все это реально!

— Непременно. Далеко еще?

— Не, рядом совсем. Хорошо ведь идем, а? Погода отличная, прохладно, солнце скоро взойдет, небо рассветет, не то что в вашем городе. Скоро уже.

Но не рассветало.

Зимин смотрел на часы, время приближалось к шести, а солнца не предвиделось. Зимин даже не мог определить, где восток, потому что навигатор, разумеется, не работал, небо было равномерно темно, а по звездам Зимин так и не выучился ориентироваться.

Они шагали дальше. Зимин зло и раздраженно, Кокосов брел за ним, стараясь не отставать, но все равно отставал, а когда отставал, то немного добежал по своей причине.

— Ты, Зимин, должен поверить...

— Может, ты еще мне про меня что расскажешь?

— Нет, на самом деле — любят гулять. Я все прочитал, у тебя все герои где-то бродят, то в полях, то в лесах, а ты сам бродить не любишь?

— Я люблю на диване лежать и грызть орехи. Бродить по заброшенным железным дорогам — нет.

— Зря. Это очень интересно. Я очень люблю...

Кокосов принялся рассказывать, как он любил бродить по лесным дорогам, и даже состоял в сообществе любителей заброшенных дорог.

Зимин глядел по сторонам.

Иногда кусты расступались и виднелся лес, сосны, высокие и почему-то темные, слишком уж северные.

Все-таки постепенно рассветало. То есть совсем медленно, утро обозначилось холодными сумерками, в которых окружающая природа приобрела стальной оттенок. И в восемь были сумерки, и в девять сумерки, в десять Зимин понял, что еще немного, и Кокос упадет. А потом ему придется тащить его на себе, потому что бросить его будет нельзя...

Кокосов запнулся и упал на рельс.

Зимин решил, что стоит остановиться. Передохнуть. Он сбросил рюкзак, быстро набрал дров для костра, развел огонь между рельсом и вывороченным камнем, поставил котелок. Через двадцать минут вода кипела, Зимин достал пачку с сухим шоколадом и высыпал ее всю.

— Горячий шоколад, — понюхал Кокосов. — Я тоже его люблю...

Зимин дождался, пока шоколад забулькает, вытащил из огня дымящуюся ветку, сунул ее в шоколад. Уголь зашипел, запахло вкусно.

— Жаль, что комаров уже нет, — сказал Зимин. — Правильно с комарами варить, гораздо вкуснее. Но можно и просто плюнуть, так раскроются наиболее тонкие вкусы...

— Не надо, — попросил Кокосов. — Обойдемся без комаров...

— Как знаешь, — Зимин разлил шоколад по кружкам. Они пили шоколад не спеша, сидя на рельсах, отдыхая.

Зимину хотелось спать, однако спать было нельзя, Зимин чувствовал это. Тут было опасно.

После привала зашагали бодрее, Кокосов уже не отставал. Правда, светлее не становилось, над землей продолжали висеть сумерки, хотя луна несколько выцвела и стала полупрозрачной.

— И что это значит? — спросил Зимин, указав на луну. — У тебя есть какие-нибудь объяснения сему астрономическому феномену?

— Такое бывает, я слышал... Но редко. В этих местах часто происходит разное.

— Знаю-знаю. Тут геомагнитные разломы, подземные моря, Гиперборея. Снежный человек, порталы, пропала экспедиция чешских уфологов. Будем считать, что я верю. Далеко еще?

— Нет, рядом совсем. К двенадцати будем... Но к психушке вышли к трем. Никакого указателя, что это

Апраксин Бор, но Кокосов уверил, что пришли они правильно, место то, он не ошибся.

Настроение у Кокосова явно улучшилось, он потирал руки и Радостно озирался. Зимин особо не радовался, ему здесь До сих пор не нравилось. Глушь. Торчащие из осенних зарослей полуразрушенные здания с выбитыми стеклами. Много ржавого железа. Но похоже. Именно похоже, Зимин с неприятностью для себя обнаружил, что этот Апраксин Бор весьма и весьма согласовывался с тем, что представлял он. Такая же глушь.

— Тут была лечебница для самых необычных психов, — поведал Кокосов. — Я специально в Интернете смотрел. Не простые сумасшедшие, а с прибабками. Некоторые могли вызывать у других людей припадки, другие вызвали огонь, а некоторые... некоторые могли сквозь стены проходить...

— О! — восхитился Зимин. — Это впечатляет. Только что-то я в своей жизни никогда не видал ни одного такого, кто бы мог усилием воли зажечь хотя бы спичку.

— Потому что они все в психушках сидели, — сказал Кокосов. — Ты думаешь, их что, к людям допускают?

— Да! Их исследуют в секретных военных лабораториях, чтобы приготовить из них сверхоружие...

— Не, — с разочарованием сказал Кокосов. — Они совсем к оружейным целям непригодны. Поскольку не контролируемы. Ну что, пойдем?

— Пойдем.

Они направились в сторону корпусов.

Очень скоро, меньше чем за полчаса, Зимин понял, что все это совершенно бессмысленно. Как он и ожидал.

Во-первых, это совсем не было похоже на психлечебницу. Конечно, Зимин особо в этом не разбирался, однако никаких признаков дурдома им встречено не было. Ни решеток, ни стальных дверей с пудовыми замками, ни истлевших смиренных рубашек, обычные помещения, обшарпанные, заросшие мхом и плесенью, со сгнившей мебелью, с длинными лампами под потолком.

Во-вторых, искать тут было совсем нечего. В комнате, которая когда-то была кабинетом главврача, не оказалось вообще ничего, кроме ржавых потеков на стенах. Они спустились в подвалы и, как и следует, обнаружили там воду, давно застоявшееся болото, вонючее и непроходимое. Они поднялись на чердак и обнаружили там лишь пустые осиные гнезда, птичий помет и несколькодохлых летучих мышей.

В-третьих, Кокосов явно не знал, что искать и где искать. Он бессистемно бродил по коридорам, издавал многозначительные звуки, кивал сам себе, хмыкал и смотрел в потолок.

Зимин терпеливо бродил за ним, молчал и убеждал себя быть терпеливым.

Терпения хватило ровно на два часа.

— Ну и? — спросил Зимин, когда Кокосов пустился обходить руины в третий раз. — Мы облазили все эти развалины, и я совсем ничего не почувствовал. Ничего не увидел, ничего не заметил. Никаких тетрадей с записями мы не нашли. Ну и?

Кокосов промолчал.

— Мы ехали почти всю ночь, мы почти целый день тащились через лес, я, кажется, натер мозоли и стал чувствовать себя идиотом острее. И что? Смотрим на ржавчину на стенах и гнутые табуретки? Это, безусловно, весьма познавательно, но... Какого черта мы тут делаем?!!

Кокосов вздохнул.

— Я не знаю. В тот раз мне показалось...

— Тебе, значит, показалось?!

Кокосов побледнел. Опустил глаза, сделал рукой движение к карману.

Электрошокер, подумал Зимин. Конечно, он прихватил его, а может, еще чего прихватил.

— Это точно то место? — спросил Зимин.

— Точно. Я не мог ошибиться... Возможно, надо подождать...

— Долго? — осторожно спросил Зимин.

— Ночь, — негромко ответил Кокосов. — Лучше ночь тут провести, чем на узкоколейке.

— Ладно. На первом этаже есть отличная комната, кажется, там раньше хранили лопаты. Лопатная.

Кокосов был не против лопатной.

Зимин велел ему искать дрова, а сам отправился в овраг, к ручью, за водой.

Но воды он не нашел. В овраге ее не было, ручей пересох. Кроме того, Зимин обнаружил несколько мертвых родников, они были затянуты песком, отчего казалось, что они этим песком и текли. Так что пришлось Зимину и Кокосову жевать лапшу сухой, и хлопья тоже жевать сухими, Зимин даже лук пожевал. Как ни странно, это было не очень омерзительно.

После шести стемнело, Зимин развел костер, они уселись вдоль стен и некоторое время молчали. Зимин устал и думал мало, был зол. Кроме того, хотелось пить, хлопья пюре застряли в зубах, и Зимин никак не мог от них избавиться, и это раздражало. Он сидел, стараясь выковырнуть их языком, потом он старался выковырнуть их охотничьей спичкой, потом

леской, потом он отгрыз ноготь большого пальца левой руки и попробовал им. Но хлопья были упорны, Зимин погрузился в их выковыривание, а потом вспомнил, что это не хорошо, это обсессивно-компульсивный синдром, от которого он едва избавился в детстве.

Кокосов улыбнулся.

— Малиновое варенье, — сказал он.

— Что?

— Я тоже ненавижу малиновое варенье. И крыжовнико-вое. Все в зубах застревает.

Зимин промолчал.

— Извини, — вдруг сказал Кокосов. — Так не должно было случиться. Я был уверен, что... Сам не знаю... Наверное, надо подождать...

— Надоело, — перебил Зимин.

— Что? — не понял Кокосов.

— Всё. Живешь, как перед зеркалом. Точнее, между двумя зеркалами, куда ни взглянешь, везде отражения. Иногда даже непонятно...

— А что, если это мы и на самом деле отражение? — спросил Кокосов.

— В каком смысле? — не понял Зимин.

— Ну, в таком. Мы вот сидим и думаем, что мы — это первичная реальность. А все остальное — плод нашей фантазии, лучшие миры, которые мы придумали в печали. А если дело наоборот обстоит?

Зимину не хотелось сейчас погружаться в философию, ногу он сегодня уже натер.

— Восемь лет я придумывал сказки, — начал объяснять Зимин. — То есть, конечно же, не все восемь лет, четыре года я учился писать. Каждый день по шесть часов. Меня от этого уже тошнит. А потом приходит некий человек и начинает всерьез рассуждать...

— Что-то вроде страшного сна! — воскликнул Кокосов. — Не обязательно кошмара, нет, просто унылый беспробудный сон, в котором нет ни радости, ни счастья. Ну, вот сам посуди — разве может тень цветка быть ярче самого цветка? Есть мир — яркий, светлый, яростный, мир, в котором живут надежда, мир, в котором ветер. А есть наш. Похожий на болото, беспросветный. В нем нет счастья ни для кого, ни для богатого, ни для бедного. Понимаешь, тут нет счастья — тут только оттенки несчастья. Сто оттенков серого. А счастье — оно там. Пусть сегодня мы ничего не нашли, но оно там...

Указал Кокосов за окно, в темноту.

— Ага, — кивнул Зимин. — Тридцать три раза. Нет там никакого счастья.

— Есть.

— Нет. Это ты, дурачок, так думаешь, а я знаю. Потому что счастье — не там, оно здесь.

Зимин постучал пальцем по лбу.

— Счастье не может быть в человеке, оно может быть лишь вовне. Человек не может быть счастлив сам с собой.

— Да ты у нас Цицерон, — устало поежился Зимин. — Красиво излагаешь. Проводник, чаю!

— Человек не может быть счастлив сам с собой, — повторил Кокосов. — Человек ищет. В том числе и смысл. Человек должен слышать. А ты перестал слышать...

— Ты сам себе противоречишь, Спиноза, — возразил Зимин. — Ты уверяешь меня, что мы — отражение иного, лучшего мира. Но если мы — отражение, то чего ты тогда так переживаешь? Какая разница, что я сочинил или не сочинил? Пусть я десять раз бы написал, что Перец погиб — ничего с ним бы не случилось. Ничего.

— Я думал об этом, — покачал головой Кокосов. — Не все так просто. Видимо, случилось что-то такое, отчего тени обрели власть над хозяевами...

Зимин зевнул. Ему на самом деле стало скучно. И противно еще. Стыдно немного —

ему представлялось, что Кокосов и его бред будут жизнеспособнее. Ярче. А так...

— Так вот, тени обрели власть над хозяевами, — сказал Кокосов. — Поэтому ты и можешь влиять на...

— Нет, — перебил Зимин. — Я могу влиять потому, что тень — это он. Перец. Это они наши тени. Они здесь!

Теперь он постучал себя по голове ладонью. И сильнее, чтобы звук получился звонче.

Кокосов несогласно помотал головой.

— А вообще... — Зимин задумался.

Он закрыл глаза, почувствовал злое раздражение. На всех,

На Кокосова. И не за то, что Кокосов втянул его в это бредовое мероприятие, а за то, что он, Кокосов, вот такой. Жалкий, но при этом настырный и прилипчивый.

На себя, за то, что позволил втянуть себя в это бредовое путешествие. За то, что он в сырой осенний вечер сидит на развалинах психушки, за то, что он вымок, замерз, за то, что он похож на дурака. Даже на Лару он почувствовал злость. Потому что она его не поддержала. Не сказала, что все это бред, морок, воспаление сознания. За то, что не схватила его за шкуру и не утащила в Калининград, к песку и к морю.

На человечество. Которое не может устроить себе нормальную жизнь, а вместо этого тридцатый век подряд придумывает себе вымышленные убежища. Тихие долины, рожденные тоской и неудовлетворенностью в жизни. И чертит к этим долинам карты, и само в этих придуманных картах пропадает. Жизнь трудна, но вот-вот прилетит звездолет.

Ага, прилетит, сейчас. За тобой, засранец бестолковый. А ты вообще этого звездолета достоин?

Зимин поглядел на Кокосова и сказал:

— А вообще, друг мой Кокосов, сам напиши.

— Что? — встрепенулся Кокосов.

— Сам, говорю, напиши. Пятую книгу. А я не буду. Не хочу. Хозяин — это я. А все они — мои выдумки. И что хочу, то с ними и делаю.

— Но ты же обещал...

Зимин рассмеялся, постарался сделать это как можно обиднее. Он поднялся со стула, отряхнул колени.

— Я передумал, — сказал Зимин. — Передумал. Ничего я не собираюсь тебе сочинять. Перец сдох — и точка. Засим, с пламенным приветом, прошу откланяться. Пока.

Зимин пнул костер, выбил из него искры, они поднялись к потолку и почему-то зависли, не погасли, а продолжали светиться, точно сверху на них глядели десятки маленьких красных глаз. Зимин дунул в них, и они погасли.

— Так-то вот, — сказал Зимин и направился прочь.

Он с трудом представлял, как он будет выбираться из Апраксина Бора, но ничуть не сомневался в том, что это у него получится.

— погоди! — крикнул Кокосов. — погоди, так нельзя! Зачем мы тогда сюда пришли?

Он обежал вокруг Зимина и встал у того на пути.

— Зачем?!

— Действительно! Зачем мы пришли в разрушенную псих-лечебницу ночью? Немного отдохнуть на лоне психопатической природы, только и всего. Прекрасное начало для фильмов ужасов. Но дольше оставаться тут я не намерен. Ни минуты. А намерен я отсюда свалить. Сколько тут до ближайшего города? Пятнадцать километров? Ничего, к утру как раз успею.

Зимин толкнул Кокосова плечом, лихо перепрыгнул через подоконник.

— Аста сиемпре, команданте!

И Зимин двинулся поперек двора к выходу. Он слышал, как пытается перелезть через подоконник Кокосов и как это у него не получается.

— Погоди! Пожалуйста! Виктор!

Зимин ускорил шаг. Он подумал, что Кокосову совсем не понравится остаться одному в заброшенной психлечебнице, что он испугается и...

— Постой! — Кокосов вывалился из окна, упал на древнюю брусчатку и ойкнул.

Он попытался подняться на ноги и тут же ойкнул еще громче и свалился.

Зимин уходил. Он приближался к воротам. Он не собирался оглядываться.

— Я ногу растянул! — верещал Кокосов вслед. — Кажется, я порвал связки!

— Поздравляю.

— Я тебя прошу! Не бросай... Ты должен. Ты должен, как ты не можешь этого понять!

— Да ничего я не должен! — крикнул в ответ Зимин. — Ничего! Никому! Не должен!

Кокосов полз за ним на одном колене, как-то боком умудрялся подпрыгивать.

— Должен! Ты сам не понимаешь просто... Ты пойми! Ты обязан сочинять книги!

— Ага! — не оборачиваясь, выкрикнул Зимин. — Сорок раз!

— Если ты не будешь сочинять...

— Мир рухнет! Ну конечно, кто бы сомневался! Развалится! Зодиак перекосится, и на землю осыплется. Земля сойдет со своей орбиты и вообще! Охотно верю.

Зимин упорно шагал прочь. Не оборачиваясь.

— Лара! — крикнул Кокосов вдогонку. — Лара! Я хочу тебе кое-что сказать...

Зимин остановился.

Кокосов умудрился подняться и теперь прыгал за Зиминим на одной ноге.

— Я хочу сказать... То есть спросить... Как ты с ней познакомился? Как? Ответь мне на этот вопрос, и я отстану. Пожалуйста!

Зимин смотрел, как Кокосов приближается. И, конечно же, Кокосов упал снова. Зимин вернулся к нему, крепко взял за шкирку.

— Мы познакомились в поликлинике, — сказал он. — Это было зимой. У меня врос ноготь, и я пришел его вырезать. А она вывихнула мизинец баскетбольным мячом. Мы познакомились в очереди к хирургу. И никакого тебе солипсизма.

— Неправда...

— Ты меня достал, — сказал Зимин. — Ты меня очень достал.

Он встряхнул Кокосова, притянул его к себе.

— Ты меня достал.

Зимин уронил Кокосова на землю. Тот попытался схватить Зимина за ногу, но Зимин вырвался и побежал. Не по узкоколейке, по дороге, которую он приметил еще днем.

Кокосов еще кричал что-то вдогонку, но Зимин не слушал. Было темно, по небу лезли низкие облака, из-за которых иногда выглядывали звезды. Бежать было не очень удобно, старая грунтовая дорога оказалась разбита и размазана, приходилось перепрыгивать через лужи и стараться не падать.

Ночью Зимин никогда еще не бегал, но по дороге бежать оказалось не так уж и сложно, главное стараться не делать слишком большие шаги, чтобы не запнуться. Но упал он всего четыре раза.

Он остановился километра через два, когда понял, что с пути он крепко сбился. Дорога явно спускалась к реке, а Зимин помнил, что ни через какую реку они не переходили. Видимо, во время бега он умудрился свернуть на другую дорогу. Зимин не очень удивился, в темноте можно заблудиться буквально в трех соснах, ну, свернул не туда, бывает. Надо вернуться обратно, вот и все.

Зимин почти повернул, но тут ему ни с того ни с сего захотелось посмотреть на реку. Он любил реки, как и любую текущую воду, и мог смотреть на воду долго, даже на пузыри в аквариуме. Хотя тут дело было не в воде, тут...

Зимин чувствовал, что ему просто необходимо посмотреть на эту реку. По-другому нельзя. Тянет. Как человека, боящегося высоты, всегда тянет выглянуть с балкона. Поэтому Зимин выругался и стал спускаться по дороге.

Он шагал, стараясь не вляпаться в жидкую грязь, и думал о том, что он это неправильно делает. Вместо того чтобы искать обратную дорогу, усугубляет ситуацию. В какой-то глухой местности, изобилующей размытыми дорогами и заброшенными психушками, он отправляется гулять по ночам. Тут ведь и волки наверняка есть.

Мысль о волках не приободрила. Зимин огляделся и пожалел, что не прихватил с собой газовый баллончик. Конечно, от волков им не отобьешься, а вот...

Зимин подумал об оборотнях.

В детстве он очень боялся оборотней. Однажды он видел, как в один из гаражей зашел дядька, а через некоторое время из него выскочил здоровенный черный волк. Потом, конечно, Зимин вырос и в оборотней верить перестал. Но не совсем. То есть он допускал... Короче, в полнолуние старался из дома без особой надобности не выходить. А теперь вот...

Мысли потекли в неприятном направлении, Зимин испугался и разозлился на себя, и назло испугавшемуся себе направился вниз по дороге. Прошедшие дожди подмыли ее по краям, песчаная подложка расселась, и стали видны черные корни деревьев и бревна, похожие на сгнившие кости. Видимо, дорога была проложена поверх древнего бревенчатого тракта, и теперь эти бревна проглядывали сквозь размытую землю. Воображение продолжало раскручиваться с убийственной буйностью, Зимину чудилось, что из-под грунта тянутся руки скелетов, он вспоминал страшные сказки про разбойников, подстерегавших по ночам своих жертв на российских шляхах и закатывающих их под колеса проезжающих. Кроме того, Зимину казалось, что за ним наблюдают. Он даже несколько раз обернулся, но ничего подозрительного не заметил.

Внизу действительно обнаружилась река. Неширокая, но какая-то слишком прямая, вытянутая, как стрела. Как канал.

Через реку перекидывался небольшой деревянный мостик, когда-то вполне проезжий, но теперь явно стремившийся к аварийному состоянию. Прежде чем ступить, Зимин проверил его ногой, мостик выдержал.

Он дошел до середины и остановился.

Река, казалось, застыла. Вода стояла высоко, однако Зимин, сколько ни вглядывался, не мог уловить ее движения. Очень хотелось плюнуть, но сделать это Зимин почему-то не осмеливался. Тогда он поступил иначе — отщипнул от перил моста широкую щепку и отпустил вниз.

Щепка коснулась воды и застыла, точно влипла в густую черную патоку. Река была определено со странностями. Впрочем, может, это из-за встречного течения, кажется, есть такие реки, которые текут только днем, а ночью останавливаются. А есть реки, которые текут в разные стороны, Волхов, вроде бы, а есть реки, в которых водятся чудовища. А то, что по воде не пошли круги, так, может...

Зимин не смог придумать этому объяснения. Поверхностное натяжение, вспомнил он. В этом весь смысл. Или вода слишком густая. Да мало ли...

Он решил проверить, поднял небольшой камень, отпустил в воду. Камень, не булькнув, ушел ко дну, поверхность все-таки взволновалась, на ней показалась яркая точка.

Зимин решил, что это соринка, попала в глаз и теперь вызывает странные эффекты. На всякий случай он задрал голову и увидел непонятное. Небо прямо над его головой немножко треснуло, и из прорехи потек огонь. Жидкий огонь, похожий на тонкую струю расплавленной

лавы, только гораздо ярче, как будто кто-то отворил в небе маленькое окошко и теперь лил через него кипящее пылающее масло. Несколько мгновений Зимин одурело наблюдал, как этот кипящий огонь падает прямо на него. Потому что это было красиво. Завораживающее зрелище. Прекрасное.

Зимин понял, что надо спастись, лишь в самую последнюю секунду.

Он заорал, перепрыгнул через перила моста и ухнул в черную мертвую воду. Она оказалась холодной, настоящий жидкий лед, у Зимина перехватило дыхание, он погрузился и успел определить под ногами глубину и почти сразу почувствовал, как немеют руки и останавливается сердце, и поглядел вверх.

Вода оказалась поразительно, сверхъестественно прозрачна, Зимин увидел надводный мир как через увеличительное стекло — резко и выпукло. Огонь разошелся над мостом на несколько языков, они упали одновременно, затопили мост слепящим пламенем и растеклись вокруг, по окрестностям и по поверхности воды.

Вокруг стало светло и ясно. Зимин опустил голову и увидел, что дна нет, что свет опускается в глубины и теряется в водной толще, что где-то далеко-далеко внизу сверкают острые, похожие на зимние звезды огоньки.

Огонь расплывался по поверхности. Зимин поплыл прочь, но не к берегу, а вдоль русла. Он чувствовал, как растет температура воды, как она из ледяной становится теплой. Воздух в легких заканчивался, Зимин выбрал место, где огня над водой не было, и всплыл.

Он почти немедленно захлебнулся в жгучем воздухе, закашлялся, обернулся.

Мост догорал. Огонь проел в нем дыру посередине, бревна, из которых мост был построен, превратились в раскаленные угли. Мост светился, и в некоторых местах угли испарялись, взлетая обратно в небо.

Горели берега. Мокрые деревья просохли и теперь разгорались с треском. Вода сделалась совсем нестерпимой, почти горячей. Зимин вдруг понял, что еще немного — и он сварится. Плыть в горячей воде было тяжело, к тому же Зимин чувствовал, что еще немного, и вода закипит. Он греб что есть сил, задыхаясь и захлебываясь, от резкого перехода в холод, а затем в тепло, сердце билось, готовое взорваться, Зимин заорал, бешено работая ногами и руками, и вырвался в полосу холодной воды.

Он почти не чувствовал себя от усталости, но упрямо греб к берегу, с трудом перебирая конечностями. Когда до илистого берега оставалось метров пять, судорога скрутила левую - ногу, Зимин перепугался и едва не утонул. На берег он выполз с трудом, бухнулся на колени, и его тут же стошнило водой. После этого Зимин свалился на спину и огляделся.

Мост продолжал догорать. Пылали и берега, а под мостом умудрялась гореть даже вода. Небо над пожаром светилось, но не красным, а непонятно белым светом. Зимин протер глаза и первый раз подумал.

О том, что произошло.

Катастрофа ракеты, первое, что пришло в голову Зимину. Не отработали надлежащие ступени, ракета зависла и взорвалась в небе, недогоревшее топливо пролилось на землю и по пути воспламенилось. А тут мост. Вот все и выгорело к чертям. Вполне правдоподобно. И в духе — быть убитым падающей ракетой, один шанс из сорока миллионов, но ведь серебряные кости тоже висеть не умеют.

Затем Зимин подумал про метеорит. Вроде бы он слышал что-то о жидких метеоритах, они падают медленно, выжигая все вокруг. Жидкий метеорит. Один шанс из ста миллионов. Или даже меньше.

Или молния. Конечно, это не очень походило на молнию, но о природе молний почти ничего не известно, так что это вполне могла быть шаровая молния, шанс...

Шансов тоже немного.

— Везет, однако, — прошептал Зимин.

Он попробовал достать телефон, чтобы снять пожар моста на память, и обнаружил, что телефона нет. Видимо, утонул. Или бесноватый Кокосов его хитро вытащил, когда за ногу ухватил. Или вытрясся где. Так или иначе, телефона в кармане не оказалось.

Зимин ругнулся и поднялся на ноги.

Берег был крутой, поросший кустарником, но глинистый и размытый, Зимин попробовал подняться, цепляясь за кусты, но не получилось, глина разъезжалась под ногами, и Зимин падал в грязь. В конце концов ему надоело барахтаться, и он решил выбираться вдоль реки. К своему неприятному удивлению, он обнаружил, что выплыл к противоположному берегу, и чтобы вернуться обратно, Зимину требовалось перебираться обратно.

Он попробовал войти в воду, но она показалась ему неожиданно холодной, Зимин выругался еще громче, после чего отправился вдоль воды. Надо было выбраться на крутояр и вернуться к дороге, все просто.

Берег оказался равномерно высок, Зимин шагал вдоль него, мерз, щелкал зубами и то и дело пытался подняться наверх. И каждый раз не получалось, уцепиться надежно за траву и мокрые кусты не удавалось, Зимин оскальзывался и сползал обратно.

Постепенно горящий мост оставался позади, Зимин оглядывался и видел лишь белое зарево в небе, и темные тени, мечущиеся в нем, похожие на летучих мышей.

Километра через два Зимин наткнулся на поваленную сосну и вскарабкался на берег по ней.

Приречный лес оказался сырой, под ногами чавкало и булькало. Зимин определил направление и двинулся обратно к мосту, но почти сразу воткнулся в густой подлесок и сбился с пути, вокруг него была только мокрая растительность. Зимин замерз еще больше, зубы уже не стучали, зубы колотили друг о друга, Зимин с трудом справлялся с ними и пару раз едва не откусил себе язык. Кроме того, он потерялся. Сосны были высоки и мацовой одинаковы, подлесок густ и желт, и зарево совсем уже не проглядывалось, ориентир исчез, Зимин стал опасаться, что если он не поспешит и не доберется до моста и не вернется в Апраксин Бор, то совсем скоро в лучшем случае заработает воспаление легких, а в худшем и вовсе примеряет деревянную джинсовку от переохлаждения.

Но сориентироваться в мокром лесу не получалось никак, кругом все было одинаковое, Зимин начал впадать в беспокойство. И уже почти в панику. Глупость последних дней спрессовалась в жидкий метеорит, в прыжок с моста, во все это дурацкое приключение, которое обещало перерасти в лесную драму. Зимин вдруг представил заголовки областных газет, ну, когда его найдут, через пару недель то есть.

«В лесу найден труп известного писателя».

«Фантаст Зимин съеден барсуками».

«Летописец Страны Мечты: ушел и не вернулся»

Лара расстроится. Если вообще найдут его, а то ведь могут и не найти, он же не сказал, куда направился, и здесь искать его не станут, а Кокосов ничего не расскажет. Так и сгинет в глубях.

Эта мысль вселила в Зимины печаль, погибать в столь унылом лесу не хотелось, это было как-то чересчур унижительно, скучно, банально, короче, ему совсем не подходило. Зимин представил свой остывший труп, представил, как к нему, истекая слюной, приближается линяющая россомаха, как куница прячется с ветки на ветку вокруг, рассчитывая поживиться ушами, как голодный еж тропит к нему путь для своего многочисленного семейства. Зимин подумал, что хочет жить. У него Лара, он недавно купил мотоцикл и еще не успел как следует насладиться, и вообще, глупо быть съеденным россомахой на пороге большой славы. Только-только кино сняли. Пошли-ка они.

Вспыхнувшая злость придала Зимину сил и даже немного согрела, он встряхнулся и устремился через лес. Старался двигаться быстро, чтобы хотя бы немного согреться. Чтобы

совсем не замерзнуть, Зимин решил читать стихи. Безжалостного собственного сочинения. Про чудесные носки из шерсти собаки Баскервилей, которые не только излечивали от ревматизма, но и выполняли некоторые желания. Миссис Хадсон ощипала мертвую собаку Баскервилей, но из-за старческой слепоты не смогла насучить из шерсти ниток и призвала для этого доктора Ватсона и доктора Мортимера, и они с энтузиазмом взялись за дело.

На словах «рукавами шурша, пряли шерсть кореша», Зимин запнулся за корень и упал в мокрый мох, поросший крупной клюквой. Ягода оказалась сладкая, Зимин съел две штуки поднимаясь же с колен, увидел небо. В просвете между тучами светили звезды, однако в звездах Зимин разбирался профански и хоть сколь-нибудь точно сориентироваться не смог. На всякий случай он выбрал самую яркую звезду и пошагал в ее сторону. Постепенно подлесок редел, становился прозрачнее, а вскоре и вообще сошел на нет, и Зимин оказался в белом сосновом бору. Раньше Зимин видел такое лишь на фотографиях — мох под ногами был плоский и снежный, цвета полярного медведя, толстые и ровные сосны выделялись на нем черными полосами. Точно Зимин оказался внутри резкого и контрастного фотоснимка. Внутри дагеротипа, так было, пожалуй, точнее. Черно-белое пространство выглядело пугающе, а мох почему-то хрустел под ногами. Дожди кругом, а мох хрустит, и вообще...

Зимин закрыл глаза, а когда открыл, странный лес никуда не исчез. Зимин поежился и отправился дальше, хотя шагать было нелегко, да и вообще-

Мрачные черные грибы. Зимин попробовал сбить подвернувшийся гриб сапогом, однако тот не сбил, издав необычный живой звук, гриб остался стоять, а Зимину показалось, что земля под ногами слегка колыхнулась. Впрочем, возможно, это его качнуло от усталости.

Деревья становились все толще и реже, мох все белей, Зимину чудилось, что он немного светится. А еще Зимин заметил, что грибы объединяются в группы, тянутся друг к другу и образуют замысловатые знаки. Потом деревья кончились, и Зимин вышел в поле. Вполне может быть, что это было не поле, а просто огромная поляна, плешь, возникшая посреди леса после падения метеорита, они тут, видимо, часто валяются. Сам метеорит лежал здесь же. Гигантский черный камень расположился в центре проплешины, кое-где округлый, кое-где черный, он возвышался над белым мхом пологим холмом и кое-где порос травой.

Наверное, это какая-то особенная земля, если метеориты падают сюда так часто, подумал Зимин. Он знал, что такие места существуют, знал, что в таких местах происходят необъяснимые вещи.

И вот теперь ему снова повезло. Потому что перед ним лежал метеорит. Большой метеорит, размером с несколько грузовиков, падение такого метеорита должно было вызвать настоящую катастрофу — взрыв, пожар, потоп, вымирание динозавров, непонятно, почему про этот метеорит никто не знал. А может, и знали. Знали и приходили сюда поклоняться этому гостю из космоса, просили у него счастья, здоровья, богатства, намазывали этот камень жертвенной бычьей кровью, сыпали в землю соль, лили слезы...

Неожиданно Зимин почувствовал, что ему стало тепло.

Зимин остановился и прислушался к ощущениям. Вокруг было тепло. На самом деле тепло, Зимин выдохнул и обнаружил, что изо рта не вырывается пар. Зимин сжал кулаки и обнаружил, что и руки у него отошли, пальцы сжимаются без труда, исчезла бледность.

Тепло.

Оно исходило от метеорита, Зимин явственно это ощущал. Тепло, живое и вполне осязаемое. Зимину вдруг захотелось подбежать к нему, забраться на верхушку и прижаться, чтобы согреться.

Зимин сделал шаг в сторону метеорита. И опять случилось непонятное — земля снова колыхнулась, и метеорит чуть сдвинулся, точно он был не каменный, а живой.

Зимин потерял глаза, и в следующий момент произошло нечто невообразимое. Метеорит дрогнул и увеличился в размерах. Он вырос почти в два раза, точно вдруг выдвинулся из-под

земли. Зимин замер.

Камень продолжал увеличиваться, он точно расправлялся из себя самого, Зимин немного окаменел; то, что происходило, было запредельно необычно, невозможно, перед Зиминим возносилась гора. И вдруг эта гора встрепенулась и расправила крылья.

Зимин услышал, как остановилось сердце. Вот только что оно стучало быстро-быстро и вдруг замерло.

Гора развернула крылья и неуловимо быстрым и грациозным движением обернулась к нему.

И Зимин увидел, что это совсем не гора. Зверь. Ростом в трехэтажный дом, с длинной толстой шеей, с острыми плечами, из которых выступали чудовищные крылья, похожие на два черных паруса. С головой, которая не походила ни на что. Ни на вытянутую морду крокодила, ни на тяжелую голову тираннозавруса Рекса, зубастого и бестолкового, ни на плоскую харю комодского варана, ни на что совершенно.

Зверь не напоминал ни одно из виденных Зиминим живых существ. Его голова состояла из сплошных острых линий и вытянутых треугольников, и пустот, и шипов, и черных зияющих провалов, она была длинна и тяжела, но при этом удивительно гармонична и слажена, казалось, что все составляющие части этой головы двигались относительно друг друга.

Крылья взметнулись и сошлись за спиной зверя, Зимина обдало запахом жженой березовой коры и спекшегося металла, существо вытянуло лапы и положило их на сосну, высоченную сосну, почти в тридцать метров ростом, и на несколько мгновений сделалось похожим на кошку, вздумавшую поточить ногти о ножку стула. Когти легко срезали несколько толстых ветвей, а сама сосна наклонилась, как соломинка.

Зимин тупо улыбнулся.

Это был дракон.

Черный. Даже не черный, а какой-то бездонный, бледный свет терялся в нем, как в глубоком бархате, он был темнее самой абсолютной темноты. Это была невозможная чернота, живая и активная, Зимину казалось, что перед ним шевелится клякса, неуловимая и быстрая.

Дракон не мог существовать. Но он существовал. И Зимин его видел.

Дракон растворил пасть, и Зимин увидел, как голова разделилась напополам и открылась страшная пасть, заполненная белыми зубами. Дракон с шумом выдохнул, и на мох потекла сияющая горячая слюна, она попала на дерево, и то мгновенно вспыхнуло, дракон фыркнул, повалил сосну плечом и дунул, сбив пламя.

А потом дракон увидел Зимина.

На морде нельзя было различить глаз, но Зимин почувствовал, что дракон его увидел. Потому что он повернулся в сторону Зимина и замер, превратившись в камень, в котором сложно было узнать живое существо.

Зимин смотрел на дракона и плакал. Нет, ему хотелось кричать, вопить от неприличной и дикой радости и еще странного чувства, суть которого Зимин не мог понять. Но кричать и смеяться он не мог, поэтому просто плакал.

Дракон ожил вновь и вдруг оказался рядом с Зиминим, то есть совсем рядом, в нескольких метрах, громадина сместилась, не задев ни одного прутика, ни придавив мха. Зимин почувствовал себя оказавшимся в фильме. Только тот дракон, компьютерный, не годился в подметки этому, настоящему. Этот был жив и страшен, и когда он очутился рядом, Зимин все понял.

И закричал.

Дракон выдохнул.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зимин открыл глаза.

По потолку еле ползла обреченная осенняя муха, Зимину стало ее жаль. Другие мухи, наверное, давно уже попрятались за подоконником и спят себе, видя сны о нескорой весне, а эта тупица не удосужилась и теперь верно приближалась к смерти.

— Очухался?

Зимин скосился влево.

Лара сидела в раскладном кресле, читала газету и ела печенье.

— Это ты? — спросил Зимин.

— Ага, — зевнула Лара. — Это я. А это ты?

— Вроде бы. Где это мы?

— Больница.

— Психбольница?

— Да нет, обычная. Районная.

Вокруг было много белого, и муха на белом весьма и весьма выделялась, а вообще вокруг была больничная палата, чему Зимин не очень удивился. Он пощупал лицо большим пальцем и обнаружил, что оно болит и намазано чем-то скользким и довольно-таки вонючим.

— Медвежий жир, — пояснила Лара. — А может, утиный.

— Барсучий, — сказал Зимин.

— Барсучий, это вполне. Короче, мама дала — от ожогов отлично помогает. Впрочем, ожоги у тебя не очень сильные, так, чуть. Ты где так умудрился?

— А, ерунда. Дракон приласкал.

— Я так и думала. Слушай, я говорила с главврачом, тебя отсюда выпишут хоть сейчас, надо расписку только дать.

— Расписку?

— Ну да, расписку. Что ты отказываешься от лечения и не претендуешь. Ну, и так далее.

— А я отказываюсь?

— Не знаю, если учесть, что в тебя ударила молния...

Лара покачала головой.

— В меня ударила молния? — Зимин потрогал лоб.

Вполне может быть, подумал он. Очень даже похоже. Ударила молния, душа отслоилась от тела и теперь не совпадает, находится чуть-чуть вонне.

— Значит, молния?

— Определенно, — подтвердила Лара. — Все указывает на это. Ожоги, расстройства психики, расплавленная цепочка. Доктора говорят, что молния. Заблудился в лесу, попал под грозу. Молния ударила рядом, то есть метрах в десяти, конечно. Если бы попала в тебя... Рожки и ножки остались бы. Повезло.

— Где меня нашли?

— Тебя не нашли, ты сам как-то. Ты вошел в пельменную растрепанный и обожженный и набросился на дальнобойщика.

Зимин попытался вспомнить про пельменную и дальнобойщика, но не вспомнил. Помнился только дракон.

И живая тьма.

— Вообще-то, Зимин, ты меня немножечко удручил, если честно. Ты зачем в отрыв-то пустился? Мотоцикл бросил, по телефону мне звонил, пургу нес какую-то... У тебя что, обострение гениальности?

— Что-то вроде...

Зимин закрыл глаза. Голова болела, щеки пекло.

— У тебя, кажется, срыв, — сказала Лара. — Ничего, это нормально.

— Ты полагаешь?

— Ну, конечно. У тебя еще ни разу не было срыва, это даже странно. Так что тебе это даже полезно.

— А молния?

— И молния полезна. Ты как-то бодрее стал выглядеть.

— Это точно молния? — спросил Зимин.

— Похоже на то. Во всяком случае, признаки весьма и весьма. А ты сам что скажешь?

— Не знаю... Мы поехали с Кокосовым...

— С каким Кокосовым? — перебила Лара.

— Ну, как с каким, с тем самым. Помнишь, на лестнице? Когда Никус тебя поцарапал. Он еще тетрадь мне дала...

— Тетрадь дома, да, помню. Но никакого Кокосова на лестнице не видела... Что за дурацкая фамилия вообще?

Зимин потер лоб и сказал:

— Кокосов. Он тогда тебя еще увидел и офигел просто... А ты еще сказала, что-то про умственно отсталых героев, кажется...

— Я говорила, помню. Но никакого Кокосова на лестнице не было.

Лара поглядела на Зимина с подозрением.

— Как это не было? Я же...

— Это, наверное, молния, — сказала она. — Тебя ударило молнией, вот тебе и... пригрезилось. Ложная память.

Лара дотронулась до головы Зимина, ладонь у нее была холодная и сухая.

— Я точно помню...

Лара приложила палец Зимину к губам.

— Тише, — сказала она. — Не стоит рассказывать про разные видения.

— Да какие видения! — начал было возмущаться Зимин.

Лара сделала серьезное лицо, Зимин замолчал.

— Ты же хочешь домой? — спросила Лара.

— Хочу.

— Вот и хорошо. Сейчас схожу к главврачу. Собирайся.

— Телефон дай, — попросил Зимин.

— Зачем?

— Позвонить надо. Отцу хочу. Может, откуда получится...

Лара поглядела на Зимина странно.

— Чего? — спросил он.

— Нет, ничего. Ты это... посидел немного. От молнии. Так что когда себя в зеркало увидишь, ты не пугайся.

— Хорошо.

Лара достала из сумочки телефон, передала его Зимину.

— Что смотришь? — спросил он.

— Да так, ничего...

Лара вышла из палаты, а Зимин принялся набирать номер отца. Ничего не вышло, на противоположном конце случились гудки, и почти сразу Зимину сообщили, что номер не существует, или временно недоступен, или еще какие-то там проблемы. Тогда Зимин решил позвонить Евсееву, заслуженному корсару в онлайн, в офлайне же человеку серьезному.

Набрал Евсеева.

Тот тоже не ответил. Зимин набрал снова. Евсеев не ответил еще раз, видимо, он опасался отвечать на звонок с незнакомого номера. Подозрительный стал Евсеев, не стать ему королем пиратов.

Зимин подумал, что перезвонит потом, как домой приедут.

Вернулась Лара.

— Договорилась, — сказала она. — Главврач тебя с удовольствием выпишет...

— Едем в Калининград, — выдохнул Зимин.

— Куда?

— В Калининград. Ты хотела в Калининград, давай поедem. Прямо отсюда.

— А книга? Ты хотел вроде пятую книгу начать писать.

— Я хотел?! — Зимин едва не подпрыгнул на кровати.

— А разве нет?

Зимин промолчал.

— Мне казалось, что ты собирался начать...

— Ну, да, — кивнул Зимин и поглядел на Лару с подозрением.

— Как-то у тебя «Снежные псы» обрываются, — Лара поморщилась. — И потом...

Потом мне кажется, нам деньги не помешают. Сколько тебе за продолжение предлагают?

Зимин снова стал смотреть на муху. А муха смотрела на него. За продолжение предлагали немало.

— Нет, — сказал Зимин. — Надоело. То есть не то чтобы надоело... Я просто устал. У меня другие идеи.

Зимин вспомнил дракона. Почувствовал, как по загривку пошли неприятные мурашки.

— Другие идеи, да... Давай в Калининград, вот прямо завтра. Нет, послезавтра, завтра я хочу к отцу заехать. В прошлый раз его дома не было, а я хотел с ним поговорить.

— Поговорить? — Лара опять поглядела на Зимина странно.

— Ну да. Хотел у него одну штуку спросить. В прошлый раз, когда я к нему заглядывал, он мне одну штуку показывал...

— Показывал? — спросила Лара.

— Ну да. Короче, мне надо с ним поговорить, а дозвониться опять не могу. Такое впечатление, что это в целый мир ударила молния. Даже Евсееву не могу дозвониться.

— Кому?

— Евсееву. Ты его не знаешь, мы вместе остров держим в «Пиратском берегу», он там Алехандро Тич... Ладно. Можно ехать?

— Да, можно ехать.

Зимин выбрался из кровати и, стараясь не смотреть особо по сторонам, поспешил к выходу, но все равно увидеть успел — плакат «Тифозная вошь: уроки гигиены», обшарпанные подоконники, крысобоюку на взводе, фикус с подозрительно обкусанными листьями, унылую протяженность бытия, Зимин шагал по этим тоскливым коридорам, обнаруживая в себе все больше признаков удара молнией.

Лара шагала рядом.

Зимину было стыдно перед ней. Все это выглядело... Черт знает как. Кретински.

Они вышли из больницы на крыльцо. Больница располагалась в лесу, не в парке, а в самом настоящем лесу. Зимин отметил, что тут, в общем-то, неплохо. Деревья, воздух, лежать можно. Лечения, правда, наверняка никакого, но тут и воздух лечит.

— Ты тут три дня провалялся, — сообщила Лара. — И все три дня проспал. Отдохнул?

— Пожалуй.

Зимин почувствовал, что он на самом деле отдохнул. Или молнией это подзарядило?

— Выглядишь неплохо, кстати, — Лара достала расческу. — Совсем неплохо, как

новенький почти.

Зимин упрямо причесался рукой.

— Ну? — спросил он. — Что теперь?

— Теперь домой. Пару дней отдохнем...

Лара поглядела в небо.

Погода не очень хорошая, отметил Зимин. Здесь тоже не очень хорошая, а уж дома... Он вспомнил про ливни и поежился, возвращаться в ливни не хотелось, он вырвался из них, и теперь обратно...

А еще в него, кажется, ударила молния.

Возле ворот больницы дожидалась зеленая «шестерка», которую Зимин немедленно узнал по милицейской фуражке, лежащей под задним стеклом. Дядя Вася, пенсионер, вурдалак.

— Проводник, чаю... — пробормотал Зимин.

— Что? — не поняла Лара.

— Почему молния ударила именно в меня?

— Это знак, — подмигнула Лара. — Ты отмечен стариком Одином. Скоро начнешь исцелять наложением рук. Или пчелами. Вон дядя Вася увлекся апитерапией, он и тебе привез пчелок, говорит, от молнии прекрасно помогает.

— Пусть сам себя жалит, а мне и так хорошо.

Дядю Васю он не любил — это раз, в «Жигулях» он не любил ездить — ноги не вытянешь — это два, кроме того... Впрочем, и этого было больше чем достаточно.

— Другой машины что, не было?

— Да ему по пути, — объяснила Лара. — Он сюда за литьем ездил, вот я и подумала...

Зимину не хотелось вступать в разборки, и он решил, что потерпит дядю Васю некоторое время. В конце концов, дядя Вася — как раз в тему, ну вот всей этой жизни. В которой ты хотел прыгать с парашютом, нырять к Барьерному рифу и гнать на «Харлее» через Оклахому, и в которой ты выбираешь дачу, клеишь обои и беседуешь с дядей Васей о дизайне ульев.

— А сколько до дома? — спросил он.

— Шесть часов примерно. На поезде дольше, там ночью почти четыре часа ждать надо...

— Ладно, поехали, — Зимин поморщился. Они подошли к машине.

Лара устроилась на переднем сиденье, Зимин перебрался на заднее.

— Привет, Салтыков-Щедрин, — хмыкнул дядя Вася. — Правда, что ли, — тебя молнией долбануло?

Зимин промолчал.

— Да ты и так долбанутый был, теперь совсем плохой станешь, — сказал дядя Вася и стал запускать мотор.

Зимин отметил с удовольствием, что мотор запускается плохо, едва-едва, и сказал:

Да, жаль, что программу утилизации отменили. Дядя Вася скрежетнул зубами, и двигатель все-таки запустился. Машина тронулась тяжело, Зимин услышал, как Фохотнули в багажнике колосники и прочие скобяные изделия. «Жигуль» затрясся по гравийке. Зимин постарался. Расположиться чуть наискосок, но заднее сиденье оказалось заполнено комплектами постельного белья и войлоковыми буденовками для бани. Зимин скособочился и подумал, что в ткани бытия зияют явные прорехи — вот совсем недавно он встретил в лесу дракона — и вот почти безо всякого перехода он едет в ржавом автомобиле с дядей Васей.

Впрочем, возможно, это его на самом деле ударила молния. И на самом деле он лежит где-нибудь в больнице в состоянии перманентной комы. Или вообще, может быть, его убили

еще тогда, в детстве, и теперь длится, и длится, и длится, и длится этот причудливый и мучительный морок, который он воспринимает как жизнь, а на самом деле это вовсе не жизнь, Кокосов прав. С чего он, Зимин, решил, что вот это жизнь? Дядя Вася.

Лара обернулась и посмотрела на него, и улыбнулась. И Зимин подумал, что, наверное, все-таки жизнь, точно, жизнь, определенно, жизнь.

Дядя Вася закурил очередную папиросу и сообщил:

— У нас на заводе один мордвин работал, он любил в дождь купаться. Так его молнией прямо в реке убило, водолазы потом три дня искали. Но не нашли. Потом только нашли, через год, его в водосброс засосало, он там до половины сгнил.

Лара улыбалась. Зимин терпел. Дядя Вася рулил и продолжал воспоминания:

— А вот еще один мужик возле телевизора сидел во время грозы, так его через розетку молнией дернуло. Он оглох и стал сапожником. А до этого главным инженером был. Жена от него, кстати, сбежала.

Зимину очень хотелось обо что-нибудь сильно стукнуться головой. Сильно. И покричать еще. Наверное, если бы он был один, он бы поорал. Но перед дядей Васей не хотелось.

— У моей сестры был первый муж, он в грозу в стогу уснул, так ему уши сожгло. А потом ему и пальцы отрезали, они у него неметь стали...

Зимин прикусил язык. Чтобы было больно. Чтобы пере'крыть дядю Васю.

Плохо, плохо было, непролазно. Как на поводке. И бежать некуда.

— ...И потом ему их и отрезали. А потом ему и руки тоже отрезали, самоваром стал.

Они медленно ехали, дядя Вася берег машину и объезжал колдобины, погода продолжала ухудшаться, над горизонтом висела туча, выделявшаяся чернотой даже на фоне общей пасмурности. Зимин вдруг перехотел возвращаться домой. Вот просто так взять и вернуться домой после всего, что произошло, было нельзя, невозможно, надо было как-то по-другому...

Но он все равно возвращался.

Начался дождь. Просто раз и со всех сторон, по дороге побежали ручьи, дядя Вася сосредоточился на управлении и про молнии перестал рассказывать. У дяди Васи дворники работали через раз, а потом заглохли вовсе, для того чтобы протереть лобовое стекло, ему приходилось вылезать на улицу, возвращался он мокрый и злой.

Зимину это нравилось, и теперь уже он рассказывал про то, что смертность среди владельцев отечественных авто гораздо выше, чем среди водителей иномарок, кроме того, поклонники отечественного автопрома страдают слабоумием и недержанием в четыре раз чаще прочих автолюбителей.

Дядя Вася скрипел зубами. Зимин радовался.

— Циклон, говорят, еще на месяц застрял, — сказала Лара. — В прошлом году тепло было, в этом дожди, льют, льют... И грозы.

— Это из-за МКС, — злобно объяснил дядя Вася. — Они там климатическое оружие испытывают, все огурцы в этом году желтые, две банки даже не засолил.

Дядя Вася стал ругать космонавтов и правительство, и цены на лекарства, ехали. Они ехали, а за окнами был лес, дорогу расширяли несколько лет назад, лес вокруг вырубил, и теперь он лежал вдоль асфальта большими кучами, точно кто-то припас по сторонам дороги сушняк для огромных костров. Зимин представил, что если прийти сюда ночью и зажечь все эти кучи, то сверху дорога будет казаться взлетной полосой. Или посадочной полосой. Для НЛО. Они обязательно вернутся.

— Мать твою, Лариска, на даче пластается, — сказал дядя Вася с вызовом. Картошку выкопать некому, а вы тут развлекаетесь...

— Говорят, у всех дачников повышенное содержание мочевой кислоты, —

сообщил Зимин. — А это до добра не доводит. Инфаркт миокарда — и все, в красивый деревянный ящик с резными узорами.

— Это я, значит, в ящик? — начал заводиться дядя Вася. — Я, значит, в ящик, а вы, господа литераторы...

— Кинотеатр вот сгорел, — громко вздохнула Лара. — Такие дела. В одночасье!

— Какой? — напрягся Зимин.

— «Краков». Как раз во время утреннего сеанса...

Зимин понял, что еще сильнее не хочет возвращаться,

Надо было сказать, что болит голова, и остаться в больничной палате. В городе явно опасно. Почему он не может дозвониться ни отцу, ни Евсееву...

— Кто-то курил в зале и заснул, вот и занялось, — объяснила Лара. — Потушить не успели, старый кинотеатр, сгорело все. Хорошо хоть никто не погиб...

— Фильм какой был? — спросил Зимин.

— Откуда я знаю? Какие там фильмы по утрам идут... Документальные, кажется...

— Там мой фильм шел в это время, — сказал Зимин.

Машина влетела в ухаб. Всплеснулась грязь, залила все стекла и почему-то потекла с потолка. Запахло бензином, двигатель зарычал.

Дядя Вася ругнулся.

— Паропанк нынче в моде, — сказал Зимин, он хотел пошутить злее, но не получилось.

Дядя Вася добавил газа и из ухаба вырвался, однако этот маневр сместил что-то в геометрии корпуса, и грязь с крыши стала попадать в салон, в частности на Зимина, но сильно хуже не стало.

— Тебе аспирин дать? — спросила Лара.

— Мне и так хорошо.

Зимин снова попробовал вытянуть ноги, но «жигуль» был мал, тесен и душен, дядя Вася почти всю дорогу курил крепчайшие сигареты и кашлял, Зимин мучался, ему казалось, что поездка не закончится никогда. А еще ему почему-то казалось, что дядя Вася попросится жить к ним. На недельку. Он морил тараканов и теперь проветривает помещение, и ему просто негде жить. Зимин представлял, как дядя Вася устроится в их комнате, займет диван и разложит на батареях носки, и скоро в квартире прохудится потолок и...

Грязь капала Зимину на плечо, но он не особо сопротивлялся, смотрел сквозь заляпанное окно наружу, в залитый грязью мир. За спиной в багажнике продолжал грохотать чугун, колосники, печные дверцы и чугунки и какие-нибудь скульптурные подземные уральские черти, которые так любят иностранцы. Дорога тянулась и тянулась, дядя Вася курил, молчал и ненавидел. Зимин засыпал, просыпался, стучаясь головой о стекло. Зимину казалось, что он погребен заживо в этой машине, что ничего больше, кроме этой машины, не будет, что это опять поворот не туда и все оставшееся время они будут ехать и ехать, и ехать, долго, вечность.

Вечность Зимин, разумеется, ненавидел.

Где-то на полпути к ней он заснул окончательно, а проснулся он перед самым городом от запаха апельсинов.

Открыл глаза. Апельсинов не нашел, зато сквозь лобовое стекло был виден сквозь дождь размытый город, вдруг яркий, похожий на картины французских художников.

Они ехали уже по шоссе, дядя Вася прибавил скорости, и вода перестала протекать сквозь крышу, а дядя Вася вновь вступил в хорошее настроение и явно собрался рассказать про очередной случай убийства одного знакомого молнией навывлет, но Лара опередила его и в этот раз.

— Дядь Вась, спасибо, что подбросили, — сказала она. — А то бы мы...

— Да ладно, — махнул рукой дядя Вася. — Ничего...

— Мы возле моста выйдем, — сказала Лара. — Спасибо дядь Вась, ноги надо размять.

— Ага, — поддакнул Зимин.

— Ладно...

Дядя Вася остановил машину, Зимин и Лара выбрались на воздух. Зимин попробовал размять ноги, но они плохо разминались, в каждую точно насыпали дробь. Да и настроение было не очень. Зимин злился, понимая, что теперь, вероятно, придется одолжить дядя Васе на «логан», в противном случае он прослывет среди родни окончательной сволочью.

Дядя Вася тоже выбрался, обошел машину и долго открывал багажник, звякая ключами, бормоча недовольное. Зимин начал подозревать нехорошее, и подозрения его оправдались, дядя Вася напрягся и вытащил из багажника скульптуру, отлитую из отличного чугуна. Два жирафа, тянущие шеи вверх,

— Ой, как здорово! — Лара хлопнула в ладоши. — Красота!

— Это я вам захватил, — сказал дядя Вася. — Нате. А то у вас дома ничего нет из культуры.

Зимин едва не поперхнулся. Дядя Вася вручил ему жирафов, они дернули Зими́на к земле, и ему пришлось здорово напрячь спину.

Дядя Вася ухмыльнулся, запрыгнул в машину. Зимин остался стоять с жирафами.

«Шестерка» зажужжала, покатила к мосту.

— Видимо, теперь я в неоплатном долгу? — мрачно осведомился Зимин.

— Да не, ему всего сто пятьдесят тысяч не хватает.

— За сто пятьдесят тысяч я бы пешком дошел, — сказал Зимин, поудобнее перехватывая жирафов. — Меня бы до Владивостока и обратно свозили бы. Четыре раза.

— Не злись, Зимин, — сказала Лара. — Дядя Вася сам бездетный, мне все свое имущество завещал. Дом, дачу, мало-семейку.

Зимин при слове «малосемейка» вздрогнул.

Дом, дача, малосемейка. Обоим надо клеить. Бред. Дядя Вася оставил наследство. Чугунных жирафов.

— Видимо, теперь я должен его грохнуть ради наследства, — вздохнул Зимин. — И жизнь приобретет окончательно викторианские очертания...

— Да ладно тебе, дача хорошая, газон засею...

Зимин почувствовал обострение привычной уже безнадеги. Лара рассуждала об участках, о том, что в этом году плохо пошло с грибами, все дождями смыло, более того, на крыше начала подтекать кровля...

Они вступили на мост. Река разлилась. Недели непрекращающихся дождей сделали свое дело, река расширилась почти вчетверо, залив берега и поднявшись почти до самого моста. Вода текла мощно, издавая заметное гудение, как на гидроэлектростанции.

— Жаль, веревки не подарил, — сказал Зимин. — Привязал бы к жирафам и с моста...

— Брось, красиво ведь. Это какое-то литье редкое.

— Ладно...

Дошли до середины моста. Зимин остановился, поставил литье на перила.

На залитом лугу сидели птицы. Крупные, серые с голубым отливом, с длинными толстыми шеями и красными клювами. Они сидели в воде, медленно поворачивали головы и крякали. Зимин уже не очень удивился.

— Это что? — спросил он. — Утки, что ли?

— Гуси, — уточнила Лара. — Короче, у нас тут нашествие гусей приключилось. Говорят, магнитный пояс сдвинулся, вот они к нам и прилетели. Около сорока тысяч на полях

вокруг города.

— Да уж...

Зимин глядел на гусей. Они стояли над рекой, под ногами волновалась вода, мутная и заворачивающаяся в спирали, глубокая и гипнотизирующая. Зимину вдруг стало страшно, он подумал, что вода поднялась настолько, что тут может спокойно пройти небольшая подводная лодка. Или дракон. Он мог вполне уместиться здесь, между опорами, древний змей мог лежать на дне, ловить языком сонных налимов и думать о вечном.

Зимин представил, как он кидает вниз жирафов и они бьют змея по башке, он всплывает, оглушенный, и весь город питается рыбой. Зимин вспомнил, как отец верил в то, что в реке живет такой змей, конечно, не настолько огромный, но вполне внушительный, отец вроде бы видел его два раза, один раз в детстве, другой совсем недавно.

— Ты чего? — Лара потрясла Зимина за плечо. — О чем думаешь?

— А... — отмахнулся Зимин. — Вспомнил. Отцу хочу позвонить.

— Кому?

— Отцу. Давно не звонил. То есть звонил, но он что-то не отвечает.

— Зимин, ты меня пугаешь, — негромко сказала Лара. — Я понимаю, у тебя нервный срыв, ты устал, ты очень сильно устал, а потом в тебя ударила молния. Это, конечно, многое объясняет, Зимин...

Лара погладила жирафов.

— Но не все.

Лара поглядела на Зимина внимательно и озабоченно.

— И что же тебя так пугает? — ехидно осведомился Зимин.

— Пугает. То есть уже не пугает, я уже испугана до дрожи.

Лара вытянула перед собой руки, Зимин отметил, что пальцы трясутся.

— Зимин, — сказала Лара надтреснувшим голосом. — Зимин, твой отец умер пять лет назад.

ТРЕЩИНЫ

— Твой отец умер пять лет назад, — повторила Лара.

Зимин промолчал.

Он боялся что-то говорить. Вот сейчас он скажет, что нет, не умер, а она начнет доказывать. Вспомнит похороны, вспомнит номер свидетельства о смерти и что они написали на надгробной плите, а сама она была мраморная с веткой рябины, и прочие обстоятельства вспомнит. И Зимин втянется в это, и тоже вспомнит, как он стоял и смотрел в яму, а в руке грелась земля, мягкая, с кусками корней...

Зимин вдруг понял, что не хочет вспоминать. Он хочет оставить все так, как есть.

— Ты хочешь ему позвонить? — вкрадчиво спросила она.

— Не знаю... Голова болит сильно.

Зимин приложился к жирафам, чугун был холоден и приятен, Зимин закрыл глаза.

— Что-то не так, — сказала Лара. — Я это чувствую. Мы точно в западне... После того трамвая...

Лара вздрогнула.

— И эта особа говорит, что я псих, — ухмыльнулся Зимин.

— Я говорю, что все идет не так, как раньше. Я чувствую... Как будто мы не одни. Как будто за нами наблюдают.

В дяде Васе тоже есть польза, подумал Зимин. Вот подарил жирафов, они холодные, к ним можно прикладывать лоб. Правда, таща жирафов до дома, он немного надорвался, но ничего, грыжа — это тоже часть духовного опыта.

Всю дорогу до дома Зимин молчал. Тащил жирафов и молчал. И Лара молчала. Он обдумывал то, что она сказала. Старался понять — зачем?

Зачем она ни с того ни с сего, на пустом месте, старается его обмануть. Если отца нет, то это легко проверить, просто взять — и навестить. Чтобы увидеть все собственными глазами.

А что, если он провалялся в больнице долго? Так долго, что за его отсутствие... Но Лара-то не изменилась. Совсем. И осень. И всё...

— Голова болит, — повторил Зимин. — Наверное, легкое сотрясение. Сотрясся...

Зимин потрогал свой лоб.

— В этом нет ничего страшного, — ласковым голосом прошептала Лара. — Такое со многими случается. Переутомление, это всего лишь переутомление, я уже по этому поводу —

Что значит договорилась? — насторожился Зимин. — С кем это ты договорилась?

— С одним доктором. У него собственная клиника закрытого типа...

— Апраксин Бор, — усмехнулся Зимин.

— Нет, при чем здесь Апраксин Бор? Никакой не Апраксин Бор, обычный такой санаторий. Там очень хорошее питание, грязевые ванны, иглоукалывание, медовая бочка. Я поеду с тобой.

— Это очень мило с твоей стороны. Будешь держать меня за руку?

— Не шути, Зима. С этим не надо шутить. И запускать это тоже не надо, может аукнуться. Это серьезно.

— Ага. Непременно. На пару неделек в дурдом. Писатель в дурдоме, тебе это ничего не напоминает?

Зимин рассмеялся.

— Не надо так, — попросила Лара.

— Шапочку мне уже вышила? С буквой «Л/», разумеется.

— Ты себе льстишь, — сказала Лара. — Но если тебе так уж хочется, я тебе, конечно, могу вышить шапочку. Или валенки. Что лучше?

Зимин пожал плечами.

Лара отвернулась.

— Я хотела как лучше, — повторила она. — Только и всего. У тебя синдром хронической усталости...

— А в трамвае?! — почти крикнул Зимин. — В трамвае тоже был синдром хронической усталости?!

— В трамвае было отключение света, — объясняла Лара. — Опустился туман, влажность повысилась, на подстанции выгорел трансформатор. А я от тебя невроза набралась...

— Ты давно это придумала?! Сама?

Лара вздохнула.

— Ты давно это придумала?! — повторил Зимин злобно. — Чтобы меня в психушку? Давно?! А может, ты со своей мамашей договорилась?! Я в психушку, а она к нам со своими — Идиот, — сказал Лара уныло. — Какой же ты идиот. Как мне надоело...

— Ну, конечно, я идиот, — Зимин хлопнул в ладоши. — Идиот, ты не хочешь написать новую книжку? Хорошие ведь деньги предлагают! Дяде Васе нужна дача!

— Знаешь, Зимин, я ведь тоже могу так. Сделать морду косую и страдать, лежа на диванчике. Я ведь тоже...

Она замолчала, Зимин увидел по шевелящимся губам, что она считает. Досчитай до двадцати, а потом действуй. Внезапно ему захотелось, чтобы она не досчитывала до двадцати.

— Вали! — рявкнул Зимин. — Вали отсюда! Вали! Вали к своей мамочке!

— Ты что, Зима?

— Давай-давай! Варите варенье, солите грибы... Обои поклейте! Вон!

Лара хмыкнула, прыгнула с подоконника и вышла.

— Вали, — повторил Зимин. — Вали-вали. Вали!

Крикнул он вдогонку.

Дверью Лара не стала хлопать.

— Достали, — сказал Зимин. — Все достали. Отец умер...

Интересно, с чего это она? Отец умер. Бред. Его бьет молнией, он видит дракона, ему сообщают, что отец умер. Его любимая девушка сообщает.

Его любимая девушка ему врет. Зачем все-таки?

Зимин набрал отца.

Номер не ответил, но Зимин не очень удивился, отец всегда не отвечал, неполадки на линии.

— Ладно, — сказал Зимин. — Ладно, ладно, посмотрим.

Он быстро оделся и вышел из квартиры на площадку, спустился в гараж.

Руки тряслись. Сильно. И в локтях какая-то расхлябанность наблюдалась, наверное, из-за жирафов, перенапрягся, так что Зимин решил на мотоцикл не садиться. Вызвал такси и ждал его полчаса, сидя на скамейке перед домом, наблюдая за крысами.

Они выбиравались из подвала и серой веревочкой струились вдоль бордюра. В канализационные решетки крысы не спешили, предпочитали перемещаться по улице. Зимин и не представлял, сколько крыс обитало в подвале его дома.

А крысы уходили.

Некоторые тащили что-то в зубах, но что именно, Зимин увидеть не мог, дождь был не прозрачным, а каким-то серым, он размывал все, и уже в десятке метров все приобретало крысиный цвет.

Прибыло такси.

Таксист был злой и разговорчивый. Он сразу заявил, что в библиотеку в такое время едут только сумасшедшие. Затем сразу заявил, что в библиотеку в такое странное время он поедет как минимум по двойному счетчику, и вдруг заявил, что вообще завтра из города

сваливает.

— Отстойники переполнены! — зловеще произнес он.

— Что? — не понял Зимин. — Какие отстойники?

— Над городом отстойники, — повторил таксист. — За дамбами. Пятьдесят лет асбестовый завод сливал! Оборудование изношено! Дожди размывли холм! Еще чуть-чуть — и всё!

— Что всё? — спросил Зимин.

— Какую. У меня у соседа все рыбки повыпрыгивали из аквариума и черепаха сдохла.

— Почему?

— В знак протеста. Чует, что кирдык скоро, вот и не выдержала. А я завтра в Актюбинск. Как отстойники прорвет, так все тут затопит. Все всплывем. Нет, ну что за город?! Одни дебилы на дорогах! А в аэропорту вся взлетная полоса потрескалась — так что самолеты теперь не взлетят. И Новый мост тоже потрескался, движение там перекрыто, так что, если все начнется, уйти можно будет только через вокзал.

Таксист рассказывал еще много, про то, что подвижного состава не хватает, и в случае прорыва отстойников в вагоны не все влезут, поэтому лучше покупать противоголазы, лично он сам запасся, и может предложить совсем недорого, потому что когда прорвутся отстойники...

Зимин перестал слушать, смотрел по сторонам и не видел почти ничего, кроме дождя, смывавшего город. В библиотеку надо, обязательно, во-первых, фотографии. Надо посмотреть фото со встречи, надо узнать насчет... В конце концов, он явно видел золотое пятно, он не шизофреник, он вменяем... И лестницу проверить, это во-вторых. Чертова лестница, с ней явно не все в порядке, хитрый Евсеев, хитрый, наверняка дома жучков понаставил. Наверняка и завербовал кого...

Лара.

А что? Вполне может быть. Из лучших побуждений. Запросто. А может...

Страшно.

Зимин потряс головой, стараясь выбить из нее картину, которая возникла мгновенно и поразила его своей логичностью и непротиворечивостью.

Лара.

Они познакомились в поликлинике — кто так знакомится? И она сразу ему понравилась. Мгновенно просто. И он ей. И стали они жить, и все пошло по плану, даже с первым изданием никаких проблем. Люди годами корячатся, жилы рвут — а у него все легко, раз — и готово. Потому что он... Почему он? Зачем он им нужен? Он ведь ничего не умеет...

Или умеет?

— Приехали! — крикнул таксист.

Зимин вздрогнул.

— Уснул, что ли? Три часа ору, а ты как мертвый. Библиотека.

— Двадцать минут подождешь? — спросил Зимин.

— По тарифу. Двойному.

— Пойдет.

Зимин выскочил в дождь и взбежал по ступеням. Библиотека оказалась закрыта. На стекле висело объявление о том, что в связи с аварийной обстановкой работа учреждения приостановлена на неопределенный срок, по всем вопросам обращаться по телефону. Зимин тут же обратился по указанному номеру, но на другом конце провода ответили короткими гудками. Зимин вернулся в такси.

— Не работает? — сочувственно спросил таксист.

— Да.

— Сейчас везде так, — сообщил таксист. — На такие дожди архитектура не

рассчитана. Протечки, короткие замыкания. Аварийная обстановка. Снесет все к черту, весь город плывуном... Куда едем-то?

— К отцу, — сказал Зимин.

— К небесному? — уточнил таксист.

— Ах да... Улица Прасных... То есть улица Красных Партизан.

Поехали на Красных Партизан. По пути Зимин звонил. Отцу. Бесполезно, связь не держалась. Как всегда.

— Не работает, — подтвердил таксист. — На холме две вышки съехали, зона покрытия ушла. Так что связь у нас теперь как шкура у леопарда...

Странный таксист. Просвещенный. Шкура у леопарда, откуда он знает... Шкура леопарда, письма Бога, практики всемогущества, хорошо бы сейчас к жирафам приложиться...

— Ничего не работает, — радостно повторил таксист. — Мост почти подтопило. На сороковом километре железки, два километра ЛЭП под откос съехало. Почва подмыта, месяц на восстановление. Ни один электровоз не пройдет. Разруха, как во время войны.

Таксист снова рассмеялся.

— А тебе что на Красных Партизан?

Какая ему разница? Если соврать, подумает, я насторожился...

— К отцу хочу заехать.

— Правильно, — кивнул водитель. — В такое время только так и надо. Кто его знает, что завтра приключится? Опять же на АЭС, слышал, тоже неполадки. Вода в реке поднялась, фильтры в водозаборе засоряются, так что система охлаждения реактора работает с перебоями.

— Откуда известно?

— У меня там шурин...

Таксист пустился рассказывать про шурина, про то, как на станции всем выдают свинцовые штаны и свинцовые шапки, но помогает плохо, шурин уже лысый. Зато зарплата там достойная. Только никакая зарплата не поможет, если реактор расплавится и рванет...

Еще атомного взрыва нам не доставало, думал Зимин. Все в кучу. Бежать. Отсюда. Подальше. Отцу вот только...

— Не проедем!

Таксист выругался и отключил рацию.

— Что? — не понял Зимин.

— Не проедем, говорю. Ветром тополя повалило, один на ЛЭП лег, другой на путепровод. Весь район оцеплен, никого не пускают.

Зимин опустил стекло.

Мимо катились пожарные машины, «Скорая», машины гор-газа, фургоны с солдатами.

— Всё, — сказал таксист. — Бардак. Куда дальше? Или пешком пойдешь?

— Домой. Переоденусь... Потом.

Таксист начал выкручивать через двойную сплошную, ругаясь, грозя встречным кулаком, сигнала и газуя. Воняло паленым сцеплением и бензином, орали какие-то сирены. Зимин закрыл глаза.

К дому вернулись через полтора часа. За время пути Зимин узнал многое. Про то, как правильно вести себя в том случае, если «эта дрянь» все-таки рванет. Что консервы лучше в железных банках, вода в бутылках, а патроны всегда в магазине. Что «если что», нужно уходить лесами. Что все равно все сдохнут.

На этой позитивной ноте Зимин с таксистом распрощался.

Дома никого не было, впрочем, Зимин не сильно этому удивился — Лара не любила мириться сразу, любила выждать, любила, чтобы Зимин прибежал первый. Но в этот раз он

твёрдо решил первым не мириться. Он будет твёрд, как камень, пусть эта дура помучается.

Зимин бросил куртку в прихожей, прошёл в квартиру, лёг на диван.

Позвонил отцу. Снова.

Снова без толку, теперь перегрузка на линии. Зимин позвонил Евсееву.

Тот ответил.

— Привет, — сказал он скучным голосом. — Ты, кажется, вернулся?

— Да.

— Как здоровье? — Евсеев зевнул, но Зимин услышал, что Евсееву интересно.

— Неоднозначно, — ответил Зимин. — Ударен молнией.

— Шаровой? — уточнил Евсеев.

— Обычной.

— Жаль. Шаровой бывает забавнее. И как оно?

— Бодрит.

— Я так и думал, — снова зевнул Евсеев. — Многие вот прямо так и говорят — бодрит. Может, попробовать?

— Попробуй. Я, собственно, по делу звоню. Как там насчет? Узнал?

Евсеев закашлялся.

— Узнал, — ответил он. — Кое-что. Слушай.

Евсеев замолчал, кажется, он что-то перебирал на столе.

— Кокосов Евгений Валентинович, — сказал Евсеев через минуту. — В нашем городе, равно как и в области, подходящих объектов не проживает. В соседних областях проживают, впрочем, они не подходят по возрасту. Одному за пятьдесят, другому почти за семьдесят. Такая вот информация.

«Он мог меня надуть, — подумал Зимин. — Назвать чужую фамилию, документы-то я не проверял...» Поезд! Они ехали в поезде, в базе данных должно сохраниться... Ему никто не выдаст такую информацию, никто, даже если он обратится.

— Зимин?

— Слушай, у меня тут к тебе еще одна просьба...

Евсеев засопел.

— Короче, мне надо узнать еще кое-что.

— Опять о Кокосове? — усмехнулся Евсеев.

— Да нет... То есть да, о Кокосове, но по-другому. Понимаешь, я тут пару дней назад кое-куда ездил. Вот этот Кокосов ездил со мной...

Зимин вдруг понял, что не знает толком, как рассказать. Ведь все это чрезвычайно глупо со стороны выглядит, то есть совсем глупо, эта чудовищная поездка в психушку.

— Этот Кокосов ездил со мной, а потом он взял и куда-то делся...

— Слушаю.

— Я хочу сказать, что...

Зимин замолчал.

И Евсеев тоже молчал. Оба молчали, и это продолжалось долго, и Зимин понял, что это все неспроста. Евсееву тоже что-то было нужно.

— Короче, Евсеев, мне нужно узнать, ехал ли со мной в поезде этот человек. Это можно сделать?

— Допустим. Дату и маршрут не забыл?

— Нет, конечно.

Зимин назвал дату и маршрут.

— Жди.

Евсеев не отключился. Зимин слышал, как он напевает что-то и щелкает по клавиатуре.

— Я узнал, — сказал Евсеев через три минуты.

— Ну?

Евсеев высморкался, Зимин почему-то понял, что тот высморкался в кулак.

— И что же ты хочешь? — спросил Зимин.

Евсеев высморкался еще.

— Ну? — спросил Зимин. — Чего?

— Хочу... Ну это... Я хотел попросить... Ну, вот мне хотелось бы... Короче, а нельзя ли... ну, я хотел бы попасть в книгу.

Зимин с трудом удержался. Ну, чтобы не расхохотаться. Он ожидал практически чего угодно, кроме этого. Евсеев хочет попасть в книгу. Интересно, кто он там на самом деле? Майор? Хотя нет, вряд ли майор, наверное, уже подполковник. А может, и полковник, у них там все быстро происходит.

Полковник Евсеев хочет попасть в книгу. Похвально. Правильно. Все остальное у него уже есть: и загородный дом, и «бумер»-металлик, и вообще. А в книгу он не попадал.

— В каком смысле? — уточнил Зимин.

— В смысле персонажа. Нет, конечно, не главного, — тут же уточнил Евсеев. — Второстепенного. Можно даже и третьестепенного, я согласен. Только чтобы фамилия была правильная. И имя.

— Зачем тебе?

— Хочется. Знаешь, предчувствия всякие одолевают...

Евсеев деревянно и неестественно расхохотался.

— Предчувствия?

— Ну, да. Знаешь, наш мир стал так неприятно зыбок. Все движется, я как будто между...

Евсеев потянул паузу.

— Двумя зеркалами... — сказал он. — А вдруг ты получишь Нобелевскую премию? Классиком станешь. А я буду про себя своим детям рассказывать...

— Странно это все.

— А чего странного? Всем хочется немного пощупать вечность. Знаешь... Совет хочу тебе дать, ты, пожалуйста, прислушайся.

— Ну?

— Сделай все правильно, Зимин.

Сказал Евсеев ледяным голосом.

Вдруг с ужасом Зимин понял, на кого был похож Евсеев. Евсеев был похож на Маркуса Вольфа. Очень сильно.

Зимин ощутил, как примерз к уху алюминий телефона.

— Ты куда исчез, Зимин? — спросил стеснительно Евсеев.

— Я тут. Я согласен.

— Спасибо, — вздохнул Маркус Вольф. — Евгений Кокосов не покупал железнодорожные билеты. На всякий случай я проверил на неделю вперед и на неделю назад. Ничего. Кокосов билеты не покупал.

— А кто покупал? — дрожащим голосом спросил Зимин.

— Только ты. Один. Во всем вагоне.

Евсеев снова отключился.

Зимин думал. Некоторое время он еще держал трубку возле уха, потом положил ее на стол. Думал. Только ничего у него не придумывалось. Тупость. В голове сплошная вата.

Надо было что-то решать. Но навалившееся отупение не отпускало, напротив, прихватывало крепче, запуская в мозг мягкие плотные щупальца.

Он потянулся, хрустнул костями и шеей, и спиной, и увидел на потолке муху. Ему показалось, что это та же самая муха, что и в больничной палате. Это Зимину тоже очень не

понравилось, он дотянулся до журнала «Американский чоппер», вырвал страницу с объявлениями, откусил от нее лоскут и принялся жевать. Тщательно жуя, сооружая из бумаги круглый катыш, тяжелый и плотный. Потом он свернул из оставшихся страниц «Американского чоппера» трубку, прицелился и стрельнул. Мимо. Муха осталась жива, Зимин сжевал другой лист, прицелился и выстрелил еще. И снова мимо.

Зимин подумал, что развлечение вполне сносное, и принялся обстреливать муху из самодельной плевалки. Муха была чертовски везуча и каким-то чудом уклонялась от снарядов. Зимин расстрелял весь «Чоппер» и потерпел фиаско. Муха была невредима.

— Судьба, — сказал Зимин.

Он послал мухе воздушный поцелуй и прощение и растянулся на диване, устроился поудобнее. Настроение соответствовало погоде, хотелось сбросить кого-нибудь с моста средней высоты. Зимин попробовал сварить себе какао, однако почему-то не получилось, какао умудрилось подгореть, и Зимину это понравилось.

После «Жигулей» болели ноги и спина, Зимин притащил тазик горячей воды, налил и уселся париться. Надо было сходить к отцу, но на улице продолжался дождь, и Зимин подумал, что он слишком устал. Даже таз с водой не помогает. И поэтому он, пожалуй, сходит к отцу попозже, а сейчас...

А сейчас Зимину было плохо. Скучно как-то, не хватало чего-то. Лары.

Он понимал это, ему не хватало Лары. Поговорить бы, посидеть, глядя в окно...

Зимин вспомнил, как Лара обычно валялась на подоконнике, читала, болтая ногой, или просто болтала ногой. Теперь подоконник был пуст, и Зимину казалось, что эта пустота распространяется от подоконника вокруг, на всю комнату, на всю квартиру, на весь дом и дальше, до горизонта.

Эта пустота как-то втягивала в себя и Зими́на, пустоту эту надо было чем-то заполнить, Зимин решил почитать. Он огляделся в поисках книги шаговой доступности, и книгой этой оказалась тетрадь с дневником. Оставалось там совсем мало, и Зимин решил дочитать. А то как-то незаконченно получается. Он дотянулся до тетрадки двумя пальцами, потянул. Тетрадка упала на пол, в пальцах остались желтые листы бумаги.

Письма.

Письма так письма, решил Зимин.

А почерк действительно похож на почерк Лары.

Только помельче.

ПИСЬМА

2

Опять привет.

Читала тут про Парцифалья. Пошла в библиотеку, нашла литературу. Значит, отправляешься искать Грааль? Почетно. Как найдешь, скажи мне. Что-то ты давно не выбирался, только в столовой появляешься. Чем занимаешься? Все фехтование? Или опять без парашюта прыгаете?

А у нас опыты. Отец привез скорпионов, теперь работаем с эмпатией. По сравнению с волком скорпион — камень. Но не все так безнадежно, сейчас работаю с группой из пяти штук, и кажется, кое-что получается. В прошлый раз ты спрашивал, а можно ли с рыбой такие штуки проделывать? Рыба все-таки не животное. Провела ряд опытов с пираньями. И тоже эффект есть. Конечно, сама рыба на сковороду не прыгает, но практический смысл присутствует. Рыбу можно собрать в шар и заставить держаться в нужном углу аквариума. Можно вызвать неконтролируемый приступ паники, и тогда пираньи действительно выскакивают... Только мне их жалко. На реке можно попробовать приманить сома, это интересно, я только сейчас подумала.

Ты там как вообще? Простуда не проходит? Осторожнее с этим, простуду запускать не стоит, могут начаться осложнения. Оглохнуть можно, или фурункулез еще. Ешь морковь с чесноком, в столовой салат дают.

А что у тебя за меч? Красивый. Толедо? Слушай, когда пойдешь к реке, захвати, а? Посмотрим, можно ли им разрубить лепестки роз. Если можно, то и я себе такой хочу; спросишь?

Слушай, а идея с шашлыком из бананов мне понравилась, было вкусно. Мне кажется, что надо нам устроить настоящий банановый шашлык, ну, и, в общем, шашлык из разных необычных вещей — из пиццы, из баранок, из огурцов.

Слушай, а ты специально ту сосну уронил? Ну, которая над рекой зависла? Там так здорово! Сидишь, как в кресле, а вода рядом, можно опустить ноги в реку. А шиповник по берегам растет так густо, что кажется, все плывет в розовом аромате. Отличная идея с сосной. Ха! У меня сейчас идея смешная возникла — вот если залезть на сосну, опустить ноги в воду и приманить рыб. Пусть они за пятки кусают!

Давай в среду у сосны встретимся. Отпрашивайся и приходи. Ты, кстати, обещал опять стихов насочинять веселых, читаем.

3

Привет.

Как договорились, пишу под одеялом. Наверное, ты прав, Наверное, они начали за нами следить. Во всяком случае, этого нельзя исключать. Поэтому лучше подстраховаться. Ты прав, говорить нельзя, они легко подслушают или прочитают по губам. Письма — самая надежная вещь. Забавно. А может, правильно. Письма — они настоящие, за каждым видится человек. Я вижу тебя.

Не помню, с чего тогда, но мы снова стали болтать о мечтах. Только не о простых — ну, какие есть у всех, а о заветных. Самых настоящих, самых тайных, о которых вообще-то рассказывать нельзя.

Ты, как всегда, взялся рассказывать первым. Повторил, что хочешь объехать весь мир, а еще лучше облететь, но не на дурацком самолете, а на дирижабле. На большом дирижабле, бесшумном и прекрасном, с каютой, в которой иллюминатор от пола до потолка, с

дирижаблем, в котором есть библиотека и верхняя палуба, где можно спать прямо посреди облаков. Но это не самое главное, потому что дирижабль — это не мечта, а всего лишь желание. На самом деле ты хочешь попасть в прошлое. В старое-престарое прошлое, в шестой век нашей эры, когда все скакали на конях, размахивали мечами и стреляли из арбалета. В эпоху рыцарей и прекрасных дам. Трубадуров, которые играли на лютнях и слагали героические баллады.

В те времена, когда мир был еще не стар и покрыт лесами. В лесах этих еще водились единороги и, возможно даже, эльфы, а в ручьях под корягами сидели водяные, сторожили самородное серебро. Где каждый может стать тем, кем захочет. Ты сказал, что готов отправиться туда прямо сейчас.

А я рассказала, что хочу иметь свой дом рядом с водопадом. И чтобы деревья вокруг росли высоченные, и чтобы рядом какие-нибудь руины, вросшие в мох. И ручьи с живой водой. А еще я сказала, что хочу завести дракона. Настоящего ручного дракона.

Ты переспросил, а я повторила — дракона. Я даже имя ему уже придумала, я хотела, чтобы его звали Лешкой. Настоящий дракон, боевой. Не тритон-перекормыш, с пузом, с короткими жирными лапками, с крылышками, не способными поднять его в воздух. Со свинячьим хвостиком и со свинячьими лапками. Милого, но бестолкового. А я хотела настоящего дракона. Птицу войны. Чтобы на нем тоже можно было летать среди облаков.

Ты расхохотался, а я не поняла — почему?

А ты заявил, что это глупо. Что мечта моя — абсолютно глупая. Я спросила, чем она глупее твоей — попасть в Средневековье?

А ты ответил, что я ничего не понимаю. Что дракон, он потому и дракон, что его невозможно приручить. Прирученный дракон — это как волк-вегетарианец. Вся ценность дракона как раз и заключается в его дикости. В свободе. В том, что он летит куда захочет и делает что хочет. Именно поэтому он умеет то, что не умеет никто остальной.

Я спросила — это летать?

А ты рассмеялся. Ты ответил; что летать может любой дурак, сел в вертолет — и лети себе. Или даже без вертолета — прицепил к себе пластиковые крылья — и лети себе, даже махать не надо. Нет, драконы не летают. Они просто преодолевают пространство.

Как космические корабли?

Космические корабли тоже летают, ответил ты. Но на них далеко не улетишь.

Почему?

Потому что космос — это не пустота, как пытаются нас заверить лгуны-астрономы. Космос заполнен льдом. То есть космос — он и есть лед. Этот лед начинается сразу за границами Солнечной системы, и ни один корабль не может сквозь него пробиться. Ничто не может пройти сквозь Лед Творения. И никто.

Кроме дракона.

Они были созданы, чтобы бродить меж мирами. Их дом — Вселенная. Каждый из них несет в своем сердце искру Огня Создания, яростный огонь, живущий в звездах. И благодаря этому огню они способны проходить сквозь вселенский лед. И оказываться на любой из планет. В любом месте, мгновенно, сразу:

Я сказала, что это сказки.

А ты сказал, что я дура.

Тогда мы поссорились в первый раз.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЬМЫ

Зимин проснулся от грохота.

Грохот был могуч, точно где-то рядом стартовала ракета. Зимин свалился с дивана, успев подумать, что это землетрясение. Но стекла не дребезжали, пол не дрожал, и вообще все было спокойно, просто грохотало. А когда Зимин свалился на пол, грохот оборвался.

Установилась тишина, Зимин услышал часы. Они тикали, тикали, Зимин потер скулу и вдруг понял, что часы у него не могут тикать, совершенно. Потому что у них нет часов. Таких, что могут тикать. Но тем не менее он их отчетливо слышал...

Так-так-тик-так.

Зимин отправился искать часы. Он понимал, что это глупо, но искал. Заглядывал под диван, поднимал ковер, открывал ящики.

Тик-так.

Зимин продолжал. Продолжал, тик-так.

Часы остановились.

И Зимин тоже остановился.

Что это было? С ним так уже однажды случилось, еще в общежитии, вдруг прорезалось назойливое тиканье, и Зимин потратил почти час, прежде чем обнаружил за шкафом старый будильник, который ни с того ни с сего ожил, видимо, от перепада температуры.

Но дома никаких будильников отыскать не удалось, Зимин решил, что это звуковая галлюцинация. Он сварил себе кофе и вышел на балкон, глотнуть воздуха, посмотреть на город и подумать о грохоте.

Грохот ему не нравился, а то, что он увидел с балкона, его и вовсе испугало. Дождь, терзавший город последние месяцы, прекратился, воздух был прозрачен и непривычно сух, и светило солнце.

Солнце светило настолько ярко, что у Зимина заболели глаза, и он не сразу увидел, ему пришлось проморгаться.

С запада наступали смерчи. Сразу несколько штук, Зимин быстренько насчитал семь. Одинаковые, белые, продлившиеся от земли до неба, они наступали по всему горизонту, обходя город подковой.

Солнце играло в белых столбах, лучи его ломались, и над каждым из смерчей поднималась двойная радуга.

— Однако... — Зимин плюнул.

И тут же немедленно взвыли сирены. Зимин никогда не думал, что в городе столько сирен, везде, даже на крыше его дома завывало железо. По улицам покатались красные пожарные автомобили, они, кажется, тоже гудели, однако их сирен слышно не было, были видны только синие мигалки. Город наполнился суетой и беготней, Зимин стоял и не очень верил тому, что происходит. Он уснул в непогоду, проснулся в катастрофу.

Река разлилась еще шире и затопила половину старого города.

Зимин включил телевизор, но ни один канал не работал, только электрическое мельтешение, резавшее глаза. Зимин полистал каналы и бросил.

— Пусть сильнее грянет буря, — пробормотал он. — Ну-ну...

Он отправился в большую комнату и взял видеокамеру.

Ему давно хотелось заснять бурю. Смерчи, наводнения, цунами, что-нибудь вроде этого. Судя по всему, катаклизм намечался нешуточный, и Зимин не хотел его упустить.

Зимин расставил штатив и водрузил на него видеокамеру, расположил прямо напротив окна, установил стул и приготовился снимать.

Смерчи приближались. Они были уже совсем недалеко, в нескольких километрах за рекой. Радуги, плясавшие над смерчами, слились в единое радужное сияние, над которым

чернела грозовая туча.

Это было действительно красиво. Зимин на несколько секунд залюбовался, а затем включил камеру.

И тут же по стеклу со звуком крошащегося хрусталя пошла трещина.

Заработал телефон. Зимин едва не подпрыгнул. Он положил телефон в нагрудный карман, слева, к сердцу, и виброзвонок его здорово напугал.

Звонил отец.

— Вот! — Зимин почти выкрикнул. — Вот!

Он нажал на отзыв и приложил трубку к уху.

— Да! — крикнул Зимин в трубку. — Слушаю!

В трубке продолжалась тишина.

— Да! — закричал Зимин в трубку еще громче.

Тишина.

Только стеклянный треск расширяющейся по стеклу трещины, писк, почти нестерпимый для уха. Зимин почувствовал, как шевельнулись на голове волосы.

Он посмотрел на экран. Сеть по-прежнему отсутствовала.

Стекло расколосось и разлетелось в мелкую стеклянную пыль, в квартиру ворвался ветер, он уронил штатив, камера упала и погасла.

Ветер прошелся по комнате, сорвал с полки бумагу, собрал мягкие игрушки, качнул люстру и расколотил ее о потолок, но Зимин этого не увидел, он уже выскочил из квартиры и неся по лестнице вниз, к выходу.

К отцу. Прямо сейчас. Зимин вдруг совершенно ясно осознал, что он должен увидеть отца. Оказаться на улице Красных Партизан, в конце концов он не был у отца...

Лара.

Лара у мамы, успокоил себя Зимин. В надежной мощной хрущевке, способной пережить ядерный удар. С мамой. Мама, как любое зло, бессмертна в принципе, значит, Ларе рядом с ней ничто не угрожает. А вот отец...

Его надо вывезти. Если эти смерчи перейдут, то деревянные дома слизнет — не заметит. Отец наверняка...

Зимин остановился. Он не мог вспомнить, сколько он не видел отца. Последний раз... Когда был этот последний раз, чертова молния, все из головы вышибла...

В лифте кто-то стучал в дверь, Зимин подумал, что правильно не полез в лифт, во время катастроф нельзя ездить в лифтах.

Зимин поспешил дальше, перескакивая через ступеньки.

Консьержа не было, сбежал, стальная дверь хлопала на ветру, с потолка осыпалась штукатурка, Зимин забрал на вахте шлем и выскочил на улицу.

Он оставил мотоцикл на открытой стоянке, и теперь две личности гопнического вида пытались мотоцикл угнать. Один пытался вскрыть электрику, другой портативной болгаркой срезал замок с тормозного диска. Зимин вдруг обрадовался. Он увидел злоумышленников, и ему стало как-то легче. Хоть что-то человеческое в этом безумии — два упыря пытаются угнать мотоцикл, ура. Обычный нормальный бандитизм.

— Уважаемые! — позвал Зимин. — Уважаемые, не могли бы вы оставить технику в покое!

Оба сразу бросили машину и направились к нему, не теряя времени, вытаскивая из-под курток монтировки.

Зимин понял, что ему не страшно, наоборот, он зол и готов к борьбе.

— Так вы, граждане, жулики? — осведомился Зимин.

После чего, резко размахнувшись, врубил в переносицу того, кто был ближе, шлем. Это был хороший финский шлем, бил Зимин крепко, не щадя врага. Услышал, как хрустнула его

переносица.

Угонщик упал сразу, второй на секунду растерялся, и этого хватило, чтобы Зимин ударил его в колено. Отличным финским мотоботом.

Если первый крикнуть не успел, то второй кричал громко. Он тоже свалился, схватившись за колено, и принялся кататься по асфальту, ругаясь и рыча.

— Я мечтал об этом мотоцикле восемь лет, — сказал Зимин. — Мечтал, смотрел в Интернете, на стену вешал плакаты, три раза писал в Бээмвэ Моторрад, и вот купил. И теперь два мелких дрыща пытаются его уволочь. Я сердит. Я очень сердит.

Зимин ударил того, что лежал, в другую ногу, в бедро. Затем в ребра. Ну, и еще несколько раз. Тот, кому сломали нос, упорно прикидывался бессознательным, но Зимин понял, что это не так, и влупил ему в плечо, в локоть, чтобы выбить из рук монтировку.

Расправившись с негодями, Зимин подошел к мотоциклу. Отметил искорюбанную пластиковую обшивку, погнутые спицы, снял замки. Запрыгнул в седло. Он успел соскучиться по машине, и неприятно удивился, когда двигатель не запустился. Ни со второго раза, ни с третьего, ни с четвертого, Зимин почувствовал, что его предали. Теперь еще и мотоцикл.

Зимин с удивлением посмотрел на машину.

— Ну? — спросил он.

Мотоцикл молчал. Зимин не знал, что делать, и тогда он взял и треснул кулаком по баку, а потом укусил за левую рукоять руля, там, где сцепление. Мотор ожил. Он чихнул, плюнул сажей, Зимин почти сразу врубил первую.

Через пять минут он уже катил по городу.

Улицы были забиты машинами, как с сиренами, так и без, все торопились в разные стороны, и движение замерло, практически остановилось. Зимин в сотый раз порадовался, что купил себе мотоцикл. Вырваться отсюда можно было только на мотоцикле. Только на нем.

Город летел мимо, дома смялись в однородную ленту, расцвеченную лишь вспышками реклам. Улицы стали короче, шум города оказался отрезан ревом мотора, Зимин ехал остро, виляя между машинами, бросая мотоцикл в просветы и круто проходя повороты.

Надо заехать к отцу. Наконец-то. Заехать, забрать его оттуда. С какой стати район оцеплен? Вряд ли только из-за аварии на газопроводе, что-то там нечисто...

Район Набережной был до сих пор оцеплен, полиция, пожарные, все, как полагается. Даже БТР поперек улицы, это, значит, затем, чтобы никто не пробрался.

Но это Зимина не смутило. Когда у тебя есть лучший в мире мотоцикл, тебя вообще мало что смущает. Потому что ты можешь проехать везде.

Зимин свернул на Заводскую и скатился к железной дороге, иногда продвигаясь по тротуарам, а иногда и против движения. Он собирался перемахнуть через железную дорогу и пробраться к своему старому дому с черного хода — от вокзала в сторону Красных Партизан уходила ветка, ведущая к складам. Зимин знал этот маршрут с детства, мог с закрытыми глазами проехать, но около вокзала возникла проблема.

Все восемь путей железной дороги были забиты цистернами. Составам не было видно конца, Зимин попробовал сунуться в одну сторону, затем в другую, но понял, что не проехать. Между путями шнырял народ, никому не хотелось взбираться на переходной мост, поэтому все лезли под вагоны. Зимин под вагон заехать не мог, поэтому он развернулся в сторону моста.

Сто двадцать лошадиных сил на двести тридцать шесть килограмм веса плюс сам Зимин. Вверх по лестнице. Достаточно крутой лестнице. И вообще, Зимин раньше никогда по лестницам не ездил.

Зимин отпустил сцепление, прибавил газу. При езде в гору следует загружать переднее колесо, при езде с горы заднее. Зимин сместился к баку и рванул вперед.

Оказалось, ездить по лестницам не так уж сложно, Зимин легко влетел наверх, на

высоту четвертого этажа, подумав, что иногда техника стоит своих денег. Он лихо развернулся на верхней площадке и пролетел через мост за четыре секунды, успев поглядеть по сторонам и отметить, что станция заполнена поездами, скопившимися, видимо, вследствие проблем на железной дороге.

Вниз скатился тоже легко. Здесь на перроне было уже многолюдно, люди спешили в сторону вокзала. Зимин сбавил скорость и тащился на низких оборотах со скоростью чуть выше пешеходной, объезжая сумки на колесиках, объезжая старушек с корзинами, мужиков с рюкзаками и других людей, во множестве сходящихся к вокзалу.

Зимин лавировал между ними, стараясь не задеть рулем, не зацепить зеркалами. Надо было пробраться в конец перрона, там соскочить на маневровые пути и уже по ним...

Слева рывкнуло. На перрон выкатились клубы горячего белого пара, раздался звук, знакомый Зимину прекрасно, но никогда не слышимый им в жизни. Паровозный гудок.

Самый настоящий.

Пар рассеялся, Зимин увидел сам паровоз.

Самый что ни на есть. Рабочая машинка с красными обводами котла и с белыми обводами колес, монстр, перемазанный сажей, пахнувший гарью, маслом, фыркающий дымом. Из кабины высовывался недовольный перепачканный машинист.

Это было на что-то похоже. На что-то...

Дежавю. Зимину показалось, что он это уже видел. Где-то. Когда-то...

Давно.

Зимин поравнялся со зданием вокзала. Здесь народа стало побольше, и протискиваться сквозь него было сложнее. Зимина толкали, тыкали палками, на него кричали и ругали, грозили, а одна ловкая старушка умудрилась метко плюнуть прямо в визор шлема.

И в этот самый момент Зимин увидел.

Возле стены вокзального здания стоял Кокосов.

Зимин задавил тормоза. И передние и задние. АБС затрещала, заднее колесо пошло в юз, но электроника тут же подставила плечо, юз погас, мотоцикл встал.

Зимин поглядел внимательнее.

Кокосов.

Он самый. Стоит возле стены, улыбается.

— Привет! — крикнул Кокосов и помахал рукой.

Зимин не мог поверить...

Почему он здесь? Опять приехал? В покое его не оставит, видимо.

Выглядел Кокосов как всегда, в плаще, в помятом и заляпанном грязью. И лицо тоже помято, плащу очень подходит. Без портфеля. То есть портфеля у Кокосова не наблюдалось, вместо него у ног стоял небольшой переносной холодильник, синий, с красной крышкой.

Кокосов поманил рукой, усмехнулся, Зимин повернул руль и подкатил.

— Какой денек, а? — Кокосов кивнул на перрон. — Можно сказать, эвакуация. Народ бежит в ожидании катаклизма. Ты, я погляжу, тоже бежишь.

— Я? Да... То есть нет. А ты что здесь делаешь?

— Да вот, — пожал плечами Кокосов. — Очутился. Что-то мне подсказало...

— Что-то подсказало, значит, — Зимин вытер лоб.

Почему-то ему стало жарко. Наверное, из-за паровоза, он продолжал пыхтеть, пускать пар, посвистывать и пахнуть... Зимин ощутил очередной острый приступ настоящести, среди размытых серых дней, заполненных сыростью, тенями и полупризраками, он встретился с настоящим. С точкой опоры в зыбком пространстве сна.

— Я не ошибся, — сказал Кокосов. — Как видишь.

Он достал из холодильника бутылку с водой, приложил к голове, выкатал жар. Достал еще одну, предложил Зимину.

— Спасибо, менингит у меня уже был.
— Когда? — с энтузиазмом спросил Кокос.
— В детстве, не переживай. И после этого я не стал дураком, у меня не начались видения, и я не стал тайно мучить кроликов. Справку, надеюсь, не надо?

Кокосов пожал плечами.

— Это твой «БМВ»? — Кокос кивнул в сторону машины.

— Он.

— Красивый. Я в детстве о таком мечтал...

Кокос вздохнул.

— Я тоже мечтал, — сказал Зимин.

— Да... Можно... — Кокос улыбнулся. — Можно посидеть?

— Сейчас?

Зимин огляделся. Не особо место. И уж тем более не особо время.

— А когда еще получится? Мало ли что, может, так никогда не посижу.

Зимин вспомнил, как он хотел в детстве посидеть на мотоцикле. Как однажды они гуляли с мамой в парке и увидели мотоцикл. Это был «Харлей», сияющий хромом и блестящий краской, он пах черной разогретой кожей, бензином, пылью и дорогой, это было настоящее чудо. Зимин помнил. Там, в далеком детстве, в парке под липами Зимин увидел не мотоцикл, он увидел звездолет. В машине было столько неземной красоты и звездной энергии, что Зимин задохнулся. Мать заметила это и огляделась в поисках хозяина. Мотоциклист сидел недалеко, курил на скамейке. Мать подошла к нему и попросила. Но байкер оказался совсем не дружелюбным, подержаться за руль он не разрешил и вообще рывкнул, чтобы держались от него подальше.

Но это почти забылось, а вот ощущение присутствия в жизни чего-то необычного осталось. И Зимин детей на мотоцикле посидеть пускал.

Детей, альтернативно одаренных, солдат, дорожных полицейских.

— Валяй, — Зимин слез с мотоцикла. — Ноги-то достанут?

Кокосов кивнул.

Он подошел, взялся за руль. Попытался закинуть ногу на седло, не получилось, ноги были коротковаты. Зимин злорадно поморщился.

Кокосов попробовал закинуть ногу еще раз, с подпрыгом, и получилось уже чуть лучше, нога легла на седло.

— Вообще-то это Гусь «Эдвенчер», — сказал Зимин. — На него минимум сто восемьдесят сантиметров роста нужно.

— Да... — Кокосов погладил машину по баку. — Сто восемьдесят...

А в тебе от силы сто шестьдесят, злорадно подумал Зимин. А мотоцикл двести с лишним весит, так что сколько бы ты ни дергался — не получится. Дохлак ты. Немошь. Пена и перхоть, не можешь ты встать рядом со своей мечтой.

— Не залезу, наверное, — вздохнул Кокосов. — Я больше на мопеде ездил, этот большой слишком.

— Ладно.

Зимин взялся за руль сам, убрал боковую подставку и рывком выдернул машину на подставку центральную.

— Залезай, — разрешил он Кокосову. — Теперь не упадет.

Кокосов перехватился за руль и взобрался за мотоцикл.

— Классно... — Кокосов счастливо зажмурился. — Классно...

Он вовсе закрыл глаза и сидел так несколько минут, в молчании, Зимин ему даже позавидовал.

Потом Кокосов вернулся на землю.

Зимин думал, что Кокосов скажет ему спасибо, но Кокос промолчал.

— Ну, что делать будем? — спросил Зимин.

— Не знаю. Твой ход.

— Я вообще-то к отцу. Надо поговорить. Кстати...

Зимин поглядел на Кокосова с прищуром.

— Поедем со мной, — предложил Зимин.

— Зачем? — не понял Кокосов.

— Поедем. Покажу кое-что. Это небезынтересно.

— Да я думал...

— Чего ты думал?

Зимин оглянулся, увидел паровоз. Рассмеялся.

— Она не придет, — сказал Зимин. — Мы поссорились, и она отправилась жить к маме. Ужасная драма.

— Я... — Кокосов покраснел. — Я...

— Ты думал, что сейчас она явится? В клубах белого пара, в фиолетовых очках, с роскошными рыжими волосами, смелая и прекрасная?

Зимин рассмеялся громче.

— Щас! — сказал он. — Четыре раза! Ага! Твоя милая Лара отправилась к своей мамаше! И сейчас они совместно солят огурцы!

Кокосов помотал головой.

— Солят!

— Но ведь это правда, — прошептал Кокосов. — Эта история... она ведь произошла со мной... А ведь она похожа... Очень! И имя...

— То, что в твоей молодости была девушка, похожая на Лару, ничего не говорит, — ответил Зимин. — Есть очень похожие люди.

— А история? Понимаешь, история ведь тоже очень похожа! Это все... Было на самом деле!

Зимин вздохнул. Достал ключи, отомкнул кофр, достал шлем. Вручил его Кокосу.

— Зачем? — не понял тот.

— Надевай.

— Зачем?

— Сейчас я тебе кое-что покажу. Главное успеть. Но мы успеем.

Зимин легко запрыгнул в седло.

— Садись, — Зимин кивнул на место за собой.

— Так зачем все-таки?

— Увидишь. Садись, не бойся. Я с тобой в психушку ездил, а там меня молнией, между прочим, ударило! И вообще, насмотрелся, до сих пор штаны в просушке. Садись, теперь твоя очередь удивляться!

Зимин запустил двигатель. Мотор ответил шелестением, легким перебором клапанов, стальным округлым журчанием шестеренок внутри, той музыкой, которая его успокаивала. Зимин вдруг подумал, что неплохо бы записать двигатель и загрузить его в плеер, для того чтобы слушать перед сном. «Буду лежать, а в голове будет шелестеть, шелестеть, и под этот шелест приснятся наконец счастливые дальние страны».

Кокосов натянул шлем и забрался на пассажирское сиденье.

— Ну что? — обернулся Зимин. — Полетели?

Слушать ответ Кокосова он не стал, воткнул первую передачу и рванул вперед.

Началась посадка, люди сосредоточились у вагонов, поэтому перрон Зимин преодолел быстро и легко.

Спрыгнул с платформы, ввинтился между путями и через сто метров товарняка

выскочил на железнодорожную ветку, уходящую в глубь промышленного района.

Промелькнули молочный завод, хлебный завод и шоколадный завод, Зимин любил это место. Если держать достаточную скорость, то получается забавный эффект, по очереди влетаешь сначала в запах йогурта, потом в аромат свежего хлеба и, наконец, в густой и усыпляющий запах шоколада.

После шоколада пошел бензин, вонь, едкая и беспощадная, Зимин прибавил скорости, чтобы миновать полосу заправок, и почувствовал, как Кокосов крепче вцепился в ручки.

Начался пригород.

Сначала с улиц исчез цвет, вывески сделались блеклыми и плоскими. Асфальт стал хуже, заплат больше, бордюры погрузились в землю, по сторонам уже не зеленели аккуратно постриженные газоны, а серели заросшие дикой пыльной травой обочины. Деревья пожелтели и растеряли листья, фонарные столбы обросли ржавчиной, а с бумзавода запахло хлором и целлюлозой.

Убавилось света, небо просело и прижало крыши, люди ссутулились и исподлобья поглядывали на несущийся по улице алый мотоцикл. Людей тоже убавилось, то ли по домам сидели, то ли эвакуировать успели.

Зимин летел мимо мигающих желтым светофоров, а потом светофоры и вовсе исчезли. Дома окончательно утратили индивидуальность и обрели одинаковую невыразительность. Зимин поворачивал на неотличимых перекрестках, все дальше погружаясь в лабиринт окраин, и вдруг резко остановился, так что Кокосов сполз по сиденью вперед и больно стукнулся о собственный шлем зубами.

— Приехали? — спросил Кокос.

— Почти.

Зимин указал на вывеску. Свежая голубенькая табличка, светившаяся нездешним люминофором, яростно контрастировала с облупленной краской двухэтажек, табличка была из близкого завтрашнего дня, стены домов из плотного позавчерашнего.

— Читай, друг Кокосов, — указал пальцем Зимин. — Просвещайся.

— Красных Партизан... — прочитал Кокосов.

— Вот и я о том же, — Зимин поежился. — Видишь, угол?

Он указал пальцем.

— Вижу...

— Вот на этом достопримечательном углу меня грабили пять раз. Послушайте, Кокосов, вас когда-нибудь ррвбили пять раз?

— Нет, — растерянно сказал Кокосов. — Меня, то есть, вообще никогда не грабили...

— А меня пять раз только на этом углу. Как сейчас помню, в седьмом классе лишь в сентябре два раза, удачный год выдался. Впрочем, прогулку по местам боевой славы отложим до лучших, тут у нас оцепление...

Зимин указал на красный бок пожарной машины, перегораживающей улицу, свернул за угол в небольшой проулок, а затем и вовсе в щель, тянувшуюся между двумя заборами. Ехал по этому ущелью он по-прежнему лихо, соблюдением скоростного режима себя не утруждая.

Пролет между заборами тянулся и тянулся, Зимин перекладывал мотоцикл из стороны в сторону, злорадно предполагая, о чем сейчас думает Кокосов. Даже злорадно зная. Кокосов думал о том, что случится, если ему навстречу поедет такой же мотоциклист.

Но все обошлось, заборы закончились, и они оказались на небольшой улице, утонувшей в желтом песке.

— Переулок Песчаный, — пояснил Зимин. — Здесь уже недалеко. Держись.

Зимин вывернул ручку газа на себя, «Эдвенчер» зарылся задним колесом почти по ось, выскочил с ревом на кусок сохранившегося асфальта и сделал «вилли». Кокосов пискнул, то ли

от страха, то ли язык прикусил.

Мотоцикл разрыл Песчаный, подняв за собой тучу пыли, распугав сонных собак и даже еще более сонных гусей, остановился перед широкой и по виду вечной лужей. Лужа простиралась почти на всю ширину улицы, по краям в луже поселилась ряска, и произросли камыши.

— Здесь я прожил почти всю жизнь, — сказал Зимин. — Здесь живет мой отец. До сих пор живет, не переезжает, сколько я его ни уговаривал. Вон тот дом.

Зимин указал на почерневший от времени трехэтажный дом.

Дом явно косился в сторону, более того, с этой стороны его подпирали два наклонных бетонных столба, исполнявших роль контрфорсов. Рядом с домом ютились гаражи, построенные из контейнеров, брошенных бытовок и прочего хлама.

— Детство, счастливое детство, — изрек Зимин. — Эту лужу я тоже с детства помню, тут тритоны водятся. Водились раньше, сейчас, конечно, экология не та.

Кокосов смотрел на лужу с опаской.

— Ноги задирай, — посоветовал Зимин и прибавил газа.

Мотоцикл нырнул в воду, зашипели выхлопные трубы, пыхнуло паром, «БМВ» вылетел на противоположную сторону, вильнул в сторону, разбросал из-под колес гравий.

Остановился возле покосившегося дома с покосившейся зеленой дверью.

— Приехали, — сказал Зимин. — Дом, милый дом. Слезайте, барин.

Кокосов слез, хлопнул носом.

Зимин сощурился и поглядел за реку. Смерчи исчезли. Рассосались. Воздух был чист, только тучи. Тем лучше, будет время поговорить с этим придурком.

— Ты готов? — спросил Зимин.

Кокос кивнул.

— Добро пожаловать за кулисы, — Зимин ухмыльнулся. — Тебе понравится, я не сомневаюсь. Вообще, это познавательно. Знаешь, это место в моей жизни весьма и весьма значимо. Мне кажется, что здесь какая-то энергетика. Тут всегда происходит... Потом расскажу. Знаешь, я все свои книги начинал только здесь, в своем доме. В своей старой комнате, в своем старом кресле. У меня там фамильная пишмашинка, я всегда первые страницы на ней... Что-то я расчувствовался, мы здесь не за этим. Итак...

Зимин сделал саркастический приглашающий жест.

— Смотри, Алиса.

И распахнул зеленую дверь.

Вход в дом выглядел черной дырой. Зимин привычно нагнулся и нырнул в нее первым, Кокосов медлил.

— Не бойся, — успокоил из глубин тьмы Зимин. — Добро пожаловать в место снов.

В подъезде вроде бы пахло жареной картошкой и еще чем-то кислым и характерным, Кокосов шмыгнул носом, пытаясь определить.

— Кошки, — пояснил Зимин. — Милые, добрые звери.

— Да, я тоже люблю кошек...

— Ненавижу кошек, — Зимин плюнул на пол. — Все мое детство прошло в кошачьей вони. Кошка — это худшее животное, хуже скунса. Вокруг полно гаражей, закоулков, пустырей и помоек, и везде заборы, и везде свалки — дрищи — не хочу. Но все эти окрестные твари собирались в мой подъезд. Они гадили под лестницей, они гадили на лестнице, особенно они любили гадить у меня под дверью! Вот ты представь — осеннее утро, на улице темно, и мне надо идти в школу, мимо железной дороги, мимо бетонного завода, мимо заводских очистных. Я открываю дверь, делаю шаг — и вступаю в дерьмо!

Зимин скрипнул зубами.

— Мне идти в школу, а у меня на ботинке кошачье дерьмо! Я начинаю его вытирать, а оно не вытирается! Совсем не вытирается! А домой я не могу вернуться — потому что дверь захлопнулась! И вот я иду в школу, и вытираю, вытираю, вытираю, а оно не вытирается. Никак! А деваться некуда, я прихожу в школу, и от меня воняет. И все от меня шарахаются! Даже за парту рядом не садятся!

— Так и получают книги? — спросил Кокосов.

— Примерно, — немного успокоился Зимин. — Вообще, Кокосов, я очень ценю твой юмор, и знаешь что — ты недалек от истины. Друг мой Кокосов, кошки ходят не поперек! Кошки ходят прямо мне под дверь!

Кокосов хотел возразить, но Зимин в очередной раз его оборвал.

— Под дверь! — повторил он. — Под дверь! А еще шерсть дверь! Я все время болел кошачьими болезнями, это удивительно омерзительно... Впрочем, я немного отвлекся. Экскурсия продолжается! Ну, Кокос, хочешь увидеть, насколько кривы кошачьи тропы?

— Я не знаю...

— А я знаю!

Зимин схватил Кокосова за руку и поволок по лестнице на площадку первого этажа.

— Стертые ступени, — сказал Зимин. — Стертые ступени, кривая лестница, перила совсем расшатаны, мы жили на третьем этаже, а вот на первом... Тсы-ы! Звучит торжественная музыка, можно сказать, фанфары!

Зимин остановился, указал на дверь за № 1. Дверь выглядела сурово. Сквозь засаленное подъездное окно пробивался слякотный дневной цвет, в его печальных лучах проглядывала дверь, которая некогда была обита красным дерматином, теперь этот дерматин свисал рваными полосами, казалось, что дверь штурмовала разгневанная стая динозавров-недомерков. И небезуспешно — короб двери оказался изрядно выворочен, торчали наружу гвозди и тряпки утеплителя.

Зимин подошел к двери, сделал невиннейшее лицо и постучал в косяк. И сразу же, не дожидаясь реакции, принялся пинать дверь ногой, злобно и громко, отчего дрожал весь дом и дребезжали стекла.

Кокосов поглядел на Зиминого вопросительно.

— Пригороды, — пожал плечами Зимин. — Простота нравов.

И продолжил стучать. От каждого удара из щелей в стенах высыпался мусор, Кокосов закашлялся.

— А звонок? — спросил он.

— Это муляж.

Зимин ударил дверь с повышенной силой, и она открылась с резким скрипом. Кокосов сморщился от затхлого запаха, вырвавшегося из жилища, причем, вполне могло быть, что запах продуцировало не жилище, а субъект, появившийся на пороге. Это был мужчина неопределенного возраста, с бородой, с татуировками, в трусах. Мужчина подслеповато уставился на Зиминого, потом, кажется, опознал.

— Витя... — с ностальгическими нотками выдохнул он. — А помнишь, как пескарей на Поганке удили?

— А как же, — цинично кивнул Зимин. — Прямо как сейчас. Но об этом после. Сейчас о важном. А ну-ка, представься этому гражданину.

Зимин указал на Кокосова.

— А он не пристав? — прищурился мужчина.

— Ты не пристав? — на всякий случай спросил Зимин.

— Нет...

— Он не пристав, можешь быть с ним абсолютно откровенен. Представься, будь другом.

Мужчина в майке и трусах несколько — в меру сил — приосанился и произнес голосом, в котором чувствовались некоторые рудименты человеческого достоинства:

— Иван Арчибальдович.

И тряхнул остатками волос, и несколько завалился вперед, так что Зимину пришлось удерживать его выставленной ладонью.

— Фамилиё назови, Арчибальдыч.

Иван Арчибальдович сконцентрировал человеческое достоинство в кулак, произнес с определенным вызовом:

— Холин. Иван Арчибальдович Холин.

— Дворянин, между прочим, — Зимин кивнул на Холина.

Кокосов вопросительно поднял брови.

— Потомственный, — с гордостью подтвердил Холин. — Мой род восходит к тем десяти родам...

— Не надо генеалогии, Холин, — остановил Зимин. — Это скучно. Расскажи нашему другу, кем ты по профессии будешь?

— Я? Я про профессии пианист-виртуоз...

— Спасибо, Арчибальдыч, ты человек эпохи Возрождения.

Зимин бережно подтолкнул Холина в грудь и закрыл дверь. Холин не стал прорываться, затих.

— У него клавиесин дома, — сказал Зимин, придерживая дверь. — Он на нем по пятницам играет. А еще Холин был в Японии. Кстати, там он немного помешался на самураях и прочей этой радости. Правда, не мультимиллиардер.

Кокосов промолчал.

— Идем дальше, — Зимин перешел от квартиры № 1 к квартире № 2. — Тут тоже много интересного.

Здесь дверь была в порядке, нормальная железная дверь с облупившейся краской, с глазком и с ручкой, номер был набран из десятикопеечных монет, приклеенных прямо к металлу. Правда, на двери не было звонка, он был выдран с мясом, из стены торчали два провода. Зимин осторожно соединил их, выпустив искру.

Внутри квартиры задребезжал звонок, и почти сразу дверь открыл бледный молодой человек, похожий и на вампира, и на продавца книг одновременно.

— Здравствуйте, — сказал вампир, — я Дрюпин.

Кокосов не выдержал и рассмеялся. Нервно так рассмеялся, схватившись за перила, так что лестница задрожала.

Дрюпин обиделся и захлопнул дверь.

— Понимаю, — сказал Зимин. — Тебе кажется, что это похоже на бред, да? А мне вот не кажется. Это Дрюпин.

Зимин указал пальцем в № 2.

— Василий Дрюпин, интеллектуал и анархист. Мы вместе учились с этим юным дарованием с третьего по одиннадцатый, это были не лучшие годы. Знаешь, в шестом классе мы с Дрюпиным отправились посмотреть, как перевернулся маневровый локомотив, тут, кстати, недалеко. По пути мы нашли несколько пустых бочек, Дрюпин предложил проверить, есть ли в бочках керосин, и кинул в ближайшую спичку. В результате ему сожгло все волосы и брови и немного кожу. Он два года ходил лысым, но не поумнел.

— А в книге он технический гений... — протянул Кокосов. — Его, кажется, из Эдисона клонировали?

— Я думал, из Ползунова, — уточнил Зимин. — Хотя это не принципиально. Дрюпин в книге умный, а Дрюпин в жизни тупой и капризный. Еще моя мать его два раза на работу устраивала, один раз на заправку, другой раз в магазин автозапчастей. Его вышибли с

обоих мест.

— За что?

— За лень и скудоумие. Его в текстильный колледж и то не взяли. И потом, с такой фамилией...

Зимин помотал головой.

— Нам в этом отношении гораздо проще, правда, Кокосов? Ты Кокос, я Зима. А вот Дрюпину пришлось несладко. Трудно жить, когда твоя фамилия является твоим же прозвищем. Его никогда не называли Василием, никогда не называли Васей, только Дрюпин. Дрюпин то, Дрюпин се. Знаешь, он в шестнадцать лет пытался сменить фамилию. Заявление написал, документы собрал, а когда пошел паспорт получать, оказалось, что его опять на Дрюпина оформили. Он и смирился. Теперь живет в безнадежности. Вот смотри.

Зимин еще раз замкнул провода и высек искру.

— Отстаньте! — завопили из-за двери. — Отстаньте все! Валите! Уходите!

Или я себя взорву!

— Врет, — отмахнулся Зимин. — Он уже сорок раз взрывался, уже даже полиция не приезжает. Нервный человек. Вот еще раз смотри.

Зимин еще раз замкнул провода.

— Оставьте меня! Оставьте в покое! Я хочу, чтобы меня оставили!

Зимин позвонил еще несколько раз.

— Может, не надо? — спросил Кокосов.

— Почему это? Он мне все детство отравил. Они раньше на третьем этаже жили, рядом со мной. А у Дрюпина коловорот был, так он в восьмом классе стал в мою комнату дырки сверлить!

— Зачем? — удивился Кокосов.

— А кто его знает? Я уж с ним и разговаривал, и по морде пытался стучать — бесполезно. Каждую неделю новую сверлил. Просверлит — и смотрит, смотрит, скотина. В конце концов мне это все надоело, я пошел, купил освежителя воздуха, и когда он просверлил дырку и опять стал пилить, я ему в глаз освежителем и фиганул. С тех пор он меня совсем не любит. Дрюпин, ты ведь меня не любишь?

Дрюпин ответил из-за двери малоцензурными высказываниями.

— Вот такой технический гений. Дальше.

Они поднялись на второй этаж. Здесь площадка была шире, двери как двери, поперек натянуты веревки с бельем, в углу барахло непонятного происхождения.

— Это клавикорды, — пояснил Зимин. — То есть когда-то были, пока Холин их в окно не выкинул. Та еще история была, как сейчас помню. Душевный кризис с ним приключился — и как давай с балкона инструменты вышвыривать, и рояль, и клавесин, ну, все, короче. Мальчишки потом рояль к луже откатали, так он там и стоял, пока не сгнил. Да... Впрочем, не стоит отвлекаться. Клавикорды незабвенные, ну да бог с ними.

— А кто живет? — Кокосов кивнул на двери.

— Выдающиеся люди. В номере три обитал мсье Коровин...

— Художник? Тот самый?

— В каком-то смысле. Художник, да. Обожал рисовать на заборах. Писать на заборах. Вырезать на заборах. Одним словом, маэстро широкого профиля. Впрочем, сейчас его нет давно, он куда-то исчез года как полтора. В номере четвертом живут старушки, фамилий их не знаю, поэтому лучше нам сейчас пройти на третий этаж, где я провел свое счастливое детство. Идем, тут уже рядом.

Они поднялись на третий этаж.

— Я жил в номере пять, — Зимин указал на дверь. — Но прежде чем заглянуть туда, посетим номер шестой.

Дверь квартиры за номером шесть выглядела вполне себе обычно. И звонок был обычный, с квадратной кнопкой, и звонил соловьем, и из-под двери вытягивался запах жареной картошки.

Зимин нажал еще раз, дверь открылась. На пороге стоял доберман-пинчер. Высокий, крупный, с длинной и тяжелой мордой, темно-черного окраса, с умными и злыми глазами. За доберманом стояла девушка, невысокая, толстенькая и в очках, Смотрела таким же, как у добермана, взглядом. В красивой жилетке, сплетенной из бисера, ленточек и кожаных ремешков.

— Привет, Витька, — сказала девушка. — Что приперся?

— Привет, Танька. — ответил Зимин. — Зайти можно?

— А это кто?

— Это Кокосов.

— Я Кокосов, — подтвердил Кокосов.

— Тот самый, что ли? — усмехнулась Татьяна.

— Он говорит, что да. К тебе можно на минуту?

Доберман недружественно прорычал.

— На минуту можно, пожалуй, — кивнула Татьяна. — Только кеды снимайте.

Они вошли в дом, сняв предварительно обувь и надев лапти грубого плетения. Доберман молча поглядывал на них, сопровождал, пыхтел, принимаясь к Кокосову, Кокосов ему не нравился особенно.

Коридор оказался коротким, они вошли в комнату, Кокосов удивился, Зимин нет, в комнате он уже бывал.

Больше всего комната напоминала краеведческий музей небольшого городка. На стенах висели прялки, люльки, кольчуги, плетенные из кожи рубахи, на полках стояли вырезанные из дерева фигурки, старые утюги, самовары, сотни вещей, как старинных, так и современных, но сделанных по старинным методам.

— Ого, — протянул Кокосов. — Красиво.

— Что брать будете? — спросила Татьяна. — Сумки есть хорошие, недавно сделала. По три тысячи отдам.

Девушка подняла диван, достала из него несколько искусно изготовленных сумок. Зевнула.

— Выбирайте, — Татьяна сунула сумку Кокосову. — Берите две, одну продадите за восемь...

— Нас оружие интересует, — перебил Зимин.

— Коллекционер, ролевик, охотник? — Татьяна поглядела на Кокосова.

— Я... — растерялся Кокосов. — Я не знаю...

— Если охотник, то лучше зимой приходи, — Татьяна застегнула жилетку. — В кузне зимой работать буду, тогда и ножи наделаю. Любые могу, могу утилитарные, для охоты, могу булат — для понтов.

— Нам ролевое, — сказал Зимин. — Мечи, не ножи.

— Мечей сейчас мало, восемь штук всего, разбирают быстро, а дюраль дорожает. Луки есть еще, вархаммеры, клевец с прошлой зимы. Клевец настоящий, кстати, не ролевой.

— Ему клевец не нужен, он мастер меча.

Кокосов попытался возразить, но Зимин ткнул его в бок локтем.

— Мастер меча? — Татьяна скептически оглядела Кокосова. — Может быть. Все может быть... Ладно, пойдемте.

Татьяна забросила сумки в диван и направилась в соседнюю комнату.

В соседней комнате было собрано оружие. Всякое. От старинных пулеметов «Льюис» до огромных моргенштернов, от грубых кистеней до тонких японских кинжалов, оружие

висело по стенам, лежало на полках, стояло на полу, блестело полированной сталью в тисках, везде было оружие.

— Ого! — восхитился Кокосов. — Впечатляет.

— Макеты, — отмахнулась Татьяна. — Ерунда. Но многим нравится, сейчас всякая дребедень входит в моду. Я восстанавливаю. Ролевое здесь.

Татьяна кивнула в угол, где стояла тяжелая старинная кадка, из которой торчали искусно выполненные рукояти мечей.

— Будете брать?

— Будем, — заверил Зимин. — Прояви товар.

Татьяна выхватила из кадки меч и вдруг изменилась. Полнота исчезла, движения стали резкими и отточенными, даже очки стали выглядеть как-то грозно, Татьяна подкинула в воздух тетрадный лист и разрежала его напополам.

— Отлично, — похвалил Зимин. — Сколько хочешь?

Татьяна пожала плечами.

— Баланс отличный, — она передала меч Кокосову. — Клинок из дюраля — специально для девочек. Но металл состарен, так что со стороны только спец отличит. За основу взяты итальянские... Нравится?

Спросила она у Кокосова.

— Да, — ответил он. — Очень... Сколько стоит?

— А, нисколько. Три тысячи.

— Ох ты... — покачал головой Кокосов.

— Да это почти даром, — сказала Татьяна. — Такие вещи гораздо дороже стоят.

Зимин достал деньги, передал Татьяне.

Кокосов разглядывал оружие.

— Сейчас ножны притащу, — Татьяна отправилась в соседнюю комнату. — Ножны бонусом пойдут.

Зимин снова ткнул Кокосова в бок и указал мизинцем под потолок. Кокосов задрал голову.

— Ой... Это... Это он?

— Вечер чудес и откровений продолжается, — объявил Зимин. — Как тебе эта штучка?

Почти под потолком на вбитых в стену гвоздях висел меч.

Зимин ловко запрыгнул на верстак, сорвал оружие, спрыгнул обратно. Протянул меч Кокосу.

Тот взял. Трясущимися руками.

— Все как надо, — сказал Зимин. — Эфес, клинок, все настоящее. Кашалот и морской змей. С позолотой. Испанская сталь. По-моему, семнадцатый век.

— Откуда?!

— А кто ее знает, — пожал плечами Зимин. — Она не говорит. Я пытался купить, она не отдает. Попробуй.

— Что?

— Меч. Когда еще такой попробуешь?

— Как?

Зимин достал из кармана платок. Мятый. Заскорузлый.

— Я подкину, а ты руби, — велел он.

— Я не умею, — попятился Кокосов. — То есть я никогда...

— Тогда просто держи! Из ножен-то вытащить сумеешь?

Из ножен Кокосов меч вытащить сумел. Лезвие золотисто блеснуло, Кокосов выставил клинок перед собой.

— Ну, лови.

Зимин подкинул платок.

Тот был грязен и тяжел, упал на лезвие неприличным комком, и меч легко разрезал материю пополам.

— Благородная сталь, стоячие носки. Азия-с...

Зимин отобрал меч у Кокосова, убрал в ножны.

— Тань, ты где там? — позвал Зимин.

Никто не ответил.

— Тань! — рявкнул Зимин. — Мы ко мне пойдем! Заходи!

Зимин положил меч на плечо и направился к выходу. Кокосов за ним.

КНИГИ ШЕПОТА

— Па!

Зимин открыл замок, толкнул дверь, и они вступили во мрак прихожей, в запах старости и нужных вещей.

— Свет, как всегда, не горит, — сказал Зимин. — На лампочку денег жалко.

Бум. Что-то деревянно прошумело, Зимин ругнулся.

— Это удочки, — пояснил он. — Упали. Свет, как всегда, не горит, удочки, как всегда, падают. Традиция. Па!

Тишина.

— Нам прямо, — сказал Зимин.

Они продвинулись через пыльную пещеру прихожей и оказались на кухне.

— Па! Ты где?

Зимин оглядел привычный порядок, царящий в помещении. Блестящий белый холодильник, блестящую плиту. Чайник с черными газовыми подпалинами. Вереницу засохших лещиных плавательных пузырей на газовой трубе. Консервную банку для горелых спичек, прикрученную к батарее. Табуретку с обмотанными изолентой ножками. Переводные картинки, Зимин сам их наклеил на холодильник, в двенадцать лет.

— Золотые рыбки? — Кокосов указал на переводки.

— Они.

— А почему голубые?

— Хранились в коробке с гуашью, впитали краску. Так и наклеил. Крепко получилось, до сих пор не отодрались. Интересно, где отец? Опять куда-то ушел, наверное...

Зимин заглянул в холодильник.

Пусто. Совсем. Старая сушеная рыба, голавль, большой и вонючий, со страшными расшеперенными плавниками. Шереспер.

— Холодильник пустой, — заметил Кокосов.

— Видимо, не работает, — ответил Зимин. — Ладно, пойдем в мою комнату.

Они вышли из кухни и начали пробираться в комнату Зимина. С трудом, поскольку коридор оказался заставлен коробками с непонятно чем, причем заставлен от пола до потолка, приходилось протискиваться почти по стене.

В комнате было светло, шторы раздернуты, пыль. Книжные полки, диван, рабочий стол. Батареи выкрашены в желтый.

— Отец сюда не заходит, — пояснил Зимин. — Он только у себя сидит, а тут все по-моему. Все осталось, как было. Смотри.

Зимин указал на стол.

Старинный ученический стол, с давно съеденной полировкой, с обломанными ручками, с надписями, вырезанными в древесине. В центре стола печатная машинка.

— Не «Ундервуд», конечно, но тоже, — Зимин погладил машинку. — Семейная. У меня бабушка машинисткой была, это ее. Я с детства привык к звуку клавиш. Сам что-то клацать пытался. Я до сих пор каждую книгу здесь начинаю. А потом уж на компьютере. А это плоды трудов.

На стене над столом висела самодельная деревянная полка, собранная из грубых слабоструганых досок. На полке стояли книги. Четырехтомник. И еще одна, пятая, которая тоже выглядела самодельно. Кокосов сделал вопросительное лицо.

— Это черновик, — пояснил Зимин. — То есть не черновик, а вполне себе законченный роман. Мой дебют, можно сказать. Я сочинял его два года, почти каждый вечер. Мои друзья ходили в клубы, в походы, вообще... Они развлекались, жили полной жизнью. А я как папа Карло, между прочим. И зимой и летом. Летом еще на стройке, кстати, работал, чтобы

принтер купить. Когда я закончил школу, я закончил и роман. Купил билет и отправился в Москву, бродить по издательствам.

— И?

— Рукопись отвергли. Это само собой.

— Двенадцать издательств? — спросил Кокосов.

— Нет, не двенадцать, всего два. А в третье взяли.

Кокосов сощурился, вглядываясь в корешки книг.

— «Место Снов»? — спросил Кокосов. — Интересно как...

— Ага. Так она называлась в первоначальном варианте. Редактору показалось, что не слишком фэнтезийно, а как-то... С претензией, что ли. Поэтому поменяли название на «Зима в небывалой стране». Редактору показалось, что в этом есть игра.

— Она на самом деле есть, — сказал Кокосов.

— Может быть. Когда я в одиннадцатом классе ее сочинял, я не думал ни о какой игре, знаешь ли. Я думал о приключениях, о том, что мне интересен мир, который вот-вот случится... А он не случился.

Кокосов промолчал.

— Место Снов — это фантом, — сказал Зимин. — Вселенная моего детства. Которая умерла, когда детство закончилось. Все просто. Я закопал его и воздвиг могильный холм. А перед этим я вбил последние гвозди в крышку его гроба. Кокосов, я поставил точку. В прошлом году вышла последняя книга. Пятой не будет. Я устал, у меня болит голова, я хочу в Калининград, и у меня два недописанных взрослых романа. То есть идеи к ним, конечно. Я собираюсь отдохнуть, и тут являешься ты с какими-то нелепыми фантазиями...

— Это не фантазии...

— Это фантазии! Кокосов, это фантазии! Если ты застрял в детстве, то это твои сугубые проблемы. А я в детстве не застрял, у меня другая жизнь. Другая! Я не собираюсь всю жизнь сочинять эти идиотские сказки! У меня обои на кухне облезли, мне их клеить, мне линолеум стелить...

Кокосов скептически покачал головой.

— Ты не согласен?

— Это неважно, согласен я — не согласен, — ответил Кокосов. — Все равно будет по-другому.

— Ты, Кокос, непробиваем, — Зимин усмехнулся. — Я тебе тычу в глаза доказательства, а ты упорствуешь. Ладно. Ладно. Тогда, многоуважаемые зрители, посмотрите налево!

— Это кто? — спросил Кокосов.

На стене висел плакат, изображавший мрачного мужчину в черных очках. Плакат был черно-белый, выполненный в модной пиксельной манере, большой. По низу плаката красовалась ярко-красная надпись.

«Marcus Wolf. Left Silense»

— Маркус Вольф, — прочитал Кокосов. — Левая тишина...

— Это моя группа, — пояснил Зимин. — Ну, разумеется, виртуальная. Постпанк. В седьмом, кажется, классе организовал. Разумеется, от тоски необъяснимой.

— Постпанк?

— Ну да. Одного чувака укусил овцебык, а ему ничего, он к укусам привык. Кажется, так. Мечтал, знаешь ли, быть музыкантом. На гитарке хотел бряцать, дабы девицы млели. Но не решился.

— А почему тогда «Анаболик Бомберс»? — поинтересовался Кокосов.

— Обычная редакторская правка. «Маркус Вольф» — это политика, а «Анаболики»...

— Почему именно так? Почему название такое? «Анаболические Бомбардировщики»?

— Потому что красиво, — ответил Зимин. — Знаешь ли, если ты успел заметить, я люблю красоту. С детства к ней особое пристрастие испытываю. Наверное, из-за того, что сам вырос... в глубоких зыбях, если прилично выражаться. Красоты вокруг меня ощущался явный дефицит, вот и результат. Лара, мотоциклы, все прочее. А «Анаболики»...

Зимин подмигнул Вольфу.

— «Анаболики» это тоже история. В средней школе я начал ходить в качалку. Там все качались, как ненормальные. Ну и, само собой, были там граждане, скажем так, далекие от идеалов олимпийской морали. Злоупотреблявшие стимуляторами, если откровенно говорить. Одного, самого, кстати, гипертрофированного и страшного, звали Вова-Квадрат. В молодости он служил на «Су-27», потом увлекся бодибилдингом и перестал влезать в кокпит... Короче, у него на правом дельтоиде имелась татуировка — пикирующий «Су-27», гипертрофированно увешанный всевозможным вооружением. И соответствующая подпись.

— Да уж...

А потом «Маркус Вольф» не понравился редактору, и я решил переделать его на «Anabolik Bombers». Ну, а стихи взял из своих старых тетрадей.

Зимин откашлялся и продекламировал:

— Копыто вбросив в стремя, хлебнув целебный взвар, решил варварам перцу насыпать консул Варр... Так-то.

Кокосов потер лоб.

— И вот, наконец, роковой гвоздь в могилу вашего, сударь, престранного построения. Анаболические бомбардировщики утюжат Эльдорадо атомными торпедами! Все, как было предречено.

Зимин приставил к книжной полке антикварного вида лестницу, полез по ней к потолку, по пути комментируя:

— Дом на самом деле старинный. То есть послевоенный, потолки высокие, музыка, устремленная ввысь. Здесь почти четыре метра...

— Неплохая библиотека... — грустно сказал снизу Кокосов.

— Неплохая, — согласился Зимин. — Мама заботилась о моем интеллектуальном развитии, покупала книги, выписывала журналы. Весьма ей, кстати, за это благодарен, мне очень помогло. Знаешь, прочитаешь что-нибудь про освоение Марса беспилотными аппаратами, и фантазия пробуждается...

Зимин замолчал, сдвигая по полке книги. На Кокосова падала пыль, собранная в серые жгуты.

— Впрочем, частенько маман приобретала книги, руководствуясь душевными порывами, минутным впечатлением. Получалось интересно, кстати. Вот, смотри.

Зимин отпустил вниз книжку, Кокосов поймал.

— «Основные приемы мелиорации в районах Нечерноземья», — растерянно прочитал Кокосов. — Ты что, это читал?

— Конечно, — Зимин уже спускался вниз. — Конечно, читал. Весьма, кстати, интересная книжка. И слог, и вообще, полезно. К две тысячи двадцатому году обещали произрастание персиков в районе Ярославля. Но не это нам важно. Ты фамилию прочитай.

— «Косов», — прочитал Кокосов. — И...

— Константин Олегович Косов, — перебил Зимин. — Что же непонятного?

Кокосов почесал себя за лоб.

— Эта книжка открыла мне глаза на мелиорацию и вообще... — Зимин

ухмыльнулся, — на жизнь. Ка О Косов. Кокосов то есть.

Зимин постучал книжкой Кокосова по голове, сунул в руки.

— А ты говоришь, Эльдорадо, — Зимин зевнул. — И вообще, мой друг мелиоратор, Страна Мечты была придумана мной в тоскливый...

Зимин уставился в потолок, вспоминая.

— В тухлый сентябрьский день, точно. В тот славный день я сидел дома с ангиной — промок, знаешь ли, в очередной раз отмывая башмаки от кошек. Холодрыга была, помню, отопление еще не включили, а телевизор как раз сгорел. Вот сидел я в тоске, читал «Основные приемы мелиорации в Нечерноземье», потому что все остальное я уже давным-давно прочитал. Читал-читал, и вдруг раз — придумалось. От тоски. То есть такая на меня скука навалилась, что я стал придумывать место, где бы мне хотелось оказаться. Именно мне. То есть чтобы это место было как из моих самых светлых снов. Вот оно и получилось. Кстати, там на семнадцатой странице и карта есть.

— Какая карта? — встрепнулся Кокосов.

— Карта Страны Мечты, — ухмыльнулся Зимин. — То есть на самом деле это карта мелиоративных мероприятий в Кво-чурском районе, но она меня вдохновила. Разбудила фантазию.

Кокосов схватил книгу и стал искать семнадцатую страницу.

— Фантазия в детстве у меня была что надо. До определенного момента, конечно. Я даже слова новые придумывал и сам ими у себя в голове говорил. Конечно, сейчас я ничего почти не помню...

— Тут вырвано, — сказал Кокосов.

— Как вырвано?

Зимин отобрал у гостя книгу, долистал до семнадцатой страницы.

— Действительно, нет, — сказал он. — Не помню, чтобы вырывал... Странно. Наверное, отец вырывал зачем-то. Да какая разница?

По стеклам ударил дождь, он застучал по крыше камнями, Кокосов поглядел в потолок.

— Опять дождь. Обычное тут дело. Все свое детство я прожил как в барабане — бум-бум-бум.

Кокосов принялся изучать книгу Косова. Он понюхал ее, потер переплет, в очередной раз перелистал, проверяя, не завалилось ли что между страницами. Некоторые посмотрел на просвет.

— Криптополиграфия в действии, — усмехнулся Зимин. — Давай...

Но Кокосов на эту усмешку не отреагировал, продолжил осматривать книгу. Зимин терпел. Он вытянул из ножен меч и принялся им размахивать, делать выпады и вообще дурачиться, сбил несколько книг, остановился возле окна.

Погода стремительно менялась. Дождь собирался в ливень, Зимину не хотелось терпеть этот дождь, он чувствовал, как устал от дождя, устал от осени, как он хочет зимы.

— Странная книга, между прочим, — сказал Кокосов. — Никаких выходных данных, это раз. Никакого предисловия — два, а между прочим, раньше любили писать предисловия. Нет даже года издания, что совсем уж ни в какие ворота не лезет. В старые времена за этим здорово, кстати, следили.

Кокосов достал из кармана планшетный компьютер, уселся на кожаный диван и стал тыкать в экран пальцами. Зимин отправился вдоль стеллажей, касаясь книг ладонью, вспоминая. Названия, авторов, ощущения, их больше всего. Каждая книга оставляла после себя новое ОЩУЩЕНИЕ, как незнакомый город. А в последнее время вот нет, книги вспоминались не по ощущениям, а по мыслям, а чаще того по обложкам. Обложки в последнее время научились рисовать хорошие, чаще гораздо лучше самих книг. От этого читать не хотелось, что Зимина немного раздражало.

— Ага, — сказал Кокосов. — Вот оно. То есть совсем ничего... Я совсем ничего не нашел про эту книгу.

— И что? — Зимин поглядел в окно. — В Интернете разве про все есть?

— Обычно да, книги сейчас многие оцифрованы... Если не оцифрованы, то хотя бы выходные данные, хотя бы о фамилии. А про книгу «Мелиорация в Нечерноземье» совсем ничего. И про автора. Этой книги, кажется, нет.

Зимин уже привычно поморщился.

— Дождь начинается, — сказал он. — Может, чаю попьем.

— Чаю? — не понял Кокосов.

— Чаю. В дождь надо пить чай. У меня соты есть с медом.

— Ну, давай. А у тебя таких книг еще нет?

— Каких? Про мелиорацию? Нет, кажется, нет. Про мелиорацию ничего... Во, про Лилиенталю что-то. Но там без обложек.

— Ты про блуждающие книги слышал?

— Сейчас...

Зимин отправился на кухню, ставить чайник, вернулся почти сразу.

— Воды нет, — сказал он. — И газа. Тут же авария какая-то. Отец, наверное, ушел узнавать... Соты есть, правда, черствые.

Соты были похожи на маленькие бетонные блоки, Зимин взял меч и раскрошил их вместе с кухонной доской, на которой они лежали. Стал с трудом жевать. Кокосов отказался.

— Так ты слышал про блуждающие книги? — спросил он.

— Может, и слышал что, — Зимин нажевал сот, слепил свечку, стал поджигать. — Знаешь, я телевизор смотрю с утра до вечера, так там много интересного кажут. То рептилоиды озоруют, то розенкрейцеры новый порядок устанавливают, короче, сплошной эгрегор всевластья. Про книжки тоже рассказывают разное. Логос, все дела, в центре Земли в пещере спрятана книга судеб. А ты про какие поведает?

Свечка разгорелась, стала стрелять воском, брызнула Ко-косову на руку, он дернулся.

— Я видел один раз подобную штуку, — Кокосов потряс книжкой про мелиорацию. — И читал про это. Книги шепота.

— Рукопись, найденная в табуретке, — улыбнулся Зимин.

— Пусть так. Это странное явление, весьма и весьма странное, оно, кстати, описано в соответствующей литературе.

— Рукопись, найденная в пианине, — улыбнулся Зимин.

— Нельзя недооценивать, — помотал головой Кокосов. — Эти вещи не совсем безопасные. То есть совсем небезопасные. Книги шепота не появляются просто так, это знак.

— Кокосов, не напрягай, — попросил Зимин. — Я с тобой знаком всего ничего, а капитально хочу тебя убить из рогатки с оптическим прицелом. Знак, знак, какой, к черту, знак?

— Ты мне договорить-то дашь?

Зимин вдруг подумал, что к Кокосову он уже немного привык. Не так чтобы совсем, но привык. Как к бородавке. Сначала бородавку ненавидят, пытаются выжечь нитратом серебра, или йодом, или народными средствами, а потом к ней привыкают.

Вот так и Кокосов.

— Ладно, — Зимин затушил свечку. — Рассказывай. Наверняка это душераздирающая история.

— Во многом. Одним словом, это еще в девятнадцатом веке подметили — что иногда в больших библиотеках появляются как бы ничейные книги. Сначала думают, что эти книги кто-то забыл, или подарил, или от предков остались, короче, не обращают внимания. А потом кто-то находит эту книгу. И начинается.

Кокосов, как обычно, перешел на зловеший шепот. Бородавка, подумал Зимин. Точно, бородавка. — Эти книги обычно содержат некую информацию... Зимин немного всхлипнул. От слова «информация». Информация ему совсем не нравилась.

— И что? — ехидно спросил он.

— Понимаешь, это закон больших чисел. Вот если есть, допустим, большой склад, на котором хранится лимонад. Пять миллионов банок или больше. Так вот, в процессе логистики всегда выясняется, что этих банок не пять миллионов, а, допустим, пять миллионов двадцать три. И появление этих двадцати трех банок никто объяснить не может! Они возникают как будто сами! Понимаешь?

— Нет, — признался Зимин.

— Это трудно понять, понимаю. Я специально выяснял, проводил беседу со специалистами, работающими на складах, им незачем врать. Феномен требует самого пристального изучения...

— При чем здесь лимонад? — поинтересовался Зимин.

— Ни при чем, просто лимонад я взял для иллюстрации, — пояснил Кокосов. — Закон больших чисел, он не только к предметам относится, он и к информации относится. Человечество накопило критические объемы информации, это уже давно стало ясно. Ее накопили много уже в девятнадцатом веке, но в двадцатом и двадцать первом критическая масса была перекрыта. И книги шепота стали появляться гораздо чаще.

Зимин кивнул.

— Зря сомневаешься, — сказал Кокосов. — Эта книга... Он потряс «Мелиорацией».

— Эту книгу ты нашел не случайно. Это вообще все не случайно. Этим нельзя пренебрегать, потому что последствия могут быть самые ужасные!

— Не сомневаюсь, — согласился Зимин. — В жизни вообще случайного мало.

— У меня есть теория, — Кокосов улыбнулся. — Насчет этих книг, карт, странных механизмов. Мне кажется...

— Теория — это хорошо, — перебил Зимин. — Я сам люблю всякие теории...

Он поглядел в окно и убедился, что дождь усилился.

— Эта теория объясняет...

— А если они исчезают? — спросил вдруг Зимин.

— Кто? — не понял Кокосов.

— Банки. Ну, банки появляются — это понятно. А если они • исчезают?

Кокосов задумался.

— Вот и я о том, — вздохнул Зимин. — Вопросов всегда больше, чем ответов. — Отец скоро прийти должен, что-то задерживается. А связь барахлит.

— Это от электричества, — пояснил Кокосов. — Может, он записку где оставил?

— Точно! Надо посмотреть в его комнате. Подожди, я сейчас...

Зимин вручил Кокосову меч и поспешил в комнату отца.

Она была третьей, в самом конце коридора. Здесь коробок оказалось еще больше. Зимин протискивался уже с трудом, не понимая, зачем отец начал эти коробки собирать и чем они забиты.

Дверь в комнату отца оказалась почему-то закрыта, и Зимин потратил несколько минут, пытаясь на ощупь найти ключ. Обычно отец прятал его над косяком, но в этот раз ключ нашелся не там, а сбоку, на гвоздике.

Зимин открыл дверь, отметив, что замок стал туговат, надо бы смазать. Он вступил в темноту.

— Эй! — сказал он.

Голос необычно отразился от стен, точно комната была...

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ТАБУРЕТКЕ

Зимин сел.

Голова болела. То есть не болела, а как-то... Замерзла, что ли.

На затылке надувалась шишка. От хорошего удара. Кто-то его стукнул... Кто-то! Кокосов! Эта сволочь подкралась сзади и зачем-то приложила его по затылку... Чем-то.

В ушах шумело от удара. Равномерный гул, он заполнил собой все окружающее пространство.

Зимин перевернулся на четвереньки и пополз к окну. Шторы, тяжелые и плотные, он потянул их в стороны, и на него обрушилась пыльная лавина, Зимин задохнулся и принялся чихать и кашлять, долго чихал, пока из глаз не потекли слезы.

Потом посмотрел в окно и ничего не увидел. Окно было запылено, засалено и загрязнено настолько, что сквозь него еле пробивался свет.

Там, на улице, явно что-то происходило. Потому что грохот доносился оттуда. Иногда еще что-то вспыхивало электрическим светом, но разглядеть сквозь стекло ничего не удавалось.

Он оглянулся.

Все было прозаичнее. Никакого Кокосова — на полу лежала тяжелая вешалка, высокая, с толстыми круглыми рогами для шапок, видимо, она на голову и упала. Зимин пощупал шишку.

Хорошая шишка, с бильярдный шар. Зимин подумал, что бы случилось, если бы...

Комната была пуста. Совсем. Никакой мебели. Ни стола, ни кровати, ни кресел, ни стеллажей, ни маленького верстака, ни люстры. Ничего. Только старая вешалка, никому, как выясняется, не нужная, пригодная только для того, чтобы треснуть человека по затылку — ага, понятно, ножка-то подломлена.

Со стен исчезли ковры, три штуки. С пола пропали половики, и теперь он желтел, как покойник. Люстра, большая, чуть ли не дореволюционная, и та исчезла, из потолка торчали два провода, на них пыль.

Было видно, что в комнате никто не живет. Уже давно никто не живет.

Зимин почувствовал, как по шее потек холодок.

Зазвонил телефон. Зимин поглядел на экран.

Вызывала Лара.

Как раз кстати.

В трубке шелестели помехи, с каждой молнией в ухо Зимину врывался электрический треск, но он все равно ее слышал.

Лару.

— Зимин, это ты? — спросила Лара.

Голос у нее был спокойный и какой-то даже равнодушный, усталый. Именно по этой усталости Зимин понял, что все очень нехорошо.

— Что случилось?! — почти крикнул он.

Недалеко ударила молния, в трубке просвистело.

— Лара!

— ...вода поднимается, — услышал Зимин.

— Что?!

— Я на автобусе ехала, — сказала Лара. — То есть на троллейбусе, через реку. Хотела к тебе... Ты ведь к себе домой поехал, наверное, чтобы убедиться. Я хотела с тобой... Короче, на мосту электричество кончилось, прямо посередине. Здесь грузовики вокруг, они тоже почему-то стоят... И вода поднимается.

— Как поднимается?!

— Наводнение, кажется... — Лара зевнула. — Река сильно разлилась, по правому берегу уже стадион затопило. И въезд на мост тоже. Мне что делать, Зимин?

— Сиди в автобусе! — крикнул Зимин. — Не выходи! Ни в коем случае! Если вода подойдет, ты полезай на крышу! Поняла?

— Поняла. Зимин, ты это...

Разряд. Из трубки выскочили искры, так показалось Зимину.

— ...ты это... Ты сюда не суйся...

Связь отключилась.

Зимин поглядел на экран, сеть ушла. Он сунул трубку в карман и выскочил прочь из комнаты, забыв обо всем, и тут дом трянуло, и коробки, стоявшие вдоль стены, осыпались, и Зимин оказался под ними.

Он попытался выбраться, но коробки оказались тяжелыми, и придавили сильно, на то, чтобы пробиться сквозь завал, ушло много времени и сил.

— Кокос! — Зимин вывалился в свою комнату.

Она тоже была пуста. Не совсем, то есть пуста, мебель и книги остались на месте, стол остался на месте и пишущая машинка на нем тоже...

В пишущую машинку был воткнут меч. Прямо в клавиши. Толедская сталь легко пробила нежные внутренности аппарата, пробила стол и выставилась снизу. По клинку стекало что-то черное, и на полу уже успела собраться этого черного целая лужица.

Зимин зажмурил глаза, а когда открыл, ничего не изменилось. Кокосова не было. Он зарезал машинку и убежал, сволочь, психопат, идиот!

«Сбежал, — подумал Зимин. — Бросил меня, зарезал машинку и сбежал. Еще, наверное, и мотоцикл угнал, недаром он к нему примеривался...»

Зимин хлопнул себя по карману.

Ключей не было.

Зимин заорал уже яростно и кинулся на улицу. Бешено сбежал по шатающейся лестнице, выскочил на воздух.

Он оказался по колено в воде. Пространство вокруг дома было затоплено, а прямо напротив, за сараями и гаражами, на территории элеватора снова плясал смерч.

А мотоцикла не было. Исчез.

Зимин заорал. Вопль его растворился в грохоте надвигающейся стихии. Этот гад угнал у него мотоцикл! Какой-то прыщавый недомерок! Сталкер заброшенных психлечебниц! Он угнал мотоцикл и наверняка летит на нем спасать Лару! Она там тонет в автобусе, вода прибывает, а тут Кокосов весь в белом!

Зимин завыл.

Смерч сложился почти пополам, чиркнул по крыше элеватора и тут же расслоился на несколько малых, они взяли элеватор в круг, небо заполнилось мукой, и пошел снег.

Со стороны реки медленно катила вода. Грязная жижа, в которой смешался мусор, серые и гнилые обломки гаражей, мутная пена с отстойников, яркие упаковки из перевернутых продуктовых фур, покрышки, еще миллион вещей, даже машины. Все это наступало медленно, и с первого взгляда неопасно. Зимин кинулся навстречу этой массе, глупо надеясь продвинуться ей наперекор, но едва вступил в воду, как сразу упал, сбитый напором грязи. Его почти сразу затянуло под дверь, грязь забила глаза и уши, Зимина поволокло прочь, и он с трудом встал на колени и поднялся рывком.

Жижа уже была вокруг, и Зимин с ужасом понял, что у него не получится через нее пробраться. Потому что отсюда до моста почти три километра, и если все набережные затоплены, то пробраться никак. Совсем никак.

Зимин опять заорал.

А потом опять завыл. Потому что ситуация была безнадежна, и он это знал. Нужен

вертолет, а где взять вертолет?

Евсеев. Этот наверняка может. Надо только дозвониться!

Зимин выхватил телефон. Сети нет.

Нет!

На него плыл стол, Зимин отступил назад. Смерч опал и вновь родился, он полз по территории завода в сторону города и вдруг резко поменял направление и снова спустился к реке. Загрохотало, земля затряслась, и пошел дождь.

Это был самый необычный дождь, который видел Зимин в своей жизни. Он состоял из лягушек и мелкой серебристой рыбы, размером с кильку. И лягушки и рыба были живыми, они падали и со шмяканьем разбивались в красные кляксы, во всяком случае, лягушки почти все, но некоторые оставались в живых и распрыгивались. Несколько лягушек попали в Зимины и растеклись по плечам, рыбины перемазали чешуей, Зимин снова закричал, потому что это было дико и страшно.

Вода резко поднялась и залила окрестности.

Сеть отсутствовала. Зимин кинулся к дому, ворвался в подъезд. Вода уже затапливала нижнюю площадку.

— Бегите! — Зимин пинал в двери соседей. — Бегите!

В дверь Холина, и в дверь Дрюпина, и к Коровину, тому, что любил рисовать на заборах. Но двери были забиты досками и покрашены.

Здесь давно никто не жил, это было видно.

Зимин схватился за голову.

Это молния. Его ударила молния, и он утратил связь с реальностью. Нервно расстроился. Нарушения... Эта гадина угнала у него мотоцикл. И сейчас спасет Лару. А в комнате отца никого, уже давно никого... Зимин, ты меня пугаешь. Зимин, ты пугаешь. Твой отец уже пять лет как умер...

Вода. Поднялась выше первого. В воде покачивалась оранжевая строительная каска и рядом с ней модель каравеллы, новенькая, с парусами, с фигурками конкистадоров в выпуклых латах, на корме сидела лягушка и смотрела на Зимины выпуклыми глазами.

Зимин толкнул дверь квартиры Таньки. И неожиданно она оказалась открыта, Зимин ввалился внутрь.

Квартира тоже была пуста. Исчезло все. Все вещи, которые так любила Татьяна плести из бересты, веревок, кожи и бисера и развешивать по стенам, вещи, которые она ковала из железа и вырезала из кости, все эти вещи исчезли. Больше — Зимин вдруг увидел, что этих вещей здесь не было уже очень давно. Квартира пустовала не первый год. Тут не жили так долго, что и живого духа тут сто лет не ощущалось. Зимин это почувствовал и сразу вышел на площадку. Достал ключ от квартиры, открыл.

Снова достал телефон, сеть не вернулась. Возможно, смерч завалил уже все вышки, возможно, молния сожгла трансформаторы или что там у них, возможно, просто на самом деле кончилось электричество, отсутствию связи могла быть сотня причин. Зимин вспомнил, что со связью здесь всегда было плохо, и в хорошие дни. А сейчас...

Дом дрогнул.

Зимин выскочил на лестницу и кинулся к себе, остановился на площадке. Лестница на чердак. Скобы, вбитые в бревна, из которых был построен дом, когда-то на этих скобах Зимин учился подтягиваться.

Он подпрыгнул, уцепился за скобу, быстро подтянулся на несколько ступеней, влез на чердак, поймал равновесие на балке, проверил телефон.

Сеть отсутствовала.

Надо лезть на крышу.

Зимин, балансируя на промокшем бревне, добрался до светового окна, на всякий случай

проверил связь еще. На крышу он лазил часто, без особых целей, просто ради простора. Но в детстве. Но сноровки не утратил — в три движения забросил себя наверх, выбил ногой оконце и шагнул на кровлю.

Отсюда открывался фантастический вид. Грандиозный. Смерчи. Тучи. Радуги. Потоп. Катаклизм. На секунду Зимин залюбовался взбесившейся природой, затем пополз к коньку. Стараясь не съехать по скользким шиферным плитам, стараясь не провалиться.

Конек крыши совершенно сгнил, и удержаться на нем был почти невозможно. Зимин установился с трудом, балансируя, стараясь не поддаться порывам ветра.

Связь была. Мобильник зацепился за сеть и всю пытался ее удержать.

Звонок. Трубка запела в руке. Пара. Зимин нажал кнопку.

— Лара! — заорал Зимин. — Лара! Ты меня слышишь!

Над головой гроыхнуло. Так пронзительно и мощно, что Зимин оглох. Он поглядел наверх. Туча висела прямо над ним. Черная. С белыми крапинками. Зимин не понял, что это за белые крапинки...

На него падали птицы. Чайки, убитые громом, опаленные молнией. Стая. Она падала на Зимина, он успел различить, как дымятся крылья.

Затем чайки упали. Все разом.

Они сломали шифер вокруг, Зимин взмахнул руками и провалился сквозь крышу. С хрустом, с грохотом.

Звонок. Снова звонок. Он услышал звонок и открыл глаза.

Он очнулся почти сразу дернулся было на звук, но тут же закричал. Нога была сломана ниже колена, из штанины торчал острый обломок кости. Больно. То есть так больно, что Зимин эту боль не очень хорошо почувствовал, это его удивило — странная штука, сломана кость, а ничего. Немного пощипывает.

Зимин не удержался и потрогал торчащую кость.

Ничего.

Мир окончательно заполнился шумом, движением, грохотом и непривычными звуками. С улицы доносился грохот, точно мимо дома тащился огромный мусорный змей, он пыхтел, рычал, задевал бронированной шкурой дом, подминал под себя все, ломал.

Звенели стекла. Между ударами грома слышались сирены. По крыше гроыхало.

И еще. Зимин слышал свой телефон. Он пиликал, перекрывая бурю.

Он попробовал дотянуться, но не смог — ноги были придавлены обрушившейся балкой. Намертво.

Телефон продолжал пиликать, Зимин рванулся к нему, с воплем и хрустом, и дотянулся пальцем. Телефон подпрыгнул, перевернулся, упал.

Заработал.

Зимин услышал.

Голос у нее был ленивый и безразличный, а за ним, за голосом Лары, слышались другие голоса. Люди кричали.

— Зима, — сказала Лара. — Я вот что тебе хотела сказать...

Зимин услышал скрежет, железо по железу.

— Давно хотела. Зима, я тебя лю. Хотя ты, наверное, и так знаешь.

Лара снова зевнула.

— Ты что-то меня не слышишь, Зима, — сказала она. — У тебя там связь плохая, я помню. Зима, я вообще-то все помню, все. Помнишь, тот вечер? Ну, когда мы с тобой познакомились? Ты пришел в поликлинику, потому что у тебя врос ноготь, и я там тоже по какому-то поводу была... Такое глупое знакомство, наверное, самое глупое в мире... Самое глупое, это точно.

Пара всхлипнула.

— Я тебя, конечно, ругала за мотоцикл, но это так, не по-настоящему. То есть совсем. Мне нравился мотоцикл, честно, нравился. Эх, Зимин... Холодно, Зимин, холодно...

Связь оборвалась.

И вдруг вообще стало тихо. Зимин с трудом поднялся, до половины, так, чтобы выглянуть в окно.

Буря продолжалась, Зимин увидел, как взбесившиеся смерчи добивают элеватор, как разваливается город, беззвучно, как в старом кинематографе. Мир за окном вообще приобрел странную перспективу, сделался похож на гобелен, закопченный, коричневый, древний. А еще плоский, как в книге с детскими движимыми картинками.

Зимин кричал. Его голос увяз во внезапно остановившемся воздухе. Кажется, он кричал «не надо».

Потом он слышал еще звук. Совсем странный. То есть не странный, а такой, которого не могло быть здесь.

Звук, которого не могло быть.

Клавиши. Они щелкали. Зимин лежал на полу, машинка стояла на столе, пронзенная толедским мечом с рукоятью в виде сцепившихся морских чудищ. Клавиши щелкали. Сами по себе. Они были живучи, эти машинки, их убили, а они все равно.

Щелк. Только вот бумагу Зимин зарядить не успел.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

Бумагу!

Срочно бумагу!

— Я сейчас! — заорал Зимин. — Сейчас! Я все понял! Сейчас!

Зимин рванулся, сухожилия взвыли, нога вывернулась, в глазах потемнело. Он не сдвинулся, балка держала плотно.

— Я сейчас...

Вздох. Мир сжался и расправился.

Зимин заплакал.

Он всхлипывал, размазывая по щекам слезы. Еще он говорил. То есть пытался говорить, потому что слова перестали получаться. Он говорил, что все понял. Что был дураком. Что не знал, что теперь он больше никогда-никогда не будет...

Он просил.

Плакал снова.

Умолял.

Требовал.

И вот.

Увидел.

Прямо перед ним стоял портфель. Самый обычный портфель в мире. Скучный, потертый по углам, с крупными швами, с блестящей медной ручкой, отполированной ладонью.

Кокосов. Он забыл его...

Он не мог его забыть, он с этим портфелем вообще не расставался, никогда, ни при каких обстоятельствах. И сегодня у него этого портфеля не было, сегодня с Кокосовым был... холодильник. Точно, холодильник. А портфель-

Рукопись, найденная при странных обстоятельствах.

Рукопись, найденная в табуретке.

Рукопись, найденная в пианино.

Он дотянулся до портфеля, впился пальцами, подтащил к себе. Открыл. Внутри была папка. Обычная папка из толстого, чуть сероватого картона. На корешке округлым красивым

почерком было написано.

Кн. №5

«Краткая история тьмы», вар. 1.6., окончательный

Часть 2

И его другие сны
подглядываю. В них
вижу север дней моих.
Автор, автор! Где ты, где ты?
Лишь улыбку сквозь предметы
Различаю я порой.

*Илья Боровиков «Горожане
Солнца»*

ВОСКРЕШЕНИЕ

Слушай, — сказал я. — Может, скажешь? Перед смертью? Облегчишь душу?

— И что ты хочешь услышать? Перед смертью?

— Тайну. Хочу знать Тайну. Мне интересно, что это за Тайна такая?

Перец секунду подумал, затем дружелюбно помахал мне ручкой, подобрал кусок льда, подкинул вверх.

Лед с треском разлетелся где-то внизу, мы стали сходитьсь. Торопиться не стоило, я знал, что он не будет швырять в меня мечом с такого расстояния. На ста метрах не только меч, на ста метрах даже револьвер бесполезен. Так что метров пятьдесят никаких боевых действий не будет, будем только сходитьсь.

Перец шагал, подняв меч над головой. Серьезно, безо всяких выкрутасов. И в любую секунду он мог этот меч метнуть. Пробьет мне плечо, и все на этом, у самого-то, наверное, еще пять кинжалов и десять метательных ножей в рукавах.

Я шагал не спеша. Кобуры растегнул, но револьверы не достал, успею еще, достану через два пролета. Через три пролета взведу курки, и будем разбираться...

Перец исчез. Вот только что брел ко мне сквозь сталагмиты, и вот уже нет его. Растворился.

Так и знал, что у этого гада есть что-то в его хитрованском арсенале. Исчез. Нет, я, конечно, понимал, что он не исчез, что он где-то тут, но где, я понять не мог. Наверное, стоит где-нибудь за фермой, ждет. Ждет, что я растеряюсь.

Но я не растерялся. Я сделал так. Прикинул, где примерно мог остановиться Перец, прицелился в самый крупный в том месте сталагмит и выстрелил.

Устроим ему шрапнельку.

Верхушка сталагмита лопнула и разлетелась мелкими осколками. Осколки ударили по остальным сталагмитам, те тоже разлетелись, я, чтобы увеличить поражающий эффект, выстрелил еще. Ледяные картечины зазвенели по сторонам, один даже попал в меня, в ногу, это было довольно больно.

Эффект был достигнут.

— Ай! — Перец проявился, выскочил из-за левой фермы.

Я тут же выстрелил, целился в колено. Перец среагировал. Нет, от пули он, конечно, не увернулся, никто не может такое провернуть. Он заметил движение куркового пальца.

Я тут же послал пулю вдогонку, но уже не в Перца, а снова в сталагмит. Перца щелкнуло довольно больно, он завопил и кинулся на меня.

Восемь патронов.

Я выпустил две пули навстречу, одну в плечо, другую ложную. От той, что шла в плечо, Перец уклонился, на вторую не прореагировал.

Еще два выстрела, снова по сталагмитам. Снова щелкнуло Перца льдом, он даже запнулся, я немедленно воспользовался ситуацией и выстрелил. На этот раз увернуться было сложно, пуля шоркнула Перца по плечу.

Перец заорал, упал.

Но я задел его, задел. И нож он швырнул не так шустро, я сбил его прямо в воздухе, выстрелом «Берты».

Четыре патрона.

Перец поднялся на ноги.

— Неплохо, — сказал он и поглядел на рану в плече. — Ты, кажется, чему-то научился.

Перец обвел мечом сталагмиты.

— Но все-таки... — Перец поморщился. — Все-таки тебе помогли случайные обстоятельства.

— Случайных обстоятельств не бывает, — ответил я. — Будем болтать или все-таки продолжим?

— Продолжим, конечно, — Перец улыбнулся. — Надо же мне тебе ответить...

И он тут же ответил. Я был готов. Перец сработал «призрака» — резкие прыжки вправо-влево, настолько резкие, что попасть нельзя. Ну, вероятность попадания мала. Меня Варгас тоже таким штукам учил, я плохо выучился, не успел, а Перец, видимо, успел. Ловко у него получалось, я даже глазами ворочать не успевал.

Выстрел, выстрел, выстрел, выстрел. Мимо, мимо, мимо, мимо. Три секунды, и я стою, прижатый спиной к холодной ферме, а к горлу мне уже приставлено лезвие великого меча, и Перец смотрит на меня, и в глазах у него торжество. И стволы моих револьверов упираются ему в пузо.

И еще Перец улыбается.

— Ну, — сказал Перец. — Вот и все. Знаешь, я думаю, что ты проиграл. Я вот думаю, мне надо тебя примерно наказать... Даже не наказать, тебя надо изолировать. К тому же мне не нужны конкуренты на моей территории, сам понимаешь...

— Сюрприз, — сказал я и выстрелил в тринадцатый раз.

В пузо. В пузо, Перец не успел ничего понять, Перец не ожидал.

Пусть враги думают, что ты слабак, говорил Варгас. В нужный момент это даст тебе преимущество.

Перец не ожидал.

Это было то, над чем я работал последнее время. Хитрая штука, меня в свое время опять же Варгас научил. Рассказал, что с помощью ее он в свое время уложил одного наркобарона в Тегусигальпе. А сейчас я вот. Я сменил барабан на «Берте», поставил самодельный. На семь патронов. Устройство было ненадежным, в общем-то одноразовым. Я даже закончить его не успел толком.

Но оно сработало.

И патрон я сделал сам. Такой, как надо. Пороху побольше насыпал.

Перца отбросило, он с железным звуком брякнулся о ферму и свалился на мост, в сосульки.

— Привет из Тегусигальпы, — сказал я.

Давно готовил. Давно.

Перец лежал, не шевелился. Из рта и из носа текла кровь. Я еще спросил, ну, не удержался.

— Ну что? — спросил я. — Кто тут вторичный продукт?

Перец не ответил. Лежал. Застряв между вертикальными сосульками.

— И вообще, — сказал я. — Ты не один такой умный тут.

И я сделал то, что хотел уже давно сделать.
Я прочитал стихи.

*Думал Перец, будет крут,
А теперь он просто труп.*

И это были не «Анаболики», это был я сам. Скромное двестишье, с неточной и слабой рифмой. Но надо же с чего-то начинать?

Жаль, что ничего он не слышал. Жаль. Герой. Звезда упала. Достал фотик, запечатлел, опять не удержался. Для истории пригодится.

Тут я увидел меч. Меч поблескивал рукояткой. Я наклонился и поднял его. Отличная все-таки вещь. Интересно, кто сделал? Круче супербулата, идеальный баланс, лезвие в бешенном узоре.

Трофей. Теперь он принадлежит мне, как победителю. Теперь он мой. Я спрятал меч в ножны и повесил его за спину.

Вот так, Персиваль Безжалостный, вот так. Я победил. Победил. Но сейчас надо было спешить. Спешить.

— Пока, — сказал я.

И побежал вверх. Наверху у меня было еще много дел. Много-много.

Я поднимался по скользкой тропинке, стараясь удержать равновесие, то и дело дотрагиваясь до рукояти знаменитого меча, ощущая его силу и злость, приятное, должен признаться, чувство.

Тропинка закончилась, я остановился передохнуть. Голова заболела, наверное, от перепада давления. Или от волнения. Или от победы. Победа вскипятила мне кровь, та ударила в голову, виски заломило, в глазах заиграла красная муть, похожая на гущу из клюквенного компота.

Оглянулся.

Перца на мосту уже не было. Он исчез. Пять минут назад был, а теперь нет. Только лед там был, белый, и синий, и даже аквамарин, но в основном, конечно, белый. Белый-белый лед.

Ну, и немного красненького.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Поход начался неожиданно, как всякая уважающая себя война.

Крысин зашел к Зимину рано, почти в шесть, и долго стучал в окно, пытаясь разбудить, но Зимин разоспался, разморенный зависшей над городком жарой, так что Крысину пришлось набрать в походную кружку воды и плеснуть ее в окно. Кровать Зимина стояла у подоконника, Зимин успел увидеть сон про то, что упал в реку с бон, и проснулся.

Крысин был краток. Сказал, что война началась сегодня, и если Зимин хочет поучаствовать, у него есть десять минут на сборы, потому что автобус ждать не будет.

Зимин управился за семь.

Он был давно готов — под кроватью лежала собранная из Двух насосов воздушка, фляжка, выкрашенная камуфляжной зеленой краской, изюм в пластиковой банке — он слышал, что изюм улучшает зрение и реакцию.

Крысин окинул его критическим взглядом и побежал. Зимин за ним. Стараясь не отстать. Крысин бежал быстро, как должен бегать настоящий вождь.

Но Зимин удержался.

На вокзальной площади уже собрались бойцы, Крысин произвел переключку и объявил посадку.

Через полчаса автобус остановился, и бойцы стали выгружаться.

Это было достаточно нелегко, салон был заполнен старушками, ехавшими на богомолье, довольно плотно забит, старушки стояли сцементированно, опасаясь уступить свое место, стояли, вцепившись в поручни, друг в друга, ошестинившись локтями, клюками и сумками с острыми углами.

— Выходим! — кричал Крысин. — Выходим все!

Зимин стоял в самом конце салона. Будучи человеком городским и малоопытным, он полагал, что садиться в автобус следует первым. Оказалось, что это не так. Да, он, изрядно потолкавшись с воинственными бабушками, проник в салон в авангарде, но тут выяснилось, что ничего хорошего в этом нет.

Посидеть не получилось, потому что основную массу желающих прокатиться на автобусе составляли барышни далеко преклонного возраста, и Зимин им всем уступал места.

Некоторое время ему удавалось держаться за поручень, однако неустойчивая старушечья масса выдавила его в заднюю часть салона, прижала в самое неудобное место в левом дальнем углу, втрамбовала в теплую стену.

Крысин, Роликов и остальные местные были более дальновидны, и в автобус погрузились в числе последних.

Зимин повис на поручне.

Некоторое время автобус раскачивался на месте, утрясая человеческую начинку, затем скрежетнул передачами и отправился в путь.

Было жарко, в открытый потолочный люк влетала пыль, старушка справа то и дело вдавливала Зимину в ребра рукоять своей палки, старушка слева лечилась от астмы, пшикала в рот из ингалятора и иногда для усиления лечебного эффекта пшикала и окрест, по стеклам ползали слепни, вокруг разговаривали о пенсиях, могилках, медикаментах. Но Зимин не обращал на это особого внимания, Зимин был доволен. Почти счастлив. Крысин пригласил его поучаствовать в гороховой войне, это стоило путешествия, Зимин терпел. Прижимал к себе воздушку, старался защитить ее локтями, поскольку ствол оружия был сделан из подручной медной трубки, весьма склонной к сгибанию.

Автобус полз медленно, проваливаясь в ямы, взывая старым мотором, скрипя салоном и стуча железными зубами пассажиров. Иногда автобус причаливал к синим остановкам, но народу только прибывало.

Дышалось хуже и хуже, кроме того, начинала болеть спина. Зимин уже чувствовал, как начинает потихоньку сползать в обморок...

Но тут они приехали.

Задняя дверь не работала и пробираться к выходу пришлось через старушек, так что на улицу Зимин вывалился в изрядно помятом состоянии, однако воздушку он уберег. Не сломал, даже не погнул.

Крысин выстроил бойцов вдоль дороги и произвел проверку.

— Очки? — спросил Крысин первым делом. — У всех есть? Давайте, показывайте.

Стали доставать очки. Они были разные. Токарные, мотоциклетные, самодельные, самые оригинальные были, конечно, у Крысина — светофильтры, снятые с авиационного шлема. Крысин закрепил их на целой системе резинок. Крысин надевал очки, и они закрывали ему почти все лицо, вплоть до подбородка, отчего Крысин походил на стрекозу. Или на прищельца. Он и самострел себе обделал особо — украсил разноцветной проволокой, отполировал и покрыл лаком, а приклад обмотал желтой изолентой.

— У меня нет, — ответил Роликов. — Я у отца хотел...

— Тебе и не надо, — оборвал Крысин. — Ты не воюешь.

— У меня самострел!

Роликов показал самострел. Доску-вагонку, выпиленную в виде ружья. С курком, с куском приклеенного наждака, с прицелом из медной проволоки.

— Я и патронов нарезал...

Роликов сунул руку в карман, достал горсть рубленой алюминиевой проволоки, загнутой галочками.

— А есть с изоляцией...

Он достал из другого кармана патроны, нарезанные из проволоки с красной изоляцией.

— И самострел хороший, на тридцать метров...

— Да видели мы твой самострел, не пойдет.

— Как не пойдет? — возмутился Роликов.

— Так не пойдет. Тебе сколько раз объяснять, что проволокой нельзя пуляться? Можно только горохом. Только горох!

— Но ведь вы... Обещали же...

— Обещали в следующем году, а ты сейчас поперся. Никто тебя не тянул.

— Да я...

— Раз приперся — сиди у реки. К тому же у тебя нет очков — это три. Все, Ролик, не зли меня, сиди на бугорке. А то в следующий раз вообще не поедешь.

— Ладно, — Роликов надулся. — Ладно, смотрите сами. Если сейчас меня не пустите, я расскажу дяде Мише...

Роликов приходился Крысину двоюродным братом, и просто дать ему в ухо Крысин не мог.

— Все равно очков для тебя нет, — сказал Крысин. — Вряд ли тебе кто свои уступит.

— У меня запасные есть, — сказал Зимин.

У него на самом деле были запасные, вырезанные лобзиком из оргстекла.

— Вот видишь, — Роликов тут же отобрал у него очки. — И очки когда надо нашлись.

— Проволокой опасно, — сказал Крысин. — И больно.

— Да из такой все равно никуда не попадешь, — сказал кто-то, — пусть воюет.

— Сам ты не попадешь! — возмутился Роликов. — Это если упреждение не делать, а если с упреждением...

— Ладно, — махнул Крысин. — Твое дело. Дай-ка патроны.

Роликов протянул Крысину горсть серебристых галок. Крысин отобрал, подкинул в ладони, выкинул в траву.

— Будешь стрелять с изоляцией, — велел он. — Если узнаю, что стрелял такими... Крысин показал кулак.

Роликов кивнул.

— Напоминаю правила, — сказал Крысин. — Война всех против всех. Расходимся в разные стороны. Я грохаю из пугача — и начинаем сходитьсь. Напоминаю — палим только горохом! Если кто стрельнет подшипником — я сразу увижу, от подшипника синяк совсем другой. Тому, кто будет стрелять подшипником, я сам по шее наколочу. И вообще не советую обманывать.

Все кивнули, Зимин два раза. Все знали, что Крысин не любил обманщиков, на войну их больше не приглашал и вообще не дружил. А дружить с Крысиным было выгодно, дружить с ним хотели все. Потому что Крысин был боксер и его все боялись. Потому что папа Крысина был начальником, и сам Крысин уже в четырнадцать лет гонял на мотоцикле. Потому что у Крысина была сестра, самая красивая девушка в школе. Потому что Крысин не был жадиной, потому что Крысин все время что-то придумывал, потому что Крысина все уважали.

— Не советую обманывать, — повторил Крысин. — Обманщикам я пробью фанеру, потом не обижаться. В голову не стрелять, в руки-ноги не стрелять, только по корпусу. Если попали — все, готов, надевай майку и вали к реке. За пределы поля не выходить. Должен остаться только один. Все понятно?

— Понятно, — ответили все разом.

— Тогда вперед. Поле там, если кто не помнит.

Крысин положил на плечо воздушку и направился в сторону перелеска.

Зимин шагал последним.

Они вошли в перелесок, тенистый и мрачный молодой ельник, в котором оказалось полным-полно моховиков. Очень много, но их никто не собирал, все настраивались на предстоящее сражение, были серьезны и сосредоточенны, на лицах решимость и непреклонность.

Зимин тоже сделал решимость и непреклонность.

— Снимаем майки, — велел Крысин, когда они вышли из леса.

Все стали снимать майки и рубашки, некоторые обматывали футболки вокруг шеи, другие заправляли за ремни, кто-то привязывал к колену.

— Разбегаемся! — велел Крысин. — Пошли!

Все рванули в разные стороны. Зимин некоторое время растерянно стоял, затем тоже рванул. Он бежал, путаясь в горохе, высоко поднимая ноги и оглядываясь на остальных. Слева и справа мелькали противники, но постепенно, по мере того как он углублялся в зелень, они исчезали.

Гороховое поле выглядело совсем не так, как представлял себе Зимин. Во-первых, оно оказалось гораздо больше, наверное, километра два в ширину, а в длину и того начиналось у края лесополосы и спускалась к реке отлогим склоном. Во-вторых, оно было разноцветным, а не зелененьким. Оттого, что горох на поле рос разный. И совсем поспевший, и уже успевший почернеть, и только-только начавший желтеть, и совсем зеленый, свеженький. Кроме того, между горохом в изобилии вытянулись какие-то кормовые злаки, то ли ячмень, то ли овес, Зимин не очень хорошо различал. Злаки эти оказались скоро по пояс, а кое-где и выше, и Зимин скрылся от остальных быстро.

Он остановился, на всякий случай отполз в сторону и залег в овес, ну, и в горох, выбрав куст посочнее. Конечно, горох рос и у бабушки на огороде, но здешний был не в пример слаще. Зимин набил стручками карманы, для гороховых патронов приспособил небольшую коробочку, сплетенную из бересты. Ее он доверху набил уже давно созревшими желтыми

горошинами, похожими на деревянные шарики.

Тактику сражения Зимин выработал заранее, и она была проста и, на его взгляд, эффективна. Он намеревался забраться подальше в поле, залечь в ложбинку и ждать. Восемь бойцов, времени много, а он, Зимин, человек терпеливый, дождется, когда кто-нибудь приблизится на расстояние выстрела, и всадит ему в пузо пулю.

Осталось зарядить оружие.

Зимин перевернулся на спину, натянул резину, поставил на курок. Достал горошину, достал кусочек пластилина, размял его в лепешку, завернул в нее горошину, после чего поместил снаряд в ствол. Проверил прицелы.

Вообще, к изготовлению винтовки Зимин подошел серьезно, делал крепко и на века, на насосах деньги не экономил и приобрел не дешевый велосипедный, а хороший мотоциклетный, с широким надежным поршнем. Результат получился выдающийся — духовая винтовка стреляла дальше заводской и легко разбивала трехлитровую банку. Впрочем, для гороховой войны Зимин снизил и мощь, и дальность — в ов-совых зарослях дальнотой ни к чему, а мощь он прибрал в гуманистических целях.

Хлопнул пугач. Далеко-далеко. Зимину показалось, что в нескольких километрах, Зимин насторожился и стал ждать.

Война.

Он лежал, прислушиваясь к полю, ел горох и поглядывал на часы. Время ползло медленно, но Зимин никуда не торопился, он пристроил воздушку на кочку и смотрел сквозь проволочный прицел, ощущая себя настоящим снайпером на настоящей войне.

Кто-то заорал, и тут же раздался крик Крысина: «Убит!» Далеко.

Было тихо еще очень долго, потом Зимин снова услышал крики «Убит», и тоже далеко, война проходила в стороне от него.

Совсем в стороне. Минуты тянулись медленно, но, аккуратно посмотрев на часы, Зимин с удивлением отметил, что на самом деле прошло уже два часа, и даже с лишним.

Солнце поднялось и пекло все сильнее. Зимин подумал, что очень зря он не захватил рубашки с длинными рукавами, потому что руки стали обгорать, и это было неприятно, приходилось то и дело демаскирующе пошевеливаться.

Так минул еще час, и Зимин, чувствуя, как кожа на руках начинает покрываться волдырями, решил уже подняться... Но увидел спину.

Кажется, это был парень из-за линии, Зимин не был с ним хорошо знаком, пару раз встречал на реке. Парень полз прямо напротив Зимина, метрах в пятнадцати, то есть совсем рядом, подставляя Зимину бок под выстрел.

Зимин почувствовал палец на курке. Курок он еще с вечера обмотал тряпичным лейкопластырем, чтобы палец не скользил, и теперь он действительно не скользил. Зимин начал нажимать, проволока курка была эластичной и спускала поршень не сразу, а с оттягом. Зимин надавил на курок... и тут же отпустил. Он вдруг подумал, что не может выстрелить человеку в спину. Ну, пусть не в спину, пусть в бок, но это все равно, все равно что в спину. Без предупреждения то есть.

Зимин хотел его уже окликнуть, но пацан вдруг пополз быстрее, и Зимин растерялся. Он почему-то сильно вспотел и почувствовал, как у него трясутся руки. И страшно еще. Страшно пульнуть вот так, в человека.

Он так и не выстрелил. Парень скрылся в горохе, Зимин закрыл глаза. Он чувствовал себя редкостным идиотом, такой шанс представился, а он растерялся...

Зимин скрипнул зубами и сказал, что если перед ним еще кто-нибудь вот так поползет, то он его непременно пристрелит.

Засада продолжалась. Зимин просидел еще почти час и за этот час услышал, что убили еще троих. Солнце продолжало жарить, голову напекло, но кепку он взять не догадался, и

теперь приходилось терпеть. Он думал о том, что такую же выжидательную тактику могли использовать и его противники, не он один такой умный, опытные бойцы наверняка тоже так поступают.

Шорох. Прямо перед ним. Метрах в десяти.

Зимин понял, что ждать он больше не может. Он вытер со лба пот и поднялся. В глазах немного потемнело, а затем он увидел его.

Он стоял боком, вглядываясь в зелень, вслушиваясь в ветер.

Это был... Он вдруг понял, что забыл, как зовут мальчишку, стоящего перед ним. Враг. Только враг, Зимин чувствовал это и хотел его убить.

Враг не замечал его, и у Зимина было несколько секунд на то, чтобы прицелиться. Парень попал в проволочное перекрестье, Зимин совместил его с красной мушкой, надавил на курок.

Выстрела не последовало — курок слишком долго пробыл во взведенном состоянии и успел пристыть. Зимин давил, но стальная проволока пружинила под пальцем. Зимин едва не закричал.

Потому что мальчишка заметил краем глаза движение и начал поворачиваться.

Зимин всхлипнул. Он оттянул поршень, плюнул на проволоку, вернул железку обратно. Нажал на курок уже не целясь. Воздушка выстрелила.

Горошина с визжащим звуком ушла в сторону неприятеля.

Он даже не дернулся.

Промах.

Зимин понял, что он промазал, и стал перезаряжаться дрожащими руками, поршень выскальзывал из пальцев, горох просыпался...

Враг приближался.

Уверенным шагом, подняв оружие.

Зимин не успевал.

Враг остановился в десяти метрах, прицелился, выстрелил.

Зимин услышал звук жужжащего шмеля. Горошина ударила его в лоб.

В голове взорвалась синева, Зимин закрыл глаза и опустил на землю. Он услышал радостный вопль «Убит!!!», услышал, как враг подошел к нему, потрепал по плечу и спросил «Живой?», услышал собственный голос «Да», увидел солнце, которое стало светить тусклее.

На лбу образовывалась небольшая шишка, Зимин потрогал ее пальцами и обнаружил на них кровь — видимо, горошина сорвала кожу. В ушах Зимин слышал собственное сердце, которое билось отчего-то медленно и ровно.

Холодно почему-то.

Зимин сидел.

Он не видел никого, война ушла к реке, победители и побежденные отправились купаться, обтрясать вдоль берега дикие японские яблоки, раскапывать на перекате чертовы пальцы, древние раковины и круглые чугунные пули, оставшиеся со времен пугачевского возмущения.

Зимин чувствовал странное. Он слышал голоса у реки, но почему-то не ощущал никакого желания к этой реке спуститься. Что-то постороннее было в этих голосах, чужое, он никак не мог понять что. Он несколько раз собирался отправиться в сторону воды, но, сделав несколько шагов, останавливался. К реке не хотелось.

Решительно что-то изменилось. Погода стала портиться. Нет, солнце продолжало светить, и даже припекать, и по вискам тек пот, однако во всем этом появилось нечто постороннее, июльский полдень обрел некоторое неуловимое дополнительное качество.

Кудрявые облака стали кусками ваты, припиленными к небосводу ржавыми

булавками. Горох сгнил и пророс ржавыми пятнами, овес покрылся плесенью и спорыньей, деревья на противоположном конце поля уронили листья, и вместо июля явилась глубокая осень.

Это длилось недолго, несколько секунд, но в эти несколько секунд Зимин слышал, как замедлилась кровь и окончательно остыл день, и крики, доносившиеся с реки, окончательно затихли в воздухе, как в войлоке.

Зимин вдруг почувствовал себя глупо. Он увидел свои ноги, обутое в китайские кроссовки сорок первого размера, ноги здорового лба, отправившегося в поле играть в войну. Он увидел у себя в руках самодельное духовое ружье, на которое пошли два насоса, три мотка изоленты, стальная проволока, которую пришлось снять с велобагажника. И две велосипедные камеры, и медная трубка. Оружие, которое еще вчера казалось ему грозным и серьезным, внезапно утратило в глазах Зимина всякую ценность, он увидел, что это всего лишь детская игрушка, не более.

Зимин размахнулся и забросил воздушку в овес. А затем отправил туда еще и патроны.

Он сел в горох. Стал срывать и есть, чистить молодые стручки от шкурки и жевать, сладкие и вкусные. Он ел горох долго, пока не почувствовал, что больше не может, тогда он лег на бок и стал лежать.

Зимин старался понять — что произошло? Кажется, ничего необычного. Игра, горошина в лоб, поражение, шишка... Но Зимин отчего-то чувствовал, что в этом поражении есть еще кое-что. Лоб не переставал болеть, и это тоже беспокоило, Зимину казалось, что на лбу у него образовалась печать, и печать эту снять не получалось, хотя Зимин и тер лоб слюнями.

Его убили. Тот, прежний Зимин, умер. Был застрелен горошиной и остался лежать в желтеющем овсе, улыбаясь и глядя в небо, все просто, все понятно.

Зимин плюнул и направился к дороге.

Он шагал, запинаясь за горох, путаясь в овсе, пытаясь думать о медведях, которые приходят сюда по ночам, но медведи не удерживались в голове, была в ней одна только пустота.

Поле закончилось, и он вступил в лесополосу, и она тянулась и тянулась, хотя Зимин твердо помнил, что утром они преодолели ее за несколько минут. Он наткнулся на паутину, запинался за гнилые пни, поскользнулся на грибах и никак не мог выйти, никак.

К вечеру он все же выбрался к дороге и успел на последний автобус. Он был почти пуст, Зимин сидел у окна и глядел на поля, тонущие в сумерках. Он думал о зимних ботинках. О том, что в апреле, по последнему льду, умудрился порвать левый, матери не сказал, так и проходил, хлюпая. Думал о том, что надо бы теперь этот ботинок починить как-нибудь. И обои в комнате подклеить, после весны отстали. И неплохо бы устроиться куда-нибудь на работу, а потом раз — и остеклить балкон, мать ведь давно мечтает.

Зимин думал о балконе и постепенно сползал в дрему. Он устал. Натер мозоли, расцарапал живот, и вообще... Лоб еще болел. И впереди был еще целый август, скучный и дождливый. И год, в который стоило подналечь на учебу, поскольку именно в этот год закладывались основы, ну и так далее. И жизнь, которую предстояло как-то прожить.

ЗИМА

Зимин замолчал.

Ему не нравился собственный голос, он был, как всегда, пискляв и малозначителен. Но сегодня ему почему-то хотелось прочитать свой рассказ Ларе. Он написал его за ночь и не успел толком поправить, но все равно прочитал, с трудом разбирая почерк.

— Хорошо, — сказала Лара. — Очень хорошо. Это случилось с тобой?

— Со мной? Кажется. Я не очень помню.

— Идея мне нравится. Мальчика убили на игрушечной войне, и всю последующую жизнь он подозревал, что его убили по-настоящему. И что вся его жизнь не более чем мучительный кошмар, порожденный судорогами умирающего мозга. Мрачно. Но в духе. Прекрасный рассказ об окончании детства. Молодец.

— Ну да...

Почему-то ему вдруг стало стыдно этих листков, исписанных карандашным почерком, он сложил их и убрал в карман.

— Ты что, стесняешься? — удивилась Лара.

— Да не... Просто... Просто это совсем не то, к чему я привык. Это сложно... Мне кажется, что у меня от этого башка трескается...

— Ну и что? Зимин, башка дана тебе для того, чтобы она трескалась. А зачем она тебе еще?

— Не понял...

— Объясню в образах.

Лара устроилась поудобнее, объяснила:

— Меч, если его использовать по полной программе, тупится, на нем образуются зарубины, иногда он вообще ломается. Но если его не использовать, то это не меч вовсе, а просто острая железка. Так и с башкой. Ею надо работать.

— Недавно ты по-другому говорила, — напомнил Зимин.

— Правильно, — согласилась Лара. — И сейчас скажу. Меч куют для того, чтобы ходить в бой, для того, чтобы рубить дрова, нужен колун. Боевым клинком не шинкуют капусту, если ты начинаешь шинковать капусту катаной, то она у тебя, скорее всего, заржавеет.

— Понял, понял, — Зимин постучал себя пальцем по голове. — Ментальная гигиена. Вытравим призраков из нашего подсознания с помощью йоги и рыбьего жира. Так тебе честно понравилось?

— Да.

Лара поглядела на него.

— Рассказ про тех, кто навсегда пропал в гороховом поле. — сказала Лара.

Зимин достал коробку со свечами, стал выбирать.

Лара вязала рукавицу. Она раньше никогда не вязала, а тут вдруг увлеклась, как после обеда забралась на подоконник под перуанский плед с шерстью и спицами, так больше и не вылезала. Сидела, сверяясь с журналом, мотала клубки, позвякивала спицами и пила горячий шоколад. А Зимин его варил, каждый час по большой кружке. Сначала варил в кофемаши-не на кухне, а как раскочегарил печку, так и на ней. Шоколад то и дело сбегал, шипя на раскаленном чугуна, наполняя дом уютным запахом. А совсем рядом, в нескольких сантиметрах от Лары, отделенная от тепла толстым синеватым стеклом, бушевала зима.

— Говорят, тут парк будут строить, — Лара со скрипом ткнула спицей в стекло. — Атракционы всякие детские, зоопарк, дельфинарий. Можно будет приходить и плавать с дельфинами. Здорово?

— Наверное, — ответил Зимин.

— Здорово, — заверила Лара. — Я всегда мечтала. Может быть, я туда работать устроюсь. Не зря же я ветинститут заканчивала?

— Конечно, не зря.

— И от дома близко, удобно. Или ты так не считаешь?

— Считаю, — рассеянно сказал Зимин. — Конечно, удобно.

— Я с детства хотела дрессировать дельфинов. Они умные. Правда, я их только по телевизору... Как ты думаешь, меня возьмут?

— Возьмут, куда им деваться. Ты будешь дрессировать дельфинов, а я буду мототрюки выполнять.

— Тебя-то точно не возьмут.

— Не возьмут, — согласился Зимин. — Ну, я куплю «Ин-диан», наряжусь команчем и буду всем предлагать сфотографироваться за полтинник. Тоже дело.

— А что, здорово. Мне нравится. Слушай, а если тут будет парк аттракционов, то, наверное, и колесо обозрения поставят?

— Наверное.

— Колесо будет ночью светиться? — спросила Лара.

— Должно.

— Ты представь — ночью колесо будет светиться. Это же чудесно!

— И квартиры подорожают. Знаешь, многие ценят в квартирах вид из окна.

— Зимин, ты скучен, как черепаший панцирь. Удивляюсь, что ты стал писателем, тебе надо было стать конторщиком. Или лучше мерчендайзером, тебе бы пошло, ходил бы по магазину, пузырьки расставлял бы по полкам.

— Завтра пойду — устроюсь, — пообещал Зимин. — В крайнем случае, послезавтра. Или тележки катать.

— Иди, катать, тебе физический труд на пользу пойдет.

Лара натянула недовязанную рукавицу на левую руку. Четыре спицы торчали в разные стороны. Выглядело это зловеще.

— Зима совсем, — Лара прижалась щекой к окну. — Времени-то сколько прошло... Сто лет, кажется. Как?

Она пошевелила пальцами в рукавице.

— У тебя талант, — сказал Зимин.

— Ага. А я и не знала.

Зимин стал расставлять свечи и сразу их зажигать длинной каминной спичкой, той, что горит долго.

— Зачем свечи? — спросила Лара.

— Свечи зимой красиво.

— Действительно, красиво, Зима, — Лара померила рукавицу. — Тебе нравится?

— Очень.

— Мне, знаешь, тоже. Странное дело. Я вдруг проснулась и поняла, что хочу связать рукавицы. Тебе. Как?

— Приветствую. Рукавицы, шарф, кофту. Давно хотел.

— Да... Никогда раньше про это не думала даже — и вот. Просыпаюсь — а в голове мысль: «Надо бы связать варежки». Так и висит, яркая и как будто не моя...

Лара потерла голову.

— Чужая мысль... А потом постепенно-постепенно она как будто обжилась у меня в голове и как-то стала моей, собственной, точно я ее всегда обдумывала. Вязать варежки и это...

Лара снова почесала голову.

— Пирог с брусникой захотелось испечь.

Она хохотнула.

— Пирог с брусникой и с апельсинами, — Лара вернулась к вязанию. — Это наверняка что-то буйное... Да, заставляет задуматься.

— О чем? — осторожно спросил Зимин.

— Ну не знаю... О разном. Вот я стала думать и поняла вдруг, что в жизни много таких мыслей. То есть вспомнила, что в жизни много таких мыслей. Вот, допустим, наше знакомство, ну, когда у меня ноготь врос. Я ведь совсем не в поликлинику шагала, а к матери — она у одной подруги взяла рецепт, как палец распаривать в отрубях — верное средство. Вот я шагала по Коммунистической, думала, как это, наверное, глупо — сидеть и распаривать палец в отрубях, и вдруг решила зайти в поликлинику. Вот просто так, безо всяких особых на то причин, вдруг поняла, что нужно зайти. И я в эту поликлинику и зашла. А там ты. Вот такие мысли. Их как будто кто-то подсказывает, — Лара звякнула спицами. — Шепчет вроде как, только не словами, а...

— Кто?

— Не знаю. Кто-то.

Лара неопределенно помотала головой.

— Он точно ведет тебя за руку, — Лара закуталась в одеяло плотнее, между плечом и окном проложила подушку. — Точно твоя жизнь кем-то записана... А ты не замечал?

— Нет, — Зимин улыбнулся. — Никогда.

— Ну, понятно, ты сам в себе, в мыслях плаваешь. А я иногда слышу... Такое пощелкивание, точно...

Лара поглядела в потолок.

— Точно по клавиатуре кто-то стучит, — сказала Лара негромко.

— Но это не страшно, а наоборот. Будто знаешь, что за тобой присмотрят. Вот ты же за своими героями присматриваешь, направляешь их, тебе это должно быть знакомо...

Лара замолчала. И Зимин молчал. Слушал, как поет зацепившаяся за мачты телеантенн метель, высоко, так, что можно было разобрать голос.

— Ты правильно сделал, что решил его оживить, — сказала она. — А то как-то некрасиво получается — взял и прикончил любимого героя. Ему, наверное, тоже было удивительно, что ты его бросил.

Зимин кивнул.

— А теперь все как надо, — Лара снова примерила варежку, — Теперь все, как полагается, все хорошо, все спокойно.

Закончишь пятую книгу, а там и лето. И летом мы поедем... Куда?

— В Перу, — ответил Зимин. — На Мачу-Пикчу. Знаешь про такое место?

— Ага. Облачный край, как же. А почему именно туда?

— Не знаю. Вот захотелось вдруг, — улыбнулся Зимин. — Тебе же захотелось варежки связать? А мне на Мачу-Пикчу. Сначала махнем, конечно, в Аргентину, возьмем там мотоциклы впрокат и поедем на юг, к Огненной Земле, через весь континент.

— По маршруту Че Гевары, — сказала Лара.

— Точно, по маршруту Че Гевары. Это здорово.

— Здорово, — согласилась Лара. — Просто очень здорово. Я читала, там какой-то иной мир.

— Там дикость. Там Амазонка. Там Анды. Можно целый год путешествовать.

Метель ударила в окна. Поползли узоры, мороз вырезал в толщине стекол замысловатые скелеты рыб, еловые ветви, бесцветные северные цветы. Зимин зажег еще одну свечу.

— Зима, конечно, будет долгой, — сказала Лара. — Но это ничего.

Зимин подкинул в печку коротенькое полено. Весь день он возился с чугунной печкой, искал ей место в комнате, устанавливал, соединял трубу с каминным дымоходом. И когда

печка была растоплена и стала нагреваться, он отключил батареи отопления. Квартира стала остывать, они почувствовали холод и достали валенки и пледы, а потом от печки поползло живое тепло, и Зимин впервые за долгое время почувствовал себя хорошо.

— И как ты хочешь все это закончить? — спросила Лара. — Финал какой?

— Что?

— Ну, как что, пятую книгу?

— Просто. Последняя глава будет называться, разумеется, «Апраксин Бор». Я уже давно придумал — главный герой сидит в психушке, в абсолютной стадии разложения сознания, его лечат, в основном электросудорожной терапией, пытаются вернуть его в действительность, а он упорно в нее не хочет возвращаться...

Зимин поглядел в окно. Город окончательно исчез в снегу, утонул, пропал, и лишь иногда в разрывах метели вспыхивали одинокие желтые огни, далекие и на вид холодные.

— Он не хочет возвращаться, — повторил Зимин. — А в редкие моменты просветления рисует на одной стороне черного дракона, а на другой девчонку с рыжими волосами.

Лара выставила из-под одеяла ноги и стала натягивать на них валенки. Свечки потрескивали, и, поддерживая их, потрескивала печь.

— А может, и по-другому все будет, — сказал Зимин. — То есть совсем по-другому. Может быть, они все будут счастливы. Поживем — увидим.

— Мощная философия, — согласилась Лара. — Поживем — увидим. Хотя я согласна. Увидим. Слушай, как ты думаешь, а где можно взять брусники?

— На рынке, наверное.

— Точно. На рынке. Вот завтра с утра и отправлюсь. Проснусь пораньше, достану с балкона лыжи, намажу их... барсучьим салом — и вперед. И...

Она улыбнулась.

— Зима все-таки будет долгой.

— Поживем — увидим, — ответил Зимин.

Стужа продолжала вычерчивать на стекле вытянутые восьмерки, и длинные копы, и фигуры, похожие на рисунки древних людей. Пахло горелой берестой, воском и сеном, которое Зимин привез недавно специально для нужного запаха. За окном спал замороженный ожиданием вечерний город, с востока неотвратно приближалось Рождество. Лара куталась в одеяло и думала о том, что завтра она проснется решительно пораньше и, пожалуй, испечет пирог с брусникой и сахаром. А потом, может быть, закончит начатый на кухне ремонт — обои-то куплены.

НА ЦЫПОЧКАХ

— Я так и знал, — сказал Дрюпин. — Так и знал ведь! Он решил нас убрать.

Из вентиляции выдавливалась полужидкая, похожая по консистенции на разбавленную томатную пасту, субстанция. Она стекала по стене и распространялась по полу, собиралась комьями, застывала и достигала уже коленей.

Они сидели на стульях и на креслах и смотрели, как прибывает жижа.

— Мы в ней все застынем, — сообщил Клык через некоторое время. — И будем как памятники.

Он рассмеялся, беззаботно и безумно, так что Сирень ему немного даже позавидовала.

— Я лично буду вот так застывать, — Клык поднялся на табуретку, вытянул руку и показал, как он будет превращаться в памятник. — Чтобы красиво получилось, как у покорителей космоса. А ты как, Дрюпин?

— Отстань! — огрызнулся Дрюпин, ему явно не хотелось представлять, в какой именно позе он окаменеет.

А Сирень подумала, что он окаменеет на цыпочках. Будет до последнего тянуться к воздуху, глотать его, стараться подняться. Так и застынет. Наверное, смешно получится.

— Я передачу видел... — Клык потер голову. — Кажется. Про то, как людей засыпало вулканом. Так от них в земле такие пустоты остались, а когда их раскопали, в эти пустоты залили гипс — и получились статуи. Совсем как живые. Смешно. Сирень, а ты как будешь?

Клык чистосердечно поглядел на Сирень.

Как умирать? Сирень об этом не задумывалась. Зачем задумываться о том, чего не случится? Да, бетон прибывает, да, бежать некуда. Но это ничего не значит. Совсем. Нога болит, гангрена все-таки, но это тоже ничего не значит.

— Придурки! — всхлипнул Дрюпин. — Вы дураки и ничего не понимаете. Мы же совсем умрем! Совсем!

Клык прижался к Клавдии, та погрозила Дрюпину кулаком.

— А я не хочу! — капризно заявил Дрюпин. — Не хочу!

Сирень не хотела его успокаивать. Пусть помучается, ему полезно. Все мучаются.

— Да мы не утонем, — неожиданно уверенно сказал Клык. — Это точно.

— Откуда ты знаешь? Ты вообще дурачок, что ты можешь знать?

— Да я все знаю. Мне сны снятся...

— Сны! — Дрюпин вскочил на ноги и принялся бегать по боксу туда-сюда. — Давайте мы теперь будем опираться на сны! На сны идиота!

— Дрюпин, не пыли, — попросила Сирень.

— Сама не пыли. Вы психи, а я немного жить хочу...

Лампы погасли, и тут же вспыхнул нестерпимо яркий свет, он ослепил Сирень, ворвался ей в голову и спалил все мысли. Впрочем, это был нестрашный свет, совсем неопасный, он заполнил собой все, и стало холодно, точно кто-то выдохнул к ним мороза. Сирень на секунду почувствовала колющий ветер и крупные снежинки, они прилипли к коже и растаяли.

Посреди комнаты сидел человек. В бетоне.

— А здесь, однако, воняет, — сказал человек. — К чему бы это?

Он почесал левой рукой правое плечо и с трудом поднялся на ноги и принялся отряхиваться от раствора, брезгливо оглядывая руки и что-то бурча под нос.

Дрюпин шмыгнул носом.

Клавдия перешла в состояние комы.

Клык хихикнул.

Гость отряхнулся, стащил перчатки, с отвращением отбросил их в сторону и сказал:

— Стул мне.

Негромко так, но повелительно в крайней степени, так что Сирени самой вдруг захотелось сбегать за стулом.

— Стул ему... — фыркнул Клык. — Сейчас! Только пятки канифолью намажу...

— Сейчас! — отозвался Дрюпин. — Сейчас-сейчас!

Он нырнул куда-то во хлам и вернулся со стулом, с хорошим таким антикварным стулом, колченогим, с высокой спинкой. Дрюпин с внезапно прорезавшимся холуйством подставил стул незнакомцу, и тот сел, откинулся на спинку, заложил ногу на ногу.

— Как зовут моего раба? — осведомился незнакомец.

— Дрюпин, — тут же ответил Дрюпин.

Сирень чуть не икнула — так быстро Дрюпин проявил лучшие черты своего характера.

— Дрюпин... — Гость вытащил из-за голенища длинный острый кинжал и принялся картинно чистить ногти. — Дрю-пин-Дрюпин...

Он выковыривал из-под ногтей грязь, изучал ее с пристрастием.

— Дрюпин — славное имя, — заключил он наконец. — А я думал, ты Влипердиус какой — влип по самые наколенники.

— Сам Влипердиус, — сказал Клык и добавил: — Паршивый.

— Милая у вас тут компания образовалась, — гость окинул всех взглядом. — Калеки, сумасшедшие, маргиналы. Просто пир альтернативной генетики.

Незнакомец рассмеялся собственной шутке.

— Ладно, Дрюпин, не обижайся, ты мне нравишься.

Сирень подумала, чем бы его огорчить. Этого. А под рукой ничего. А ведь...

— Я, погляжу, вы ни на что не способны, — гость достал большой кружевной платок и принялся в него сморкаться. — Вас заливают бетоном, а вы сидите, свесив лапки...

— А что мы могли? — перебил Дрюпин. — Тут безвыходное положение! Коридор затянуло переборками, не выбраться... А я предсказывал, что может затопить!

— Безвыходных положений не бывает, — сказал незнакомец назидательно. — Бывают трудности. Бывают неприятности. Бывает, что тебя убивают. Одним словом, дела житейские.

А вы, как я погляжу, деморализованы и раздавлены, креветки и коловратки.

— Сам раздавленный, — огрызнулся Клык.

Незнакомец поглядел на Клыка пристально, но обижаться не стал, только улыбнулся. Сирень подумала, что она видела уже где-то эту улыбку, кривую ухмылку, такую, с прищуром, точно видела.

— Не будем вникать в философские прения, я все равно вас одолею, — сказал гость. — Перейдем к насущности. Бетон прибывает, и где-то часа через полтора вы все захлебнетесь. Поверьте, умирать в жидком бетоне — не лучшее развлечение на вечер, я-то знаю.

Дрюпин поглядел на Сирень.

Сирень ждала. Гость явно хотел им что-то предложить. Сирень даже знала что. Спасение. Жизнь. Радость. Солнце. Чайные клиперы, несущиеся через Атлантику. Будущее. Прошлое. Все, что захочешь.

И даже больше.

Надо только...

Ему ведь что-то нужно, думала Сирень. Просто так он ведь их спасти не собирался, Сирень в этом была уверена практически абсолютно.

— Я давно за вами наблюдаю, — сказал гость. — И вы мне симпатичны. Очень симпатичны. Толковые ребята...

Незнакомец с некоторым сомнением поглядел на Клавдию, та насторожилась.

— Одним словом, я предлагаю вам спасение, — гость указал пальцем в потолок. — Эвакуацию.

— Куда это? — тут же спросил Клык.

— Какая тебе разница? — усмехнулся гость. — Достаточно того, что там с потолка не льется бетон. Или этого мало?

Клык со скрежетом пожал плечами.

— Не переживайте, — успокоил гость. — Из одной западни в другую я не собираюсь вас перетаскивать. Там, куда мы отправимся, довольно хорошо. Во всяком случае, лучше, чем здесь. Правда, немного холодно... Но зато есть еда. И вообще...

Он покрутил ножом в воздухе.

— И вообще, это место, где сбываются мечты.

— Тогда я согласен, — сказал Клык. — Я вам так намечтаю, вздрогнете.

— А что за мечты-то? — спросила Клавдия.

— Ну... Не знаю, как будет конкретно с вами... — гость почесал подбородок. — Прецедентов не было... В крайнем случае я высажу вас где-нибудь в Конотопе...

— Я в Сызрани родилась, — объявила Клава.

— Сызрань еще лучше. Вы окажетесь в Сызрани, и там немедленно сбудутся все ваши мечты. Обещаю.

Клавдия кивнула.

Место, где сбываются мечты, усмехнулась про себя Сирень. Ага.

— А что взамен? — поинтересовался Дрюпин. — Что тебе от нас-то нужно?

Гость рассмеялся. Смеялся он так искренне и заливисто, что Сирень позавидовала — она вот так смеяться не умела. Так беззаботно. Наверное, чтобы так смеяться, нужно прожить необычную жизнь. Страшную.

— Повеселил, — гость утер слезы. — Нет, честное слово, повеселил. Что мне от вас надо?

Он посмотрел на каждого.

— Что мне от вас надо... В сущности, ничего. Вы мне ничего не можете предложить, у меня и так есть почти все. Так что...

Гость помотал головой.

— Так что ничего мне от вас не надо.

Бетон прибывал. Он залил комнату уже до дивана. Совсем немного осталось, подумала Сирень. То есть недолго.

— Знаете, мои казематные друзья, иногда хочется совершить что-нибудь доброе и бескорыстное... Что может хотеться человеку, у которого и так все есть?

Незнакомец поднялся со стула, сунул руку в правый карман комбинезона.

— Не здесь, — ухмыльнулся он. — С годами становишься забывчивым...

Он ухмыльнулся и послал Сирени бессовестный воздушный поцелуй. И тут же принялся копать в другом кармане, достал горсть чего-то сверкающего, и Сирень вдруг поняла, что это бриллианты. Крупные, наверное, размером с кедровый орех каждый. Незнакомец разжал ладонь, и бриллианты потекли вниз. Они падали на его наколенник, отскакивали, распрыгивались и увязали в бетоне, и это опять было красиво.

— Вот так примерно, — незнакомец стряхнул с ладони алмазы. — Вот так. Одним словом, я приглашаю вас в небольшое путешествие в счастье. Или вам нравится это место?

— Мне нет, — тут же ответил Дрюпин. — Очень не нравится. В этом месте есть что-то... нехорошее.

— Ты совершенно прав, мой верный Дрюпин, ты совершенно прав, — незнакомец отряхнул ладони. — Место паршивое. Просто очень паршивое. Я-то знаю.

Сирень заметила, как дрогнули у него губы, немного дрогнули, самую чуть.

— Это самое паршивое место в мире... Если ковырнуть поглубже здешние стены, то они потекут кровью. Анаконды-Анаконды — это далеко не самое страшное...

Он плюнул в бетон.

— О, мои новые друзья, здесь творились вещи гораздо более ужасные... Впрочем, воспоминаниям предадимся потом. А это место — конечно, самое поганое, — повторил он. — И самое великое. Но мне не жаль, что его больше не будет. Я, знаете ли, не сентиментален. Ностальгия — удел неудачников...

— А ты болтлив, — перебила Сирень.

— Это годы. Возраст. Совсем недавно я был совсем другим — бестрепетным и неудержимым, и верил в идеалы. Теперь я совсем другой. Я даже зубы чищу раз в три недели...

Бамц! Вышибло решетку вентиляции, бетон разбрызгался по комнате, незнакомцу попало на голову, стекло по лицу.

— Что за дрянь... — он поморщился. — Обычное ванхолловское скотство, не мог, собака, сделать вкусный бетон... Вообще, это зверское варварство, должен вам доложить, топить людей в невкусном бетоне. Мы будем топить во вкусном бетоне, клянусь Тутанхамоном.

Он был среднего роста, крепок и уверен в себе, еще уверенней Сирени, она почувствовала это. А еще ей отчаянно казалось, что она с ним где-то уже встречалась. То есть точно встречалась...

И вдруг она его узнала.

Тогда, на базе, ночной визит, у нее «теслы», у него меч. Они схватились, и он победил. Ах ты...

— Итак, мы уходим! — провозгласил он.

— Я остаюсь, — сказала Сирень.

Клык. Клавдия, Дрюпин, они с удивлением, незнакомец без особого.

— Я остаюсь, — повторила Сирень.

— Это...

Он задумался и шелкнул пальцами, как бы призывая вдохновение.

— Круто, — сказал Дрюпин. Незнакомец поморщился.

— Гуманитарные науки явно не твой конек, мой верный Дрюпин, — сказал он. — Впрочем, пусть будет круто. Круто так круто. Это круто. И не смею вас, мадемуазель, задерживать. Оставляем вас в обществе анаконд и супербетона. Впрочем, с анакондами ты, кажется, справилась.

И поднялся со стула.

Они смотрели на него с надеждой, Сирень успела это заметить.

А он достал платок и протер глаза, и тут же у него за спиной всколыхнулся воздух, завертелся, сделался непрозрачным и белым, и эта белизна стала расплываться в стороны, как вливаемое в воду молоко.

И снова стало холоднее. Откуда-то ворвался снег и закружился над нами.

— Вот это да, — сказал Клык.

— Портал... — прошептал Дрюпин. — Кротовая нора...

— Чертовщина какая, — пискляво сказала Клавдия. — Бесовское всё, чую же.

— Чертовщина не чертовщина, а попрошу поторапливаться, — незнакомец указал в свет. — Это долго не может продолжаться, я пока не в силе.

Они все смотрели на Сирень.

— Сирень, пойдем, а? — попросил Клык. — Пойдем! Тебе что, на самом деле памятником стать хочется? Мне не хочется вот...

— Пойдем, — попросил и Дрюпин. — Чего тут делать-то?

- Давай-ка не дури, — сказала Клавдия. — Понавыдумывала. А ну, пойдем!
- Ладно, — сказала Сирень. — Уходим. Уговорили.
- Ура! — крикнул Клык. — Ура!

Он тут же захромал в сторону белизны, как всегда скрипя костылями и присвистывая. Клавдия взялась его сопровождать, они приблизились к сияющему провалу в пространстве и сами начинали сиять, на плечах, на руках, на головах поселялись пляшущие короны из бешеного белого огня. Клык вытянул руку, волосы у Клавдии поднялись и засверкали молниями.

- Щекотно как! — крикнул Клык. — Щиплется!
- И они исчезли. Портал выплюнул снег и мелко крошенные сосульки.
- Сирень, ты идешь? — спросил Дрюпин.
- После тебя, — ответила Сирень. — А то ты еще за края зацепишься.
- Дрюпин поглядел на незнакомца. Тот кивнул.
- Я жду тебя там, — сказал Дрюпин. — Давай скорее. Смотри!
- Дрюпин погрозил кулаком.
- Тик-так, — сказал незнакомец. — Тик-так, тик-так.
- Дрюпин, — вздохнула Сирень. — Ты задерживаешь нас всех.
- Ладно...

Дрюпин неуверенно направился в сторону портала.

- Поспешай-поспешай, — велел гость.

Дрюпин хотел что-то сказать, но гость подошел к нему, схватил за шиворот и зашвырнул в холод. Дрюпин успел еще что-то крикнуть и исчез.

Гость повернулся к Сирени.

— Время не ждет, — напомнил он. — Надо уходить... Хотя я подозреваю, что у тебя есть собственное мнение по этому вопросу.

- Есть, — подтвердила Сирень. — Собственное.

Он покивал.

— Так я и думал, — сказал гость. — У всех всегда имеется собственное мнение, в конце концов это погубит нашу цивилизацию. Значит, ты решила остаться?

- Ага.

Сиренью овладело патологическое упрямство. Она не хотела с ним. Непонятно почему. Она знала, что ей с ним...

Не по пути. Совсем не по пути. Категорически. Пошел-ка он. Конечно, это глупо, она понимала. То есть очень глупо, самоубийственно.

- Я остаюсь, — подтвердила Сирень.

— Сильный выбор, — сказал незнакомец. — Весьма. Впрочем, неудивительно, сильный выбор — он у тебя в крови. В генах, так сказать.

Он коснулся пальцем лба.

— Я даже знаю, что ты будешь делать, — он смотрел на нее не мигая, пристально, от взгляда этого Сирени становилось страшно.

Очень страшно.

Но она его выдержала.

— Знаю, — он продолжал смотреть. — Ты будешь вести Дневник. Будешь записывать последние мысли. Что ж, это в Духе. Это... Это твой выбор.

- Ага. Это ты там был?

- Где?

- В комнате с картиной?

Гость кивнул.

- Конечно, — сказал он. — Я. Я был в комнате с картиной. Я был в сотнях комнат

с картинами, на сотнях улиц сотен городов, в пустынях без края и в подвалах с анакондами... Ну и так далее. Только это надо произносить с надлежащим пафосом...

— Чья эта комната?

Незнакомец помотал головой.

— Скажи, — попросила Сирень.

— Как-нибудь в другой раз. Привет-привет. Впрочем, мне пора, сударыня, пишите письма.

Он поклонился с грацией испанского гранда.

— Аста сиемпре, дорогая, кажется так? Одним словом, прощай навеки.

Он сделал шаг назад, помахал рукой и упал в белизну.

Сирень осталась одна. Села на стул и стала ждать.

Бетон прибывал. Не так медленно, как хотелось бы, но и не очень быстро. Бетон почти уже добрался до сиденья стула. Настроение у Сирени было плохое, просто ужасное, и она достала письма. Оставалось последнее, совсем небольшое, на одном листе, на пол-листа. Время оставалось, и она решила потратить его с пользой. Почитать. Чтение развивает мозг.

«Здравствуй, Пашика!

Если ты получишь это письмо; чихни при встрече в столовой. Чихни обязательно! Ты же умеешь!

Вчера я вспоминала сентябрь. Помнишь рябину? Красная, но кислая, а ты наврал, что умеешь варить пастилу. Рябиновая пастила, что может быть глупее? Но ты упорно врал, и достал сахар, сворованный в столовой, и кастрюлю, сворованную там же. Мы нарвали целое ведро рябины и стали варить ее на костре. Высыпали весь сахар, а еще можжевельные ягоды для вкуса. К вечеру пастила сварилась, но она оказалась совсем не такой. То есть несъедобной совсем, горькой. Ты пронес ее на базу и подкинул в компот, а потом смотрел; га/с все плевались.

А потом мы искали живую воду с помощью налива. Налим врал; но мы все равно откопали три родника; правда; вода в них была обычная; хотя и очень вкусная. Налим укусил тебя за палец, и ты хотел закинуть его на березу, а потом пожалел и выпустил в ручей. А налима не хотел плыть, и нам пришлось провожать его до реки: так что мы все очень сильно промокли.

Сентябрь был солнечный, помнишь?

Как искали мед, а нашли кедр. Я захотела попробовать орехи, и ты полез на дерево с ремнем. Ты влезал до середины и съезжал вниз, а потом опять карабкался, и так продолжалось долго, наверное, час. И ты все-таки забрался и стал швырять вниз шишки, целый мешок шишек, потом мы стали жарить орехи, а потом грызть их, я сломала зуб, а ты приклеил его обратно на кедровую смолу. Два дня продержался; не выпадал совсем...

Не про то надо, совсем не про то.

Слушай! Мне кажется, они готовят что-то страшное. Это не анаконды, это хуже, гораздо хуже. Я пыталась вывести у отца, но он молчит. Он поседел еще больше и похудел, а под глазами мешки. Я спросила его, когда можно будет выйти на поверхность, а он ответил, что, видимо, не скоро. Что на поверхности испортилась погода, пришел циклон, и туда совсем никак.

Он врет. Они готовят... Я не знаю что. Но будь осторожен! И не подавай виду. Встретимся за час до нашего обычного времени в нашем втором месте, там, где вода. Надо поговорить. Очень серьезно. Если понял меня и согласен — чихни. Ты же умеешь. Приходи. Я жду тебя.

Я буду всегда тебя ждать. Самая сильная лю»

Когда бетон поднялся выше колена, воздух снова натянулся, задрожал и лопнул. И снова стало светло и холодно, посыпался снег и кусочки льда.

И снова явился гость. И снова он вляпался в бетон. И снова принялся ругаться.

— Ну, разве нельзя не выделяться? — жалобно спросил он. — Разве нельзя послушать старшего и умного, а? Вот вы все полагаете, что вы что-то можете и что-то знаете, а я из-за этого вынужден все время в навозе по колено. Учю вас, дураков, учу... Как там тебя зовут? Сирень? Мне нравится. Ну что, Сирень, давай пойдем, а то скоро совсем влипнешь.

— Не пойду.

— Что так? То есть во имя чего? Что этим докажешь? Мне просто интересно, знаешь, с некоторых пор меня интересуют человеческие типы.

Сирень пожала плечами.

— Какая разница. Вот так и буду сидеть.

— Ну, давай сидеть.

Гость огляделся и, не найдя стульчика, сел на крышку.

— Люблю такие штуки, — сказал он. — Кто кого. Стоим до смерти. Почти всегда побеждаю, всего один раз меня убили.

— Сейчас будет второй, — заверила Сирень.

Они стали сидеть, глядя на бетон. Он прибывал, булькал и прибывал.

— Не будет. И ты сама это знаешь. Ведь знаешь, это читается в глазах. Мы не умрем сейчас, мы знаем это оба.

Сирень упрямо молчала.

Бетон прибывал.

— Ладно, — сказал он. — Ладно, сдаюсь. Только по причине того, что мой личный гном уже стар, и как-то мне неприлично заставлять его стирать штаны в таком объеме. А самому мне отстирывать штаны от бетона как-то не благородно. Так что, пожалуй, я сдаюсь. Потом, Заратустра велел нам совершать добрые поступки, это прокачивает карму.

Цемент начал растекаться и по потолку. Это было уже неприятно, потому что теперь цемент капал Сирени и на голову. К тому же он стал горячий. Действительно, невкусный. Что может быть лучше раскаленного невкусного цемента в подземном бункере? Ну, разве что напалмовый дождик.

— Ладно, — вздохнул он. — Что ты хочешь? — спросил он.

— Правду.

— Ну да, так я и думал. А если я тебе эту правду не скажу, ты тут так и застрянешь?

Сирень кивнула.

— Согласен, — он поднялся со своей крышки. — А ты уверена, что тебе нужна правда?

— Да.

— Погоди-погоди, не торопись. Правда — она опасна. Знаешь, правда бывает опасна до такой степени, что может выжечь глаза.

— Я потерплю.

— Как знаешь. Но мне кажется, лучше нам поговорить потом. Здесь становится неуютно, штаны опять же стирать неохота. Слушай, а может, ты мне штаны постираешь, а? В этом нет ничего обидного, сугубо практика...

Сирень промолчала.

— Ладно, не хочешь стирать штаны, можешь не стирать.

Ему на голову упала большая плюха бетона, гость ругнулся.

— Я думаю, нам все-таки пора, — сказал он. — Правду и все такое я расскажу тебе там, ты не против?

Сирень пожала плечами.

— Если не веришь, я могу дать тебе честное слово, — сказал он. — Честное благородское...

— Я даже имени твоего не знаю, какое там честное слово.

— Можешь звать меня...

Бетон уже полился. Изрядными струйками. И все ему на голову. Ну, и немного на Сирень.

Гость принялся ругаться, плевать и размахивать руками. Все это выглядело глупо и начало надоедать.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты меня обманешь...

— Понимаю-понимаю, это будет нечто ужасное. Приготовься, это не очень приятно.

Он вскочил на стул и как-то весь напрягся. И Сирень сразу почувствовала, как вокруг нее стали натягиваться невидимые струны. От пола к потолку, вдоль и поперек, и задрожал воздух, и по струнам побежало электричество. Прямо между нами заколыхалось белое марево, точка, похожая на звезду...

И вдруг все погасло.

Гость скрежетнул зубами. Из носа у него выплыл сгусток черной крови.

— Опа... — он взял его пальцами, растер, а потом размазал по спинке стула.

— И что? — спросила Сирень.

— Не всегда с первого раза получается, — ухмыльнулся он. — Сейчас сконцентрируюсь.

Он закрыл глаза и стал потирать виски.

Бетон лился. На голову тоже, и за шиворот, и в уши попало, и это было больно.

— Дурацкая ситуация, — сказал он. — Это из-за тебя. Надо было бежать, когда звали, теперь вот сидим тут дура-ки-дураками...

Сирень рассмеялась.

— Ничего смешного, — сказал гость. — Знаешь, это печальный финал. Погоди, попробую.

Он попробовал. Раз. И еще раз, и еще несколько раз, и с каждым разом получалось все хуже.

— Все, — сказал он. — Надо передохнуть...

Он бухнулся на стул.

Бетонный потоп не прекращался, стало гораздо темней, лампы были затянуты, стало серо и грязно, и Сирень заметила, что теперь гораздо сильнее чувствовалось, что они находятся под землей. То есть в земле. В огромной могиле, наполненной трупами, мертвыми воспоминаниями, скелетами, вмурованными в стены.

Сирень достала письма.

В этот раз у него задержалась щека.

— Тебе ведь нужны они? — спросила она. — Письма. Ты вернулся за ними? Ты знал, что это я их забрала, и не хотел, чтобы они пропали. И весь этот цирк... Мне кажется, ты дрянной актеришка, прикидываешься неловко, сразу видно, что туфта.

— Это точно, — он опять рассмеялся. — Прикидываюсь я так себе, а девчонку не проведешь, девчонки хитрые... Впрочем, некоторые пацаны тоже...

Он постучал себя по левому плечу.

— Значит, это правда, — сказала Сирень.

Он молчал. Могилы заполнялись бетоном. Интересно, откуда столько бетона? Его ведь надо смешивать с водой. Наверху река. Или озеро. Много воды. Озеро, конечно, озеро, в письмах же напрямую пишется.

— Приходи. Я жду тебя. Я буду всегда тебя ждать. Самая сильная лю.

Прочитала Сирень.

Щека у него дергалась уже беспрерывно, точно ему куда-то за ухо воткнули электрод, и теперь через него пропускали ток.

— Давненько-давненько, это да... — сказал он. — Миллион лет назад, на берегу безымянной реки, жили-были..

Сирень протянула ему письма. Он забрал, стал перебирать, разглядывать, шептал что-то, затем вытащил из кармана тонкую красную тесемку и аккуратно перевязал листы.

— Вообще-то я знаю их наизусть, — прошептал он. — Каждое. Я помню их, каждую букву, каждую черточку. Я помню мысли, которые были у меня, когда я их читал. И мысли, которые были у меня, когда я вспоминал, как их читал...

Он замолчал на минуту, а потом сказал:

— А сейчас у меня нет мыслей. Вообще ничего нет, пустота. Жить с пустотой — это очень сложно. Надо заполнять ее чем-то, ну, к примеру, ненавистью... К тому же...

Он посмотрел на нее, глаза у него были большие и черные.

— К тому же мне наплевать.

Сказал он четко.

Он швырнул письма в сторону. Ленточка лопнула, письма разлетелись и упали в бетон, и бетон их втянул.

Сирень ойкнула.

— Бумага, — сказал он. — Только и всего.

ОТТУДА, ГДЕ РАГНАРЕК

Это было холодно.

И это был совсем другой холод, не такой, какой бывает обычной зимой. Кожа покрылась хрустящей ледяной коркой, сквозь которую проходили острые иглы, при любой попытке согнуть руку или ногу суставы начинали старчески потрескивать. И глаза тоже, казалось, замерзли и не хотели моргать, Сирень попробовала, но веки не двигались.

А еще она почти не могла дышать. Стужа опалила легкие и горло, и ей показалось, что она покрылась льдом не только снаружи, но и изнутри, легкие выставились острыми иглами, и Сирень не могла дышать. Да этого, кажется, и не требовалось — если ты застрял в одном мгновении, воздуха хватит надолго.

Она думала, это будет падение. Случилось по-другому.

Что-то хлопнуло у нее над головой, грохнуло, точно со всех сторон в нее выстрелили резиновыми пулями, а потом содрали кожу и немедленно приклеили обратно. И стало еще холодней, тучи разошлись, и она увидела город. Сирень висела над ним, лежала на прозрачном пузыре и видела город в каждой его мелкой детали, в каждом фонаре, в каждом доме, в каждой скамейке, в каждом окне.

Пузырь лопнул, и Сирень полетела вниз, с каждой секундой набирая скорость, все быстрее и быстрее, чувствуя, как ветер вырывает жизнь и тепло.

Под ней была площадь, занесенная снегом. В центре стояла елка и из-под снега на ее ветвях проглядывали игрушки, а на макушке краснела звезда. Вокруг елки широким квадратом располагалась крепость, с воротами, с башнями на углах, с фигурой Деда Мороза и Снегурочки. Снежный городок. И исполинская горка рядом.

Разбросанные экскаваторы вокруг. Именно разбросанные, как игрушки, забытые ребенком. Город, целый город, утонувший в вечном холоде. Солнце, красное и маленькое, словно прибитое к небу. Телевизионная мачта, похожая на сосульку, растущую вверх. Сталагмит. Сталактит, Сирень не помнила, как называется. Хрустальные ледяные мосты, переброшенные через реку и через овраги, и между крышами домов. Арки, ажурные и легкие, покрытые снежными цветами. Дороги. Замки. Сады, состоявшие из замороженного северного сияния, и фонари, в которых желтело замерзшее пламя. Город лежал в петле реки, затянутой льдом сапфирового цвета, лед был настолько прозрачен, что в нем просматривались существа, похожие на осьминогов, но не осьминоги, гораздо страшней, и Сирень подумала, что хорошо, что есть лед, ограждающий мир от спящего ужаса.

Сирень падала. Снег приближался, приближался, и вот он стал везде и вокруг, и когда он стал вокруг окончательно, она вдруг замерла в метре ото льда и аккуратненько хлопнулась на него, успев выставить руки.

Ладони обожгло, Сирень тут же поднялась на ноги и задышала.

Рядом упал незнакомец. Он был покрыт инеем, впрочем, как и она. И как и она, незнакомец тут же вскочил на ноги. То есть не вскочил, а как бы оказался на ногах — вот только что лежал, и вдруг раз — и на ногах, быстро, быстро, неуловимо для глаз.

— Вот мы и дома. Прошло всего сто двадцать лет, вот мы и дома, шпингалет... Извини, Сирень, с годами становишься болтлив. Впрочем, это я уже говорил.

— Где мы? — спросила Сирень. — Что за место?

— Место-то? Место снов. Можешь так его называть, если хочешь. Правда, это мои сны, и они несколько опасны, и в них все время кое-кто лезет... Так что далеко лучше не отлучаться, в темноте, знаешь ли, водятся чудовища. Да, лучше не отлучаться. Кстати, тут вокруг еще белые медведи-людоеды, а пояс снега тянется на тысячу километров, а потом еще горы... Короче, белое безмолвие.

Сирень поежилась.

- Ты замерзла, конечно. Пойдем, я выдам тебе полушубок, валенки и буденовку.
- Буденовку?
- Это шутка. Я, знаешь ли, люблю дурачки пошутить. Положение обязывает.
- Я хочу узнать правду.

Твердо сказала Сирень.

- Правду? Да, конечно. А может, сначала полушубок?

Сирень кивнула.

- Вот и отлично.

Он достал из-за ворота искусно издырявленную трубочку и дунул. Сирень ничего не услышала, подумала, что так он собак призывает. Сейчас прибегут сюда хаски и маламуты, впряженные в сани. Но собаки не бежали, а меж тем становилось все холоднее и холоднее.

— Вот и отлично. Сейчас попьем горячего чайку — ив арсенал, — сказал незнакомец.

- В арсенал? — уточнила Сирень.

— Ага. Надо подобрать тебе что-нибудь веселенькое. Вообще, у нас много дел. Очень много.

- Починить снежный городок? — усмехнулась Сирень.

- Нет, городок у нас не к спеху. Есть пара граждан, надо с ними разобраться.

Незнакомец задумчиво повертел пальцем и снова дунул в трубку.

- Например? — поинтересовалась Сирень.

— Например, Ван Холл. Мне кажется, пришла пора с ним поговорить, этот мелкий гаденыш может помешать нашим великим планам.

Сирень промолчала.

- Ты, надеюсь, не против?

— Нет. А ты что, сам не можешь? С твоими-то талантами? Перенесись к нему в опочивальню с бомбой — вот и все.

— Не получится. Ван Холл хитер, он чувствует, что я иду за ним, чувствует. И последние полтора года он все время летает на самолете. И утром, и вечером, и ночью, он на землю почти совсем не опускается, даже дозаправляется в воздухе. Я его не могу застать! Впрочем, о делах потом, кажется, сейчас он прибудет...

- А кто там, в реке? — Сирень кивнула в сторону севера. — Подо льдом?

— А, дрянь разная. Это было здесь еще до меня. Я особо не занимался этим вопросом, но на первый взгляд это Тиамат.

- Тиамат? Это что, та самая?

— Не знаю, может быть... Знаешь, я ей за уши не заглядывал, может, она. Там много разного, левиафаны, бегемоты, еще какая погань, штук сорок, не пересчитать. Да ну их, кому они нужны. Знаешь, это, собственно, мелкая нечисть по сравнению с тем, кто сейчас явится...

Сирень хотела спросить, кто именно сейчас явится, и уже почти собралась, но было уже поздно, тот, кто должен был прибыть, прибыл. Ударил ветер, разогнал облака, и Сирень увидела, как над крышами домов пронеслась черная тень. Облака опять сошлись, но теперь они двигались, и чувствовалось, что там, за тучами, есть что-то живое и большое.

- Что это? — спросила Сирень. — Там...

Небеса разорвались, снег под ногами дрогнул и задрожал, а потом все стало тихо. Так тихо, что Сирень слышала, как звенят стекла в домах вокруг. Воздух замер, и вдруг возник дракон.

Не появился, не спустился, не упал, а просто возник. Вот только что его не было, крыши, засыпанные снегом, а вот теперь на крыше появился он. Сам высотой почти с пятиэтажный дом, с необычной, размытой мордой, с челюстями, с зубами, с крючьями на морде, с глазами... Сирень не могла уловить его глаза, они были спрятаны в глубине

остроугольных черных пластин, составлявших конструкцию черепа.

Крылья. Вокруг дракона плясали многочисленные вихри, дракон двинул крыльями, и вихри погасли, остался только снег, медленно вращающийся над головой.

— Это кто? — прошептала Сирень. — Это...

— Валькирия, — ответил незнакомец. — В просторечье действительно дракон, но это так... Валькирия.

— Валькирия, — стуча зубами, повторила Сирень, — это оттуда, где Рагнарёк?

— Ага.

— Откуда он... Этот... Эта...

Сирень забыла, как говорить. Да и не хотелось говорить, зачем говорить, если смотреть можно, холодно вот только.

Дракон собрал крылья и стал похож на ворону, на исполинскую ворону, усевшуюся на крышу пятиэтажки. Он повел плечами и сжал когти, и крыша под его когтями сломалась, дракон переступил вбок.

— Это... — повторила она. — Это ведь...

— Это мой младшенький, — сказал незнакомец. — Младшенький, но крупненький. Его зовут Тема.

— Тёма... — Сирень смотрела на существо. — Тёма, он ведь... Тёма...

Она не верила, никак не могла поверить, в это трудно поверить.

— Впечатляет, да? — с гордостью спросил незнакомец. — Меня самого впечатляет. Он получился гораздо лучше, чем я ожидал. Гораздо. Скорость реакции, мощь, и потом... Он ведь тоже попрыгун, да. Для того чтобы добраться в славный Асгард с грузами доблестных душ, одних крылышек мало, нужно что-то помощнее. Кстати, ты в курсе, что Вселенная состоит из льда?

Сирень не ответила, у нее застучали зубы. От холода, точно от холода, он пополз по спине, и Сирень кашлянула.

— О, — протянул незнакомец, — вселенский лед сделал свое дело. Потерпи секундочку, сейчас мы это исправим... Тьма, дама мерзнет! Пыхни разок!

Дракон расправил крылья, и они легли на крышу пятиэтажки, обняли ее и свесились вниз. Черное и белое. Дракон был черен, как уголь, на белом снегу это выглядело особенно. Сирени показалось даже, что с крыльев стекают черные кляксы.

— Пыхни! — крикнул он. — Пыхни, Тьма!

Дракон со свистом втянул в себя воздух, с ревом самолетной турбины, мощно, так что с окрестных домов посыпались сосульки и съехал снег, и вдруг дракон плюнул в воздух огнем. Бешеным огненным фонтаном.

Стало тепло почти сразу.

Огонь достал до низких туч, и они пролились водой, которая по пути испарилась и окружила Сирень прозрачным туманом. Огня было так много, что он не растворился весь, а падал вниз рваными кусками. От них загорелась елка, хвоя легко подцепила пламя, дерево вспыхнуло оранжевым.

— Ну вот, — поморщился незнакомец. — Елку спалили, а Рождество на носу, а так праздника хотелось... Впрочем, можно и новую добыть, этой уже сто лет в обед...

Елка горела.

Сирень чувствовала, как ей становится теплее. Она стояла посреди тающего снежного городка, смотрела, как тает Дед Мороз и плачет теплыми слезами Снегурочка, как трескаются серебряными искрами игрушки на елке, как от перепада температур лопаются стекла в соседних домах.

Как напротив нее сидит черный дракон. Валькирия, птица войны, исполненная ярости и боевого безумия, пьющая кровь павших воинов и уносящая их души в Валгаллу.

— Вот так и живем, — незнакомец поморщился. — Как-то так, весело.

Все-таки здорово похож на рыцаря, подумала Сирень. Только не на того, что раньше водились, а на современного. На бойца. На воина.

Дракон плюнул в воздух еще раз. В этот раз он свернул челюсти по-другому, и огонь ушел высоко в небо, проткнул низкие тучи и разогнал их в стороны. Сирень увидела звезды. Это было обычное небо, бледно-синее, чуть розовое от заходящего солнца. Небо со звездами. С яркими, холодными и остроугольными. Звезды не мерцали, они были точно вырезаны из фольги, низкие и ненастоящие. Дракон поглядел на звезды и скрежетнул зубами, звук получился неприятный. Сирень неожиданно подумала, что дракон грустит. Грустит же он по чему-нибудь, по звездам, по воле, наверняка и драконы тоже печалются.

Сирени тоже было печально. И странно. Хотелось читать стихи и вязать рукавицы.

— Слышишь? — спросил незнакомец. — Знаю, слышишь. Когда сюда попадаешь в первый раз, всегда слышно лучше.

— Что слышно?

Дракон пыхнул в третий раз, и снег под ногами начал таять.

— Хватит! — крикнул незнакомец. — Уже жарко, я весь вспотел.

— Что слышно-то? — не поняла Сирень.

Незнакомец снял очки, почесал переносицу и сказал:

— Что слышно, ты и сама скоро догадаешься. Не сегодня завтра. Не сегодня завтра...

Он дирижерски взмахнул рукой и продекламировал:

— Летала ль ты когда-то на драконе? Не отвечай, ответ известен, руку дай мне, и вступим на горячую броню!

Незнакомец с рыцарской галантностью протянул руку Сирени и свистнул, но не в свисток, а так, через зуб, по-простому.

Дракон пошевелился и вдруг оказался внизу и совсем рядом. Сирень с опаской отступила на шаг.

— Намечен путь, и ночь готова опустить вуаль, и огненная птица нас ждет! И мертвецы, и те, кто жив пока, зайдутся в ужасе, увидев наш полет.

Дракон опустил крыло, подвинув его к ногам Сирени, и она увидела, что крыло похоже на веер и представляет собой удобные ступеньки, и каждая чешуйка на коже блестит злым черным бриллиантом. Незнакомец запрыгнул на эти ступеньки и сделал приглашающий жест.

Сирень колебалась.

Дракон вдруг замер и точно окаменел, превратившись в чудовищный кусок антрацита, в фантазию безумного художника, в морок.

— Я хочу знать... — прошептала она. — Хочу...

— Ох уж мне эти девицы, — хмыкнул рыцарь. — Не хотят просто быть счастливыми, не хотят просто жить, им обязательно надо знать... Правда... У меня тридцать три варианта этой штуки, могу предложить всякую правду. На любой взыскательный вкус.

— Правда всегда одна, — возразила Сирень.

— Это все философия, которая, как известно, псевдонаука. Правда — она как вода, поверь, я-то знаю. А потом, правда — это всегда сугубо практическая вещь. Сейчас продемонстрирую.

Рыцарь скинул ранец, достал из него яблоко. Необычно зеленое, какое-то даже сияющее, в окружающей белизне, капля лета. Сочное, яркое, тяжелое. Сирень подумала, что яблок она не пробовала, наверное, лет сто. Может, больше. Нет, явно больше.

Рыцарь кинул ей яблоко, резко и прямо в лицо. Сирень не стала уклоняться, просто взяла яблоко на подлете к собственному носу.

Оно пахло! Оно пахло изумительным и далеким летом, сеном, деревом, сахаром,

цветами, солнцем и водой, горечью. Сирень не удержалась и впиалась зубами в яблоко.

Сок брызнул. Она вгрызлась в яблоко сильнее, почувствовала, как хрустнули под зубами семечки.

— Вкусно?

— Угу, — промычала Сирень, продолжая жевать. — Отлично...

Это на самом деле было отлично. Просто здорово. Фантастически. Сирень кусала, грызла, чавкала, впивалась зубами...

Зубами!

Сирень едва не поперхнулась.

Она дожевала остатки, затем, не удержавшись, проверила десны языком. На месте голых мягких ямок в деснах выросли зубы. Они не успели достигнуть своих прежних размеров, но они были. На своих местах, настоящие зубы, гладкие, ровные, живые. Они не могли вырасти заново, но они выросли. И стояли как ни в чем не бывало.

Сирень уронила яблоко, потрогала голову.

Волосы.

Не очень густые, но вполне нормальные, обычные ее волосы, на всякий случай Сирень дернула. Ничего. Волосы сидели крепко, не вырвался ни один.

И ногти перестали слоиться.

И...

Она совсем забыла. Колено. Нога. Там начиналась гангрена, а сейчас... Сейчас, кажется, все в порядке.

— И вообще ты выглядишь неплохо, — сказал рыцарь. — Кстати, это, собственно, правда и есть.

— Как это... Я что...

— Какие мы все-таки непонятливые, — помотал головой рыцарь. — Просто упорно непонятливые, все вам надо разжевать и в рот положить. Ну, молодежь бестолковая пошла, как с такой молодежью можно покорять пространство?

— Почему? — Сирень снова потрогала пальцем зуб.

Он был новый. Сидел плотно, не раскачивался, и вообще-

Черный дракон ожил, зашумел, начал втягивать воздух и стал похож на аэробус, приготовляющийся к прыжку в небо, он задвигался, умудряясь при этом оставаться неподвижным, воздух вокруг него заколыхался, и Сирень в очередной раз подумала, что дракон — мираж. Фата-моргана, оживший воздух, застывший свет утренних звезд, последний выдох небесного змея Кетцкоатля.

— Потому что он вспомнил о тебе! — крикнул воин. — Потому что с зубами, с волосами и на обеих ногах ты нравишься ему гораздо больше! Кстати, и мне тоже! Потому что пришло время нам встретиться!

Дракон стал горячим. Сирень увидела, как под его лапами потек снег, как сделалось тепло и хорошо.

— Не грусти! Нечего теперь грустить. Мы отправляемся в Великий Поход и вернемся с победой! Пусть враги трепещут и пускают от ужаса ветры! Тьма идет!

Дракон пошевелил хвостом, неосторожно зацепил фонарь, и тот упал, подняв вокруг себя снежный фонтан.

— Не бойся, о, Прекрасная, — незнакомец топнул по крылу ногой. — Пробил урочный час! Да грядет Тьма, Прекрасная, летим!